

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

ТОМ 2

АНВАР КУРАЕВ

Продолжение первой части цикла "Время перемен", в котором героев всё сильнее закручивает колесо судьбы.

Бывший Великий Поединщик Тром сталкивается с новыми порядками низинников, которые ему предстоит принять.

Александр, легат Древних, продолжает служить стране и плетёт интриги, последствия которых неизбежно коснутся и его самого.

Люк де Куберте успешно борется с дуэлями, но противники придумывают новые хитрые ходы.

Жерару де Сарвуазье вскоре предстоит возмужать не только телом, но и духом.

Глава 1: темнота

Кто-то заслонил свет от лампы, и в трюме стало совсем темно. Тром не повернулся, чтобы понять, кто это — на такое уходит слишком много сил.

— Пей, — раздался над ухом голос громилы, и перед Тромом возникла кружка.

Тром поднял голову и попытался опереться на локоть, но ничего не вышло: сначала голову, а потом и всё тело стала сотрясать мелкая дрожь и он откинулся обратно на дерюгу, свёрнутую трубкой у него под головой. Заболело отбитое ребро. Хотелось только лежать и глядеть в потолок.

— Давай ещё раз, — не отставал Марк.

Тром собрал волю в кулак и чуть приподнял голову. Марк тут же подпихнул свёрток, и теперь он полусидел. Закружилась голова.

— Нужно выпить всё, — верзила опять сунул кружку ему под нос.

Глотки давались с трудом — на третьем пришлось остановиться и сделать глубокий вдох, а ближе к концу он опять задрожал и почувствовал жар, но выпил всё, иначе громила не отстанет.

Марк сдвинул свёрток на старое место, подтянул покрывало выше и ушёл.

Тром продолжил смотреть в потолок — это всё, что он мог делать, когда не спал. Жар сменился ознобом, его затрясло уже от холода, а не от слабости, но скоро и это пройдёт. Судно скрипело, покачиваясь на волнах. Он считал скрипы в надежде заснуть. Этот потолок перед глазами — единственное, что он видел последние дни. Освещённый слева и постепенно темнеющий, как его жизнь. Сколько уже дней он не видит ничего, кроме этого потолка? Тром не знал. Изредка он слышал, как кто-то спускался в трюм. Ещё реже звуками наполнялось всё вокруг, когда команда спускалась с палубы, чтобы поспать.

Глаза закрылись сами собой, но сон не шёл. Вместо него пришли воспоминания. Некоторые — чёткие, как остро заточенный меч, некоторые — как размытые яркие пятна:

Вот они с Марком отбивают натиск болотников в Ущелье Грифов. У этих неудачников нет брони, но их полчища. Около насыпи уже лежат несколько десятков, а среди горных воинов лишь один раненый. Тром разрубает руку очередному болотнику, он падает, остальные бегут. Рядом улыбается Ежи. Его соломенные волосы все в крови. Он ещё не знает, что это только проверка — завтра болотники убьют почти всех. Но подмога успеет вовремя, и Трома с Марком сделают десятниками.

Картинка сменяется. Солнце светит меж двух вершин. Это очередной поединок. Соперник нервно переминается с ноги на ногу, ему не терпится начать. Тогда Тром не получил ни царапины. «Благословенный мечом», — скачут слова по толпе. Воспоминание согревает, как одеяло в родном доме. Хочется вернуться в то время, укутаться в него с головой. Но картинка исчезает.

«Держи щит пониже, — говорит наставник, — Ты должен видеть врага» Маленький Тром опускает щит ровно настолько, чтобы не закрывать обзор. Теперь он видит каждый удар. «Хорошо», — наставник кивает и уходит к следующей паре. Деревянный меч раз за разом опускается на щит, но удары того мальчика напротив уже слабее. Скоро Тром выбьёт из него дух...

Кухня в корчме. Изергиль склоняется над раной и что-то говорит Марку. Он пожимает плечами. Сейчас будет больно... Это воспоминание тянет за собой остальные, словно на

верёвке — дорога, Рудня, торговля, совет, телеги, полные золота, звон мечей у крепости, изуродованное ухо Марка, холодное и грязное море. Тром гонит их от себя прочь, цепляясь за те, старые, как за спасительную корягу, снова и снова...

Озноб сменяется жаром. Он вспоминает свою первую десятку, каждого своего воина, как они сражались, как он их учил. Он слышит звон мечей, всё чётче, всё ближе, и так проваливается в сон...

Холодно. Сыро. Тром открывает глаза. Его не трясёт, жара нет. Но рубаша и штаны пропотели насквозь. Даже одеяло мокрое. Он поворачивает голову влево. Пол, стены и потолок не пускаются в бешеный пляс, уже хорошо. Слева пустая кровать, точно такая же, как у него. В тусклом свете лампы он видит, как блоха перескакивает со складки на складку. Кажется, сквозь бред он слышал храп Марка как раз с этого места. Нужно забрать себе его одеяло, иначе околеть недолго. Тром тянет левую руку, но боль простреливает ребро. Невозможно. Что там справа? Такая же кровать... Он тянется правой рукой, это легче. Кое-как ему удаётся укрыться соседним одеялом поверх своего. Уже теплее. В тусклом свете лампы видны два ряда одеял на полу, да пару гамаков между ними. Доски скрипят, гамаки слегка покачиваются. Дальше, за лампой, лестница и дыра в потолке, через которую видно кусочек дневного неба.

Дыру заслонили. Мальчишка спустился по лестнице в несколько прыжков. Тот самый, что заметил их с Марком в море. Он подбежал к месту, что было по правую руку от Трома и устоялся на него:

— Эй, горец, ты зачем стащил моё одеяло?

— Холодно...

— Ладно, попользуйся пока. Вечером команда напердит тут как следует, станет теплее, тогда и отдашь.

Мальчишка порылся у себя под подушкой, что-то достал и кинулся наверх:

— Марк, твой друг проснулся! Кажется, он перестал бредить!

Громила ступал мягко, но доски всё равно жалобно скрипели под ним. Он присел на корточки рядом с Тромом:

— Очнулся, вождь?

Это показалось Трому насмешкой, он злобно устоялся на Марка:

— Сколько я тут валяюсь?

— Неделю. Тебя прошибла лихорадка после той драки с командой. Они думали, ты отбросишь копыта, но я сказал им, чтоб не торопились с этим.

— Нужно выбираться отсюда. Помоги мне сесть.

— Ты прав, — Марк усадил его, — Не то блохи загрызут тебя в этом проклятом трюме.

— Я про этот корабль. Нам нужно возвращаться к себе.

— Для начала поднимись на палубу, а там будет видно.

Тром не стал спорить. Он думал, как лучше подняться на ноги. Ребро по-прежнему болело, но эта боль хотя бы уже не кружила голову. Ещё болела правая нога. Так, будто внутрь запихнули камень. Он попробовал слегка согнуть её — ногу прострелило. Мелкие ссадины и синяки по всему телу уже подзажили. Неприятно, но не смертельно.

— Сам не встану, — сказал он громиле.

Он поднялся с помощью Марка, то и дело дёргаясь от простреливающей боли. Но стоя всё было не так плохо. Тром обнаружил, что даже может опираться на больную ногу, если полностью выпрямить её. Больше всего мороки было с лестницей. Он терпел и карабкался, а

Марк подталкивал снизу и не давал свалиться обратно. Эту маленькую битву им удалось выиграть. Светило яркое осеннее солнце, уже не очень-то согревая. Тром сделал глубокий вдох свежего воздуха. Это было приятно, но всё испортила боль в ребре. Закружилась голова. Он упёрся рукой в мачту и глядел в пол, пока всё не перестало вертеться. Тром знал — после многих дней, проведённых лёжа, такое случается. Наконец, он поднял голову и осмотрелся. Почти все матросы отдыхали, то и дело поглядывая на Трома исподлобья, с опаской. Никто не заговаривал с ним, никто не приветствовал. Было ясно одно — ему не рады.

«Смотри, очухался. Я думал, помрёт», — сказал один моряк другому. «Ещё не вечер», — злобно ответил второй.

Мимо прошёл капитан. На вождя он даже не глянул. Тром чувствовал взгляды остальной команды — жёсткие, холодные, настороженные. Как полтора десятка клинков, направленных в твою сторону. Все продолжали глазеть на него, а Марк, как нарочно, ушёл, перегнулся через борт и смотрел в воду, что оставалась позади корабля.

«Интересно, чего он там увидел?»

Ещё никогда великий поединщик не чувствовал такого одиночества. В битвах всегда есть плечо товарища рядом. В поединках часть толпы всегда на твоей стороне. Иногда большая часть. В городах, в деревнях, на дорогах — везде тебя приветствуют, если ты воин. Если есть нашивка Великой сотни — приветствуют вдвойне. А уж вождя и подавно.

А на этом проклятом корабле, того и гляди, воткнут кинжал в спину... И молчат все, как в рот воды набрали. Тром чувствовал — специально изводят его, гады.

— Пора тащить! — сиплым голосом сказал моряк, который стоял рядом с Марком и время от времени поглядывал в воду.

Люди засуетились. Громила и ещё трое схватили канат, перекинутый через колесо на верёвке и потянули. Очень скоро над бортом показалась сеть, полная бьющейся рыбы и морских гадов, извивающихся в попытке выбраться из этой кучи.

Двое матросов подбежали и потянули сеть на себя. Когда она оказалась над палубой, Марк и остальные стали потихоньку отпускать канат. Сеть положили на доски и развязали. Куча рассыпалась по всей палубе. Один из матросов похлопал громилу по плечу: «С тобой гораздо проще».

Сгорбленный человек, похожий на хорька, тот самый, с ожогом на руке, что бил Трома факелом, стоял, опершись на борт, и ухмылялся, глядя то на вождя, то на рыбу. Тром был сыт по горло этим молчанием, но никто явно не собирался прерывать его. Тогда он сам подхромал к хорьку и заговорил:

— Эй, бедолага, почему это Марк помогает вам?

Сгорбленный медленно растянул одну сторону рта в улыбке, обнажив желтоватые зубы:

— Бедолага здесь только ты, варвар...

Тром насупился.

— Ну, чего смотришь? — продолжил матрос, — Это ты хромаешь и вздрагиваешь при каждом движении, а только что и вообще с мачтой обнимался, чтоб не грохнуть. Дак и кто здесь бедолага?

Вождь сдвинул брови ещё сильнее:

— Я поправлюсь, тогда и поговорим...

— Будешь так зыркать на меня, вовсе не поправишься, понял? Мы уже поучили тебя однажды. Видно, мало...

— А ну уймись оба, — твёрдо сказал вновь оказавшийся рядом капитан, — Эй, Марк,

тут твой калека опять буянит! А ну разберись с ним!

— Я не калека. Нога скоро пройдёт, и остальное тоже, — прорычат Тром.

— Ума нет, считай, калека, — капитан отошёл и стал смотреть, как матросы глушат и собирают рыбу.

Тром поплёлся было за ним, но Марк остановил его за пару шагов:

— Чего ты опять начинаешь?

— Ты прекрасно знаешь. Эту работу не пристало выполнять воину Великой сотни. Она для холуёв. И, если ты сам не можешь навести тут порядок, то придётся мне.

К ним повернулся капитан:

— У меня на корабле работают все. Здесь нет холуёв, понятно? Хотите есть — приносите пользу. И, кстати, все, что ты съел до этого, тоже нужно бы отработать...

«Топором бы по тебе отработать, вошь недоделанная»

— Капитан, камни впереди! Берите правее! — крикнул мальчишка откуда-то сверху.

Тром задрал голову и увидел паренька сидящим высоко на мачте в некоем подобии гнезда.

«Высоко как... И не страшно ему?»

Но мальчишка сидел спокойно.

Хозяин корабля прошёл на нос.

Тром повернулся к Марку:

— И давно ты сделался холуём низинников?

— Это не наша земля, вождь, и правила здесь другие. И нужно их соблюдать, иначе домой не вернуться. Тебе тоже придётся смириться.

— Как это поможет нам вернуться домой?

— Для начала, нас не выкинут за борт. Я говорил с капитаном, он не собирается плыть обратно, но мы можем отыскать другой корабль, или добраться по суше. Нужно только найти тех, кто согласится нас провести.

Тром огляделся вокруг:

— Что-то я не вижу тут других кораблей. И суши тоже, задери ты медведь.

От поворотов голова закружилась, да и проклятая качка не давала стоять спокойно. Верзила заметил это:

— Давай-ка держись за мачту, ты ещё слаб.

Когда Тром прислонился к столбу, Марк взял ведро на верёвке, перекинул его за борт, зачерпнул воды и вылил туда, где ещё недавно валялась рыба.

— Через два месяца мы будем в городе. Нужно искать корабль там.

— Два месяца... — Тром безнадежно опустил взор.

— У нас нет выбора. Да и тебе нужно залечить раны. Какой толк от калеки на войне?

— Но что станет с горной страной за это время? Может статься, и возвращаться некуда будет.

— Это мы узнаем, только когда вернёмся. Скоро зима, врагам придётся тяжело. Может статься, успеем вовремя. Спускайся в трюм. Хватит с тебя для первого раза.

Громила помог ему спуститься вниз, и ушёл, бросив напоследок:

— Нам нужно раздобыть тёплую одежду. С каждым днём наверху всё холоднее.

Как будто мало Тром головной боли и без этого!

Он пытался уснуть. Сон — лучший помощник, если нужно лечиться. Но мысли в голове перебивали одна другую, пока к нему не спустился мальчишка и не сел на своё место.

— Капитан разрешил немного отдохнуть, — сказал он, будто Тром его спрашивал о чём-то, — Я видел, как ты дрался. Здорово. Ты чуть пол команды не уложил, пока тебя не свалили! Хотел бы и я так же... Вот подрасту, научусь...

Парень мечтательно поднял глаза вверх.

— Если хочешь когда — нибудь так же, нужно учиться уже сейчас, — ответил Тром, подивившись, что низинники не знают таких простых вещей.

— Кто меня будет учить? У нас тут рубак нету. Да и деревня моя мирная была.

— Попроси Марка. Скажи, я сказал.

Мальчишка просиял и хотел было убежать, но остановился и сказал:

— Начинай работать, как только сможешь. Капитан не очень — то любит нахлебников.

— Кто такие нахлебники? — Тром не помнил, чтобы в горах кто-то так говорил.

— Те, кто не работает.

— У нас в горах работали только холуи да охотники. Воин учится биться, стоит на посту, воюет, или укрепляет насыпь. Повседневная работа — позор для воина.

— На корабле воевать не с кем, и у нас позор — это безделие, а любой труд капитан старается вознаградить. Он вообще справедливый малый, наш капитан.

Мальчишка убежал, а Тром ещё долго ворочал ленивыми мыслями, пока его снова не пробрал жар, и он не провалился в душный, тягучий сон без сновидений.

Шли дни. Боль постепенно уходила, раны рассасывались. Прогулки Трома по палубе становились всё длиннее, а взгляды команды — всё ненавистнее. «Мог бы и поработать немного», «Небось, нравится чужим трудом кормиться», «И зачем капитан его выловил», — то и дело слышалось тихое безликое ворчание. «Что вы там шепчетесь по углам, как крысы?» — в сердцах порывался спросить Тром. Но всякий раз останавливался. Чувствовал: избыют. Да и обещание капитана не забылось. Марк всё больше пропадал на палубе, а Тром лишний раз не показывался — сидел внизу, в полутьме, или спал. До чего же ему надоела эта полутёмная комната! Но снаружи было ещё хуже — все эти взгляды исподлобья и многозначительное молчание. Хорошо ещё, никто не грубил в открытую, иначе бы Тром не сдержался. Он стал притворяться спящим, когда команда приходила вечерами, и ненавидел себя за это. Однажды, когда Марк принёс ему скудный обед из жареной рыбы и стакана воды, Тром спросил:

— Как ты всё-таки думаешь возвращаться?

— Нам нужен порт, куда заходит много кораблей, и побольше денег. Кто-нибудь наверняка согласится отвезти нас обратно за достойную плату, так сказал капитан.

— Казна далеко...

— Забудь про казну, Тром. Здесь деньги платят всем, не только воинам. За вылов рыбы, за уборку палубы, за всякую тяжёлую работу. Даже мальчишке, Свену, платят за то, что он сидит наверху и смотрит по сторонам. Они ничего не делают без денег. Если мы не заплатим, никто нас не повезёт. Значит, нужно раздобыть их таким способом.

— Вот как? Ты тоже хочешь, чтобы я работал?

— Угу. Одному мне не сдюжить. И лучше начинай побыстрее.

Следующим утром Тром вышел наружу раньше обычного. Остальные уже сновали по палубе туда-сюда. Сегодня он твёрдо решил начать что-то делать. Если другого пути нет, нужно идти этим. Но сейчас он стоял и не знал, за что взяться. Все вокруг занимались какой-то непонятной ерундой. Один вертел в руках ведро, другой пытался развязать узел на канате, двое осматривали снасти. Марк и ещё несколько человек столпились на корме — Тром лишь

недавно узнал, что это корма — и глядели за борт. Туда, где в воду была опущена сеть. Поединщик, всё ещё хромая, подошёл к ним.

— Давайте проверим нашу удачу на сегодня, — сказал один из моряков.

Марк ухватился за канат и приготовился тянуть. Тром сделал то же самое, чем удивил моряков. Один из них даже зашептал что-то одобрителное.

— Тащи! — скомандовал сиплый голос.

Тром принялся тянуть вместе с остальными. Очень скоро по палубе разлетелась рыба, бьющаяся тут и там. Ребро заболело от напряжения, но не сильно.

— Теперь нужно убрать лишнее, — тихо сказал ему Марк, — Иди за мной, я покажу.

Верзила ткнул пальцем в одну из рыб:

— Вот этих, с шипами у хвоста, обратно в воду. И остерегайся шипов. Этих, — он ткнул пальцем в большого краба, — Тоже. И ещё угрей. Вот таких, с красной точкой у рта, собирай в ведро.

Марк стал быстро хватать рыб и одних он выкидывал в море, других бросал в ведро. Тем же занимались ещё двое из команды.

Тром схватил одну рыбину с шипами: противная, скользкая, так и норовит уколоть. Он сдавил покрепче, и рыба почти перестала дёргаться. Он уже собирался выбросить её за борт, когда один из моряков сказал другому:

— Смотри, как держит. Она лопнет щас и обрызгает тут всё. Полегче, горец.

Второй моряк рассмеялся.

Тром избавился от рыбы. Она оставила неприятную слизь на руке, хотелось чем-то её оттереть, отмыть, но поединщик видел, что остальные не обращают на это внимания, и продолжил. У него получалось медленнее всех. Он уже и не помнил, когда в последний раз занимался чем-то новым, незнакомым.

Когда всех рыб убрали, они по очереди сполоснули руки в ведре с водой, и Марк тут же выплеснул это ведро на пол. Затем он принялся зачерпывать воду, опуская ведро на верёвке за борт. Тром повторял за ним. Остальные сгребали остатки рыб вместе с водой к бортам и выковыривали их оттуда, отправляя в море.

Великий поединщик только сейчас заметил, что капитан внимательно наблюдает за ними. Когда они закончили, капитан подошёл и сказал:

— Молодец. Сегодня ты отработал свой обед. Вижу, ребро уже в порядке, да и хромаешь не так сильно. Что-ж, подумаю, чем тебя занять...

Тон его не был оскорбительным, но Тром сильно разозлился, и не мудрено. Его, вождя, которого многие считали лучшим поединщиком гор, какой-то хлюпик, у которого за душой и нет ничего, кроме дряхлого корыта, заставляет работать. Да ещё и думает, чем занять, будто он холуй какой... Так и хотелось прихлопнуть этого доходягу. Но пришлось подавить в себе злость: если уж бить, то бить в правильный момент.

Капитан убрался в свою каюту, а к Тромму подошёл Марк.

— Я отработал свой обед... — понуро прошептал вождь.

— Не беда. Мы все начинали с малого, — верзила хлопнул его по плечу и ушёл к носу корабля.

Так, день за днём, Тром привыкал к работе. С каждым разом получалось всё лучше, и команда уже не глядела волками. К телу возвращалась былая гибкость. Но, всё одно, матросы разговаривали с Марком, с Троммом же предпочитали отмалчиваться.

В один из дней верзила подошёл к нему с сияющей улыбкой на лице. В одной руке он

держал два ножика, а в другой — три доски:

— Ты хотел, чтобы я научил мальчика драться, вождь? Для этого нам нужны деревянные мечи. Вот, я выпросил у капитана ножи и доски. Давай настрогаем себе и мальчишке.

«Проклятье, капитан доверяет моему сотнику больше, чем мне»

Несмотря на досаду, Тром молча взял один из ножей и стал стругать деревяшку. Ему до смерти надоело это молчание вокруг. Как нарочно, Марк тоже не искал беседы, всё больше узнавая что-то у команды. Только мальчишка то и дело спрашивал, когда Марк начнёт его учить. А Тром всё забывал спросить у Марка, почему тот бездействует. Вождь мог бы и сам этим заняться, но ещё прихрамывал, поэтому предпочитал отдыхать каждую свободную минуту.

Выстругивание учебного меча так поглотило его, что он не заметил подошедшего Свена. Парень, не отрываясь, глазел на меч, когда Тром наконец увидел его. Он закончил меч для себя и отложил в сторону. Подозвал мальчишку. Взял доску, приложил к его ладони, потом сравнил с ростом паренька, сделал отметины на доске ножом и удовлетворённо кивнул.

Свен всё не отходил.

— Иди, лезь на свою мачту, дай закончить спокойно.

Свен кивнул и бегом помчался к ней, выдавая нетерпение.

Вождь невольно улыбнулся. Впервые после той драки с командой.

Но в этот день им не удалось поупражняться. Налетел сильный ветер, поднялись волны, корабль закачало — только и гляди, как бы не свалиться, или не треснуться головой о что-нибудь. Стало темнее, небо будто рассердилось на них, как сердится строгий десятник на шkodливых подростков, ещё не получивших настоящие мечи, а уже строящих из себя невесть что.

Капитан отдал приказ вовремя — команда споро и сноровисто стала сворачивать паруса, деловито переругиваясь между собой. Ещё пару минут он наблюдал за разбушевавшейся стихией, но, поняв, что успокаиваться она не собирается, прокричал:

— Хватит тут стоять! Все в трюм, кроме рулевого, не то повалитесь за борт. Кто доставать вас будет?

Один за одним люди исчезали в люке. Трому было страшно. Внутри он весь сжимался, когда корабль подскакивал на очередном гребне и ухал вниз. Но на лице его была лишь спокойная сосредоточенность: никому нельзя показывать свой страх, разве что хочешь кого-то обмануть. Вождь давным-давно выучил это правило.

На очередном гребне корабль тряхнуло ещё сильнее. Он подпрыгнул вверх и сильно накренился на правый борт, почти лёг на бок. Тром крепко держался за снасти возле мачты, когда глянул вниз и увидел под собой бездну.

В следующий миг откуда-то сбоку раздался еле слышный крик мальчика. Тром не понял, что произошло. Он лишь увидел, как Свен пролетает мимо него. Или мальчишка упадёт в воду, или разобьётся о борт, если корабль успеет встать прямо. В последний момент Тром выбросил правую руку и схватил паренька за ногу. Он еле дотянулся. Пришлось зацепиться ещё и ногами — одна левая рука не выдержит такого веса.

Корабль начал выпрямляться. Резко, стремительно. Тром видел, что парня сейчас шибанёт о палубу. Он рванул ногу паренька вверх, что есть силы, и маленькая голова на дюйм разминулась с досками. Свен ударился вождю о бедро, но не сильно, и сразу вцепился в ногу обеими руками. Он висел на Тrome вниз головой, и, наверное, со стороны это могло выглядеть забавно, если бы не бушующие волны вокруг. Тром ослабил хватку: хоть Свен и

весил не больше барана, сил едва хватило, с такой мощью корабль выбросил мальчика.

— Нужно пробираться в трюм, — громко и спокойно сказал горец, — Цепляйся за канат и держись крепче, когда мы взмываем вверх.

Мальчишку мотыляло, как осенний лист на ветру, их уже не раз обдало водой. Дрожа от страха и холода, они кое-как добрались до люка.

— Это разве шторм? Рулевой правит без капитана, значит, всё не так плохо. Но люк лучше закрыть, — приветствовал их матрос с клеймом на руке, — Видел, как ты поймал Свена. Неплохая работа, вождь.

Качаясь туда-сюда, они спустились в трюм. Все остальные стояли у бортов и держались за канат, продетый в кольца на уровне груди.

Тром со Свеном заняли свои места у борта. Мальчик, еле живой от страха, посмотрел снизу вверх на вождя. Паника, благодарность и недоумение смешались в его взгляде. Он будто ждал чего-то от вождя. Тром многозначительно покивал в ответ, и парень улыбнулся.

— Што там случилась-та, наверху? — прошамкал один из мужиков. Тот, которого Тром свалил ударом в первый день на корабле. Тром не знал, он ли выбил бедолаге зубы, или это случилось раньше.

Клеймённый принялся рассказывать, как всё было, а остальные слушали его. Когда он закончил, ненадолго повисло молчание. Потом один из матросов повернулся к поединщику:

— Так ты был вождём у себя в горах?

— Если я туда вернусь, стану им снова, — ответил Тром.

— Поэтому ты тогда взбесился, да? Непросто тебе, небось, привыкать к нашим порядкам.

— Что есть, то есть.

— А товарищ твой, он кто-ж? Неужто тоже вождь?

— Нет, он сотник.

— Это как же, сотней человек командует?

— Один из ста самых искусных воинов Великой Сотни.

— Вот как? Вождя у вас как? Выбирают, али как у нас, по наследству?

— Ни то, ни то. Чтобы стать вождём, сначала нужно попасть в сотню лучших. Никакого наследства у нас нет.

— И вождь, он главный в стране?

— Их пятеро, вождей.

— Интересно как... А вот Марк, тоже из Великой Сотни. Чего-ж он тогда не вождь?

— Это звание добывают в поединке.

— Он вон какой здоровый, неужто не может?

— Я в поединках лучше. Многие считали меня первым среди всех.

— Вот энта да... Слышь, команда, эт мы, получается, лучшему поединщику тумакон надавали!

Моряки загоготали. Когда смех прекратился, Тром ответил:

— Будь у меня меч, ничего бы у вас не вышло.

— Так и хорошо, что не было его у тебя.

Все смолкли, воцарилось молчание, пока матрос с клеймом не сказал Тром:

— Ну, чего волком смотришь? Прирезал бы ты команду, а как кораблём управлять? Сдох бы от голода, и вся недолга. К тому ж, и мы не железом тебя лупили. Смекаешь?

— С железом, может статья, вы бы меня и одолели. Одному против толпы трудно, —

нехотя признал вождь.

— Да хватит вам, одолели, не одолели, — влез Марк, — живые все, да и ладно.

— А ведь верно говорит!

— Точно!

— И Свен, вон, живой.

— И вождь в горы вернётся. Вернётся, вернётся, точно вам говорю.

— И шторм, кажись, поутих.

Болтало уже не так сильно. Тром почувствовал, как напряжение отпускает его. Прошло немного времени, и люк распахнули снаружи.

— Хватит там сидеть! Вылезайте на свет, вонючие корабельные крысы! — прокричал капитан.

И люди, один за другим, стали взбираться по лестнице.

Капитан приказал поднять паруса. Моряки по трое натягивали два толстенных каната. В одной тройке тянул Марк, и парус перекосило — он раскрылся сильнее со стороны Марка. Вторая тройка кряхтела от натуги, но парус застрял.

— Вождь, подсоби...

Тром потянул со всеми и парус раскрылся. Один из моряков благодарно похлопал его по плечу.

Небо светлело. Корабль набрал хороший ход и почти не качался от волн. Оба горца сели на ступеньку, ведущую к задней палубе, где стоял руль.

— Доброе дело там, доброе дело здесь, и ты с ними подружишься, — пробормотал громила.

— Я так давно не пытался ни с кем подружиться, что уже забыл, как это делается.

— Ничего ты не забыл. Тебе просто мешает твоя гордость, вот и всё.

— Моя гордость — то небольшое, что у меня осталось после прошлой жизни.

— Никто не заставляет тебя с ней расставаться. Просто нужно решить, чем гордиться, а чем нет.

— Как это?

— Очень просто. Всякий раз, когда ты делаешь что-нибудь, а не сидишь сложа руки — это повод для гордости.

— Чего? Дела холуёв, чем тут гордиться?

— Тем, что каждое такое дело приближает нас к Родине. Любой вождь уже давно взбунтовался бы, и отправился за борт. Или перебил бы всю команду и сдох в одиночестве на этой посудине. Но ты не пасуешь перед новым. Гордись этим.

— Ты всегда был хитёр, Марк. Но и я не полный дурень. Это ты всё устроил именно так. Мне гордиться нечем.

Марк усмехнулся:

— Гордись тем, что раскусил меня. И помни главное: мы не принесём пользу Горной стране, если умрём.

К ним подошёл капитан. Он нёс в руках несколько шкур и один из ножей, что давеча давал им для резьбы по дереву.

— Сделайте себе из них что-нибудь. У меня нет такой большой одежды, а скоро станет совсем холодно. Мы плывём в северные княжества, — он бросил шкуры к их ногам и протянул нож вождю, — Хорошая работа, Тром.

Первый раз капитан назвал его по имени. Горец не ожидал.

— Я про то, как ты поймал мальчишку, — пояснил моряк. Похоже, Тром таки выдал удивление.

До заката он провёл время на палубе. Иногда помогал, чем мог, но всё больше бездельничал. Он чувствовал, как изменилось отношение команды. Исчезло ощущение, что на тебя смотрит тысяча мечей, нервозность ушла, и впервые за много дней вождь расслабился.

Завтра непременно следовало подняться пораньше. Пришло время занятий с мечом, он уже достаточно поправился, а нога пройдёт быстрее, если побольше шевелиться.

Утром, пока все спали, он тихо скрипнул люком и выбрался на свежий воздух. Они с Марком ещё не сделали себе одежду из шкур, и в одной рубахе было прохладно. Солнце только-только вышло из-за горизонта, и половина красного диска отражалась в спокойной глади моря.

Снасти, доски, мачта — всё окрасилось красноватым оттенком. Красиво, хоть и не так, как в Горной стране.

Тром достал деревянный меч из бочки с факелами, куда Марк успел спрятать его до шторма. Рулевой поприветствовал его взмахом руки и продолжил вглядываться в даль. Вождь нашёл свободное место на палубе и принялся размахивать мечом.

— Чего не позвал? — голова Марка торчала из люка.

Тром пожал плечами в ответ, а верзила вылез, прикрыл крышку и поспешил за мечом. Как видно, он тоже соскучился по утренним тренировкам. Просыпающиеся моряки глазели на них, и не могли оторваться до тех пор, пока капитан не разогнал их работать.

— Солнце уже высоко, пора вытягивать сеть, — обратился он к горцам, когда Марк отстучал очередную связку и отскочил назад от контратаки Трома. Тром повторил то же самое и отскочил.

— Нам не долго, — пропыхтел Марк.

— Заканчивайте и подходите к сетям.

Они отработали все приёмы в полную скорость и, запыхавшиеся, подошли на корму. Всё повторилось вновь — сети, сбор рыбы, мытьё палубы.

— Ты обещал, что будешь меня учить, а сам не позвал, — обиженно сказал Свен, натирая палубу рядом.

— Сейчас разберёмся с этим и начнём, — Тром плеснул воды на палубу и начал спускать ведро обратно за борт. Он собирался сдержать обещание, но после уборки капитан отправил Свена на мачту, и они начали упражняться только после обеда. Как и прошлый раз, команда следила за ними во все глаза. Мальчишка быстро схватывал. Тром показал ему основные движения и сказал повторить по сто раз, то и дело поправляя и объясняя что-то. Нужно было ещё разобраться со шкурами, и очень скоро Тром сказал, что для первого раза хватит.

— Почему ты не учился раньше? — спросил поединщик, когда Свен убрал мечи в бочку, — В команде наверняка есть кто-то, кто умеет драться.

— Калерб с Олафом точно умеют, — кивнул паренёк, — Видал, какое у Олафа клеймо на руке? Команда судачит, дескать, он в Серой банде промышлял. А он знай себе молчит. Я просил их. Уметь-то они умеют, да только не умеют научить.

Так мальчик всё больше привязывался к Трому. Он уже видел в его взгляде то же уважение, что и у молодых воинов. И команда привыкла к горцам. Оказалось, что оба, и Тром, и Марк, могут неплохо вязать узлы. Верзила сказал, это похоже на одевание брони, и

вождь согласился с ним.

Они узнавали всё больше о корабле и о других странах, чаще всего — про то, какая жалкая у них посуда в сравнении с фрегатами военных армад, да про то, в каком порту какие шлюхи, шулера и выпивка. Поединщик с удивлением заметил, что эти матросы не сильно отличаются от его воинов, если не смотреть на умение драться. Так же любят пошутить, не любят ничего заумного, помогают друг другу, словно его воины в бою или в учениях. Им нравились его шутки про баб, истории про великие битвы, или знаменитых поединщиков прошлого. Нравились и рассказы Марка. Верзила часто устраивался на ступеньке у задней палубы и в свободную минуту рассказывал матросам, как всё устроено у них в горной стране. Кого-то это удивляло, кого-то восхищало, некоторые жалели, что не родились там. Таким очень нравилось, что любой воин может войти в Великую сотню, нужно лишь научиться сражаться.

Во время одного такого сборища Тром и разговорился с капитаном: горец и так знал наперечёт все рассказы Марка, а капитан всегда держался поодаль от команды.

— Как ты понимаешь, куда плыть? Вода вокруг совсем одинаковая.

— Ночью, по звёздам и картам, я прокладываю путь. Это сложная наука, которой учатся не один день.

— Я бы хотел этому научиться.

— Заплати, и я выучу тебя.

— Если заплатить тебе, на что тогда нанять корабль? Разве тех денег, что ты даёшь нам за труд, хватит и на то, и на другое?

Капитан негромко рассмеялся:

— Ты наивный, вождь. Монет, что вы уже здесь заработали, не хватит ни на то, ни на другое. Чтоб нанять корабль на неделю, даже самый худой, матросу нужно работать года два, и ни гроша не тратить.

— Два года? — вождь почувствовал, что его нагло обманули. Он инстинктивно потянулся к мечу, но на поясе было пусто, — Что?! И ты молчал всё это время?! Проклятый плут...

— Ты совсем не знаешь мир... Мне и в голову не приходило вас обманывать. Я мог просто не вытаскивать тебя из моря.

— Тогда почему ты платишь нам так мало? Ты же знаешь, что нам нужно будет обратно, как только мы приплывём в порт.

— Знаю. Но если я буду платить вам много, откуда я возьму деньги для остальных? Им тоже нужно что-то есть на суше, что-то покупать. Не просто же так они трудятся?

— Добери разницу из казны...

— Какой казны? Тром, это у себя, в Горной стране, ты мог взять столько, сколько тебе надо. Но мне заплатили ровно столько, на сколько мы договорились с тем, кто отправил нас в плавание. Мне неоткуда взять ещё денег. Разве что подвернётся халтурка по пути. Но заранее знать нельзя. Впрочем, если что-то и подвернётся, по справедливости разделим на всех.

— Понятно, — Тром строго посмотрел на капитана, — Нам достанется чуть больше, но этого опять не хватит.

— Схватываешь на лету, вождь. И не надо так глядеть на меня. Не я придумал этот мир. Одно скажу тебе наверняка — даже если достанешь много денег, попасть обратно всё равно будет непросто. Нужно ещё найти тех, кто согласится плыть в земли, охваченные войной.

Это как тигру в пасть голову совать.

— Раздери меня медведь! Скажи тогда, что делать? Как попасть обратно? Как собрать денег? Как найти того, кто согласится?

С каждым новым вопросом Трома всё больше охватывало отчаяние, похожее на то, что накатило после драки с командой.

— Откуда мне знать, вождь? Я обычный капитан. Вам нужно где-то раздобыть кучу денег, нанять, а лучше — купить корабль, найти команду. Понятия не имею, где и как вы всё это сделаете, но других путей я не вижу... Поверь мне, моей вины в этом нет.

Горец чувствовал — этот человек говорит правду. Похоже, предстояло разобраться в том, как живут низинники, чтобы попасть обратно. Это значит, времени понадобится гораздо больше. Во что превратится его страна, пока он будет добираться туда? Её могут захватить или сжечь дотла. Наплевать, если даже так, он будет бить захватчиков из лесов, пока не перебьёт всех, или пока его самого не отправят к предкам. Место отчаяния быстро занимала злость, пока кроме злости совсем ничего не осталось. Он отошёл прочь от капитана, чтобы не было соблазна раздавить его голову, как гнилой орех, и попытался направить ярость в нужное русло, как не раз делал в бою. Он знал — ярость может служить топливом, если ты её контролируешь, или объять тебя всего, словно пламя, и тогда ты совершишь ошибку.

Сейчас ему нужно было топливо. Если подумать, топливо нужно всем и всегда, чего не скажешь об ошибках. Но ярость чёрной тучей угнездилась внутри Трома, и лишь давила изнутри, не желая никуда уходить, не давая ни капли топлива.

Он посмотрел на Марка. Проклятый верзила рассказывал про их битву с бедуинами, не подозревая о том, что все их усилия ничтожны, что прыжок в море, это плавание на дырявой посудине, работа, подходящая холуям — всё бесполезно. Мир низинников жил по каким-то своим правилам, где сильный не мог заставить слабого делать, что нужно, где всё решали слабые капитаны и их деньги, а денег этих было так мало, что уж обязательно не хватит. Вождь махнул рукой на всех этих бедолаг и ушёл в трюм. Там он перебирал в голове вновь и вновь всё то, что сказал ему капитан. И злился всё сильнее и сильнее. Даже вечно дружелюбный Свен не подходил к нему. Видно, Тром аж почернел от злости, раз мальчишка не приближался. Он так и уснул в одиночестве. Но сторониться команды нельзя было вечно и, засыпая, он думал, как же теперь глядеть в эти лица и не поубивать никого со злости.

Глава 2: перемена мест

Тром пихнул громилу в бок:

— Идём.

Когда они вылезли наружу, едва начинало светать. Последние несколько дней вождь почти не разговаривал с командой. Он делал всю работу, и никто особенно не обращал на него внимания. Обучением Свена занялся Марк. Злость никуда не делась — наоборот, казалось, она забродила внутри и стала ещё крепче.

Они молча работали по воздуху, и Тром нарушил тишину, лишь когда начались парные упражнения:

— Левый крест, — скомандовал он, и рубанул слева и справа, наискосок, быстро и сильно. Марк правильно защитился, и деревяшка дважды стукнула о такую же деревяшку, а Тром отскочил назад, легко и стремительно. Нога перестала болеть совсем два или три дня тому назад.

Он заблокировал такую же атаку от Марка и провёл ответную в темп, без паузы.

Марк опять успел, но вопросительно взглянул:

— В чём дело, вождь?

— Ты знаешь, что денег, которые нам платят, не хватит, чтобы нанять корабль даже на неделю?

— Вот как?

— Бей давай.

Марк ударил. Тром заблокировал и яростно ударил в ответ.

— Да что такое? — недоумевал верзила.

— И больше он нам платить не будет, — Тром отбил атаку, нанёс в свою очередь два удара и продолжил третьим, без предупреждения.

Марк еле успел отскочить:

— Да что с тобой?

— Бесполезная работа, этот дурацкий корабль, который плывёт не в ту сторону, глупые низинники, не уважающие право сильного — это всё ты виноват! Не нужно было прыгать.

— Ну уж нет, Тром...

Вождь не дал ему ответить, четырежды ударив. Об этой связке не договаривались, но Марк успешно защитился и настороженно встал, готовый к новым атакам:

— Как ты мне надоел!

— Что? — взревел Тром и обрушил два стремительных удара.

Но Марк был готов и даже провёл ответный, чуть не угодив Тром в плечо:

— Ты как большой ребёнок, вечно ноешь, вместо того, чтобы сделать что-нибудь.

— Ах ты, — опять налетел на него Тром.

Укол в грудь с переводом в голову Марк прочитал, отскочил от низкого захлёста по ногам после финта и опять контратаковал обычным рубящим справа, и опять чуть не попал.

Трома это лишь больше разозлило:

— Всё бесполезно, всё из-за тебя!

— Я только спас твою шкуру, больше ничего. Кто шёл ко дну, когда замёрз, там, в море?

— Рррааа! — вскричал вождь, и его удары вновь посыпались на верзилу. Укол, который Марк отбил, сразу быстрый росчерк параллельно земле по груди и бедру, но и тут громила

успел отойти назад, затем удар сверху и пинок ногой в живот. Прошло. Сотник сделал два шага назад, но больше никакого эффекта.

— Мы ничего здесь не добьёмся, — заорал Тром, — Всё зря!

— Так предложи что-нибудь, ты же вождь!

— Вот сейчас, только отлуплю тебя как следует.

— И что это решит, дурень бородатый?

Но Тром не ответил, а вместо этого ударил, отбивая меч Марка в сторону и метя вторым ударом по запястью. Промахнулся, увернулся от быстрого ответного укола и закружил вокруг противника. Марк начал поджимать, обрезать углы, угрожать и финтить вытянутым мечом. Тром хотел с силой отбить меч в сторону, но меч громилы нырнул вниз. Вождь промахнулся, а Марк чуть не уколол его в грудь. Только невероятная скорость Трома позволила увернуться и отскочить назад. Но Марк наступал, не давая ни пространства, ни времени перевести дух. Меч в его руке был то здесь, то там, словно змея. Он постоянно делал обманные движения, надоедая Трому мельтешением и провоцируя на атаки. И после этих атак он давил ещё сильнее. Вскоре Тром почувствовал, что дышать стало тяжелее. Он отступал и снова накатывал на Марка, как волна на берег. «Тюк, тюк», — то и дело клацали мечи. Тром кружил вокруг, атаковал, искал бреши в защите. Но лишь раз ему удалось достать Марка наверху в лоб. Он хотел добавить локтем в челюсть, но громила вовремя вцепился в его руку и, если бы Тром не отскочил назад, то получил бы деревянным мечом по ляжке.

А здоровенный горец совсем не сбился с темпа. Он привязался к Трому, как банный лист, гоня его по палубе и не давая времени ни на что.

Принимать удары на меч становилось всё тяжелее. Очередной блок, и рука Трома опустилась слишком низко. Верзила схватил свободной рукой руку Трома с мечом. Тром сделал то же самое. Несколько вдохов они боролись, пока Марк не оттолкнул его. Вождь потерял равновесие и приник к полу, но всё же убрал голову от удара меча. Неожиданно получил ногой по плечу, упал на одно колено, следующий удар тупым деревянным лезвием припечатал его левое ухо, а потом меч верзилы крутанулся и ударил с другой стороны, прямо по щеке. Сильно, точно и быстро. Последнее, что видел Тром перед тем, как погрузиться в темноту, были приближающиеся доски палубы. После этого — темнота и посверкивающие в ней искорки. Он не спешил открывать глаза. Вообще не хотел их открывать. Сейчас очнёшься, и это будет совсем другой мир. Мир, в котором он проиграл, но не умер. Где ему не хватило ума понять, что Марк лучше в бою и не хватило смелости умереть, сражаясь до конца. Плевать на деревянные мечи, получается именно так. То, за что он совсем недавно унижал калеку в избе боли, настигло его самого. Проклятые деревянные мечи. Может, он всё-таки умрёт от этого удара?

— Неужто убил? — сказал один из моряков.

«Слышу, — расстроился Тром, — Значит, живу. Придётся вставать».

Он открыл глаза и увидел несколько пар ботинок, посмотрел выше, на моряков, которые уставились на него во все глаза. Во время драки Тром совсем не замечал их. Он сел. Голова болела, но всё вокруг не ходило ходуном. Верзила стоял напротив и спокойным, ничего не выражающим взглядом смотрел на поединщика.

«Ну почему ты не убил меня?» — хотел было крикнуть он верзиле.

Так всё было бы гораздо проще. Но нет, видно, придётся испить эту чашу до конца.

«И поделом мне, раз не смог распознать в своём сотнике лучшего бойца».

Тром давно догадывался, что Марк лучше своего восьмидесят седьмого места в Великой

сотне, но что настолько лучше... Никаких оправданий. Если кто и должен видеть истинное мастерство бойца, то это вождь. Значит, плохой он вождь. Жаль, что не убили, так было бы не только проще, но и честнее.

«Хватит ныть! — мысленно осадил он себя, — Встань и сделай то, что должно».

Тром поднялся, подошёл к Марку, опустился на одно колено и громко произнёс:

— Признаю твоё право лучшего бойца. Когда мы вернёмся, займёшь моё место среди вождей, а я вызову на поединок любого другого. Повелевай, вождь.

Марк смотрел на него усталым взглядом, остальные молчали и ждали. Потом новый вождь, наконец, кивнул:

— Положи мечи на место и поучи сегодня мальчишку. И слушай капитана.

Тром исполнил то, что было сказано.

— От оно как... — послышался удивлённый голос моряка за спиной.

И с этих пор Тром всё больше слушал. Думать, решать что-то уже не надо. Он выполнял работу, какую скажут, не пытаясь возразить, или разузнать что-то. Вождь сказал, значит, делаем так. Только с мальчишкой приходилось открывать рот, иначе не объяснить ошибки.

В тот день Свен всё время отвлекался. Взгляд его притягивался к щеке Трома, как на верёвке. В конце концов воин не выдержал:

— Ну чего ты?

— Болит? — осторожно спросил Свен.

— Болит. Так оно и должно болеть.

— Уж очень жутко глядеть на тебя, вождь.

— Я больше не вождь, теперь вождь Марк.

— Знаю. Вся команда только об этом и судачит. Я просто по привычке сказал.

— Чего говорят?

— Что Марку сподручнее вождём быть, — парень опустил глаза в пол, — Он умный.

— Значит, меч рассудил верно.

Мальчик так и не поднимал головы.

— Посмотри на меня, — строго сказал Тром, — И нечего отворачиваться, понял? Ты в этом не виноват. Никогда не отворачивайся, если не виноват. Ясно?

— Угу. Мне просто жаль тебя. И синяк у тебя страшный.

— Что меня жалеть? — горько усмехнулся Тром, — Мне стоило лучше сражаться, только и всего. А я собственного сотника распознать не смог.

— Ты здорово сражался.

— Хватит. Я проиграл.

— Всё равно! Марк победил, но, кроме вас двоих, я больше нигде не видел таких воинов. Ты был только чуточку хуже, правда-правда! Может, ты ещё не выздоровел до конца...

— Ерунда, я здоров. Громила просто размазал меня по полу, вот и всё.

Свен вдруг замолчал.

— Ну, чего? — опять спросил Тром.

— ...он не обидится?

Тром непонимающе смотрел на мальчика.

— Ну, на громилу, — пояснил Свен.

— ... Раньше не обижался. Да только теперь он вождь, кто его знает? Посмотрим. Вот что, хватит разговоров. Покажи мне правый крест и обратную защиту.

Малец быстро схватывал. Они занимались любую свободную минуту. Марк запретил занятия в парах, и, когда Тром упражнялся один, горечь поражения бурлила внутри него, не находя выхода наружу. Лишь когда он занимался с мальчишкой, все лишения последних дней немного тускнели, и Трому казалось, что он ещё чего-то стоит — уже многому научил Свена, а ещё учить и учить.

Новый вождь не искал разговора, всё больше уделяя времени команде. Тром хотел поговорить с единственным соплеменником, молчание уже было ему в тягость, но не знал, как начать и про что разговаривать. Раньше всё было просто — Тром был вождь, а теперь всё наоборот.

И перед командой ему было стыдно за своё поражение.

В один хороший, светлый день, когда Тром показывал Свену, как важно правильно действовать запястьем в ударах, Олаф долго смотрел на них, а потом решил заговорить:

— Конечно вы, горцы, отлично дерётесь. Но всё это бой, когда ты видишь врага. Против незаметного удара исподтишка вы так же беспомощны, как любой другой.

— И что же? Кто-ж будет так делать? Разве юродьивый какой?

— Скажи ещё, у вас так никогда не делают, — Олаф ещё больше сгорбился и почесал ожог на руке.

— Конечно не делают, потому как у нас за такое голову отрубают. Только врага, зашедшего на наши земли, можно так убивать. Своего, пусть даже и холуя какого, ни в жисть. А, коли даже решил казнить холуя, так казни открыто, да чтоб все про вину его знали. Неужто у низинников можно резать своих, как свиней, не показывая стали?

— Нельзя.

— Ну вот!

— Это так говорят, что нельзя. Взаправду выходит, если незаметно обстрипать всё, и дела никому не будет. Разве что графа какого укокошишь...

— Глупые низинники! Как вы вообще живёте?

— Ты не об этом думай, а о шкуре своей. Пацанёнка спас, за это благодарен, вот, хочу, чтобы ты знал, не всегда вы с дружкой своим мечами отобьётесь...

— Так это наука была?

— Она самая.

— Марку почему не поведал?

— Не Марк Свена за ногу поймал перед самой пучиной. Кто там у вас вождь — мне начхать. Так что обращайся, пока я добрый.

Олаф утопал на нос корабля, то и дело озираясь по сторонам.

— Станный он какой-то, — рассеянно проговорил Тром.

— А то! В Серой Банде понятия свои. Говорят, там на всё свой уклад, навроде вашего, горского, только наоборот всё.

— У тебя, значит, тож по другому всё?

— Ну конечно.

— Не разберёшь вас, низинников тупых, — Тром от досады плюнул за борт.

— Тром, а у тебя в горах дети есть?

— На понял...

— Сын, или дочка, или, может, все сразу.

— Дети у баб бывают. Или у вас, низинников, и тут всё наоборот?

— Рожают бабы, но, ведь, и папа должен быть. Воспитывать, там, учить чему-нибудь

— Какой ещё папа? Нет у нас никаких пап. Пока мелкие, их бабы воспитывают, а, как подрастут — воины. Вот и всё.

— И ни у кого нет своего папы?

— Нет.

— Жаль. Я бы хотел, чтобы у меня был папа вроде тебя.

— Лучше вроде Марка. Он же вождь.

— Марк, он тоже хороший, но лучше, чтоб вроде тебя.

— Хватит дурить мне голову, проклятые чужестранцы! Один исподтишка колет, второй пап каких-то придумал. Чем вам воины не угодили, дурень? Нормально, вон, всех воспитывают.

— Это не то. Папа у каждого свой должен быть, один, единственный.

— Так, хватит. Ну-ка, все кресты мне повтори, а потом все защиты. Мы драться учимся, или чего?

Они продолжили. Тром был особенно строг, но потом, когда отправил Свена на вышку, подошёл к Олафу, который о чём-то тихо судачил с Марком, и спросил:

— Кто такие папы?

— Вы, горцы, и этого не знаете? Тяжело вам придётся, как до земли доплывём...

— Ты обещал разговор.

— Чугунный ты, Тром, что котелок у нашего повара, — Олаф с Марком хохотнули, — Да не дуйся ты. Папа — тот, от кого баба понесла. Надеюсь, как баба понести может, не надо разьяснять?

— О, я так и знал! Насчёт того, что он один воспитывает и учит всему — враньё!

— Ну, почему же? Кто-то и воспитывает, и учит, пока не вырастут.

— Да? Интересно, как оно, — вмешался Марк.

— Тут я тебе не отвечу. У самого ни отца, ни матери. В серых переулках нас, детей, младенцами ещё, нищие с собой таскали. Так на милостыню легче горожан разжалобить. И уж дальше кто как рос.

— Что нас ждёт на суше? — спросил Тром.

— Смотря куда пойдёте. Места все разные, и люди тоже. Куда капитан плывёт — там портовый город. Если есть, что продать, или деньги, чтоб купить, можно там подзаработать. Куда после плывём — не знаю. Но уж точно не к горцам. У вас сейчас шторма начнутся, дураков нет плавать туда, так что придётся вам пешком топтать. На лошадей жалованья матроса не хватит.

— Долго ли пешком?

— Я что-ль пробовал?

— Нужно доплыть куда-нибудь и осмотреться на месте, поспрашивать, — думал вслух Марк, — Тогда будет видно. Чего сейчас гадать?

— Добро, вождь, посмотримся, — кивнул Тром.

Горцы в самодельной одежде из шкур походили на двух медведей, непонятно как оказавшихся на корабле с людьми. Особенно это бросалось в глаза, когда они приставали к берегу и заходили в лес пополнить запасы воды. Одежда получилась дряная — неудобная, кое-где продувалась, топорщилась, когда шевелишься. Но без неё они бы давно замёрзли, а другой на корабле не было.

Мимо прошёл капитан. Он смотрел в пол и никого не замечал, погружённый в свои мысли.

— Капитан, всё в порядке? — окликнул его Олаф.

— Да, да, нормально всё, — ответил он, не поднимая головы.

— Тихий он какой-то стал в последнее время, — прошептал моряк горцам, — Ходит, думает о чём-то. Не нравится мне это, ещё беду накличет...

Матрос оказался прав. Шторм налетел неожиданно. Вся команда, кроме капитана и рулевого, мигом оказалась в трюме, только Тром ждал, пока Свен спустится из своего гнезда на мачте. В этот раз ловить его не пришлось. Парень уже скрылся в люке, когда корабль сильно трянуло. Поединщик удержался за снасти и хотел было забраться следом, но услышал, как его зовёт капитан:

— Трооооом! Сюда, быстрее!

Корабль качнуло снова. Лицо обдало брызгами, и горец начал пробираться к капитану. Его шатало из стороны в сторону, приходилось ждать подходящего момента, если на пути было свободное место, где не за что ухватиться, проскакивать его, и, держась, идти дальше. «Быстрее», — то и дело кричал капитан. В конце концов, весь вымокший, Тром добрался до руля.

— Помогай, — велел капитан. Горец вцепился в руль и навалился на него, давя в ту же сторону, что и остальные.

Капитан держался молодцом, а рулевой скрючился и просто висел на поворотной балке. Тром присмотрелся: сломана рука и бедро подвёрнуто внутрь. Так вот зачем капитан его позвал?

— Обвяжись.

Трому подали петлю, и он сделал, что просили.

— Нужно держаться носом на волну! Помогай!

Втроем они навалились на руль. Капитан командовал то «влево», то «вправо». Пока им удавалось вовремя поворачивать. Очередная волна подбросила их, вынесла на самый гребень. Корабль наклонился и ухнул вниз. Тром увидел следующую волну, ещё больше первой. Волны были огромны, корабль по сравнению с ними — просто соломинка. Горцу было страшно смотреть, как они оказываются внизу, меж двух волн. Казалось, корабль сейчас поглотит вода, но их обдало брызгами, на палубу плеснуло, а потом корму корабля задрало вверх, и он начал взбираться на эту волну всё выше и выше...

— Тяни влево! — заорал капитан, когда корабль достиг пика и начал снижаться.

Он потянул, рулевая балка с трудом пошла левее, а корабль медленно начал поворачивать вправо. Слева на них накатывала волна поменьше. Они не успели развернуться к ней кормой и корабль пошел наискосок, отчего начал качаться туда-сюда.

— Ровно держи! — опять надрывал глотку капитан.

Кряхтя, они выровняли руль. Из-за качки Тром не мог понять, как они встретят очередную волну — кормой, или опять наискосок, но за пару мгновений до столкновения корабль перестал ходить ходуном и встретил волну ровно, опять обдав палубу водой.

— Да, да, вот так! — радовался капитан, — Хорошо, очень хорошо! Тяни вправо! — они потянули, — Ставь ровно! — поставили.

Подпрыгнули на следующей волне, и капитан спохватился чуть позже, чем нужно:

— Влево, влево тяни. Давай горец, якорь мне в задницу!

Тром видел: им не успеть.

— Ничего, — прорычал рулевой, — Эта не повалит.

Волна пришлась наполовину в борт, корабль закачался...

— Вправо.

Они давили изо всех сил. Рулевой старался, но видно было, что он еле держится.

— Теперь ровно. Мы победим эту бурю!

Море вокруг пенилось и шипело. Все они вымокли до нитки. Ещё пару раз они встречали волну бортом, а однажды чуть не ушли целиком под воду. Тром натерпелся страху, но тут капитан треснул его по плечу:

— Молодец, горец! Мы всё ещё живы! Давай, не зевай!

Они развернулись к следующей волне. Один изодранный парус болтался на мачте, остальные были задраены. Горец собрался и внимательно слушал команды. Страх остался, но он уже не давлел над Тромом. И тут он почувствовал, как буря их отпустила. Волны пока ещё были большими, но не такими опасными.

— Прошли, — устало выдохнул капитан.

Они рулили и резали волну ещё недолго. Море всё успокаивалось. Вместе с ним успокаивался и Тром. И чувствовал, как его охватывает холод.

Капитан заметил, что горец ёжится:

— Ничего, сейчас согреемся. Помоги ему, — он указал на раненого.

Горец хотел было взвалить здоровую руку рулевого себе на плечо, но тут люк в трюм распахнулся, и оттуда полезли матросы. Внезапно Свен растолкал толпу, подбежал и вцепился в Трома обеими руками. Он не говорил ни слова, просто держал. Его макушка едва доставала поединщику до груди. Тром просто стоял, разведя руки в стороны и чуть сгорбившись. Он чувствовал... что-то. Не мог понять, что. Одновременно радость победы, смущение под общими взорами и какое-то ещё чувство, которое он не мог понять. Оно одновременно делало его сильным и слабым.

— Эй, ты чего? — он слегка пихнул мальчишку в плечо.

— Я думал, тебя смыло за борт, — всхлипнул Свен.

— Но не смыло же.

— Вот я и радуюсь, — он шмыгнул носом и утёр слёзы рукой.

— Ты плачешь.

— Ерунда, сейчас пройдёт.

«Ты не ранен, баба боли не зашивает тебя, тебя не жгут огнём, так чего хныкать, подобно глупой девке?» — вот что должен был ответить горец. Но почему-то не хотелось говорить всего этого пареньку. «А, и пусть его, пусть плачет. Вон, команде всё равно, чего я буду тут?»

Наконец, Свен разжал руки.

— Горцу сегодня положена двойная пайка! — прокричал капитан, — Это он нас вытащил.

— Эт точно, — прохрипел рулевой, которого уже подхватили двое.

И все сразу стали такие добрые, приветливые. Моряки обнимали друг друга, подходили к Трому и благодарно хлопали его по плечу, трепали мальчишку за волосы.

— Спасибо, что спас наши шкуры, горец, — сказал Олаф с благодарностью, держа поединщика за плечо.

— В прошлый раз вы так не радовались, — припомнил он.

— То была ерунда, не страшно. Опасно, если по палубе гулять. Сегодня же сама бездна играла с нами, как кошка с мышью. Не знаю, как остальные, но я чуть не намочил штаны.

— Тебе повезло, — усмехнулся горец, — Я намочил не только штаны.

Олаф и ещё несколько моряков посмеялись над этой неуклюжей шуткой. Это было похоже на время перед битвой, или после неё, когда суровые горные вояки готовились сдержать чей-то натиск. Каждый гадал, кто сегодня умрёт, специально распалял свою ярость и свирепость, ждал рокового момента, когда всё начнётся. Нервы у всех натягивались, как канат, который вот-вот лопнет. Тогда на помощь приходили шутки — вот такие грубые, простые, но неизменно помогающие не сойти с ума.

— Иди на кухню, герой штормов, там тепло, снимешь свои шкуры и погреешься.

— А, ведь и правда, Олаф, — подхватил один из моряков, — В прошлую бурю Свена спас, в эту рулевому с капитаном на помощь пришёл. Точно, герой штормов...

«Да, ага, точно», — вторила вся команда.

— Я всегда был Тром Быстрый...

— Тром, Герой Штормов! — весело прокричал Свен и вскинул обе руки вверх.

— Мне нравится, — пробасил громила.

Тром и не заметил, когда Марк оказался рядом.

— Иди, грейся, у тебя, вон, жилы сейчас полопаются, напыжился весь.

— Как скажешь, вождь.

На кухне уже растопили печь. Стало теплее, но до настоящего жара было ещё далеко.

— Заходи, — приветствовал его повар, — Скидывай свои шкуры и прочее, складывай вон там, слева от печи, да не вздумай вешать на трубу, а то был тут один у меня...

Тром разделся полностью и удивился, насколько исхудал. Потом моряки приволокли рулевого и стали аккуратно снимать с него одежду. Рука его была сломана в предплечье, но таких изломов Тром повидал достаточно: наложат доску, привяжут, и всё заживёт. С бедром было гораздо хуже: сустав, где нога соединяется с тазом, ушёл чуть внутрь, ближе к другой ноге, а сам таз зиял страшной вмятиной. Неглубокой, но как её можно выпрямить обратно, горец вообще не понимал.

— Больно? — спросил он у моряка.

Тот отрицательно помотал головой.

Тром понял — придёт тепло, потом рулевого начнут лечить, тут то следом пожалует боль.

Пришёл капитан и тоже начал раздеваться. Он приволок с собой большую глиняную бутылку.

— Выпей сам и помоги ему, — протянул он бутылку Тром.

— Может, и мне глоток-другой, а, капитан? — подал голос повар.

— Занимайся своим делом, это пойло для особых случаев.

Горец сделал глоток. Горло обожгло огнём, но потом этот огонь разлился по всему телу. Они согревались, всё действие отдалённо напоминало баню. Тром сделал ещё глоток и присел около искалеченного.

— Влей ему побольше, — просил капитан.

Моряк сделал пару глотков и зашипел, а потом присосался к бутылке надолго. Похоже, хотел таким способом приглушить будущую боль.

— Кто будет рулить, пока срастаются мои кости? — просипел рулевой, резко выдыхая после выпитого.

— Раз всё так сложилось, хочу научить Трома, — ответил капитан, — Что скажешь, горец?

— Не очень-то мне охота торчать на палубе в каждую бурю...

— Как и любому из нас. Но больше никто из команды на рулевого не годен — кость не та. Разве что Марк.

— Правильно, научи лучше его.

— Научу, но сначала тебя. А лучше ты сам его научишь. Ты дважды показал, чего стоишь в бурю: не терял головы и уже знаешь, каково это — справляться с волнами. Иди, поспи, я разбужу тебя, когда мы закончим тут. Одежду оставь, пусть просохнет.

Тром кивнул на прощание рулевому. Перекорёженный моряк твёрдо встретил его взгляд — по всему виду, уже настроился на нелёгкое дело впереди.

— И кликни мне Олафа, да пару ребят покрепче.

Горец вышел на палубу, сделал, что сказано, и, спасаясь от холода, юркнул в трюм. Он ещё не растерял тепло, нагретое кухней и поспешил укрыться тремя одеялами — Свена, Марка и своим. Сморило его быстро. Казалось, он слышал крики рулевого сквозь шум волн и скрип досок, но так и не смог понять, снятся они ему, или бедный моряк надрывается взаправду.

...

Плавать в спокойном море было легко. Тром быстро научился держать направление. Днём их часто меняли моряки пожиже, но ночью неизменно правили по очереди Тром с капитаном. Сейчас море почти не волновалось, и горец лишь изредка подруливал, большую часть времени наблюдая, как моряки возятся со снастями. Последний шторм потрепал их, и люди почти не отдыхали, приводя паруса, канаты, мачты и прочие в порядок. Он то и дело видел, как мальчишка выглядывает из своего гнезда и смотрит, что творится внизу, или машет ему рукой...

С мальчишкой, вообще, получалось странно. Раньше дети не сильно интересовали поединщика. Он всегда стремился вырасти побыстрее, а, после того, как вырос — улучшить мастерство. Взобраться повыше, подсмотреть новый приём у опытных воинов, увидеть ошибку. Каким боком тут дети? Но на корабле Свен был первым, кто начал общаться с Тромом. И, хоть Свен и был ещё мальчишкой, горец всё же радовался и этому. После двух штормов команда относилась к вождю, пусть и бывшему, гораздо лучше. Но, казалось, от этого мальчишка лишь сильнее привязался к нему.

Ещё был Марк... Тром никак не мог понять, как себя вести. Раньше всё было просто — они друзья, один из которых идёт к вершине, и идёт успешно. Оба понимали и принимали это. Теперь же всё стало наоборот. Как вести себя? Как с другом, или как с вождём? Может, как с противником? Но он ведь уже победил... Это не давало покоя. Как назло, Марк сам почти не говорил с ним. Только приказывал. В приказах этих не было надменности, чванливости, или неуважения, чего Тром не мог сказать о своих приказах в бытность свою вождём. И от этого приказы Марка задевали его ещё сильнее, ведь Тром так не мог. И ему всё было невдомёк, почему громила не попытался стать вождём раньше? Он порывался спросить, но всякий раз останавливался, боясь, что ответ не понравится. И страх пока оставался сильнее любопытства. Хоть он и не мог понять, чего боится.

Капитан учил рулить и Марка. Однажды он позвал обоих горцев к себе в каюту, закрыл дверь и сказал:

— Во время первого шторма мы сбились с курса, и идём слишком близко к материку, поэтому и попали во второй. Будут ещё бури, пока мы не вырвемся за полуостров. Когда начнётся снова, оба стойте на руле, мне пригодится ваша сила. И команде молчок, паника на корабле ни к чему.

— В прошлый раз я не заметил паники, — ответил Марк, — Они боялись, но держались достойно.

— Это так, но постоянное ожидание шторма вызывает её сильнее, чем сам шторм.

Марк кивнул, показывая, что всё понимает, а Трому не оставалось ничего другого, кроме как следовать за своим вождём, поэтому он тоже решил молчать.

Лишь Свен заметил что-то, когда горец учил его драться на мечях:

— Эй, Тром, ну я правильно, делаю, или нет?

— Покажи, я посмотрю...

— Я трижды показывал, ну ты чего? Что стряслось?

— Ничего, парень. Давай, покажи ещё раз...

Мальчишка сделал два удара.

— Пойдёт, но уходи быстрее после атаки. Ни к чему подставляться под ответ.

Эта тренировка прошла не как другие. Сначала Тром давал задания, но его рассеянность и нежелание придумывать новые сделали своё дело: в конце концов, он заставил мальчишку изображать бой, изредка рассеянно поправляя его. Мальчик рос в мастерстве. Горец думал, что к семнадцати-восемнадцати годам из него мог бы получиться неплохой боец.

Марк стоял у руля. Тром на миг встретил его взгляд: то же холодное ожидание, то же сомнение читалось в нём. Когда? Пройдём ли мы? Марк увидел, что Тром смотрит на него, и сдержанно кивнул. Они должны встретить эту напасть достойно.

Но бури всё не было. Несколько дней они ходили, занимались обычными делами и ждали, ждали, ждали...

Как-то один сменял другого на руле. Тром отдал балку громиле, облокотился о борт рядом, и из его груди сам собой вырвался усталый выдох.

— Ага, — задумчиво кивнул громила, подтверждая всё то, о чём они не говорили вслух.

Горцы и так похудели и сдали за время, проведённое на корабле, а тут ещё это выматывающее ожидание. Но Марк уже говорил — не ныть, не капризничать, и, главное, не злиться. Вот Тром и держал всё в себе, и медленно чахнул от этого.

Навстречу им шёл капитан, и, похоже, в неплохом настроении. Видно, взгляды горцев оказались слишком красноречивы. Он подошёл и тихо пояснил:

— Похоже, пронесло. Завтра должны выйти за полуостров, а там и до порта дней десять по спокойной воде, так что готовьтесь встречать большую землю.

Но ничего не пронесло. Вечером, уже на закате, громила заметил тёмное небо позади. И воздух между тучами и водой в той стороне будто был живой. Тром кликнул капитана.

— Молодец, — хлопнул тот Марка по плечу.

Потом капитан стал орать на матросов, чтобы они быстрее убирали паруса и привязывали всё, что следовало привязать. Один маленький парус оставили специально: без хода невозможно бороться с волнами. Наконец, на палубе никого не осталось. Лишь капитан с двумя горцами вцепились в руль в ожидании неизбежного.

— Медведь меня дерит, скоро она там? — Тром специально раззадоривал себя, как перед боем, чтобы страх уступил место ярости и азарту.

— Сейчас налетит, — становясь поудобнее, ответил капитан, — Ты руль покрепче держи, горец.

Они уже видели всполохи молний, стену дождя и бушующие волны. Оставалось недолго.

Глава 3: забытые могилы

— Ёбушки-воробушки, да здесь курган! — прокричал Сибальт из-за кустов.

— Прекрати орать, — осадил его Байл, — В прошлый раз такой же умник чуть не лишился причиндалов, когда растревожил мёртвых своими криками.

— Опять ваши шуточки, — молодой солдат выбрался из зарослей и подвязал штаны, — Ворглинг, небось, вместе с ними примчится, да? Как же, сейчас прям проснулись и бросились на меня. Да там и кости, небось, сгнили уж.

— Ладно, ладно, шутка не удалась, но ты, будь добр, потише. Не тревожь мёртвых понапрасну.

Сибальт успокоился, и, то и дело оглядываясь, отошёл от кустов:

— А чего там, в этом урочище? Громадное какое...

— Сам не знаю, — взводный уселся на своё место в кругу наёмников, возле костра, — Да всякий раз, как тут на ночлег становимся, нет у меня желания шуметь.

— Чего ж в другом каком месте не встали?

— Ты глянь вокруг. Холмы, что повыше, слишком круты, а внизу, на кочках, сырость да холод так тебя к утру проберут — будешь ходить согбенный, что твоя бабка.

— Бабка моя помёрла давно...

— Ну ты меня понял. С мёртвыми всяко проще договориться, чем с плесенью болотной.

— Понял, командир. Только как же так, целый город тут лежит, небось, а никто ни слухом ни духом.

— Битва, наверное, какая, древняя...

— Что-ж вы, действительно не знаете? — не выдержал Александр, — И двух веков не прошло, уже забыли всё?

Все наёмники разом повернулись к нему, и древний понял, что сболтнул лишнее, теперь уж не отвертеться. Он поплотнее укутался в плащ, придвинул ближе к костру полено, на котором сидел и глотнул из фляги немного согревающего бренди Зебена:

— Здесь был город. Большой и процветающий. Миродар. Они выращивали на этих топях много чего такого, что в других местах не растёт, да ещё поливали свои пашни, что с другой стороны города, протянув отсюда каналы. У них было всё — наука, медицина, технологии. И всё это дал им один человек, вернее, один древний.

— Вы что, раньше делились знаниями? — удивился взводный.

— Никогда мы ничем не делились, кроме денег. Тот человек пошёл наперекор своим.

— Что случилось дальше?

— Древние согнали сюда наёмное войско и истребили всех под корень, а город предали огню. И построили это урочище, как напоминание всем остальным.

— Ты видел это, — уверенно проговорил Байл.

— Видел...

— Неужто, сам командовал? — воскликнул Сибальт и сразу схлопотал подзатыльник от сидящего рядом наёмника.

Александр отрицательно помотал головой, не поднимая глаз от земли, потом ещё глотнул из фляги:

— Одно вам скажу: если какой-нибудь древний когда-нибудь предложит вам свои секреты — бегите от него, как от чумного. Они не принесут вам ничего, кроме смерти. У

древних можно брать только деньги. С меня довольно.

Он вскочил, отчего чурбан под ним упал на бок, и двинулся к палатке, чтобы зарыться в спальник и уснуть. Ещё немного, и он мог проговориться — рассказать им о том, что мятежником была его собственная дочь. Александр невольно представлял себе их вытянувшиеся лица. В мыслях всплывали вопросы, которые они могли задать, отчего было бы только хуже. Их немое молчание тоже очень живо представлялось ему. Проклятье, и как легат древних, столь много повидавший и столь сильно умудрённый опытом, мог быть таким мягким? Ранимым? Сентиментальным? Но иногда ему казалось, что, чем больше он живёт, тем страшнее за свою жизнь, тем сильнее переживает чужие смерти вокруг себя, тем больше подтачивает нутро от прошлых ошибок...

«Я ничего не знал об этом», — ответил он Георгу, когда этот убийца сто пятьдесят лет назад преподнёс ему труп дочери прямо здесь, у этого самого кургана. Он соврал тогда — всё он знал, и пытался отговорить дочь, как только мог. Наивная. Зачем она пошла на это? Ведь было очевидно, чем всё закончится. На что она надеялась? Договориться с Георгом? И зачем всё рассказала самому Александру? Знала ведь, что не поддержит. Иногда, копаясь в этой истории вновь и вновь, он думал, что лучше бы ему было помочь дочери. Или хотя бы броситься на Георга в бесплотной попытке мести. Иногда ему казалось, что это правильно. В редкие моменты, когда он терял веру в совет. Но древний вновь и вновь годами заставлял себя мыслить бесстрастно. Повторял себе, снова и снова, что не бывает ничего великого без боли и лишений. Раз за разом твердил, что любые открытия требуют времени. И вернул себе веру в совет — веру не слепую, а имеющую под собой рациональный фундамент.

Самым обидным во всей этой истории был факт, что люди забыли напрочь и его дочь, и этот город, и всё, что она когда-то сделала для них. Ну и смысл во всех этих жертвах? Пусть уж лучше древние найдут способ побороть своих демонов и, свободные, привнесут прогресс в этот мир. И без разницы, сколько на это уйдёт времени — пятьсот лет, тысяча. Лучше подождать, чем предать всё пеплу. Люди глупы и непостоянны. Дай им в руки оружие, они тебя и погубят.

Он повернулся на спину и постарался прогнать от себя все эти мысли, представив, как будет отмокать в горячей ванне, когда они доберутся до Биргэма.

Древний любил путешествия, но ветер, сырость, туман и проклятый моросящий дождь, на пару с холодом десять дней подряд, доведут кого угодно. Он откинул одеяло, влез в свой сундук и достал оттуда свёрнутую квадратом серебрянку. Развернул её и как мог обернул спальный мешок.

«Проклятье, нужно было давно сделать это».

Очень скоро отражённое тепло согрело его. Он ещё немного подумал о Биргэме. О том, стоит ли заглядывать к тамошнему монарху. В стране было полно предприятий древних, и государь, как и везде, мог существенно влиять на их работу. Особенно это проявлялось, когда предприятия вырастали, и правители их замечали. Тут был как раз такой случай, и Александр решил потратить день на визит. Тем более, способ экономии амброзии, что поведал ему Михаил, работал даже лучше, чем можно было ожидать.

...

В Биргэме, столице северного королевства Холвинд, яблоку было негде упасть. Сначала Александр не мог понять, куда спешат и зачем так суетятся все эти люди. Оказалось, королева должна вот-вот родить, и по этому случаю готовятся пышные праздненства. Байл уговорил его остановиться возле Кузнечной улицы — кое-что из снаряжения требовало

ремонта — и сейчас древний проталкивался через плотные ряды телег, что заполнили дорогу. Одни привозили вещи на починку, другие — железо, уголь и прочие нужные любой кузнице запасы, третьи забирали готовый товар. И всё всем нужно было быстрее, сегодня, сейчас, отчего люди то и дело спорили, а их повозки тут и там преграждали путь. Пришлось даже спешиться с лошади и взять её за повод. Он подумывал о том, что, помимо костюма, неплохо бы поменять и лошадь для визита к королю. Надёжная и выносливая, на мощёной улице перед дворцом она будет смотреться бедно, чего нельзя сказать о постоянно гарцующих там благородных рысаках. Он протолкался через телеги и вышел на городскую площадь, на которой было посвободнее и торговали в основном украшениями. Деревянных домов в городе совсем не осталось — сплошь каменные добротные стены, черепичная крыша, мостовые почти везде тоже каменные. Богатый город.

На улице ткачей царила та же суета. Древний подъехал к вывеске «Фортерские портные» и привязал лошадь к перилам небольшой лестницы. Открылась дверь, на улицу выглянул лысеющий худой мужчина в скромной, но хорошо пошитой одежде. Он пару секунд оценивающе глядел на древнего, потом на его лице отразились одновременно испуг и удивление. И мужчина, кланяясь, распахнул дверь:

— Здравствуйтесь, здравствуйтесь, милости... э, прошу. Хозяин, ой, нет, точнее, управляющий, в связи с последними событиями, некоторым образом-с, заняты-с. Но пожалуйста, пожалуйста, вас примет-с, вас всегда примет-с.

«Узнал. А я тебя нет», — древний прошёл в хорошо освещённую лавку и, даже не глядя на товар, сразу направился к лестнице на второй этаж, довольно узкой и неприметной, в отличие от остального антуража. Уже наверху, пока они шли по маленькому коридорчику с тремя дверьми, лысеющий человек обогнал его и, наспех постучав в открывающуюся дверь, которую сам же и открывал, протараторил:

— Господин Леснер, тут к вам...эээ, почётный гость.

Александр прошёл к столу, за которым сидел тучный человек в белой рубашке и жилетке из замши. Он чувствовал, как лысоватый за его плечом подаёт какие-то знаки своему начальнику. Тучный бросил на своего слугу недоверчивый взгляд и спокойно посмотрел на древнего. Говорить он не спешил, поэтому Александру пришлось начать:

— Здравствуйтесь, господин Леснер. Я представитель самых крупных дольщиков Фортерских портных. Меня зовут Александр.

— Судя по тем кривляниям, что производит мой слуга, это таки правда. Я уж и не чаял увидеть одного из вас. Феликс, ты свободен.

— Да, нечасто мне приходилось тут бывать. Но как он узнал меня?

— Он начинал помощником, кажется, лет тридцать назад. Бывали вы у нас в то время?

Древний покопался в памяти. Похоже, именно тогда он разбирался здесь со скандальным управляющим, чьи глупые решения и жадность чуть не развалили предприятие. И тогда же он учредил новую выборную систему, плоды которой видел перед собой сейчас.

— Да. Решал некоторые щепетильные вопросы.

— Вот и ответ. Чем же я могу помочь сегодня? — учтиво спросил господин Леснер.

— Мне нужен наряд для встречи с королём.

— Вот как? Я думал, вас интересуют вопросы денег и долей. Работы сейчас невпроворот, но для вас что-нибудь придумаем. Пожелания?

— Ничего кричащего, но соответствующий обстановке. Я не должен выделяться из придворной толпы.

— Это будет сложно, если не надевать ничего кричащего.

— Возможно. Тогда на ваше усмотрение.

— Хорошо, — он дёрнул за верёвку рядом со столом, и очень скоро в кабинет вошёл слуга.

— Феликс, костюм, что мы шили для бывшего казначея, ещё не продан?

— Нет, господин.

— Спорите с него родовой герб и напейте, какой пожелает наш гость. Снимите мерки и подгоните на него костюм. У вас времени... Сколько, господин Александр?

— Два часа.

— Два часа, Феликс. Сейчас мы договорим, и он спустится к вам.

Слуга убежал.

— Ещё что-нибудь?

— Да. К вам едет партия летийского шёлка по моему распоряжению. Материал дорогой, но преотличный. Посмотрите, как его возможно использовать. Если он вам подойдёт, напишите владельцу предприятия, чтобы делал регулярные поставки. Я уже сказал ему не продавать шёлк в Холвинде никому, кроме Фортерских портных. Пожалуй, это всё.

— Спасибо, мы исполним всё в точности, как вы сказали. Можно один вопрос напоследок лично для меня?

— Смотря какой.

— Мне ждать войны в скором времени? — господин Леснер серьёзно посмотрел на Александра.

— С чего такие вопросы?

— Видите ли, я не из этой страны. Мои родители жили в Андузии. Тогда там правил король Луций и его королева Катиль. Бабка нашей королевы. Так вот, древний принимал у неё роды дважды, и на второй раз случилась война, которой никто не ждал. В той войне погиб мой отец, а нам с матерью пришлось бежать. На этот раз роды предстоят королеве Холвинда, и снова в городе древний. Вот я и спрашиваю, чтобы быть готовым.

— К войне лучше быть готовым, вне зависимости от того, есть в городе древний или нет.

— Спасибо, мне вполне достаточно того, что я услышал, — смиренно склонил голову управляющий, — Подробности не прошу, целее буду.

Александр поднялся и уже хотел выйти, но обернулся у самой двери:

— Я постараюсь сделать так, чтобы её не случилось.

Он спустился на первый этаж и отдал себя во власть команде портных, которые уже поджидали его во всеоружии. Пока они снимали мерки, мысли его гуляли далеко. Получается, он принимал первые роды бабки королевы, и сейчас даже припомнил патологию, что вполне могла перейти по наследству. Удачно выходит. Впрочем, смотря для кого. Пока портные возились с костюмом, древний решил отобедать и выбрал для этого самого приличного вида трактир на улице Ткачей. Было чуть за полдень, и неудивительно, что вскоре в это же заведение пожаловал и господин Леснер. Скорее всего, он хотел сесть за какой-то привычный столик, но Александр помахал ему рукой, и управляющий присоединился к нему. Чуть погодя в зал вошли двое и, завидев Леснера, сразу направились к их столу.

— Вы не против, если к нам присоединятся мои друзья? — спросил он шёпотом.

— Нет, но не болтайте лишнего.

Одни господин был усатый, второй с окладистой бородой и жёстким обветренным лицом.

— Это мои друзья, Виммельбах и Крост, — представил их Леснер, — Из цеха перчаточников и цеха обувщиков. А это мой давний торговый партнёр, Александр.

— Чем вы занимаетесь, господин Александр? — усаживаясь, осведомился усатый.

— Шелком, немного сталью, далеко на юге есть сыры и несколько кузниц.

Бородатый оглядел его:

— Вы не похожи на того, кому всё досталось на блюдечке. Думаю, не ошибусь, если скажу, что вы не из благородных, а из наших, купцов, которые всё заработали своим трудом.

Древний улыбнулся:

— А если бы вы ошиблись?

— Но ведь не ошибся! Леснер бы меня предупредил, будь вы из дворян, не сомневайтесь, — он задорно пихнул управляющего локтем, — Какими судьбами к нам?

— Катаюсь по северным королевствам и ищу, на чём бы заработать. Про Холвинд что скажете? Как тут купцам живётся?

— Торговать можно. Наш Нойер, хоть и дерёт три шкуры, зато бандитов под корень извёл. Почти и нет у нас лихих сёл, иль лесов. Уже с пяток лет без охраны по дорогам ездим, да и стража мзду не берёт с нас. Площади, да все улицы, почитай, он замостил. Всё время новое что-то строит, что нам пригодно. Бедняков повывел, когда отправил их лес валить, да дороги класть. Войну стороной обходит, со всеми мир у нас. Так что грех жаловаться, да осветят Трое путь его...

— Слышал я такие песни, — покачал головой легат, — Без утайки говорите, я не соглядатай королевский, кляузничать не побегу. Леснер мне порукой. А, коль захотите, в дело вас взять могу на долях, так что мне наверняка знать надо.

— Вокруг глянь, — развёл руками усач, — Похоже, что мы лжём? Может, в захолустье каком дальнем и сыщется недовольный, а среди столичных дураков нет. Нойер наш молодец, каких поискать. И вокруг себя людей под стать собирает. Что он многие головы рубил прошлые годы, так то поделом. Сорняки все повыдергал, а теперь время урожай собирать.

— Одно есть опасение, — не поднимая глаз от стола, сказал Леснер, — Сын его юродливый. А самому ему годов не так чтоб мало. На кого нас оставит?

— Вот оно что. И вы ждёте родов с надеждой и страхом?

— Что ещё мы можем сделать? Ждём, как упадёт монета...

Легат древних успел побеседовать с трактирщиком и местным стражником, пока ждал портных, и все в один голос, вот незадача, признавали, что жаловаться им не на что. В Холвинде, дескать, только лодырям живётся плохо. Такое встречалось крайне редко, но, глядя вокруг, Александр склонен был им верить.

К вечеру, в новом строгом серебряно-белом костюме и на вычищенной лошади он отправился во дворец.

— Куда подевалась ваша свита, легат? — с усмешкой осведомился молодой сержант на воротах.

— Древние со свитой не ходят, только с охраной. Но моей охране не место в королевском дворце, не так ли?

— Может, документ какой?

— Имеется таковой, — древний сунул ему свиток легата, и сержант послал одного из стражников к камердинеру, чтобы тот удостоверил подлинность печати.

— Что это? — кивнул сержант на малую пневматику.

— Именная трубка древних.

Сержант кивнул и показал, где надлежит оставить лошадь, и, пока Александр искал конюха, вернулся запыхавшийся стражник:

— Сказали проводить в приёмный холл.

Александр побрёл вслед за ним в небольшой, но ухоженный дворец. Сад вокруг был убран, деревья подстрижены, и ни единого корня не торчало на гладкой земле. Сам дворец представлял собой огромный купол посередине и четыре луча, идущие от него в разные стороны. В нём чувствовалась монументальность, и в то же самое время, красота, проявляющаяся в немногочисленных деталях — окна и рамы, картины на стенах, подставки для факелов, мебель, освещение.

Когда его привели в один из «лучей» и усадили ожидать в общем зале, он обнаружил впереди себя пятерых человек. По виду — местные дворяне, они прекратили разговаривать, когда увидели незнакомого человека. Легат пригляделся и заметил, что праздности в них нет. Все, вероятно, прибыли сюда по делу.

Камердинер сидел за столом около двойной двери в кабинет короля, остальные стояли. Но, при виде Александра, расселись на обитые бархатом скамейки у стен.

Камердинер позвал его и спросил:

— Вы легат древних?

— Да.

— Ждите, вы сразу после господина Клауса фон Уда, — указал он на самого молодого из пятерых.

Прибывали новые люди, очередь медленно двигалась. Перед тем, как впустить очередного человека, камергер сначала сам заходил в кабинет на некоторое время. Так произошло и когда наступила очередь Александра, но вместо него дверь открыл высокий человек в красно-белых с золотом одеждах и властно, с нетерпением, произнёс:

— Легат, прошу ко мне.

Александр, не медля, прошёл внутрь и, как только он сел на указанное место, король Нойер уже спокойнее сказал камергеру:

— Оставьте нас.

В просторном кабинете стоял массивный резной стол с картой Холвинда под стеклом и кипой документов в углу, два окна слева и справа от стола были украшены каштановыми шторами и золотыми ламбрекенами, огромные шкафы, достигающие почти до шестиметрового потолка, стояли позади стола, а шесть телохранителей, закованных в железо из горной стали, внимательно смотрели вокруг. Двое у окон, двое у входа и двое — по разные стороны стола.

Александра удивил такой поспешный приём. Это было крайне странно, и он решил не толочь воду в ступе:

— Ваше величество, чем обязан такому экстравагантному приёму?

— У меня к вам дело. Королева Катиль не желает рожать без помощи древнего. Мы искали без толку три месяца, но вы объявились сами. Что вы попросите взамен? Мне нужно знать наперёд.

«О, да ты в отчаянии? Как же взять с тебя ровно столько, сколько ты сможешь дать? Полагаю, в этом мне поможет твоя спешка».

— Почему королева не хочет рожать сама?

— Чтобы сохранить ребёнка. Её бабка и мать рожали живых только с помощью

секретов древних.

— Мне нужно осмотреть королеву. После я смогу сказать, будет ли от меня толк и какая будет плата.

— Бывает так, что и древние бессильны?

— Никто не всемогущ. С осмотром лучше не тянуть.

— Выходим! — сказал монарх телохранителям.

Шестеро воинов, закованные в латы, образовали что-то вроде квадрата, впрочем, довольно просторного, заключив в него короля Нойера и древнего.

— Всех на завтра, — распорядился король, проходя мимо камердинера.

Они поднялись на второй этаж северного луча. Там было больше всего слуг. Легат видел на лицах людей нетерпеливое ожидание. Похоже, в этом ожидании замерла вся страна. Когда они достигли покоев королевы, от взгляда Александра не укрылось, что все слуги начали переглядываться меж собой.

Королева Катиль сидела за столом. Бледная и вялая, она пыталась доесть кашу.

— Это легат древних, он примет роды.

Королева выдохнула так, будто только сбросила с плеч трёхпудовый камень.

— Вас назвали в честь бабушки? — вежливо осведомился Александр.

— Да. Вы давно приехали? Вам предложили ужин?

— Вы такая же гостеприимная. Сначала я хочу провести осмотр, остальное потом.

Король выгнал почти всех слуг, а телохранители тактично отвернулись, когда древний принялся ощупывать живот беременной. Он закончил и спросил:

— Как у вас с аппетитом?

— Последний месяц мне совсем не хочется есть.

«Узкие бёдра, бледность, плохой аппетит. Очевидно, роды будут непростые. Да ещё и, возможно, слабое сердце». Он подошёл к королю и заговорил шёпотом:

— Я могу вмешаться и спасти ребёнка, или можете попытаться без меня, но тогда дитя рискует родиться мёртвым. Вероятен и счастливый, и печальный исход. Вам решать.

— Какова плата?

— За дитя я попрошу выкупать у наших предприятий часть продукции на нужды государства. У кузниц, ткачей и углежогов.

— Сколько выкупать?

— Тридцать сотых от ваших собственных нужд.

— Это немало.

— Наша помощь никогда не обходилась дёшево, — кивнул легат.

— И я не в той ситуации, чтобы торговаться. Делайте, и как следует.

— Я составлю список необходимого. Если слуги успеют всё подготовить, приступим завтра. Но мне хотелось бы получить на руки договор уже сегодня.

— Сомневаетесь в моём слове?

— Нет. Просто хочу убедиться, что мы понимаем друг друга одинаково. Ещё я попрошу комнату, но, пожалуйста, поменьше. Мне привычнее спать в дорожном шатре, а в огромных покоях не по себе.

— Извольте. Мартен! — к ним подбежал молодой лакей, — Обеспечь господину легату всё, о чём он попросит.

...

К обеду следующего дня всё было готово. Король даже не заметил крючка, и теперь

Александрю предстояло лишь вовремя подсечь. Он опять проиграл весь возможный диалог в голове. Все варианты, какие только мог себе представить. Это был противный и гадкий диалог, но также это был самый верный способ добиться желаемого. Он помнил, как уже почивший Осип когда-то давно объяснял ему работу подобных крючков.

«Правильно. Неприятно, но правильно, — в очередной раз успокаивал себя Александр, — Власть по-другому не достаётся, если ты не монарший сын».

Легат омыл руки в тазу с уксусом. Тщательно, до самых локтей. Потом принялся омыwać инструменты уже в другом тазу. Вспомнил этапы предстоящей операции и, наконец, бросил пилюлю в стакан.

Стол, на котором предстояло оперировать, поставили в купальне, предварительно хорошенько отмыв её. Повитухи, верёвки, вода, жаровня — всё стояло под рукой. Король маялся в углу купальни, то садясь на скамейку, то снова вскакивая.

— Выпейте, — древний подал королеве стакан с наркотиком, — Это снимет боль. Вы уснёте и ничего не почувствуете.

Королева кивнула, осушила стакан и легла на стол. Древний положил подушку ей под голову и заглянул в её затуманившиеся уже глаза — наркоз подействовал быстро.

— Привяжите ноги и руки, как я вам говорил, — приказал он повитухам.

— Зачем? — чуть ни выкрикнул из своего угла король.

— Ваше величество, инструменты очень острые. Если королева дёрнется во сне в неподходящий момент, всё пойдёт насмарку.

Монарх кивнул и опустил на лавочку.

Легат проверил, как повитухи сделали своё дело. Пришлось перевязать поплотнее одну ногу. Потом он сам омыл королеве живот, взял скальпель и легонько ткнул в середину, слева, справа. Не дёргается, значит, можно приступать.

Он рассёк кожу аккуратно и быстро, потом принялся рассекать брюшную стенку и связывать сосуды, чтобы снизить кровопотерю. Как назло, один сосуд связать всё не получалось. Тогда легат подхватил с жаровни раскалённый нож и прижёт им сосуд. Пошёл дым, ткани зашипели.

— Колдовство?! — опять вскочил монарх.

— Никакого колдовства, — ответил Александр, не поворачиваясь, — лишь прижёт рану, чтобы не лишать вашу супругу крови.

Через несколько минут с брюшной стенкой было кончено, и он принялся за матку. Повитухи и телохранители старались не смотреть на всё действие. Лишь один из латников, что стоял метрах в двух от стола, проявлял какой-то интерес, а не просто отводил глаза в страхе.

— Повитухи! — позвал легат, когда взял на руки ребёнка, перемазанного кровью и плацентой, — Держите, я отрежу пуповину.

Одна из женщин подхватила дитя:

— Что мне делать потом?

— То же самое, что и с обычным ребёнком.

Новорожденный закричал через несколько секунд после того, как его унесли повитухи. Древнему же предстояла самая неприятная часть работы. Он удалил плаценту из матки, проверил всё, что надлежало, затем заштопал её и убедился в отсутствии сильного кровотечения. Затем оставил королеву на столе с незащитой брюшной стенкой и, не омывая рук, подошёл к королю:

— Поздравляю, ваше величество, у вас мальчик и, насколько я успел заметить, вполне здоровый, — прошептал он.

— Почему шёпотом?

— Потому, что мы с вами, — легат специально сделал ударение на это «вами», — Кое о чём забыли.

Монарх уже понял, что разговор не сулит ничего хорошего, и в его голосе прорезалась сталь:

— О чём же?

— О вашей супруге. В договоре речь шла о ребёнке, но ни слова о супруге. На данном этапе я могу закончить операцию, скажем так, с разным результатом. Долгая жизнь впереди, или не очень долгая. Что нужно вам?

«Лишь бы не ответил, что ему всё равно — за любой другой вариант я стрелю с него».

— Конечно, чтобы осталась в живых, сожри вас бездна. И теперь вы, подлецы, потребуете у меня пол королевства.

— Зачем бросаться словами, ваше величество?

— Да что вам нужно? Говорите уже, наконец!

— Сейчас ничего не могу придумать.

— Деньги?

— Тех контрактов, что мы заключили, достаточно. Я придумаю потом.

— И что, если я не смогу выполнить вашу просьбу?

— Вам придётся положиться на моё здравомыслие, если хотите видеть королеву живой. А я посмотрю, чего стоит ваше слово. Решайте, у вас одна минута, иначе будет поздно.

— Заканчивайте и убирайтесь, проклятье на вашу голову! — он отвернулся к стене.

Александр вернулся к операционному столу. Главное было сделано. Рыбку подцепили на крючок. В такого вида шантаже, конечно, был ряд рисков. Король мог заставить его завершать операцию силой, а потом приказать убить за дерзость, если был недалёким и импульсивным. Однако, этот монарх обладал достаточным количеством ума, чтобы не убивать легата древних, ведь это неизбежно закончится плохо для него самого — древние никому такого не спускали. Они бы направили на него Георга, который умел карать лучше всех на этом свете. Но король Нойер, к несчастью для него, любил свою жену, на чём и сыграл древний. Точно так же, он по опыту знал, можно было сыграть и на ненависти. Или на желании отделаться от супруги, которая с таким трудом рождает наследников.

Также возникал риск, если король покажет себя бесстрастным и дальновидным, и предпочтёт смерть супруги, лишь бы не ставить под удар королевство, обещая выполнить просьбу, сути которой он не знал. И снова опыт легата говорил, что такие правители почти не встречаются.

Самое странное во всём этом — если бы король сказал «делайте, что хотите», легат точно вылечил бы его жену. Наверное, потому, что в будущем она могла понести ещё раз. Новые роды — новый предмет для торга. Или он просто не любил, когда люди умирают. Он так и не разобрался до конца.

...

Утром древний явился проверить королеву и дитя, дать указания по уходу и попрощаться. Но королева волком посмотрела на него из-под своих перин:

— На что вы обрекли моего мужа? На что вы обрекли королевство? Лучше бы я умерла.

— Сейчас ваша смерть ничего не решит, его величество уже дал обещание. Вы всё

узнаете, когда придёт время. Откиньте одеяло.

Он провёл осмотр, дал указания лекарю и пошёл в последний раз навестить короля, который проводил совет министров. В отличие от прошлого раза, его впустили, не заставляя ждать.

— Прервёмся, — король Нойер поднялся из-за стола, отошёл чуть в сторону и подозвал легата: похоже, он смирился с тем, что произошло и взял себя в руки.

— Я вас слушаю.

Александр протянул ему бумагу:

— Вот здесь образец моей подписи и печати. Таким образом, ваш камергер сможет удостовериться в подлинности письма, которое я пришлю, когда мне потребуется попросить у вас что-нибудь.

— То есть, лично вас не ждать?

— Я могу быть где угодно, поэтому нет. За сим позвольте откланяться.

— Прощайте. Надеюсь больше никогда вас не увидеть.

Легат церемонно поклонился и вышел из зала заседаний. Не смотря ни на кого вокруг, он покинул дворец и направился к трактиру, в котором квартировали наёмники. На душе было погано.

Байл сидел напротив входа и потягивал пиво из кружки.

— Нужно сделать пару дел в городе и убраться отсюда, — прошептал ему легат.

— Мои ребята будут готовы через час. Вторая половина взвода ушла в купальни.

— Пропасть, что вы делали два дня?

— Доспехи, оружие, лошади, всё требует ухода. Когда я получил письмо от тебя, думал, мы надолго тут застряли.

— Ладно, дай мне четверых, зайду в банк.

В местном отделении он проверил дивиденды от предприятий, натёкшие за последние годы и взял два небольших сундучка денег. Потом закупил ещё нарядов у Фортерских портных и вернулся в трактир, откуда все они отправились на рынок — загружать телеги припасами. Вода, уксус, пиво, топлёное сало, крупа в больших мешках, сушёное мясо — наёмники споро грузили всё это, укладывали и заворачивали в парусину, чтоб не отсырело. Александр дерзко торговался, заставлял людей разгружать мешки обратно, если лавочник не хотел снижать цену:

— Сколько за мешок?

— Двадцать крейцеров.

— Пятнадцать? Хорошо, за пятнадцать неплохое пшено.

— Ладно, восемнадцать.

— А? что? Двенадцать, говоришь? За двенадцать отлично вон в том углу телеги будет смотреться.

— Леший с тобой, бери за пятнадцать!

— Не, за пятнадцать дорого...

И так снова, и снова, и снова. Можно было и не тратить время, а сразу заплатить, что требуют. Но ему не хотелось расслабляться, становиться мягким и податливым, как глина. Легат понимал — начнёшь давать слабину здесь — сам не заметишь, как она просочится и в другие, более важные переговоры. Поэтому из города они вышли сильно позже обеда и Байл, сверившись с картой, повёл их в сторону границы с Вудвиндом.

На дороге свирепствовал ветер, бойцы то и дело оборачивались, провожая город с его

теплом и уютom долгими грустными взглядами.

...

Терпеть ненастье пришлось недолго — они встали на ночлег через три часа пути, чтобы успеть разбить лагерь затемно. Утром ветер совсем стих, и, вместе с лесом, раскинувшимся за очередным холмом, их встретила золотая осень во всей своей красе. Красные, жёлтые и зелёные листья отцветающих деревьев, лесная утренняя свежесть, гомон зверей и птиц. Древний невольно залюбовался пейзажем.

— Как тебе картина, Байл?

— Что?

— Да вот эта, — Александр обвёл опушку рукой.

— Какая?

— Ну, как же, буйство осенних красок, посмотри, лес будто горит.

— Ааааа, — взводный бросил удивлённый взгляд на древнего, — Можно подумать, ты ни разу за четыре века не видел осень в лесу.

— Видел, но ведь всё равно красиво.

Наёмник недоумённо пожал плечами.

— Солдафон неотёсанный, — обозвался древний в ответ.

— Взял бы с собой фрейлин королевы Катиль вместо нас. Они бы точно оценили.

— Боюсь, протопав пару километров с протазанами в руках, они бы начали материться пуще вашего.

Байл расхохотался.

Легат развернул письмо, что лежало у него во внутреннем кармане, и ещё раз пробежался по строкам.

«Князь Болеслав, владетель Вудвинда, повелел Банковскому Дому Десяти Княжесте выдать ему все дивиденды, что причитаются Стране Древних и хранятся, приумножаясь ежегодно, на протяжении тридцати пяти лет. Подлежат изъятию доходы от Вудвиндской Артели Дровосеков, Вудвиндской Заовражной пушной компании, Пяти ферм Западных лугов Вудвинда, Конозаводчиков Серпских равнин, Рудной шахты Кинсеппа, Кожевенников Старого Ганса, Гильдии Хлебопеков Вудвинда. Князь Болеслав известен крутым нравом, и только шахтёры осмелились спросить, действительно ли он хочет лишить древних их законной доли, за что князь казнил каждого десятого прямо на месте. Остальные поспешили подчиниться.

Ближний круг князя всячески одобряет его действия и подыгрывает, как может. Виной тому страх за собственную жизнь. Однако, мне удавалось разговорить троих местных дворян, которые поведали о том, что около половины придворных тайно настроены против Болеслава. Их фамилии: Мышский, Зебо, Курлан, Сапек, Войтек, Митько, Зямось, Стеть. Все бояре, все при князе давно. У двоих по приказу князя казнили родню.

Он находится под охраной Огненной дружины, состоящей при князе неотлучно. Все безоговорочно ему преданы, руководит ей Зоран Лютич, которого называют за глаза кнутом князя. Этот безжалостный вояка не щадит никого — для него всё едино — что курице голову отрубить, что дитю малому. Очень подозрительный, с ним нужно держаться осторожно.

Филин.»

Александр попытался запомнить фамилии, после чего попросил у наёмника кусок тлеющего трута, спешил, и, пару раз чиркнув огнивом, поджёг трут, а затем и письмо.

— Байл, собери людей, мне нужно им кое-что сказать.

— Взвод, на месте стой, раз-два! Сюда все подошли!

Солдаты встали полукругом напротив древнего и взводного. Некоторые из них начали доставать тетивы из специальных мешочков, другие — протирать оружие.

— Это не смотр! Нашему нанимателю есть, что вам сказать. Поэтому продули уши, засунули языки в задницы и молча слушаем!

— Скоро мы окажемся в Вудвинде, — начал легат, — Забудьте про то, что мне триста пятьдесят лет. Для всех там я должен быть простым купцом, который ищет, где бы набить мощну. Вернее, не простым, а богатым. Поэтому для любого встречного я — купец из Татмера. Сибальт, ну что ты там мнёшься?

— Вдруг спросят, чем торгуете?

— Скажи всем подряд. Шёлком, рудой, оружием, пряностями. Скажи, ты всего и не упомнишь.

— Почему-ж бедны?

— Беден?

— Ни кареты у вас, ни паланкина...

— А чего? Давай из леса срубим паланкин. Есть желающие тащить?

Соседний боец пнул новобранца сапогом по колену, отчего Сибальт поджал ногу и зашипел.

— Вижу, никто особо не рвётся. Карета моя сломалась по пути, а что нарядов мало — так дюже прижимист. Вопросов нет больше?

Все молчали.

— Если объявится кто-то особо любопытный из местных, ко мне шлите. Всё, Байл, пока больше сказать нечего.

— Взвод, разойдись! Кто проболтается, тому яйца отрежу!

Границу перешли через два дня, и сразу отряд пошёл медленнее — дороги в Вудвинде были не чета Холвинду. До этого они шли по уложенной как следует каменной брусчатке с двумя дренажными канавами по бокам, изредка прерываемой обычной грунтовкой, а после таможни, на которой удалось отделаться лёгкой подачкой, так как сержант не нашёл, за что бы содрать побольше, пошли две колеи, размытые тут и там. И лишь единственный факт указывал на то, что кто-то думал, когда эту дорогу прокладывал: проложить её старались повыше, чтоб не пришлось ехать уж совсем по колено в воде весной или осенью.

Но наёмники всё равно сбивались с темпа — скользили телеги, скользили и лошади, а люди шагали не столь бойко, выбирая, куда ступить меж двух колеи. Деревни, хоть и были в большинстве поболее деревень Холвинда, тут и там выставляли напоказ неопрятные свои углы: то у сарая дыра в крыше, то дрова сыреют под открытым небом, а иной раз глянешь на покосившийся забор фермы, и мысли приходят, что это свиньи сами себе построили, а людей рядом и не живёт. Даже отсталая Горная страна могла похвастать скудным, но упорядоченным и аккуратным бытом своих деревень, здесь же словно никому ни до чего не было большой охоты. И только острые крыши деревянных охранных башен встречались на дороге тут и там, выбиваясь своей строгостью и упорядоченностью на фоне остальной разрухи. И сразу становилось ясно, за что радеет князь Вудвинда, куда устремлены его помыслы. И выводы эти подтверждали его охранные отряды, по четыре-пять раз на дню настигавшие караван и выпрашивающие, кто они и куда едут. И вели себя эти охранные отряды дерзко как с пришельцами, так и с местным деревенским людом. И в городишках, что встречались по пути, были они местными заправилами, и все вокруг слушали их

беспрекословно.

Легат вспоминал, что тридцать пять лет назад были они такие же воинственные и бедные. И так же носили доспехи из плохонького, а порой вовсе дряного железа, пытаясь компенсировать это хорошими подстёгами, плотно пригнанными нагрудниками, дисциплиной и подозрительностью к чужакам. Лишь у двоих за весь путь до столицы, Рынды, увидел он меч и топор из горного железа. Вспомнил он и прошлого князя, всё войско которого хотело быть на него похожим. И было. Даже сейчас каждый почти солдат напоминал плохонькую копию своего государя. Александру стало интересно, каков новый князь? Тоже копия отца? Судя по тому, что он уже увидел, так оно и есть.

Столица, Рында, ему понравилась, несмотря на режущее слух название. Она раскинулась в изгибе реки, среди живописных лугов и холмов. И даже осеннее увядание не могло лишить это место очарования. Бесконечная россыпь деревянных хижин вокруг городской стены не стремилась прижаться к ней как можно ближе, а вольготно и свободно разбросалась вокруг, как брошенная гигантским пахарем горсть семян. И никто никому не мешал — ни люди, ни их многочисленная скотина.

За стенами, хорошо видные через распахнутые ворота, уютно прижались друг к другу деревянные домишки, местами очень недурно отделанные, а княжеский дом возвышался над ними посреди города, как отец над выводком детишек.

— Кто такие? — спросил у них один из стражников на входе в город.

— Купец я, — спешился Александр.

Когда он зашагал навстречу, стражник повернулся к нему, отчего луч солнца заиграл на чешуе пластинчатого панциря, а кольчуга слегка зазвенела кольцами.

— Ратников не пущу, — сразу заявил воин, — Или пусть оружие всё отдают.

— Двоих позволь с собой возьму, остальные у реки лагерем станут.

— Всё равно, мечи долой.

— Байл, Сибальт, отдайте мечи остальным, и со мной. Сундук ещё захватите.

Легат хотел было пройти в ворота, но стражник преградил ему путь и погрозил пальцем: — Куда без досмотра?

Древний развернул полы плаща и часовой долго осматривал его. Особенно привлекла внимание малая пневматика. Но, не увидев ни лезвий, ни стрел, стражник махнул рукой:

— Проходи.

Он так же тщательно осмотрел Байла и Сибальта и пропустил их внутрь.

— Что теперь? — огляделся вокруг взводный.

— Сразу к князю. И помните, о чём я говорил.

Они двинулись по городу. Новичок глазел по сторонам, как, впрочем, и Байл. Узкие улочки, несмотря на осеннюю сырую погоду, были не сильно грязны. В этом помогали деревянные сходни по краям дорог. Навстречу то и дело попадались спешащие по своим делам ремесленники, или важные бояре в цветастых свободных одеждах. Город, как и любая столица, кипел жизнью.

— Недурно, — сказал Байл, когда увидел княжескую рать возле палат.

Те сгрудились у входа и о чём-то разговаривали, сверкая на солнце добрым горским железом, которое так редко встречалось в здешнем краю. И не понять было, кто в этой толпе за главного, у кого про аудиенцию спрашивать.

Тогда легат со спутниками направился ко входу в палаты, и ему преградил путь ближайший ратник:

— Кто таков?

— Александр, купец я, из Татмера. Важные вести для вашего государя привёз. От древних.

— Слыхал, Янек? Тут от древних новости.

Из толпы ратников вышел человек постарше остальных:

— Что за новости?

— Лично князю велено было передать.

— Мне сначала расскажи, а я уж решу, лично или не лично.

— Передают древние князю вашему, что есть за ним грех один — чужое он себе забрал.

И теперь они страшно будут его за это карать, если не образумится.

— Вот как? Да, ты лучше эту историю князю сам расскажи. Митька! Возьми пятерых гостей к князю проводи.

Их повели через просторные деревянные палаты на второй этаж. Князь обедал в большом зале. Был он высок ростом, закалён и, по лицу видно, жесток. В простой льняной рубаше и с лёгкой короной на голове, он одновременно ел, обгладывая жареное ребро, и слушал боярина, что почтительно склонился у него над ухом. Старший отряда, Митька, не стал вмешиваться, а терпеливо ждал, когда боярин закончит.

Князь выслушал и выдал:

— Наглеца на кол, дубильня его моя теперь. Уж не будет впредь без податей казну оставлять.

— Княже, купец к тебе. От древних весть принёс.

— Ох ты, объявились, шельмецы! Давай сюда его.

Александр сделал шаг вперёд и поклонился:

— Здравствуй, княже!

— Рассказывай.

— Купец я, из Татмера, Александром звать. Как сообщил я в купеческую гильдию, что в соседний с вами Холвинд собираюсь, подошёл ко мне старец один и просил передать вам, что, коли их деньги да лавки не вернёте, он кару на вас страшную наслёт. Посмеялся я над ним: где ты, седая башка, а где князь? Но дурень этот совсем из ума выжил, видать. Денег предложил мне за то, что я весть эту тебе передам. Вот я и решил — с князем вместе посмеёмся, а деньги те пополам разделим, — легат открыл сундук, который держали наёмники и вытащил оттуда кошель, затем положил его на стол перед князем.

— Курлан, в казну мою отнеси. Это ты хорошо сообразил, купец. Что-ж старец тот, чем угрожал?

— Так говорил, порчу наведёт. Соседи отвернутся от вас, да внутри страны голод пребудет.

— И ты что думаешь?

— Брешет старик. Уж не знаю, как к ним попадают, к этим древним, но то люди обыкновенные. Сам видел, как он в нужнике тужится. Колдун уж всяко так не будет. Да и в городе нашем они как все — так же взятки дают, если надо чего, так же покупают всё, одинаково землю топчут. Зачем колдунам это всё? Значит, не колдуны они никакие!

— Вот и я подумал, раз за тридцать лет не объявились, значит, брехня всё! Это кто с тобой? — указал он на Байла.

— Командир взвода, что со мной едет. Наёмники они из Пурпурного отряда.

— Слыхал, как же. Что-ж ты, по всему видать, и в битвах был?

— Бывал, — взводный потёр шрам над левой бровью.

— Про отряд ваш многое говорят. С моими дружинниками силой померяешься?

— К чему? Мне и так видать, княже, что посильнее они будут, хоть и мы не робкого десятка.

— И так сразу прям решил?

— Чего-ж не разглядеть? Чай, не в одной битве бывал и не в двух. Опыт штука верная, глаз у меня намётан.

Легат надеялся на подобный разговор. И очень рассчитывал на именно такой ответ Байла. Но взводный немного превзошёл ожидания, когда добавил:

— Наниматель наш, думаю, тоже согласится. Уж он — то с мечом умеет.

Седой муж справа от князя с недобрыми глазами и жилистыми, крепкими как корни дуба руками, подозрительно уставился на древнего, а сам князь посмотрел с удивлением:

— На войне сражаться приходилось?

— Бывал в паре стычек. Но Трое благословили меня зарабатывать торговлей. Всяк, кто знает войну не из трактирных басенок бардов, сочтёт это за удачу. Хотя изредка я скучаю по тем временам.

— Твоя правда, купец, — князь хлопнул сидящего слева молодого мужчину, наблюдавшего за беседой с большим равнодушием, чем остальные:

— Видишь, сын, как отзываются о войне те, кто там был? Именно поэтому мы должны быть всегда наготове. Быть готовым к войне — лучший способ удержать мир с соседями. А ты говоришь, слишком много внимания! Мёда гостям! Сапек, Ношек, сдвиньтесь, пусть гости против меня сядут, хочу послушать, чего там в мире происходит.

Люди задвигались, а расторопные слуги принесли гостям чаши с водой для омовения рук. Байл приказал новобранцу ждать в коридоре и охранять сундук. Хотел было попросить слугу, чтоб тот помог с ношей, но Сибальт в одиночку взял тяжеленный, пуда в три с половиной, сундук, и двинулся к выходу из зала.

— Какие чудеса в белом свете? — спросил князь Болеслав, когда они с Байлом уселись, наконец, на скамейку.

Легат глотнул мёда, наскоро надкусил мясной пирог, чтобы успокоить заурчавший было желудок, и ответил, хотя с гораздо большим удовольствием уделил бы внимание еде:

— У соседа вашего, короля Нойера, ребёнок родился. Говорят, мальчик, наследник.

— Да знаю я. Вчера гонец прискакал.

«Медленно как... Ты такие новости про соседей через полдня должен знать. Значит, разведка твоя не шибко расторопна».

— Пир там большой был, сам видел, весь город пировал. Радуются надежде. Дескать, государь их сможет от ума своего второму сыну отдать. Любят его очень...

— Нойер... Да, неплохой малый. Но видел ты его гвардию? Накупили себе лат из горного железа, а толку? Небось, ни учений, ни смотров нет у них. Воевали последний раз невесть когда, в походе никто и не бывал у него. То ли дело мои. Они у меня даже в мирные годы по лесам рыщут, да воевать учатся, нечего расслабляться, лично их гоняю! Придёт нужда, от Нойера и плевка не останется!

«Солдаты Холвинда тоже без дела не сидят, только там король не проводит каждые учения лично. Зато войско его оснащено лучше. Ох, не знаю, не знаю. Разве что ты гениальный полководец?» — но эти мысли, конечно, озвучивать было нельзя, и легат ответил:

— Истинно, княже. Говорят ещё, на горную страну напали, границу их прорвали.

— Значит, не так хороши они, как думали! Горы отдать! Это-ж надо? То ли дело мои заставы. Знаешь, сколько отрядов у меня по лесам сидит? Сунется кто — закусуют, как дикие пчёлы!

И дальше, чего бы ни касался разговор, всё рано или поздно приводило к войску, войне, да к тому, чьи бойцы лучше. Южная Песчаная империя? Всё перетекло к обсуждению летучих отрядов Мешмуллы и конницы князя. Кантания? Гвардейские полки, система гарнизонов и их недостатки по сравнению с его собственными лесными отрядами. Болотные кантоны с их неочевидной политикой самоуправления? Нет, и тут перескочили на разговоры, что лучше — постоянное войско, или призывное по мере надобности. Конечно, призывное не шло ни в какое сравнение с дружинами князя, где, если уж начинали служить, то на всю жизнь и оставались.

Древний не стал приводить в пример, как успешно порой воевали кантоны. Он давно понял, что за человек перед ним. И изначально выбранная тактика игры в поддавки оказалась верной. Легат буквально чувствовал по темпераменту, как этот человек может взорваться, если начать спорить с ним. Теперь он, конечно, понял, почему все люди, неверные князю, всё же истово поддакивают и не перечат даже в мелочах.

Вероятно, князь не знал, что у него не всё гладко в ближайшем окружении. Может, догадывался, но точно не знал, насколько. Александр припомнил фамилии из письма — получалась примерно половина княжеской свиты. Да, излишне честолюбивый государь — горе для страны. Рано или поздно он перестает замечать очевидное.

Легат давно разглядел нужного ему человека среди бояр. Родомир, что отвечал за княжеские конюшни, щеголял густыми усами без бороды, надраенными кавалеристскими сапогами, военной выправкой и гербовым медведем на груди. Оставалось только назвать ему пароль и получить отзыв. Древний встретился с ним взглядом и ушел в сторону нужника. И Родомир уже ждал его на выходе.

— Правда, что филин охотится на белок? — это был пароль.

— Мыши, крысы, ужи — нам сгодится любой, кто попадётся в когти, — прозвучал отзыв.

— Вы ведь заведуете княжескими конюшнями, да?

— Именно.

— Хочу поменять лошадь. Разумеется, с доплатой, — произнёс древний так, чтобы это могли слышать случайные люди князя поблизости.

— Вас пригласил к обеду сам князь. Конечно, я не откажу. Приходите в малые конюшни после трапезы. Они здесь, внутри городских стен.

На том легат и шпион пока разошлись. Это был потомственный осведомитель. Уже больше ста лет герб медведя поставлял древним информацию отсюда. Конечно, за щедрую плату и долю в нескольких артелях.

Легат вернулся за стол выслушивать измышления, как воинство Вудвинда побьёт армии других стран, случись война, и вновь ощутил на себе взгляд седого воина. Он уже знал, что это — Зоран Лютич, кого Филин рекомендовал опасаться в своём письме.

— Они вообще не объявляются, — вешал князь, — Нет, ты представляешь, я сам, лично пришёл в этот ссудный дом и говорю: чьё здесь золото лежит и сколько того золота? Бумаги живо, не то всех на кол! Казначей мой долго в них копался. Сказал, там золота за тридцать пять лет! И пол страны почти туда это золото относят! Мы посчитали — я за пять лет

столько не трачу. И оно просто лежит! Ни оружия никто не купит на него, ни доспехов добрых. Да хоть бы баранов ещё накупили, пустых лугов в краю достаточно.

«Баранов вам, пожалуй, хватает», — древний медленно оглядел свиту князя.

Болеслав, тем временем, продолжал:

— Всё, говорю, баста! В пользу казны всё забираю. Он лепечет, мол, вдруг древние придут? Я, говорю, сразу их ко мне посылай, там научу их вот этим добрым клевцом, как надо распоряжаться монетами, — князь достал клевец из-за стола и покачал им, — А то ишь, взяли! Не тратят, и налогов нет, и нового ничего. Не, у меня в стране так не пойдёт!

— Что, если действительно придут, княже?

— Молотом по башке, да закопаем.

«Не зря я скрыл, что легат. И про факт, что мы полтора века назад пол страны твоей за свои деньги построили, ты вовремя забыл. Хотя, может, ты и не знал, невежда».

Бояре прекращали пировать. Народ кланялся князю и потихоньку расходился.

— Смотр готов? — спросил Болеслав у Лютича, давая понять, что приём окончен.

Александр с Байлом откланялись и вернулись к Сибальту, у которого при их появлении, и, видимо, не в первый раз, заурчало в животе. Взводный глянул на него с улыбкой:

— Ничего, салага, терпи. Вернёмся к нашим, накормят.

Но не суждено было новобранцу быстро получить обещанное. После обеда древний направился в малые конюшни, якобы, за лошадью. Филин ждал их там, и, когда легат подошёл к нему, жестом отослал слуг.

— Через три недели я буду в столице Маунтинвуда, проведу там месяц. Потом поеду в Ослязию, путь займёт дней пять, задержусь там на неделю. Остальное время прожду в Колопышевске. Мне нужно знать, что творится при дворе у князя. Будешь отправлять письма через ссудные дома каждую неделю. Если случится что-то важное, конца недели не дожидайся, пиши сразу.

Филин кивнул.

— И ещё одно. В придворных дразгах не участвуй. Мне нужен связной, а не бунтарь. Можешь даже сдать кого-нибудь для виду.

Очередной кивок.

— Ту гнедую лошадь я возьму с собой. Вот четыре золотых, отчитайся перед князем, — легат показал на Сибальта, — Вечером этот солдат приведёт тебе лошадь вместо гнедой. Она лишь немного похуже, сильно ты не расстроишься.

Третий кивок Филина завершил этот монолог, и древний, слушая пыхтение наёмников с сундуком в руках, отправился в лагерь у реки.

Вечер они провели за тем, что составляли список необходимого: предстоял долгий путь.

Легат размышлял — может статья, тридцать пять лет действительно целая пропасть для человека? Но это деньги не его. Наивно полагать, что всё в стране может принадлежать одному человеку, даже если он князь. Да и обычным смертным никогда не понять всей масштабности замыслов древних. Александр и сам не знал, сколь ещё нужно времени, чтобы узнать всё, что следует узнать и, наконец, избавиться от всех проблем. Но, пока этого не произошло, Страна древних должна держать весь мир под контролем.

...

Осень всё сильнее сковывала их в пути. Студёный и сухой ветер донимал ранним утром и поздним вечером, но немного отпускал днём. Дождь, на пару с дорожной грязью, изматывал солдат, но они шли, ведь древний им платил. И вообще — им было не привыкать.

Справа показалась очередная деревенька из восьми домов с тремя большими хлевами, вокруг которых паслись овцы. Легат сделал знак взводному и съехал с дороги. За ним отправились двое наёмников. Рядом со стадом никого не было, древний спешился, и, набрав воздуха в лёгкие, крикнул:

— Хозяин?!

Звук его голоса разнёсся над полями, но сначала ничего не происходило. Потом зашевелился стог сена поблизости, и из-за него вылез пастух с кнутом в широких, грязных сапогах и грубой куртке из овчины, в шерсти которой застряла солома.

— Чего кричишь...те? — поправился крестьянин.

— Овец твоих хочу посмотреть. Думаю разведением заняться в далёком краю. Ваша животи́на, кажется, хорошо там приживётся.

— Вы пастух чтоль? — удивлённо воззрился парень.

— Купец. Пастухов у меня на фермах хватает.

Простолюдин тряхнул головой, окончательно просыпаясь, обернулся к хижинам и крикнул:

— Бать! Эй, бать, тут пришли!

В пятой слева холупе отворилась дверь, и оттуда вышел бородатый крестьянин в грубой льняной рубахе. Он ёжился от холода и бросил полный раздражения взгляд на гостей, но, увидев, кто перед ним, поклонился:

— Желаю здравствовать, господа. Чем могу служить?

— Овец нам надобно посмотреть. Может статья, и купим парочку.

— Купите? Отчего же, смотрите. Сын, кажи стадо господам.

Древний сам стал осматривать овец одну за одной. Пастух брёл рядом и вмешивался, если очередная овца убегала. Пока молодой ловил особо ретивых, легат успел незаметно насыпать порошок на траву и втереть его в дёсны паре-другой овец, якобы он смотрит их зубы.

Пару минут спустя из хижин повысыпали ребятишки и стали бегать вокруг, разглядывая его и солдат.

— Братку, братку, кто это? — привязалась к пастуху девчонка лет шести.

— Купец, — односложно ответил парень.

— Вы купец? — она посмотрела на легата с таким неподдельным интересом, будто перед ней стоял бог.

— Да, я купец, из Татмера.

— Где же это? Я только Рынду знаю. И ещё Холвинд.

— Далёко, — улыбнулся легат, — За Холвиндом.

Остальные дети облепили наёмников и разглядывали их доспехи. Один, в мгновение ока взобравшись на телегу, осторожно потрогал лезвие протазана.

— Молока с дороги? — спросила у Александра укутанная овчинной накидкой немолодая уже женщина.

— Спасибо. Может, бойцы мои не откажутся.

И действительно, пара человек выпила по кружке, а крестьянка разбогатела на пару медяков.

Древний выбрал трёх овец и отвёл в сторону:

— Сибальт, привяжи этих к остальным.

Новобранец схватил двоих руками, а третью подгонял ногой. Она сделала пару прыжков

в сторону, но попала в руки другому наёмнику, и вскоре её привязали к остальным овцам и коровам, что плелись за отрядом.

— Сколько я должен за овец? — спросил легат у бородатого.

Древний заплатил, не торгуясь, одним прыжком взобрался в седло и опять выехал на дорогу.

Ребятишки до последнего кружились вокруг отряда, пока бородатый не шикнул на них и не загнал в дом. И в этот раз никто ничего не заподозрил. Иногда ловкость рук и немного удачи приносит плоды, гораздо большие, чем целая дивизия.

С ним поравнялся взводный, как всегда внимательно осматривающий окрестности. С полминуты он лениво болтался в седле, пока не спросил:

— На кой чёрт тебе эта живность?

— Разводить хочу. Думаю открыть пару ферм близ Лигоса, когда будем возвращаться.

— Взял бы на обратном пути, они только ребят тормозят.

— Обратно мы пойдём другим путём.

— Как скажешь.

— Взводный, ты никогда не думал обзавестись семьёй?

— Зачем?

— Представь, ты возвращаешься в Татмер, но не в казарму, а в свой дом с тёплой постелью, женой и ребятишками, которые тебе рады.

— Из двенадцати месяцев в году я провожу в Татмере лишь один. Остальные в дороге. Смысл?

— Осел бы, бросил эти путешествия, ты ведь не молод.

— Чем же зарабатывать?

— Не знаю. Муштрой солдат, или ещё что подвернётся.

— Думаешь, я не пробовал? Кем я только не был после второй войны. Но тёпленьких местечек на меня не хватило, а за работу каменщика не всегда платили. Вот и пришлось снова податься в наёмники. А сейчас... Не думаю, что смогу долго сидеть на одном месте. Знаешь, с годами я многое понял.

— Ты был каменщиком? Интересно. И что же ты понял?

— Здесь от меня больше всего толку, пользы. Почти все мои знания — про походы. Как разбить лагерь, как не натереть ноги, где достать воды, что нужно, чтобы быстро и хорошо поставить гуляй-город. Я на своём месте. Пол жизни я искал, хотел уйти от войны, хотел лучшей доли, пока не понял, что лучшая — эта.

— Вот как? Но ведь может случиться внезапная стрела, или банда разбойников, слишком большая, чтобы один взвод управился с ней. Или вас наймут на войну, где вы схлестнётесь с такой же баталией. И дорога тоже порой не сахар.

— Всё так, но что в городе? Сложить дом горожанину, получить деньги, чтобы пропить их, или проесть с семьёй, а потом опять вернуться на стройку и складывать дом для кого-то ещё? Пусть этим занимаются другие. В отряде меня уважают, к моему слову прислушиваются. Особенно после трёх войн, на которые нас нанимали. Помог пару раз парням вовремя отданным приказом, чтоб головы свои не сложили зазря, а это многого стоит. Мне нравится и у меня получается. Только понять это нужно было раньше. Был бы уже ротным.

— Всю жизнь ты так мотаться не сможешь. Старик в отряде не нужен.

— Аааа... — махнул на это рукой наёмник.

— Ты хоть откладываешь на старость?

— Конечно, куда ж мне их девать? Не на шлюх же всё просаживать? В банке, в Татмере хранятся. Коли прижмёт — ногу там отрубят, или руку, или до старости доживу — без денег не останусь. Вот поговорил с тобой, и детей захотелось вдруг. Да нет, ну его. Пустая затея.

— Не обязательно прыгать в это, как в омут с головой. Дорога длинная, подумай, как ты можешь пристроить их в свою жизнь.

— Хитрый древний, опять подкинул мне навязчивую идею. Как с тем купцом, как бишь его? Снова ночью не засну.

— Ты не мог заразиться ей от меня. Значит, в тебе это давно тлело.

— Наверное. Я вот тут подумал, сколько всего такого может тлеть в тебе? Сколько накопилось за три с половиной века?

— Не так уж много, — соврал Легат. Ему не хотелось будить старых демонов.

...

Так они прошли деревню, потом ещё одну. Стадо позади каравана всё увеличивалось. Сибальт и ещё двое наёмников по очереди подгоняли животных. Остановившись приходилось всё чаще — если мокрых людей постоянно студить на ветру, рано или поздно кто-то заболеет, а потом заразятся все. Дожди в последнее время шли по нескольку раз в день, и взводный разбивал лагерь задолго до темноты, или даже в середине дня, чтобы люди могли обсохнуть, согреться и выспаться. Бессмысленно пытаться гнать их вперёд, а потом торчать на одном месте, когда все выбьются из сил.

Сегодня днём легат выгнал посреди поля трёх овец, сказав остальным, что они больные и могут попортить всё стадо. Конечно, предварительно он хорошенько смазал их дёсны отравой. Неделью они не подадут признаков болезни, а за это время их обязательно подберут местные крестьяне и обрекут на смерть свои собственные стада.

«Мы идём зигзагом через всю страну. Зачем?» — спросил однажды взводный. «Стараюсь посмотреть побольше скотины», — отвечал тогда Александр. Ему не очень-то хотелось посвящать наёмников во все тонкости.

Через пять дней всё стадо за отрядом сменилось полностью. Через восемь — уже дважды. Ему удавалось дурить всех. Любой покупатель смотрит зубы у скотины, и многие делают это в перчатках. Его же перчатки давно пропитались ядом, опасным, но не для людей.

На тринадцатый день до границы оставались сутки. Легат распустил всех животных до единого. На вопрос одного наёмника, не лучше ли было их поубивать и сжечь, древний ответил, мол, болезнь не заразная, и местные вряд ли вообще посчитают это болезнью, но она отразится на чистоте породы в будущем. И поэтому он признал перед всеми, что вложение было неудачным, если не считать тех четырёх баранов, коих они сами съели по пути.

Больше всех плевался Сибальт, который гнал всё это стадо почём зря столько времени, хоть он и не высказал всё открыто, но читалось это по одному-единственному взгляду.

Так, проклиная погоду, паршивые дороги, больную скотину и древнего, что тащил их столько вёрст по этой грязной стране, отряд дошёл до границы с Маунтинвудом и, оставив надежду пройти таможеню до темноты, стал лагерем прямо напротив заставы. Пограничники глядели на них с опаской, пока взводный не отправил человека для прояснения ситуации. Ведь, если не собираешься ни с кем воевать, лучше сразу сказать об этом. Сбор солдат у чужой границы всегда выглядит подозрительно.

Дороги в Маунтинвуде оказались лучше грязных тропок Вудвинда, но всё же и не чета трактам Холвинда. С утра устоялся сухой холод, и продержался он до конца их путешествия в столицу, Вышеград. Они больше не заходили в деревни по пути и дошли до города всего за пять дней. В земле им попадались больше камней, а к концу пути древнему порой казалось, что он снова в Горной стране. Город стоял в огромной долине, у самого подножия гор. То и дело навстречу проезжали телеги, гружёные камнями или углём. Естественно, что с таким обилием камня в краю, городская стена была очень высокой, в шесть-семь этажей. А толщиной в сорок шагов снизу и пятнадцать наверху.

Большие восточные ворота работали только на въезд. Очередь из повозок растянулась на полверсты. В планы древнего не входило такое долгое ожидание. И времени было жалко, и здесь ему выгоднее выпятить свой статус. Он взял с собой взводного, и вместе они поскакали по обочине мимо огромной очереди, из которой на них то и дело смотрели с укором. Легат приосанился, когда подъезжал к стражникам и приготовил бумагу.

Один из стражников постарше, по всему виду, сержант, увидел их и сразу пошёл навстречу. Его лицо было таким, словно он только что вступил в коровью лепёшку:

— Здравствуйте, вас без очереди, да? Мне бы документ глянуть...

Древний отдал бумагу, сержант кликнул солдата и передал тому удостоверяющий патент.

— Не умею читать. Сейчас капитану отнесут, он прочтёт.

Делать было нечего, и все просто ждали.

— Позвольте спросить, вас только двое? — ещё раз окинул их взглядом стражник.

— Нет, — ответил взводный, — Тридцать человек и шесть фургонов. Люди устали, ждать не будут.

— Это вам через очередь продираться? — скорчил он недовольную гримасу, — Ой, чего сейчас начнётся...

— Помочь вы не можете?

— Не велено от ворот отходить.

— Ладно, с народом мы сами разберёмся, лишь бы вы пропустили быстрее.

Вернулся тот, кого отправляли к капитану:

— Велено пропустить легата и всю его свиту.

Сержант кивнул им:

— Если пробьётесь через толпу, задерживать вас не буду.

Легат и наёмник поскакали обратно.

— Убирай телегу, нам проехать надо, — крикнул Байл тому, кто был ближе всех к каравану.

Человек устало посмотрел на взвод позади и стал съезжать на обочину.

Однако, уже следующий заартачился:

— Чегой-то я должен уступать дорогу каким-то чужакам?

Ещё трое местных в поддержку встали позади него, и лишь один его спутник с явным сомнением смотрел на происходящее.

— Убирай, — спокойно повторил Байл.

— И не подумаю.

Командир наёмников нахмурился и посмотрел на огромную очередь, медленно спешил, вытаскивал из-за ремня конный хлыст и три раза сильно ударил местного заводилу. Лицо его при этом не выражало никаких эмоций, лишь глаза горели стальным блеском. У

наглеца тонкой струйкой потекла кровь из-под уха, он согнулся и закрылся руками, а Байл размахнулся опять.

— Не надо, мы сейчас уберём, — тот, кто стоял в стороне, принялся отводить лошадей с дороги.

Его примеру последовали и остальные: представление собрало немало зрителей. Наёмники свободно двинулись вперёд, но ближе к концу очереди снова произошла стычка. В этот раз народу, что не хотел их пропускать, было гораздо больше. Они издалека смотрели, как караван древнего пропускают остальные, и, казалось, злились тем сильнее, чем больше человек освобождало дорогу.

— Не хотите добром пропустить? — без особой надежды спросил их старший наёмник.

— Жди, как все, иноземец, или проваливай, — выкрикнули из толпы.

— Это караван легата древних, между прочим.

— Да хоть самого Кроноса. Король говорил, что горожанин выше чужеземца.

«Смотря какого».

— Взвод, атака с фронта!

Наёмники очень быстро построили баталию и ошетинились протазанами из-за щитов.

— Разгоните их, но лезвием не бить, только древком.

Баталия сделала первый шаг, и из сорока человек напротив сразу разбежалась половина. Когда наёмники подступили вплотную, дали дёру ещё семь человек. Оставшихся быстро смяли.

— Чего вы стоите? — орал на соплеменников один из них, сбитый наземь щитом, — Надо всем вместе!

Но толпа лишь безмолвно взирала на него и остальных неудачников, а вскоре и он замолчал, получив сапогом по челюсти, отчего кровь смешалась с дорожной пылью по всему его лицу, и он стал лишь бессильно плевать, отползая в сторону.

— Взвод, убрать телеги с дороги!

Солдаты тут же оставили корчащихся на земле людей и побежали к чужим повозкам. Шестеро, что навалились на первую, похоже, собирались просто перевернуть её со всей поклажей.

— Отставить! — гаркнул взводный, — Аккуратно делаем. Есть же идиоты, — разочарованно выдохнул он, — Только дай им с цепи сорваться.

— Заставь дурака молиться, он и лоб расшибёт, — ответил легат.

Остальная очередь связываться с их караваном не захотела, но на воротах их ждал капитан:

— Что же вы заранее не прислали весть, легат? Расчистили бы вам путь. У меня отряд не полный, с ворот не отойдёшь, пустые останутся... Но командиры бы нашли из других рот, или сам бургомистр отрядил бы кого-нибудь, — извиняясь, лепетал он.

— Не думал, что у вас тут такое столпотворение. В следующий раз непременно отправлю вперёд гонца. С оружием что?

— Закон велит сдавать всё, кроме эспады или кинжала, если отряд больше десяти душ.

— Байл, распорядись. Где тут у вас постоянный двор?

— На тридцать с лишком человек? Только два таких: «Шахтёрская радость» и «Очаг».

Первый прямо и вверх по дороге, второй налево и на второй развилке направо.

— Могли оставить всех снаружи, — сказал Байл, когда они отъезжали от ворот.

— Эта очередь на весь день. Пусть люди лучше отдохнут.

— Добро.

«Да и шумиха мне на руку».

В самом городе было не так людно, как в Биргэме. Даже на главных улицах дома не сильно теснились. Тоже каменные, они, однако, были сработаны грубее, чем в столице Холвинда. Древний заплатил трактирщику вперёд за несколько комнат и еду, сам же взял Байла с Сибальтом и отправился в место попримичнее. Здесь он уже не скрывал статуса и занял лучшие покои, что были в городе. Он тоже устал с дороги и хотел отдохнуть как следует, а постоялый двор «Золотой балдахин» лучше всего подходил для этого, в том числе и благодаря купальням, славящимся на весь город. Поговаривали даже, что сам король время от времени посещал их, особенно среди ночи.

Трактирщик, хоть и лебезил перед ним, заломил цену нещадно. Александр ультимативно сбил её на четверть и заявил, что в неё входят купальни и еда. В дороге древний вёл себя попроще, но здесь, в городе, стал играть в уполномоченного легата, наделённого всей необходимой властью и представляющего самое могущественное государство в мире.

— Принеси что-нибудь перекусить в наш номер, — приказал он трактирщику, — И через пол часа приготовь нам зал в купальнях, а после уж поедим как следует.

Управляющий, видно, понял, что лучше не спорить, и цена его, похоже, устраивала вполне. Тем более, деньги за три дня он получил вперёд. Потому он просто согнулся в поклоне и молча проводил их в номер.

Перекусить принесли ржаной хлеб, масло, протёртое с чесноком, хороший сыр, холодец, несколько ломтей вяленого мяса и подогретое вино с корицей. Александр кивнул, одобряя выбор — и голод собьёт, и в купальнях не будет болтаться в животе.

Номер его был хорош: две комнаты с удобными кроватями, в дальней — камин, лепные стены, высокие потолки с люстрами, ковры и стулья, обтянутые дорогой тканью, массивный деревянный стол посреди первой комнаты. Но больше всего бросалась в глаза чистота и то, что не было ни одной детали, к которой мог бы прицепиться глаз. Вся мебель как новая, лак нигде не истёрт, ни единой нитки на шторах не торчит, свечи в люстрах — как на подбор. И так во всём. Это нравилось древнему гораздо больше, чем роскошная лепнина, дорогая ткань, или огромные люстры. Порядок до мелочей. Возможно, это было следствием его немалого опыта, как хирурга. Просто профессиональная склонность.

Легат намазал масла на хлеб, положил сыр, отведал холодца и глотнул вина. Потом съел кусок мяса. И только после этого показал на стол наёмникам. Он понимал, что в номер могут заглянуть в любой момент, поэтому негоже легату есть за одним столом с солдатами. В городе нужно держать лицо.

Байл тоже прекрасно это понимал. Именно поэтому у них и сложилось что-то вроде дружбы. Древний всегда, всю свою жизнь мотался по делам, и часто слышал, что дела и дружбу смешивать нельзя. Но у него просто не было другого выбора. Невозможно все триста лет ходить по земле истуканом, который только выполняет волю совета и сух, как бархан посреди пустыни. Если вечно перед всеми держать дистанцию, можно сойти с ума. Во всяком случае, Александр точно сошёл бы. Поэтому сам он относился ко всем проявлениям социального статуса легко, но играл роли для других людей, ведь для них это было важно. И он обязан был поступать так, чтобы его воспринимали с выгодой для предстоящего дела. Именно поэтому иногда приходилось корчить из себя вельможу. Именно поэтому он не мог ждать очереди в город со всеми. Именно поэтому приходилось применять силу чаще, чем он

того хотел.

Когда четверо наёмников принесли его сундук и чистые вещи Байлу, они пошли в купальни. Сибальт так и паялился на всё вокруг, не веря своему счастью. Легат же смыл с себя дорожную грязь и отправился в парилку. До чего же хорошо было прогреть кости после долгого пути. Наёмники вскоре присоединились к нему и, неожиданно для всех, новобранец нарушил молчание:

— Вы что, хотите сделать меня взводным сержантом?

Командир наёмников и легат переглянулись.

— Вторым после Байла, да? Иначе зачем таскаете меня всюду с собой?

Взводный усмехнулся:

— Нам просто нужны быстрые ноги поблизости. На всякий случай. А сюда взяли, чтоб от тебя не воняло, как от бездомного пса.

— Аааа, — разочарованно протянул Сибальт, — Я подумал...

Воцарилось молчание.

— Хочешь быть взводным? — спросил молодого наёмника легат.

— Кто-ж не хочет?

— Допустим, я тебя понимаю. Простой парень из деревни дослужился до командира взвода знаменитого Пурпурного отряда. Почти что сказка. Но Байл тоже был когда-то простым парнем. Вопрос лишь один — что ты делаешь для продвижения по службе?

— Тренируюсь каждое утро, как мне взводный и наказал.

— Ещё?

— Приказы выполняю, не ною, стараюсь хорошо всё делать.

— Остальные в отряде тоже не ноют, но взводный один, а простых солдат много. Значит, твоих усилий мало.

— Так что-ж ещё-то делать?

— Парень, как вообще, по твоему мнению, становятся взводными? — вмешался Байл.

— Ну... Сначала нужно стать сержантом. А их выбирают из лучших солдат.

— У нас плохих солдат не бывает. Выбирают из тех, кто больше всех знает о нашем деле.

— Как строиться, как следить за доспехами, крепить гуляй-город и прочее такое?

— Это все знают, кто хоть два года отслужил. Я про другое. Знаешь, чем конницу бить?

— Дак, енто, пиками конечно, в баталии.

— А лучников?

— Конницей.

— Ну, а баталию?

Новобранец задумался:

— Хм... Баталией можно, наверное...

— Баталия на баталию — резня с неизвестным исходом. Но есть вещи, которые склоняют чашу весов в твою пользу: место, момент атаки, особенности построения. Вот это всё знать бы неплохо. А для этого надо или читать, или чтоб рассказывал кто. Мне всё подряд рассказывать некогда, значит, придётся читать.

— Не умею я.

— Тогда не видать тебе нашивок взводного.

Сибальт понуро опустил голову.

— Учись, — сказал легат, — У тебя ещё есть время.

— Как?

— Могу помочь, но бумагу, уж будь добр, сам себе достань. И перья. Всё, иди мойся и смени ребят, что охраняют мой сундук.

Обнадёженный парень кивнул и убежал, а старый наёмник вопросительно посмотрел на легата:

— Древние же не делятся своими секретами...

— Это уже давно общее достояние. Он может и сам научиться, а нам с тобой не помешает развлечение в дороге. Посмотрим, как мы сможем его изменить, а?

— Не слишком ты носишься с пареньком?

— Кто бы говорил. Это же ты поручился за него перед начальством.

— Будут говорить, выскочка...

— А, знаешь, пусть кто хочет, с ним занимаются. Я не против.

— Есть ещё солдатские дела.

— Покумекаем с тобой, чтоб им это не мешало. Уверен, найдём способ.

— Добро. Пойду, гляну на местных баб.

— Не растрать всё жалованье, они здесь дорогие.

— Дак и моё жалованье не маленькое. Иль ты забыл, сколько нам платишь?

— Сколько из того уходит лично тебе?

— Пятая часть.

— Ого! Так ты можешь жить на широкую ногу.

— Иногда позволяю себе. Иначе зачем всё это богатство?

Взводный ушёл, а легат немного поплавал в бассейне и стал собираться. Когда он узнал, сколько денег получает Байл, ему стало немного не по себе. Это была очень крупная сумма, и сама собой закрадывалась мысль, что взводный подстраивается под него из-за денег. Причём, мысль-то тривиальная. В этом ведь не было ничего необычного — в мире полно таких людей. Этот же мог настолько преуспеть, что и не чувствуется его выслуживание. Или нет? Вот из-за этого легат и не любил порой влезать чересчур глубоко в чужую голову — рано или поздно наткнёшься там на что-нибудь, что тебе не понравится. Он плюнул на всё и решил купить себе самую дорогую куртизанку. В конце концов, ничего человеческого было ему не чуждо.

Получаса вполне хватило на всё про всё. Статная пышногрудая девица лет тридцати даже немного расстроилась под конец:

— И всё? — спросила она красивым грудным голосом, — Даже не привяжешь меня к кровати? Не заставишь рукоблудить у тебя на глазах, или ещё что-нибудь? Я многое умею, поверь.

— Хозяин платит тебе за время, да?

— И что с того? Ты богат и тебе нравится.

— Времени у меня как раз нет.

— Странно слышать это от древнего, но заходи, если оно появится.

Он оделся в тот костюм, что приобрёл в Холвинде и вышел в роскошный холл постоянного двора. К нему тут же подскочил управляющий:

— Ужин готов, прикажете подавать?

— Да. И пришли ко мне посыльного через час. Такого, что знает город, и, главное, знает местные артели.

— Непременно, — поклонился мужчина.

Легат решил, что на этот раз не будет разъезжать по городу, а вызовет к себе всех, кого необходимо, иначе вместо отдыха получится непонятно что, так много их было. Каменщики, строители, угольщики, ткачи, купцы, хлебопёки, фермеры, кузнецы, ростовщики и прочие — со всеми, у кого в доле древние, нужно поговорить. Многие создавались ещё до Александра, при содействии других легатов, но главное — все они помнили уроки и нипочём бы не стали противиться решениям легата. Пару уроков несколько десятков лет назад преподавал им сам Александр. Теперь же предстояло с помощью них преподать урок князю Болеславу, этому дураку-однодневке, что не способен даже приоткрыть ширму невежества и представить хоть на секунду, какого влияния могуд достичь люди, живущие тысячу лет и знающие больше, чем он может узнать за всю жизнь. Князя он не особенно жалел, а вот народу его придётся хлебнуть горя. Но такова политика — тут не выйдешь сухим из воды. Поэтому он отдал должное великолепной корейке ягнёнка, сырному супу с клёцками и речной форели, запивая всё это хорошим вином, а после принялся составлять список тех, кого следует позвать и расписание на завтрашний день.

Когда пришёл посыльный, легат уже принялся за письма:

— Жди, — бросил он вошедшему.

И отдал две стопки, когда закончил:

— Эти отнесёшь сегодня, эти можно завтра, — распорядился древний, понимая, что давно наступил вечер, и парень уже не успеет оббежать все адреса.

...

— У вас есть другие поставщики дерева? — спросил легат у главы Западной Артели Строителей Вышеграда.

— Разумеется, но они могут обеспечить лишь треть необходимого нам количества, — суровый глава артели, бывший каменщик, сам был словно высечен из камня со своей топорной бородой и угловатым скулами. Берет по последней моде и расшитый серебром камзол смотрелись на нём чужеродно, но дело своё он знал как следует. Сейчас каменщик смотрел на древнего прямо, не моргая, внимательно ожидая, что тот скажет.

— И, кроме дровосеков Вудвинда, поблизости никого?

Утвердительный кивок.

— Я напишу в Кантанию, вам пришлют столько, сколько нужно.

— Но перевозка...

— Да, будет несколько дороже, придётся потерпеть. Полгода будете закупать не у Вудвинда, потом можно будет возобновить торговлю. Полгода, вы поняли?

— Понял.

— Надеюсь на ваше благоразумие.

Каменщик поднялся, поклонился и вышел.

Александр настроил письмо в Общество Лесных Предпринимателей графства Бриси и подал знак Сибальту. Наёмник впустил следующего посетителя, уже от гильдии кожевников, и разговор снова пошёл о закупочных ценах, долях торговых партнёров в производственной цепочке, возможных потерях и прочих вещах, связанных с торговой блокадой Вудвинда. Конечно, древний обладал несравнимо большей экономической эрудицией, чем любой из посетителей, вдобавок, взгляд его был на порядок шире. Но он не знал мелочей на местах. А в мелочи вникать было необходимо — нельзя просто обрубить все торговые отношения своих же артелей с соседом. Всем им требовалась альтернатива, иначе это всё равно, что пилить сук, на котором сидишь. И поначалу вникать удавалось быстро, но

к концу дня мозг легата уже еле ворочал извилинами. Это никак не походило на отдых перед трудной дорогой.

Древний облегчённо выдохнул, когда последний посетитель закрыл дверь в комнату. Он расстегнул верхнюю пуговицу сюртука и пару мгновений посидел, собираясь с мыслями. Потом решил было идти в купальни, но вовремя вспомнил про письмо из ссудного дома. Он развернул конверт. Письмо было от Филина:

«Спешу сообщить, что по Вудвинду ходит мор. Он не опасен для людей, но подчистую косит всю домашнюю скотину. От деревень возле столицы он покатился дальше, к границе с Маунтинвудом. Издыхающих животных можно есть, но пастухи не успевают свежевать околевшую скотину. Скоро в стране начнётся голод. Зоран Лютич, командир Огненной дружины князя, направил гонца в Холвинд. Он подозревает, что вы не тот, кем представлялись. Дружины уже начали отъём запасов у крестьян для нужд войска, но очевидно, что на всех не хватит. Многие крестьяне, прознав про это, поедают то, что есть, или прячут в лесу. Если такие попадают войскам за этим делом, их вешают на месте. Никто не понимает, в чём дело, но недовольство среди противников князя возросло. Филин».

Это было только начало. Когда запасы закончатся, князь Болеслав примется скупать еду у соседей, но ему ответят лишь те, кто ещё не успел прорасти корнями древних, а таких слишком мало, целую страну им не накормить. Дальше почти полностью остановится торговля и придётся растратить запасы. И пару сюрпризов напоследок довершат дело, полностью обескровив князя. Вот тогда можно будет пробовать говорить снова. Он сунул письмо в камин, прихватил чистое исподнее и пошёл в купальни.

...

Утро за городской стеной встретило их стужей, но отдохнувшие и поправившиеся наёмники не тряслись от холода и не гнулись под ветром, хотя и оглядывались на Вышеград с некоторой грустью. Но идти по сухим дорогам было гораздо легче. Кое-где припорошил первый снежок. Древний полагал, что пройдёт месяц, прежде чем снег станет проблемой. Когда они отошли подальше, Байл снова построил отряд:

— Легат хочет обратиться к вам.

— Опять будем охранять торговца? — послышалось из строя.

— Не совсем, — улыбнулся древний, — Сибальт изъявил желание обучаться грамоте у меня. Чтоб вы не сочли его особенным, я готов обучать всех желающих.

— Сколько нужно платить?

— Это не секретные знания, я ничего с вас не возьму, если будете стараться. Кто в деле — шаг вперёд, я объявлю, что да как.

Люди стояли.

— Смелее, — крикнул взводный, — Мы всё обсудили. Никакого колдовства, бойцы.

Один наёмник робко шагнул вперёд. Следом ещё и ещё, пока не набралось восемь человек.

«Занятно. Не думал, что их будет так много», — древнему пришлось раздать по листу на пару.

— Остальным разойтись, десять минут стоянка!

Легат заставил их выучить пять букв алфавита. На следующий день — ещё пять, и так до тех пор, пока они не заучили всё. Было забавно наблюдать, как закалённые в битвах мужи, со щрамами и грубыми, обветрившимися лицами, сидят у костра и заучивают то, что пристало

учить самым маленьким школьникам. Как они спрашивают друг у друга, что это за буква, если кто-то забыл. А если никто не мог вспомнить, они подходили к древнему все вместе и один из них спрашивал, а остальные смущённо стояли и внимательно слушали, боясь неправильно услышать из-за шума ветра. Это плёвое дело, ни к чему никого не обязывающее, поначалу было для древнего развлечением в дороге, но, глядя на то, как серьёзно к нему относятся остальные наёмники, он сам преисполнился важности происходящего.

В степях Ослязии — страны, по которой они шли — бушевал ветер. Северный сосед Вудвиндского княжества не мог похвастать таким же количеством леса на своих землях. Это обстоятельство легат знал заранее, потому предусмотрительно вызвал двух торговцев от собственных предприятий лесорубов — из Холвинда и из Кантании. Сейчас же он гадал, кто окажется первым в столице Ослязии, Шумном Гроде — он, или торговцы.

Под конец дорога стала совсем тяжёлой из-за ветра. Пришлось мазать лица гусиным жиром, так он был силён. Но через пять дней они всё же прибыли к городским воротам. Древний заранее отправил гонца, но нужды в этом не было — очередь в Шумный Грот оказалась всего из двух повозок, к тому же, для особых гостей существовали отдельные ворота.

Город стоял в неглубокой долине среди холмов. Городская стена, аккуратные домики внутри и густо плетёные высокие ограды между ними делали ветер едва ощутимым. Своей северо-восточной стороной Шумный Грот выходил на морской залив, и в порту было столько кораблей, что путнику, побывавшему там хотя бы час, целый день потом мерещился скрип мачт.

Легат разместил наёмников возле порта, на постоялом дворе, давно уже выкупленном древними. Сам же нашёл место попримечнее — трактир «Лунная дорога», в который взял пять человек охраны и все три сундука, не желая оставлять золото в районе порта, пусть даже его и охраняют тридцать человек.

Узнав всё, что было необходимо от прибывших на следующий день торговцев, Легат добился аудиенции у курфюрста местных земель, герцога фон Дройвера. И сейчас он слегка склонился в учтивом приветствии:

— Господин курфюрст, позвольте приветствовать вас от лица Страны Древних. Уполномоченный легат, Александр.

— Не вы ли так удачно приняли роды у королевы Катиль? — герцог поправил рукава белоснежного сюртука и что-то чиркнул на бумаге.

— Выпала такая честь. Вам тоже требуются услуги подобного рода?

— Милостью Нири, которой мы с супругой возносим каждодневные молитвы, все семеро наших детей здоровы, а роды всегда проходят хорошо.

— Рад слышать.

— Вы просили аудиенции. Зачем?

— Знаю, как вам дорог каждый час в сутках, поэтому не буду ходить вокруг да около. Вас обманывает сосед, князь Болеслав.

— Каким же образом, позвольте узнать?

— Вы покупаете у него лес по завышенным ценам. Ему ближе всех, но продаёт он вам дороже остальных.

— Момент. Веккер, казначея ко мне! — крикнул герцог.

Пока ждали казначея, легат огляделся. Кабинет скорее походил не на королевский, а на обычный. Это не был необъятный зал с высоченными потолками, окнами почти во всю

стену, гербом, шестью хранителями и прочим, как у короля Нойера. Да будь тут шесть гвардейцев, в комнате стало бы тесно. Атрибуты богатства, конечно, имелись: дорогие шторы, резной массивный стол, золотые ручки дверей, золотые же таблички на полках. Но в остальном комната была образцом порядка и разумной экономии.

«Бережёт казну? Или просто не любит огромных помещений?»

Наконец, двустворчатая дверь приоткрылась и меж двух золотых ручек показалась лысина:

— Вызывали, господин?

Герцог кивнул, и в кабинет ввалился низкий дородный человек с книгой подмышкой.

— Йохим, почём мы берём лес у Вудвинда?

— Господин курфюрст, дуб по шестнадцать пенсов за куб, ясень двенадцать, берёза и вовсе пять.

— Совпадает с моими данными, — покивал легат.

— За что его люблю, наизусть все цифры помнит, шельмец!

— Могу идти, ваше величество?

— Стой, не отпускал ещё. Легат древних предлагает нам дешевле. Насколько, кстати? — повернулся монарх к Александру.

— Тринадцать, десять и четыре, если будете брать десять тысяч кубов или больше.

— Откуда же такой лес?

— Из Холвинда. Если его не хватит, поддержку объём поставок из Кантании.

— Вот как? Мой добрый сосед Нойер и лес научился вырубать лучше Болеслава? Хотя это вряд ли. Наш Болеслав просто жаден непомерно, это давно известно...

«Добрый сосед Нойер? Это хорошо, даже превосходно».

— Господин курфюрст, — продолжал древний, — Предлагаю заключить договор о намерениях, в который будет входить пробная поставка леса. Если качество устроит, зафиксируем цены на полгода.

— Отлично. Я всегда за разумную экономию. А Болеслав пусть снижает цену, хапуга. Сколько вы говорите? Двенадцать, восемь и три?

— Тринадцать, десять и четыре...

— Что-ж, всё одно, неплохо. Йохим, готовь договор.

Легат откланялся. Он знал, что князь не сможет снизить цену — то, что он предложил курфюрсту, была примерная граница себестоимости для Вудвинда, небольшой убыток для предприятий Холвинда и чуть больший для лесорубов Кантании. Но Александр принимал эти убытки, как жертву ради осуществления миссии. К тому же, для финансовой империи древних это капля в море.

Вечером древний получил первый вариант договора, к которому недолго составлял протокол разногласий — лишь для виду, ведь договор в любом случае нужно было подписывать. От верных людей он узнал, что в городском порту уже развернули баржу из Вудвинда. Курфюрст оказался азартным торговцем. Древний живо представлял, как он потирает руки в надежде утереть нос Болеславу. Но, если герцог фон Дройвер воевал ценами, торговыми соглашениями и поиском новых партнёров, и для него это была скорее игра, то князь Болеслав привык воевать совсем другим способом.

На следующий день договор о намерениях был подписан, и легат опустошил две чернильницы на письма лесорубам из Холвинда и Кантании. Когда гонцы отправились в путь, древнему не оставалось ничего другого, как тронуться в путь самому — переждать

предстоящую бучу лучше всего в Колопышевске, городе-княжестве на юго-западе от Вудвинда. Богатом и независимом, а главное — под управлением вече, больше половины членов которого были обязаны древним, или банально ими куплены.

В пути ничего не случилось. Легат продолжал учить грамоте солдат, и к концу похода они уже могли читать короткие слова. Зима вступала в свои права на территории всех северных королевств. День укоротился до предела, снег на дорогах уже откровенно мешал, а мороз по ночам становился таким, что проще было провести всю ночь у костра, чем спать в палатке, если в ней нет печи. И легат оплатил постой за две недели вперёд, когда они прибыли в город.

Писать новые письма пока было рано, дел в этом княжестве у него не было, и весь их постой напоминал зимнюю спячку. Коротать скуку помогало только забавное обучение солдат чтению и письму, местная библиотека и занятия с мечами на заднем дворе корчмы, в которых древний почти каждый день принимал участие от безделья. Поняв, что он хорош с мечом, и лишь четверо наёмников отряда могут его одолеть, бойцы зауважали его ещё больше. Но легату стало грустно от этого: предыдущий отряд, с которым он так же сблизился, почти весь погиб в стычке двадцать пять лет назад, и древний боялся того же исхода снова. Он понимал, что логической связи тут нет, и виной всему дела совета, порой опасные и непредсказуемые, а не его личное отношение. Только терять людей, к которым привык, и кто уже не относится к тебе как к колдуну, всегда тяжело. А предчувствие шептало, что терять придётся.

В конце первой недели пришло письмо от Филина:

«Голодомор шагает по княжеству. Сначала еды хватало всему войску, лишь крестьяне оставались голодными. Теперь же вдоволь наедаются одни столичные дружины, а другие отряды с каждым днём сильнее недовольны. Прекратили поступать товары из Маунтинвуда, а их торговцы ничего не закупают. Это ослабило поток налогов в казну. Князь кинулся закупать еду у Холвинда, но их торговцы продают мало и повышают цены. Казна пустеет. Зоран Лютич и его дружины хватают всех подряд и пытаются выведать, кто устроил всё это. Похоже, они поняли, но сделать ничего не могут. Вчера пришло послание от короля Маунтинвуда с ультиматумом: если князь не перестанет беспричинно хватать его купцов, король начнёт делать то же самое с купцами князя.

Зоранские дружины лютуют, недовольство среди бояр возрастает, один из недовольных сблизился с молодым княжичем, Владиславом. В селе на юго-западе подавили бунт. Для этого пришлось повесить каждого третьего. Два села у столицы опустели — люди просто ушли. По — крайней мере те, кто остался жив».

Легат подпалил бумагу от свечи, смял и бросил её в глиняную плошку. Язычки пламени пожирали её с одной стороны, потом перекинулись на другие, и вскоре комок был охвачен со всех сторон. «Как с этим княжеством, — подумал древний, — Ещё не поздно затушить, но, если не вмешаться, всё превратится в золу. Что-ж, не играй с огнём».

Всё шло по плану. Александр пока не видел нужды вмешиваться. Он лишь отправил письмо князю, не скрывая уже, кто он такой, с предложением оставить древним их деньги и предприятия, впрочем, не особо рассчитывая на успех. Слишком спесив был князь, чтобы признать поражение, и легат решил подождать следующего его шага. Он не испытывал радости от того, что побеждает, ведь всё это походило на сражение с ребёнком. В мире были страны, свалить которые стоило немалых трудов, но остолоп-князь со своим мелким княжеством разваливались от ветра ненастий, посланного легатом. Ему пришло в голову, что

лучше бы князь не допускал иностранцев ни до чего, как это делали горцы. Но сам князь уже не мог этого сделать, а его предки профукали момент, когда только расселялись на этих землях. Возможное нападение княжеских дружин на Колопышевск не сильно пугало легата, но он всё же подчеркнул в письме, что его убийство разногласий не решит, а только ухудшит отношения.

Ещё одна неделя пролетела за обучением наёмников. Древнему настолько нечем было заняться, что он стал учить их писать в кабинете, и сейчас смотрел на восьмерых суровых мужиков, неловко гнувшихся над листами бумаги за столом.

— Как «А» пишется? — спросил Сибальт у соседа.

— Ты что, забыл? Она на лезвие протазана похожа.

— Точно! — новобранец вывел нужную букву у себя на листе.

— Все написали?

Наёмники повернули листки к нему. «Атака» — было написано на каждом из них.

Александр указал на один из листов:

— Буквы должны стоять ровно, как солдаты в строю.

— Господин легат, держать построение я учился год, а пишу всего пару недель.

— Твоя правда, солдат. Немного терпения, пару месяцев стараний и всё получится. Но и сейчас есть, чем гордиться, как и всем вам. Следующее слово — «защита».

Ученики вновь склонились над бумагой, а в дверь постучали:

— Господин легат, к вам гонец из ссудного дома, — возвестил часовой.

— Обыскали?

— Да.

— Пусть войдёт.

Древний взял у посыльного чистый конверт и вскрыл его. Вновь Филин:

«Князь получил письмо древних с предложением вернуться к переговорам и почти одновременно — отлуп от герцога фон Дройвера. Он чуть было не повесил гонца, но лучше бы повесил и успокоился. Вместо этого Лютич собрал все его дружины, кроме приграничных, и двинул их на границу с Ослязией. «Если не получается прищучить древнего, будем давить его приспешников», — так сказал князь сегодня утром, отправляясь вслед за войском. Столица осталась почти без защиты, на границах жалкие крохи, в деревнях подыхают от голода. Князь надеется прокормить войско фуражировкой на территории врага, но некоторые из бояр осмелились открыто перечить ему, указывая на то, что в Ослязии мало деревень, а территория до столицы — почти сплошь снежные пустоши. Никого не казнили, но недовольство на пределе. Князю удалось сплотить войско против общего врага, но воевать с пустым желудком их долго не хватит. Только вчера я слышал, как ратник из западной дружины поносил князя и Лютича последними словами, думая, что рядом никого, кроме друзей».

Письма идут в Колопышевск около недели. Вероятно, князь уже пересёк границу и воюет с Ослязией. Идут, конечно же, быстрым маршем. Еда-то заканчивается. Вряд ли стоит ждать осады Шумного Грота. Будет или штурм, или продвижение вглубь страны в поисках фуража. Нужно действовать быстро.

С этими мыслями легат взял пустой лист и сел за стол, не обращая внимания на удивлённые взгляды наёмников. Перо быстро забегало по бумаге:

«Его Величеству королю Нойеру, владетелю Холвинда.

Сим письмом легат древних Александр просит вас собрать войско на границе с

Вудвиндом и продержат столько, сколько потребуется, встав лагерем у заставы соседей. Переходить границу пока не нужно, как и захватывать заставу. От любых комментариев людям князя также прошу отказаться. Но они должны видеть, что к границе стягиваются великие силы. Если всё пойдёт по плану, боевых действий удастся избежать и все ваши обязательства, не затронутые договором, будут выполнены. Об отводе войск сообщу в отдельном письме».

Он поставил печать древних, залепил конверт воском, позвал гонца и передал письмо:

— Самым срочным до Биргэма, лично королю Нойеру от легата Александра. Сколько уйдёт времени?

— По зиме дня два. Четырёх лошадей загнать.

— Извольте, дело срочное.

Легат прикинул, что войско короля подойдёт к заставе Вудвинда, в лучшем случае, через неделю. Ещё дня три-четыре, а то и больше, гонец будет нести весть князю. За это время князь, вероятно, или возьмёт Шумный Грот, или потеряет войско. Но, может статься, гонец успеет до штурма, и князь поймёт, что бесполезно сражаться с древними. У всех ведь есть предел... После нужно будет организовать поставки еды в долг и взять с князя с процентами...

В комнату вошёл взводный:

— Эй, бездельники, живо во двор, маневрировать с остальными! Пером и чернилами битвы не выиграешь, ясно вам?! Бегом!

«Интересно, дружище. Я вот только что выиграл целую войну как раз пером...»

...

На дворе стоял погожий зимний день. Через окно древний видел, как снег оседает на ставнях, крышах и заборах. Как вчерашний утопанный наст покрывается мягкой пеленой. Во двор влетел знакомый уже гонец и, наскоро привязав лошадь к забору, вошёл в дом. Древний слушал торопливый стук шагов по ступеням, охлопывание наёмника за дверью, шорох бумаги. Когда посыльный вошёл, Александр не отвернулся от окна, лишь протянул руку за письмом. Он подозревал, что письмо от Филина, и что в письме нет ничего хорошего. И это «ничего хорошего» — его рук дело. Нехотя и устало он всё же развернул письмо:

«Переход до Шумного Грота выдался тяжким, мы потеряли изрядно людей, ещё даже не сражаясь. Дезертиры, или обессилевшие от голода. Князь провёл один кровавый штурм, но был отброшен. После прискакал гонец с восточной заставы и поведал про войско Нойера. Вечером того же дня, на совете, когда Лютич ушёл проверять осадные лестницы по приказу князя, молодой княжич ударил отца кинжалом в глаз. Никто из бояр не сказал ни слова. Сейчас молодой князь ведёт переговоры с курфюрстом, а Лютич собрал своих самых верных людей и исчез. Филин».

Древний потянулся за свечой, но во двор влетели ещё три всадника. В одном из них легат узнал молодого князя Владислава. Опять шаги по лестнице, опять охлопывания часового, опять скрип открываемой двери. И вот князь стоит перед ним — вымотанный, уставший, осунувшийся после долгой скачки.

— Чем я могу служить? — вместо приветствия говорит древний.

— Остановите это. Я сделаю всё, что вы скажете.

Глава 4: порядок бьёт хаос

«Вас так много, а меня так мало, — подумал он, вертя в руках эспаду очередного горе — дуэлянта, — Но вы дрогнули и побежите». Этого спасти не успели — пока возились с двумя другими, рана, казавшаяся не опасной, доконала его. Капитан смотрел на молодое веснушчатое лицо. Не очень-то волевой подбородок, острых черт, почитай, и нет. Без этой гримасы надменности, что он держал при жизни, лицо кажется совсем детским.

«Или я слишком стар».

Люк обернулся к Марио, вложил трофейную эспаду в ножны и бросил в раскрытый мешок к остальным. Затем взобрался в седло.

Две новые группы по борьбе с дуэлями принесли успехи. Высвободилось время, капитан смог расширить сеть агентов, и теперь он, вместе с двумя офицерами-помощниками, днём собирал информацию, а вечерами и ночами проводил задержания. Когда-то этот город казался ему большим, сейчас же он знал все закутки и подворотни так хорошо, как человек может знать собственную комнату. Но дуэли переместились в пригород, и поспевать стало труднее, а недавно какие-то хитрецы стали назначать дуэли одновременно в трёх местах, будто специально хотели загнать его до изнеможения. Два раза из шести им повезло, в остальных случаях нарушители ускользали. Кто-то специально играл с ним в кошки-мышки, подкидывая противоречивую информацию, вместо того, чтобы просто молчать. Ведь оставались ещё обычные дуэли, про которые де Куберте не знал. Что же мешало и этим обстряпывать свои дела без шума? Значит, специально. Вот загадка, которую предстояло решить, и капитан пока не знал, как. Впереди маячили его племянник и сержант Род. Вот уж кто оставался в отряде белой вороной, упорно не желая надевать защиту. Хотя, нужно отдать мальчишке должное, с ротными офицерами он сошёлся быстро. Не помешали ни богатство, ни знатная фамилия.

Старый сержант, поймав его взгляд, сделал знакомый жест рукой: указательный и средний палец подняты вверх. Это означало «затаись», когда они ходили в вылазки на территории врага. Капитан кивнул ему, и оба — слуга и господин — стали уходить от отряда вперёд, пока не исчезли за углом одного из домов по пути. Старый вояка насторожился: чего это сержант задумал? Но Лис ни разу не подводил его прежде, поэтому капитан терпеливо ждал, а до городской тюрьмы, куда они вели уцелевших после дуэли, оставалось пару кварталов.

Когда они минули тот дом, за которым скрылись Жерар и Род, да ещё пару, сзади раздался возмущённо-удивлённый возглас. Группа остановилась, Люк обернулся и увидел, как из-за угла дома, хромая, выходит человек, а следом за ним — отставной сержант с чеканом наперевес и молодой граф с окровавленным клинком в правой руке. Незнакомый человек одной рукой сжимал ногу, а другой — нож. Но было очевидно, что толку от ножа в этой ситуации никакого. Он посмотрел на группу и выбросил его прочь, а потом уселся на пол и зажал рану уже двумя руками.

— Кто это? — Люк направил коня в их сторону.

— Следил за нами, — ответил бывший сержант.

— Точно?

— Уж с полчаса, как следом идёт. Не извольте сомневаться, господин капитан.

— Молодец, старый Лис, поучил бы мою молодёжь.

— Что толку-то, если у них мозгов нет? Другому свою голову не пришьёшь.

— Ты, плут, говори, да не заговаривайся, — осадил его Жак.

— Хватит. Перевяжите его и в допросную, — он поворотил коня обратно.

Жерар встал по правую руку, слуга следом: он не отходил от своего господина в ночных рейдах.

— Почему ты не взял свою лошадь, племянник?

— Ходить пешком полезно, и спать буду крепче.

Капитан смерил его подозрительным взглядом: мальчишка так и рвался в драку. Наверное, поэтому и не взял скакуна — чтоб не слезать лишний раз. Ох уж это молодёжь... Хоть и следовало признать, что сегодня это оказалось на руку: вторая лошадь привлекла бы внимание, соглядатай мог улизнуть.

Отряд двинулся вперёд, де Куберте в очередной раз завёл старую шарманку:

— Жерар, ты купил доспех?

— Дядя, зачем он здесь? Нас всегда больше, драться ты мне не даёшь, да если б и дал, сам знаешь — лицом в грязь не ударю.

— Нужно, чтобы ты привык к нему. Это не так просто, как кажется, — де Куберте пошевелил затёкшими под нагрудником плечами, отмечая справедливость собственных слов.

— Начнётся война, дадите мне из полковых запасов.

— Те доспехи дряные. Даже они, — кивнул он на солдат, — стараются занять кольчуги получше уставных, а ты граф, так пользуйся этим. Не будь глупцом, война всегда начинается неожиданно. Ты не успеешь привыкнуть, подогнать как следует, если будешь дожидаться её.

Взгляд графа посуровел, он посмотрел на отряд и уставился куда-то в сторону.

— Не дуйся, что я назвал тебя глупцом, — продолжал Люк, — Просто вы, молодые, бываете так наивны.

— Я не дуюсь, дядя, — угрюмо ответил Жерар.

— Завтра пойдём и вместе выберем тебе доспех. Жду тебя на площади Малой кузницы в час света.

— Как скажете, дядя...

Они приближались к тюрьме. Тиль махнул рукой стражникам, те узнали отряд и стали открывать ворота:

— Только что ваши приходили, шесть человек взяли, — сказал один.

— Кто?

— Хромой лейтенант, господин капитан.

— Для тебя он господин лейтенант Уве де Норт, напиши себе, блядь, на лбу!

— Виноват, ваше благородие, виноват...

Они прошли сквозь ворота и дальше, внутрь. Двоих раненых увели в тюремный лазарет, который капитан сам выпросил у министра: раньше никакого лазарета в городской тюрьме впомине не было, но они часто хватали раненых на дуэлях. В казарму их тащить было недосуг, а дворянам негоже давать просто так истекать кровью, пусть даже эти дворяне преступили закон. Вот и распорядился Первый министр учредить в тюрьме лазарет.

— Сержанты, ещё кто из солдат называет офицера де Норта хромым лейтенантом?

Жак с Тилем переглянулись, Марио, шедший чуть позади, пожал плечами.

— Следите за этим, понятно? Услышу от кого — плетью перетяну. Сегодня вы даёте ему клички, завтра будете с ним запанибрата, а послезавтра перестанете исполнять его

приказы.

Уве де Норт склонился над столом писаря и проверял записи в учётной книге. Когда он увидел приближающегося капитана, отложил книгу в сторону и уже собрался было выпрямиться по стойке «смирно» и отрапортовать.

— Оставь это для плаца и парадов, — капитан протянул ему руку, приветствуя, — Что у тебя?

— Поймал шестерых, господин капитан. Одного, правда, подранили солдаты. Трое желторотые совсем, ещё трое постарше, но тоже недалеко ушли.

— Сдались добром?

— Один только бузотёрил, но обошлось.

— Этому два года у судьи проси. Остальным по полгода хватит. Пусть подумают посидят.

— Будет сделано, господин капитан.

— Тиль, бери двоих и этого, шпиона, в допросную. Жерар, сдай остальных задержанных.

Три солдата увели пойманного вдоль по коридору. Капитан двинулся следом и увидел, как скривилось лицо старого Лиса, смотрящего вслед уходящим. И не мудрено: в своё время этот солдат лучше всех развязывал языки пойманым врагам, но после таких допросов сам выглядел как живой мертвец, так тяжело они ему давались. Люк подумал, не взять ли его с собой, но решил оставить в покое старика.

Комната дознаний — маленький квадрат пять на пять шагов — располагалась в недрах тюрьмы, не имела окон и, в отличие от других помещений этого мрачного заведения, была отделана толстым слоем грубых досок, чтобы хоть как-то снизить шум, исходящий порой от её посетителей. Посреди комнаты стоял стол с колодками для рук и торчащими из столешницы ремнями, чтобы накрепко привязать кисти. Стул для заключённого крепился к полу и тоже был увит ремнями. В углу стоял второй стул, с колодками для ног на полу. На тот случай, если рук не останется, а посетитель ещё недостаточно разоткровенничался. Люку ни разу не пришлось заходить так далеко. Он допрашивал людей редко. Молодые дворяне, что попадались ему, не знали ничего интересного, а та челядь, что надобна была для розыска дуэлей, соглашалась после разговора наедине. Де Куберте помнил лишь двоих, кто заартачился, но эта комната быстро заставила их передумать.

На войне Люк вдоволь насмотрелся, как допрашивают пленных, да и сам участвовал не раз. Старые солдаты часто спорили, какому из пленников удастся продержаться дольше — кому отрежут пару пальцев, прежде чем он разговорится, а кому — руку или две. Глядя на то, как привязывают сегодняшней улов, на сторбленное тело и тщедушные ручонки, капитан подумал, что здесь хватит и мизинца.

Человека споро притянули ремнями к стулу, заключили руки в колодки и стали притягивать кисти к столу. Пленник заартачился, сжал кулаки. Бесполезное и бессмысленное сопротивление: сержант Тиль без лишних слов дважды треснул его по левому запястью, кулак разжался и ладонь тут же распластали ремнями. Быстро проделали то же самое со второй рукой.

Де Куберте вытащил трёхгранный кинжал из-за голенища, положил его на стол и спросил:

— Кто ты?

— Курро Вельде.

— Откуда?

— С Шалейной улицы, комната у меня там.

— Рассадник отребья. Ты вор? Бандит?

— Я рыбак.

— Этот замечательный шрам под глазом откуда? Краснопёрка укусила?

— Не помню я. Говорю, рыбак я.

— Нет дела мне, откуда ты. Зачем следил?

По всему видать, рыбак был туповат, ибо ответом своим только навлекал беды:

— Гулял, да случайно за вами увязался, интересно стало.

— И полчаса шёл, скрываясь, как вор? — капитан ударил его рукояткой по мизинцу, отчего пленник издал нечто среднее между лаем и вскриком. Лицо его приняло такое оскорблённое выражение, будто невинному плюнули в душу.

Люку это не понравилось:

— Говори! — он ткнул в кончик мизинца остриём кинжала.

Противно брызнула кровь, пачкая столешницу, Курро Вельде пялился на собственный мизинец, не произнося ни слова. Похоже, страх уже прочно угнездился в нём.

— Тиль, отковыряй ему ноготь, раз говорить не хочет, — протянул он кинжал своему сержанту.

Солдат рядом прижал ладонь Вельде к столу, тут же испачкавшись в крови, а Тиль примерил кромку кинжала под ноготь и чуть задрал вверх.

— Ааааа! Я следил за вами, следил! — закричал привязанный.

— Тиль, погоди, пусть скажет.

— Говорю же, следил, ну что ещё?

«Да, и впрямь тупой попался».

— Зачем следил?

— Сказать надобно было, если вы через западную дорогу пойдёте из города.

— Кому?

— Справа от входа в храм Кроноса человек ждал в шляпе с оранжевой полосой и пером ворона.

— Ждал?

— Ушёл, наверное, уже. До часа луны ему весть передать надобно было.

«Может, и есть ещё время, да отправить некого. Солдат он издалека увидит, смоемся, гад. Разве что племянник? Нет, им рисковать не буду».

— Кто велел весть передать? — капитан впери́л взгляд в задержанного.

— Господин один, имени не знаю. Собрал нас троих и денег заплатил.

— Троих?

— Ага. Ещё двоих с района нашего на восточную и юго-западную дорогу отрядил для того же.

— Как выглядел господин этот?

— Богатый, статный. Из благородных, сразу видать.

— Одет как? Лицо какое?

— Маска у него была на лице-то, — дрожащим голосом сообщил пленник, — Чёрная. И костюм, серебристый такой.

— Эспада?

— Была эспада, была! Ручка как роза, или другой цветок какой, то я не разобрал,

извиняйте.

«Похоже на правду. Дурачку такому лицо своё тот, кто играть со мной вздумал, показывать не будет, это точно. Что-ж делать с этим? Две дуэли ещё на сегодня... Теперь хотя бы понятно, как они ускользают из пригорода, но зачем?»

— В тюрьму его.

— Как же это? За что? Что же теперь?

— За пособничество дуэлянтам.

Капитан поднялся и вышел в коридор. Заключённый что-то мычал вслед, но Люк не обращал внимания — он хотел понять, как добраться до тех, кто устроил всё это, как узнать их цели. Но ничего не шло в голову. Надобно было собраться с утра, рассказать всё де Крюа и решить, как действовать дальше. Голова наотрез отказывалась соображать ночью, после целого дня на ногах. Он завидел старого сержанта около выхода. Род прислонился плечом к стене и, похоже, мыслями был где-то далеко. Хозяин его пребывал поблизости и вертел клинок эспады, глядя, как свет от факелов отражается на гранях.

«Де Крюа, большой Лис, определённо сможет дать совет, если найдёт время. Но, может статься, и этот малый Лис изловит для меня хитрецов...»

...

Род опирался о стену. Нахлынувшие воспоминания не выбили его из колеи, но он не мог остановить их поток. Десятки лиц — дрожащих, плачущих, кричащих, умоляющих. И говорящих. Он неизменно развязывал им рты. Смекалки простого солдата хватало на то, чтобы избить, отрезать, прижечь. Обычно этого бывало достаточно. Но часто истязаемый терял сознание раньше, чем раскрывал секреты. Не таков был Род-Лис. Он придумывал каждую пытку, мысленно примеряя её на себя. Здесь отковыривать понемногу, тут взять свечу и поджарить пятку, этому запустить крысу под рубаху так, чтобы она не могла выбраться. Голодную. Сделать свои тайные страхи реальностью для кого-то другого, так от работал.

Из-за этого попасть в плен Род страшился сильнее остальных — вдруг там попадётся такой же умелец?

Когда старый слуга услышал приглушённый крик того человека, которого сам и поймал, воспоминания всколыхнулись, словно живые. Наверное, это просто старость. Или всегда было так тяжело? Род уже и забыл. Но, только лишь услышал эти звуки, как на него обрушилось предчувствие, что будет заваруха.

Господин граф всё вертел свой клинок. Наверное, представлял себя в поединке, или что-то в этом роде. Пока что он не торопился взрослеть, однако, бывший сержант не сомневался — житие подле капитана сделает своё дело.

Как раз сейчас де Куберте шёл к ним по коридору. Суровый, что перевозданный гранит.

— Племянник, на сегодня всё. Возьмите пару солдат у де Морта, пусть проводят вас до границы.

— Не стоит, дядя, тут не так и далеко. Если что, мы сами сможем постоять за себя.

— Не устраивай из каждой прогулки соревнование. На четверых вряд ли кто нападёт, а пара будет лакомым куском для любых головорезов. У вас по пути улица Дубильщиков. Вспомни, я рассказывал о ней.

— Что мне сделает какое-то отребье?

— Приказы здесь отдаю я. Помнишь, что сказал первый министр? Это ты прикреплен ко мне, а не я к тебе. Значит, ты выполняешь мои приказы. Точка.

Его господин понуро кивнул, а капитан добавил:

— Род, подумай, как ещё таких изловить, — он кивнул в сторону допросной, — Этот молодчик провожал нас по западной дороге, а ещё двое таких ждали на восточной и юго-восточной. Покумекай, ты умеешь.

«Теперь ещё и эта забота. Мало мне лакейских дел?»

Род не стал бы говорить так с молодым графом на месте капитана. Давить такого, как младший де Сарвуазье, первым министром — последнее дело. Он только и будет думать о том, как бы сделать наоборот. Нет объяснить бы, что жизнь не идёт по правилам дуэли. Тот случай дома, когда де Бризи пытался подло убить его, похоже, так ничему Жерара и не научил. И у капитана терпение, по всему видать, заканчивалось. Жаль. Он единственный из всех в городе, кто мог говорить с молодым графом на равных и притом достаточно откровенно. Слуга-то всяко не может господина своего поучать, о чём Род сильно жалел. Но ничего не поделаешь: не он придумал этот мир.

Трактир почти весь спал — лишь пару загулявших постояльцев пили вино за столиками внизу. Старый слуга поднялся на второй этаж и на миг задержался у каморки, под лестницей на третий, что Жерар снял для их конюха.

«Ни храпа за дверью, ни стонов... Где-то сейчас Харт шляется? Каждую ночь его нет, надо бы поговорить с утра. И про шпионов с утра подумаю, и с Хартом потолкую, и с портным надо бы по цене сторговаться, и с перчаточником. Доспех ещё приглядеть... Господину-то самому не до портных. Ладно, утро вечера мудренее».

...

Харт допивал вторую кружку. Рядом сидел пьяный в дребодан солдат городской стражи и вещал на весь стол:

— Ребята, значица, у мясников налево сворачивают, и ещё налево, возле канала! Так и круг получается, которовый мы за третью часа и прохаживаем. Тама много пивнух всяких для наших господ, дери их в рот. Кажные три часа смена. Мы в караулке прям в доспехах и спим.

— Слыш, Почемуй, знаю я то место, — ответил ему Громадный Джо, наклоня кружку своей мелкой, считай, раза в два меньше, чем у Харта, ладошкой, и делая из неё скупой глоток. Его круглая мелкая голова с живым подвижным и скалящимся лицом едва возвышалась над столом, и вообще, из-за мелкого своего роста он походил на ребёнка.

— Там друга дорожка по другой стороне от пивнух идёт, тёмненькая така, — продолжал Джо.

— Точно, идёт, — подтвердил Почемуй, — Мы, всё одно, там, где светло ходим. Где капитан велел, знач, там и ходим, — стражник понизил голос, но его пьяный шёпот всё равно хрипел на весь стол, — Говорят, на улице той по ночам краденое скупают. Иль продают. А капитан наш, всё одно, мол, нечего по тёмным подворотням сапог пачкать.

— Жмур, ты говорил, твой засранец на ту улицу похаживает, — Джо повернулся к товарищу, кряжистому и сутулому парню с руками, напоминающими кузнечные клещи и длинными пугаными волосами, почти полностью закрывающими лицо, — Кажись, знаю я, откель он ту епанчу притащил. Посиди-ка тут с Почемуем, мы с ребятами до ветру сходим.

Громадный Джо поднялся и поманил с собой Харта с Роганом — худым узловатым мужиком со впалыми щеками, следами оспин на лице и клоками волос вместо бороды, словно он не брился, а беспорядочно рвал их руками.

На улице стояла темень, Джо отвёл их в сторонку, и Харт заметил в отсвете фонаря, как

он хищно ощерился:

— Чё, заделаем делюгу? Пизднем жмурова засранца как надо?

Ни Харт, ни Роган не спросили, с чего вдруг он это решил, почему именно сегодня и зачем вообще это делать. Харту такое даже в голову не пришло. Только Джо сказал это вслух, молодой конюх сразу понял — вот оно. Оно, то самое! Он спросил лишь, кивнув в сторону товарищей, оставшихся в пивной:

— Они как же?

— Почемуй стражник в том районе, нам боком выйдет, коли его признает кто. Жмура туебень его узнать может. Донесёт, сука сытая.

— На нас тоже донести могут, — просипел Роган.

— Хера нас найдут, коли никто точно не скажет. Вот это на морды повяжем, — Громадный Джо раздал дружкам по серой повязке.

Они двинули по тёмным улицам, не сговариваясь, словно в забытьи. Всю дорогу до той тёмной улочки, где скупали краденое, в голове у Харта не возникло ни одной мысли. Там поселилась чёрная пустота, и он чувствовал одно — нужно наполнить её чем-то, за чем они сейчас и идут.

Народу во мраке нужной им улицы почти что и не было. Пара человек, к которым заходили с другой, освещённой улицы, говорили о чём-то, после чего кто-то из этой пары забирал свёрток у пришедшего и относил в дом. Или наоборот — уходил в дом и возвращался со свёртком.

— Вона, — указал Джо на пошатывающуюся парочку: дородного господина и его хрупкую спутницу, — Наш говнюк.

Они дождались, пока хозяин Жмура обменяется с начными торговцами и преградили ему путь на светлую улицу. План был таков: если истинные хозяева этого места повылазят из нор — пару раз буцкнуть зажравшегося богача и бежать. Если же всё будет тихо — наслаждаться.

— Что вам нужно? — спросил господин неуверенным голосом.

— Всё, — просипел Роган.

И, не дав даже возможности взяться за эспаду, влепил ему кулаком по голове. Следом подскочил Громадный Джо и, с прыжком вперёд, влепил ему в лицо свой кулак, описавший круглую восходящую дугу. Женщина закричала и развернулась, пытаясь убежать. Долю мгновения в Харте боролись две мысли: бить, или трахать? Крик мог привлечь ненужное внимание — конюх одним прыжком очутился возле убегающей и саданул ей сбоку по челюсти. Удар пришёлся из-за спины — она его совсем не видела и повалилась на бок, плюясь кровью. Потом закричала снова.

Но он стиснул ей шею и прошипел:

— Прекрати пищать, мразь!

Потом в Харте что-то проснулось:

— Дайте его сюда, приглядите за ней.

Дружки оторвались от избиения богатой сытой мразоты и посмотрели на него. Конюх сделал шаг к распростёртому на земле и ударил его ногой в живот. Роган же навис над женщиной, чтоб не делала глупостей. Харт ударил несколько раз по рёбрам, потом в разукрашенную муську, отчего голова откинулась назад. Харт стукнул снова и попал то ли в шею, то ли в ключицу. Человек согнулся. Наслаждение... Он наступил пяткой прямо на руку господину. Как хорошо...

— На помощь! — слабым голосом закричала женщина.

— Говорил ей молчать, — конюх оставил стонущего, подскочил к даме, дёрнул вниз юбку, рванул в стороны исподнее, отчего оно расползлось на две части, дважды ударил её в правый бок кулачищем, она слегка обмякла, тогда конюх поставил её на колени так, как нужно ему, снял штаны и засадил ей свой хер, резко и грубо. Сухо. Ему самому было больно, но боль эта говорила, что ей ещё больнее, а такие мысли грели душу.

Какое-то время Харт мучил её и мучился сам, потом почувствовал, что дело пошло легче:

— Что, потекла, сучка холёная?

Женщина тихо рыдала, Громадный Джо рядом избивал господина, уже едва шевелящегося, а Роган смотрел на всё это.

Харт закончил и с размаху шлёпнул даму по жопе:

— Налетай, ребята!

Рогана не нужно было просить дважды.

Всё прошло ещё лучше, чем они планировали. Улица молчала, никто даже не сунулся заступаться за пару. Скоро рыдающую благородную мразь оприходовал и Джо, а Харт, глядя на всё это, будто сиял изнутри. Жизнь словно заискрилась, забила ключом. Он не чувствовал такого, даже когда взял свою первую бабу.

Повинуясь неведомо откуда взявшемуся желанию, он раскрыл свёрток. Внутри оказалось платье. Харт стал рвать это платье на части. Он жаждал уничтожить всё, что принадлежит этим уёбкам, и как же хорошо, что вытраханная, заметив это, принялась плакать ещё сильнее.

По пути назад Харт еле сдерживал дрожь в руках, то и дело порываясь обсудить пережитое с товарищами, у которых тоже горели глаза. Но они опасались стражи, и, вернувшись в пивную, сразу подозревали Жмура с Почемумом, уселись в сторонке, и только тут Джо наклонился вперёд и стал тихо рассказывать:

— Жмур, только что дали твоим по пизде! Ох и дали.

— Чего? — Жмур сдул с лица прядь сальных волос и уставился на Джо.

— Того. Нашли их, говнюка твоего отпиздошили, а суку его оприходовали как есть втроём. Врезал я ему от вей души и ей засадил по самое нутро. И Харт с Роганом молодцом, взяли их в оборот как надо.

— Брешешь.

— У них спроси. Или нет, лучше иди домой и сам глянь, завтра расскажешь.

Волосатый глянул на Рогана, потом на Харта. Харт медленно кивнул, улыбаясь во весь рот. Он ликовал от мысли, как сильно досталось благородным. И вдвойне ликовал, что сам приложил к этому руку. Жмур понял, что они не врут и, не решив ещё, что на это ответить, спрятался в большом протяжном глотке из кружки.

— Как она стонала, помните? — с жаром сказал Джо, — Верно ты заметил, Харт, потекла сука белёсая. И этот: «Уфф, уфф». И кровью харкает. Роган, давай на твоих теперь охотиться. Где они у тебя ближе к ночи ошиваются?

— В палатах. И до ветру даж не выходят.

— Где те палаты? Вокруг там что? Ночью темень там, али как?

— Посреди улицы маршала де Ветта. Фонари тама. Разве что со двора зайти.

— Почему меня с собой не взяли? — пьяными глазами уставился на них стражник, — Я б тоже дойки благородные помял.

— Почему, да отвали ты. Признали бы тебя, и дело с концом.

— Эт ещё почему?

— Потому, — дразнясь, ответил коротышка, — Вот, он сам протянул, когда я ногами его охаживал.

Громадный Джо положил на стол богатый кожаный кошель, старательно прикрывая его от посторонних взоров. Остальные тут же придвинулись ещё ближе. Он осторожно развязал верёвку и высыпал на стол несколько серебряных и три золотые монеты.

— Подумай, какая мразь, — осклабился Харт, — Ни единого пенса в кармане, только три фунта, да шиллинги. Здорово живёт.

— Так, фунты Рогану, Харту и мне, — коротышка придвинул по золотому к друзьям, — Мы делюгу делали. Почему, вы двое берите шиллинги. Роган, поярче обрисуй, что там к чему в твоих палатах. Есть у меня одна мысль... Ты нам ночью замок отворишь, мы уж твоими займёмся, как надо. Тебя тож буцкнем в живот для виду. Люсие твоей все дыры попрочищаем, а Херманду так и вовсе хер укоротим, а, как тебе?

— Раз до жмуровых добрались, до моих тоже надо. До всех надо.

— Чем не шутит чёрт? Может статься, и доберёмся. Доблестный страж, принеси-ка нам ещё пойла, чай, деньги есть теперь. А ты, Роган, рассказывай, кто где у вас спит. Решить надобно, кого первого хватать.

...

— Я по приглашению, — Жерар протянул бумагу лакею, он начал было читать, затем дверь распахнулась и на улицу вышел тот, кто вручал пригласительный.

— Господин де Сарвуазье, прошу, проходите, мы жаждали вас.

Жерар вошёл и увидел перед собой роскошную приёмную в бело-золотых тонах со стойкой напротив двери. На дальней от входа стене висели эспады и другие клинки, какие носили с собой истинные кавалеры. Ничего грузного, военного или неизысканного. Остальные стены украшали картины поединков, не уступавшие в изяществе клинкам.

В правую сторону уходила широкая лестница на второй этаж. Влево шёл коридор, украшенный статуями, изображающими фехтовальные позиции. Чуть дальше он сворачивал вправо. Как раз туда и повёл графа лакей. Ещё до поворота стал слышен звон клинков. Когда же они свернули за угол, взору его открылись четыре широкие двери по правой стороне коридора. Они вели в четыре больших фехтовальных зала, в каждом из которых упражнялись люди. Жерару хватило мельком брошенного взгляда, чтобы понять, что в первом занимаются начинающие. В следующих двух фехтовальщики были получше, но и мимо них лакей прошёл, сказав лишь: «Господин граф, это не ваш уровень».

В четвёртом зале народу оказалось раза в три меньше, чем в остальных. Де Сарвуазье насчитал лишь десять человек, хоть зал явно мог вместить больше — наверное, шагов восемьдесят в длину и тридцать в ширину. Огромные окна до потолка на другом конце зала были распахнуты настежь, сам же зал являл собой торжество минимализма — деревянный пол, кирпичные стены, да вешалки с оружием справа от двери. Даже светильники на потолочных балках были скромны, хоть и света давали предостаточно.

Осторожно обходя фехтующие пары, лакей повёл его в центр зала и остановился возле одной из пар. Оба фехтовальщика в ней были превосходны. Быстрые атаки, блоки, контратаки, хитрые финты, сбивы и резкие смены темпа. Один, несколько выше среднего роста, старался больше атаковать, плетя хитроумные финты и постоянно смещаясь, чередуя выпад ложный и выпад настоящий буквально через один. Жерар отметил высокий темп.

Второй же играл от защиты. Он тоже делал ложные выпады между атаками высокого, чтоб не давать тому отдыхать, но не развивал их, выжидая подходящего момента. Был он чуть ниже, но, похоже, не уступал сопернику в мастерстве. Они кружили. Низкий предпринял пару серьёзных атак, но высокий вовремя среагировал, не дав себя зацепить, и поединок продолжился, как и раньше. Через пару минут высокий поднял эспаду вверх и сказал:

— Мы заставляем ждать гостя, продолжим позже.

Голос его звучал глуховато через маску, но молодой граф также отметил, что даже после такого активного поединка в нём почти не слышно отдышки. Фехтовальщик снял маску. Чёрные кудрявые волосы, лицо с идеальными пропорциями, небольшой шрам в виде полумесяца под правым глазом. Он подошёл и протянул руку:

— Граф Истер де Бижон, к вашим услугам.

— Граф Жерар де Сарвуазье.

— Вы уже в фехтовальном костюме, как славно. Тренировка, потом разговоры, что скажете?

Люди вокруг бросили фехтовать и обступили их.

— Появление новичка в этом зале — всегда событие. Но я уверен, вы оправдаете ожидания. Уважаемый Андреас, не желаете ли первым скрестить клинки с новичком?

Из толпы вышел широкоплечий молодой человек, поклонился, выражая тем самым согласие и отошёл обратно.

Жерар с сомнением посмотрел на него — в движениях заметна была некая взмысленность. Похоже, не так много сил осталось у этого господина.

— Что вас смущает? — спросил де Бижон.

— Дайте мне несколько минут на разминку, — ответил молодой граф, не желая дискредитировать незнакомого господина, проводя заведомо неравный поединок.

— Извольте.

Жерар аккуратно размял суставы, растянулся и принялся наносить удары по воздуху. Фехтовальщики вокруг снимали маски и с интересом наблюдали за ним. Пару человек даже закивали, признавая хорошую технику. Де Сарвуазье двигался, пока кровь не побежала по жилам быстрее. Волнение переполняло, хоть он и пытался успокоиться. Граф опасался перегнуть с разминкой и устать раньше времени, или, наоборот, недоразмяться. Это волнение походило на тот мандраж в трактире, когда его вызвали на дуэль, и Жерар надеялся, что оно также испарится с первым выпадом.

— Я готов, — объявил он толпе, выступая на простор зала.

Коренастый господин выступил следом, и они скрестили клинки. Пробный удар по эспаде — нет, широкоплечий среагировал как надо — не отвёл её слишком сильно в сторону и не встретил клинок Жерара со всей жёсткостью, чем можно было бы воспользоваться к своей выгоде. Быстрый укол, в ответ — блок и мгновенная контратака в темп. Ожидаемо, Жерара там уже нет. Финт, сбив, показ в голову и укол в живот. Отбил. В этом темпе может. Жерар решил вытянуть его на атаку, немного поиграв от защиты. Он выставил клинок вперёд, почти полностью вытянув руку. Широкоплечий попробовал отвести его клинок в сторону своим, закрутил, потом сделал смещение по фронту и укол. Хороший фехтовальщик, но побыстрее бы. Жерар решил посмотреть на его сбив и опять выставил эспаду вперёд. Коренастый пошёл через финт, Жерар отошёл: «Нет, сбивай».

Опять движение по фронту, но де Сарвуазье тоже не стоит на месте, и снова его клинок маячит перед соперником, но не бьёт, не сбивает, не колет, а просто мешает: «Сам действуй».

и сам ошибайся, давай». Соперник сделал сбив — сильнее, чем нужно и слегка размашисто, хоть этим и нельзя воспользоваться сию секунду. Но предчувствие не обмануло Жерара: такой сбив неправильный. Они продолжили фехтовать, атакуя и защищаясь. Молодой граф выводил соперника на этот неправильный сбив и всякий раз после него атаковал, не давая тому отдыхать. После четвёртого неудачного сбива плечистый замедлился и в движениях его клинка появились неточности. Пятый сбив, и Жерар успевает убрать свой клинок вниз и уколоть точно в грудь.

Широкоплечий остановился и отдал салют. В толпе заплодировали.

— Я знал, что господину Астарлоа можно верить! — радостно кивал де Бижон, — Бертоломью, попробуйте теперь вы. Остальные по парам и продолжаем! Вы блестяще раскусили Андреаса с его чересчур сильным сбивом, господин граф де Сарвуазье. Андреас, поработайте над этим.

Следующий соперник оказался ловким и быстрым. Он финтил, наседал, действовал разнообразно и показывал отличный темп. Однако, пройти защиту Жерара не смог, и, лишь дождавшись паузы между атаками чуть дольше, чем обычно, молодой граф понял, что ловкач теряет силы и стал эти паузы заполнять своими атаками. Сначала короткими, потом всё длиннее, напористее и разнообразнее. Похоже, этот господин рассчитывал, что его первые атаки отыщут брешь в защите Жерара, или же измотают его, что бывает, когда фехтовальщик не готов к таким натискам и теряется в защите. Но Жерар знал, и не произошло ни первого, ни второго. Зато защита самого ловкача дала трещину через несколько минут после начала, и он пропустил удар в маску, будучи уже прижат к стене.

Они начали снова, но в движениях противника уже не осталось прошлого задора и энергии. Жерар успел поразить его ещё раз, пока не объявили смену пар. Победённый отсалютовал ему со всем почтением.

Граф де Сарвуазье искал глазами, с кем ему скрестить эспады, но все пары уже распределились. Наверное, фехтовальщики договорились заранее.

— Господин граф, — к нему подошёл тот, кто фехтовал с Истером де Бижоном в самом начале, — Астарлоа де Ветт, к вашим услугам.

— Так вот кому я обязан своим появлением здесь? Вы — сын знаменитого маршала?

— Сын его младшего брата. Не наследник, как вы можете догадаться. Что же касается вашего появления здесь — один из учеников, гвардейский офицер, поведал о том, как вы собрали подле себя весь плац, одолев за один присест его и ещё нескольких. Он недурно фехтует, пришлось поверить. Конечно, мы не могли упустить такого лакомого соперника.

Улыбка сама собой возникла на лице Жерара. Так высоко его ещё никто не оценивал.

— Теперь к бою, господин граф.

Они сошлись. Пару пробных атак Астарлоа отбил без труда, затем сам атаковал Жерара в полную силу — укол в грудь, финт, заканчивающийся сбивом вверх и атакой в живот, блок ответного удара и мгновенный контрудар по правой части головы. Жерар еле успел. Вызвать на атаку и мгновенно ответить уколом со смещением по фронту не получилось — граф сам чуть не пропустил удар по предплечью. Финты не раскрывали, ответные атаки были всё так же быстры. Жерар взвинтил темп, насколько мог. Чуть удачнее — Астарлоа едва не пропустил хитрый удар по ноге после двух финтов, когда он насел на него второй раз. Но, всё же, пока им не удавалось поразить друг друга. Молодой граф взмок, но темп не снизил. Астарлоа, видя такую растрату энергии, попытался поджимать между атаками, но и сам вскоре запыхался. У Жерара ещё оставались силы, и неизвестно, чем бы всё закончилось,

если бы к ним не подошёл де Бижон:

— Господин Астарлоа, оставьте немного и на мою долю, погодите, не то выжмете нашего гостя без остатка.

Астарлоа тут же отсалютовал и снял маску. Был он чуть ниже Жерара, на вид лет тридцать с небольшим, с короткими ровными усами и аккуратной бородкой клинышком. Жерар удивился, ведь ожидал увидеть перед собой фехтовальщика, может, чуть старше его самого, но глубина и лёгкий налёт усталости во взгляде Астарлоа, а также щедрые серебряные вкрапления в коротких волосах, говорили о том, что ему может быть и чуть больше, чем слегка за тридцать. Граф также отсалютовал и учтиво кивнул сопернику, затем посмотрел на председателя клуба.

— Отдыхайте, — сказал тот, — Чужие обьедки мне ни к чему, через пять минут начнём.

Все вокруг также перестали сражаться. Трое отработывали связки по воздуху, закрепляя удачные, или пытаюсь понять, что не так в неудачных. Пара бойцов обсуждала какой-то приём — один показывал и объяснял другому, как и когда следует колоть. Трое просто ждали начала их с де Бижоном поединка, облакотясь о стену, а сам господин председатель и Астарлоа де Ветт о чём-то тихо беседовали.

Пять минут отмеряли большие песочные часы с хитрым механизмом, висящие на стене. Каждый раз, когда песок пересыпался вниз. Об этом возвещал звонкий дребезжащий стук. «Дзинь» — после него осталось лёгкое гудение в ушах.

Де Бижон встал напротив и надел маску. Жерар сделал то же самое, и опять ему показалось, что всё началось слишком быстро, как и тогда, на дуэли. Секунду назад они просто стояли, а сейчас де Сарвуазье уже отбивает выпады Истера, без остановки летящие то в лицо, то в корпус. Он отскочил назад, намеренно разрывая дистанцию, пока противник не дождался ошибки в защите. Истер тут же прилип к нему снова, сделал укол со смещением за правую руку Жерара — перетёк легко, как ручеёк обтекает кочку. Молодой граф едва успел убрать ногу от рубящего по ляжке клинка и снова отступил. Торжествующая улыбка появилась на лице де Бижона. Он вновь принялся атаковать. Пара хитрых финтов едва не сбила де Сарвуазье с толку. Проклятье, казалось, соперник вовсе и не устал от такого темпа. Они фехтовали уже больше минуты, а Жерар лишь дважды улучил момент, чтобы хотя бы попытаться ответить. Однако, контратаки Истера были так опасны, что Жерар надолго закрылся в защите. Недалёкому фехтовальщику могло показаться, что он празднует труса, но преподаватели — мастера фехтования — часто твердили ему: «Не стоит атаковать наобум. Не нужно колоть, если чувствуешь, что тебя поймают на этом. Если ничего путного не приходит на ум — жди свой шанс до тех пор, пока не придёт». Первый раз за всю жизнь Жерара настало время для этого совета. Ему он и последовал, защищаясь, отступая и внимательно изучая при этом, как именно бьёт граф де Бижон. Отмашка, ещё отмашка, разрыв. Чуть не пропустил укол в живот. Проклятье, он совсем не тянется за ударом. На этом не поймаешь. Финт и сбив от Истера, снова нужно разрывать, Жерар отпрыгивает назад и тут же наступает, пытаюсь застать противника врасплох: сбив, финт и укол в голову на всей возможной скорости. Отклон головы назад и вбок. «Ничего себе», — весело отвечает на это раззадоренный председатель клуба. У Жерара уже начинают гореть лёгкие. Как же де Бижон может столько драться в таком темпе? Жерара прижимают к стене, он отчаянно отбивается и уходит влево, кружит вокруг соперника, чтоб за спиной оказалось побольше пространства. Это отнимает силы. На сколько ещё его хватит? Истер тоже запыхался, но молодой граф видит его улыбку и горящие азартом глаза даже сквозь маску. Или это только кажется?

Председатель клуба наступает вновь. Удар, финт, укол, контратака от де Сарвуазье, неудачно, атака в ответ, Жерар отбил из последних сил, захлест по ногам — медленнее, чем раньше, или Жерару это тоже кажется? Он отставляет обе ноги назад, выгибаясь, как кошка над водой, эспада проходит в двух пальцах от его колена. «Дзинь!!!» — раздаётся звон.

Астарлоа и ещё один фехтовальщик аплодируют, зажав учебные эспады подмышкой. Истер снимает маску:

— Великолепно! Жерар, друг мой, да вы ещё большая устрица, чем наш де Ветт! Вашу раковину ни одним ножом не откроешь. Господа, думаю, на сегодня занятий достаточно.

Члены клуба стали по очереди подходить и прощаться. Сначала они жали руку председателю, потом Астарлоа, затем прощались с Жераром. «Рад знакомству», «Очень впечатляюще», «Вы истинный мастер. Мало кто может устоять против господина председателя» — сыпались похвалы.

Когда все ушли, де Бижон и Астарлоа повернулись к нему:

— Превосходно, просто превосходно, господин граф! Сколько вам?

— Восемнадцать.

— Мне сложно представить, чего вы сможете достичь к тридцати, если продолжите заниматься. Приходите, прошу вас, в любое время, когда только сможете. Приходите каждый день, ведь нет предела совершенству, чёрт возьми! Будем помогать друг другу расти. Прошу, не зарывайте свой талант в поединках с посредственностями, вы достойны большего.

Жерар молчал. Для него многого стоила эта похвала из уст такого мастера. Услышанное разливалось внутри, как чудодейственный бальзам.

— Уверен, мы найдём общие интересы помимо фехтования, — с улыбкой, положив руку ему на плечо, продолжал Истер де Бижон, — Я часто устраиваю званые обеды, или балы, где собирается весь высший свет, кроме трудоголиков из министерства, не умеющих наслаждаться жизнью. Какие у меня бывают дамы, Жерар...

— Также польщён знакомством, — выпалил он первое, что пришло в голову, — В какое время вы обычно начинаете?

— Приходите завтра к одиннадцати часам. Астарлоа, я закрою окна. Проводите Жерара?

— Разумеется.

Вдвоём с де Веттом они двинулись по коридору.

— Слышал, вас приставили к дяде де Куберте, который в поте лица борется с дуэлями по всей столице.

— Да, это так, к моему большому разочарованию.

— Почему же?

— Считаю дуэль священной традицией, и мне горько видеть, как традицию эту разрушают.

— Отрадно, что мы с вами в этом единодушны...

Астарлоа молча довёл его к выходу.

— Как-нибудь продолжим разговор на эту тему, — он протянул руку, — Ещё раз, был рад знакомству.

Жерар с чувством пожал руку мастера, вышел на улицу и вдохнул полной грудью этот великолепный осенний день. Принять ванну, почитать трактат Улисса Гловацкого, выбрать, наконец, доспех, и после этого вполне возможно предаться праздности, ведь дядя велел отдыхать аж две ночи подряд. Улицы, освещённые мягким солнцем ранней осени,

представляли перед ним, будто игрушечные, ещё больше поднимая превосходное и так настроение. Молодая дама с зонтиком улыбнулась ему и сдержанно помахала ладошкой, отчего мать, шедшая рядом, строго посмотрела на неё. Трое молодых господ, что спешили возле постоянного двора, проводили его взглядом: кто такой важный в фехтовальном костюме восседает в седле, так беззаботно улыбаясь?

«Вряд ли вы мне ровня, господа».

Жерар отворачивается от них и продолжает путь. Незнакомый холоп кланяется ему. В конюшне про «Бойком месте» раздавался храп. Оказывается, это его конюх, Харт, спал на сеновале, подложив покрывало, чтоб трава не исколола кожу. Памятуя, как Харт и ещё двое его слуг разделались с негодьями в лесу, де Сарвуазье не стал будить его, лишь сам ослабил седло у лошади. Конюх снимет, как проснётся.

От воспоминаний того дня хорошее его настроение отчего-то улетучилось. Не доставляло радости, что он превосходно показал себя с мастерами клинка. Всё хорошее и честное, казалось, обладает двойным дном, стоит лишь вспомнить о том утре и торчащей стреле из груди секунданта. Страх обмануться в своих ожиданиях заставляет то и дело нервничать, а мягкое осеннее солнце уже не радует.

В номере его ждала нагретая ванна. Род со своей семьёй — преданные слуги. Вот на кого всегда можно положиться. Но это открытие настроение ему не выправило. Ванна, лёгкий перекус, и Жерар вновь взялся за Гловацкого. Он уже прочитал, наверное, три четверти книги, но сегодня чтение не задалось. Молодой граф хотел чего-то, ждал, что произойдёт что-то, и, не в силах больше вгрызаться в буквы, позвал старого слугу:

— Род, собирайся, идём за доспехами.

— Сию секунду, господин граф. Марта, посмотри коричневый колет на рукавах и синюю рубаху, я ухожу.

Старик предстал перед ним, как всегда, в опрятном тёмно-синем костюме лакея, застёгнутом на все пуговицы.

— Сколько взять денег?

— Фунтов двадцать — двадцать пять, господин, горское железо нынче дорого. И ещё фунтов пять возьмите на кольчугу, да броню полегче. Может статься, пригодится.

— Так много?

— Это будет не просто доспех. Вы граф, вам положен хороший доспех. Самый лучший.

Жерар пожал плечами и взял с собой мешок золотых монет. Деньги ещё есть, да и матушка пришлёт через местный банк фунтов десять уже на следующей неделе.

— Пройдусь пешком, здесь ведь недалеко, Род?

— Соседняя улица, господин. Об одном прошу вас — когда будем обсуждать цену, торгуйтесь, пожалуйста.

— Зачем же? У нас не хватает денег?

— Денег достаточно, но торговцы здесь — все поголовно шельмецы, и с любого доспеха могут сбросить, шестую часть цены, так уж точно. Не балуйте их. Не каждый день у них берут такие дорогие латы. Это- само по себе праздник для них.

Они свернули на улицу Копья и заглянули под первую вывеску. Слуга тут же стал ходить от одного прилавка к другому, что-то щупать, постукивать по нагрудникам. Жерар, не желая стоять, как истукан, принялся прохаживаться возле прилавков, обводя разложенное ленивым взглядом. Гамбезоны, шлемы, кольчуги, полные доспехи, бригантины и даже нагрудники из толстой кожи — тут было всё. Он стал припоминать, как носить доспех. Кажется, на

исподнее надевают гамбезон и после все эти составные части — нагрудник, горжет, поножи, наручи и прочее. Интересно, как в этом шевелиться?

— Полный доспех из горной руды есть? — осведомился Род у хозяина.

— Только то, что на прилавке, — равнодушно ответили ему.

— Идёмте, господин, нужно поискать у других.

Они обходили лавку за лавкой, но внимательный и взыскательный слуга без лишних разговоров уводил его всё дальше. Задержались они лишь в пятом магазине, где их встретила кольчуга, висящая на подобию манекена прямо у входа. Кольца её самую малость отдавали синевой.

— То, что нужно, — пробормотал Род себе под нос.

Вещи вокруг на вид были лучше, нежели в других лавках. Внимание слуги привлекли латы, тоже висящие на манекене, за стойкой. Они отливали синевой, как и кольчуга, вдобавок на нагруднике и наплечниках ветвился красивейший золотой узор, игравший от падающего света, а посреди груди сиял золотой меч, символ Крома, покровителя воинов.

— Чем могу помочь? — просочился сквозь прилавки усатый худой продавец в зелёном колете без рукавов и белой рубахе. Был он помоложе Рода, но что-то неуловимое роднило этих двоих. Сразу отметив, кто есть кто, усач церемонно поклонился Жерару и с некоторым достоинством занял место возле доспеха.

— Есть такие же, но поскромнее, без золотых вензелей? Размер на господина графа, — после некоторого раздумья спросил старый слуга.

Распорядитель лавки кивнул и исчез за внутренней дверью. Потом что-то загремело в подсобке, и он один за другим вынес два полных доспеха на деревянных вешалках. Не перенося их через прилавок, он пригласил обоих посетителей на осмотр.

Род постучал по первому, с чуть большей юбкой и большим количеством сегментов на руках и плечах, присел, оглядывая поножи, снял нагрудник с вешалки и посмотрел внутрь. Внимание его привлекли пряжки и кольца, на которых держались ремни:

— Обыкновенное железо, да?

— Не хватило на крепления, сделали так. Внутри не поржавеет и, в случае чего, любой кузнец поправит, у кого есть запас простой руды.

— Не поржавеет? А коль скакать неделю кряду под дождём? А коль кузнеца рядом нет? Обычное железо хоть увидишь, как развалится, а эти кольца и прозевать можно. Не пойдёт.

— Разбираетесь? — лавочник не решился обратиться к слуге на «ты», хоть и видел перед собой лишь лакея, — Бывали где-то?

— Всего не упомнишь, — ответил старый лис, продолжая рассматривать доспех.

— Второй посмотрите.

Род повесил нагрудник и обратился к другим латам. Сразу изучил кольца, довольно кивнул.

— Поскромнее, — пробормотал себе под нос.

— Но не хуже, — ответил ему продавец.

— Рука вверх поднимется? Плечо не стеснит? — указал старик на круглый наплечник.

— Не должно. Примерить бы.

— Это верно. Господин граф, нужно примерить.

— Прошу, прошу за мной, — со всей галантностью лавочник проводил его в каморку, впрочем, довольно просторную, и споро зажёл две свечи на фонарях. Затем расторопно отобрал три гамбезона и, приставляя один за другим, прикинул на глаз, какой лучше

подойдёт.

В примерочную просунули головы мальчишка и девчонка лет десяти. Усатый шикнул на них, и они исчезли, лишь удаляющийся топот ног послышался за стеной.

Молодой граф удивился, как много мороки с этим поддоспешником — там подвязать, тут подогнуть — едва ли не больше, чем с вечерним туалетом. И ещё больше удивился, когда его лакей вместе с продавцом стали вдвоём прилаживать детали доспеха. Иногда Род просил его потерпеть и довольно грубо затягивал что-то. Жерар морщился, но молчал. На это ушло, наверное, больше четверти часа, и Жерар в полной мере почувствовал себя вешалкой.

В конце концов, слуги закончили и отошли назад. Шлем сильно скрадывал обзор, но на голову не давил — его вес больше приходился на плечи, опираясь на горжет. И при желании граф мог повернуть голову. Он осмотрелся. Непривычно.

— Пройдитесь, ваше благородие. Посмотрим, как в движении.

Во всём этом железе Жерар ожидал большей тяжести, но удивился, обнаружив, что двигаться не так и трудно.

— Господин граф, сделайте гимнастику, присядьте пару раз, пофехтуйте, наконец. Выбирайте его так же тщательно, как выбирали как выбирали фехтовальные туфли или эспаду.

Он стал двигаться, прислушался к своим ощущениям, сделал растяжку, перешёл к фехтованию и окончательно убедился, что в ляжках и икрах жмёт.

— Ногам тесно.

— Наверху или внизу?

— Везде.

— Гамбезон может ещё притереться, — начал хозяин лавки.

— Нет, — оборвал его слуга, — Мы не будем так рисковать. Два-три часа ходьбы, и ноги враскорячку.

— Два дня на подгон доспеха. Но нужно снять мерки.

— Хорошо. Сколько денег, чтобы забрать верх?

— Оплатить весь доспех, разумеется. Что я буду делать с поножами и щитками, если вы исчезнете?

— Сколько за весь? — не стал спорить Род.

— Двадцать три фунта с подгонкой.

— Дорого. Маршальские латы у твоих соседей стоят двадцать пять, а тут обычный доспех, не богатый на детали, хоть и горский металл.

— И ни капли не дорого, сами знаете. Господин, вы его примерили и должны понимать, что он точно стоит своих денег, иначе я не знаю... — обернулся торговец к Жерару.

Но графу не понравились ещё слова торговца о том, что они могут исчезнуть, и он решил не церемониться:

— Брось юлить, пройдоха. Слуге своему я доверяю, а уж он-то в доспехах разбирается.

При этих словах старый слуга приосанился и торжествующе глянул на лавочника.

— Двадцать, — скорчил тот кислую мину.

— Вот что: господин граф, наверняка, отсыпет от своих щедрот двадцать три золотых фунта, но ему необходимо что-то лёгкое, в чём удобнее делать вылазку, или затаиться в засаде.

— Лёгкая бригантина или короткая кольчуга?

— Посмотрим и то, и другое.

Прошёл ещё час, прежде чем Жерар высыпал золото на прилавок.

— Тащи весь этот хлам ко мне в номер, — сказал он слуге, — Я прогуляюсь до дядиных казарм.

Торговец чуть ли не заплакал, когда молодой граф обозвал эту гору железа хламом, что, в целом, изрядно веселило. День вообще выдался хоть куда, плохо было одно — поделиться радостью совершенно не с кем. Де Куберте вряд ли обрадуется его успехам в фехтовальном клубе, а Жерар пока не успел ни с кем сойтись близко и решил пригласить на ужин единственных ровесников, кого знал в городе — дядиных лейтенантов. Лёгкий обед в корчме по пути, и вот он уже спешит по узким улочкам в расположение полка.

— В восьмую, — не сбавляя шага, бросил граф часовым у ворот.

На плацу, около искомых казарм, в красно-синем парадном мундире и восседая на коне, роту муштровал Леонардо. Жерар махнул ему, и лейтенант спешился. Солдаты встали навытяжку, а молодой офицер протянул руку графу:

— Чем обязан?

— Хочу пригласить вас на званый ужин.

— Меня?

— Не отказывайте, прошу вас. Я недавно в городе и никого здесь не знаю, не скоро умру от скуки, слушая дядины проповеди.

Леонардо слегка улыбнулся:

— Кто ещё будет?

— Офицеры вашей роты. Если согласятся, конечно.

— А повод? Надеюсь, это не день рождения?

— Нет. Просто дружеская посиделка, чтоб разбавить скуку. Думаю устроить всё в «Бойком месте» или «Пятой юбке королевы». Кажется, там сносно готовят.

— Сносно? — ровные чёрные брови лейтенанта взметнулись вверх, а карие глаза расширились, — Пожалуй.

Жерар не мог взять в толк, что его так удивило:

— Вы придёте?

— Могу быть к восьми.

— Прекрасно. Обе харчевни рядом, найдёте меня в одной из них.

— Харчевни? Хорошо.

Де Сарвуазье кивнул ему и направился в расположение роты.

— Дежурный по роте сержант Клаус, — приветствовал его маленький узловатый человечек на входе в казарму.

— Эээ... Отлично, дежурный, — Жерар не знал, что говорить, — Зачем ты мне представляешься?

— Дежурный смотрит за порядком в роте, знает, какой офицер куда пришёл, какой куда ушёл, распорядок и расположение каждого взвода. Докладывает об этом в случае необходимости офицерам роты или полка, — выпалил сержант, вытянувшись в струну, и замолчал.

Жерар понял, что от него чего — то ждут.

— Молодец. Не подскажешь, где мне найти ротных лейтенантов?

— Лейтенант де Анья в расположении роты на втором этаже, в офицерской комнате, лейтенант де Вис в городе, лейтенант де Куизи в городе, — опять протараторил человечек, стоя навытяжку и держа подбородок высоко.

— Спасибо... — граф пошёл в сторону лестницы, а солдат так и остался стоять напряжённым, как и ещё один, справа от двери, которого он не заметил сразу.

— Пероль, здравствуйте! — поприветствовал он дородного и краснощёкого лейтенанта.

Тот поправил светлые волосы и встал из-за стола:

— О, наш мастер клинка! — он сделал пару шагов навстречу и протянул графу руку, — Моя эспада уже забила в угол и дрожит!

— Мне говорили, страх чужд гвардейским офицерам.

— О, нет! По мне, он чужд только сумасшедшим, да и то не всем.

— Как же мой дядя?

— Известный храбрец. Лучше всех держит его в узде, только и всего. Бесстрашные быстро умирают...

Его глаза на долю мгновения помутнели, но сразу вернулись к былой весёлости:

— Чем обязан?

— Всех гвардейских офицеров учат отвечать одинаково?

— Так...

— Леонардо только что вот прямо так же задал мне этот вопрос, с такой же интонацией.

— Знаете ту шутку, про месячные у монашек? Примерно то же самое.

— Не слышал. Вот что, расскажите мне её сегодня на званом ужине и, прошу, передайте приглашение господам де Куизи и де Вису.

— Где ж будет ужин? — удивился Пероль.

— В «Бойком месте» или в «Пятой юбке». Жду вас, лейтенант Пероль. А пока убегаю — нужно сказать этим ротозеям, чтобы успели всё подготовить. Назначу на восемь. Вас ждать?

— Да... — недоумённо смотрел на него лейтенант.

— Вот и славно, — Жерар вышел из офицерской комнаты и спустился по лестнице.

«Такое недоумение. Их что, никогда не звали к ужину?»

...

— Ваша матушка бы одобрила, господин граф, — Марта поставила последнее блюдо на стол, чуть поправила остальные и сделала шаг назад, ещё раз оценивая всю композицию.

— Ты думаешь? — усомнился Жерар.

— Иначе просто не может быть. Изысканно, без излишних нагромождений, вина на любой вкус, и стол удачно расположен. Вы большой молодец.

Он пожал плечами в молчаливом согласии, тем более половину блюд выбирала Марта.

— Горячее принесут чуть позже, — продолжала она, — В специальной посуде, чтоб не остывало. Мы с мамой будем вон там, на скамейке, — молодая служанка указала в сторону двери на кухню, — На случай, если местная прислуга окажется недостаточно расторопной.

Граф подумал, специально ли Марта подражает в речи его матушке, или это из-за того, что она с детства находится подле графини?

На пороге показались четыре офицера в красно-синих мундирах и стали озираться по сторонам.

Жерар помахал им рукой, Франческо де Вис заметил его, и все направились через зал. Во всех, кроме, пожалуй, де Виса, изрядно сквозила зажатость.

«Да они на плацу перед строем держатся свободнее».

Он встал из-за стола и поздоровался с каждым. Когда же пригласил занять свои места, Максимильтян де Куизи сделал это с некоторой поспешностью.

— Господа, рад, что вы откликнулись на моё приглашение и смею надеяться, что ужин придётся вам по вкусу.

— Что это за красное?

— Полусухое, из погребов де Луза, пятилетнего урожая.

— Я бы отведал, — де Аня задумчиво смотрел на бутылку, пока расторопная Марта не наполнила ему бокал.

Лейтенант с придыханием сделал глоток и одобрительно кивнул.

— Почти домашний вкус, — вертя в руках бутылку, разглагольствовал Жерар, — Не многие знают, но мы продаём де Лузам часть винограда. Их собственные посадки обеспечивают лишь треть необходимого. Как вам здесь, господа? Не прогадал я с местом?

Пероль медленно обводил взглядом зал, ненадолго задерживаясь то на огромной люстре по центру, вмещающей в себя, наверное, сотню свечей, то на стены. Оштукатуренные и увешанные гербами страны и столицы, то на трёхсводчатый потолок, разделённый опорными столбами, которые, в свою очередь, украшали непонятно откуда взявшиеся осенью живые цветы. Но Пероль так ничего и не сказал. Вместо него ответил Леонардо внимательно изучающий стол:

— Не поверите, Жерар, всегда мечтал здесь побывать. «Пятая юбка»... Немного в городе сыщется мест, подобных этому.

— Здесь неплохая кухня, но чего такого особенного в этом месте, я в толк не возьму.

— О, нет, Жерар, кухня их считается одной из лучших в городе, а особенное здесь всё. Взять хотя бы название.

— Дерзкое, не спорю. Почему король не обращает внимания?

— Вы не знаете? — де Вис отставил бокал в сторону, — Это в честь последней королевы рода, происходящего из Бисканских герцогов. Он угас двести лет назад, когда наша обожаемая королева Матильда не захотела рожать и отвергла всех претендентов на её руку, а под конец вовсе сбежала, прихватив под юбкой пол казны и ввергнув страну в смуту. Вот, «Под пятой юбкой» как раз и намекает, что тут полно сокровищ, одно из которых — этот замечательный сыр с базиликом.

— Спасибо, Франческо, я этого не знал. Думал, просто хорошее место.

— Таким, как мы, сюда путь заказан, — Пероль сделал ещё глоток из бокала, а товарищи осуждающе глянули на него. Он махнул рукой, мол, ладно вам.

Жерару стало интересно:

— Отчего же?

— Тут можно оставить месячное жалование за один ужин.

— Об этом я не подумал, но... Неужели, господа, вам не идут доходы от ваших имений? Ведь вы все дворяне.

Де Вис откусил бутерброд и ухмыльнулся:

— Откуда вы к нам? Бирюзовая долина, что в устье Вислы?

Граф кивнул.

— Ещё и с графским титулом. Часто покидали сие благородное место?

— Пару раз в детстве выезжал к родственникам, — Жерар не понимал, к чему клонит лейтенант.

— Похоже, господа, бахвальство здесь ни при чём. Скорее незнание, — подытожил Франческо, потирая аккуратную чёрную бороду и не отворачивая от графа скуластого своего лица с широким лбом.

Остальные молчали.

— Бахвальство? — молодой граф окончательно зашёл в тупик.

— Некоторые имения приносят меньше остальных, — с долей сарказма пояснил Максимилиан де Куизи. На худом, бледном, безбородом и безусом лице его не отразилось никакой эмоции, лишь копна каштановых волос до плеч пошла волной, когда он запрокинул голову, делая очередной глоток.

— Мне это известно, — попытался оправдаться Жерар, — Но насколько же меньше?

— Максимилиану, к примеру, и вовсе ничего не приносит, — отвечал Леонардо отклоняясь назад, чтобы дать прислуге поставить на стол блюдо с бараньими рёбрами.

— Неужели и такое бывает? Как это случилось, Максимилиан?

— Мой прадед решил раздробить землю. Он любил сыновей и не хотел, чтобы те ссорились из-за наследства. Дед оказался ему под стать, и у отца моего вместо хорошего имения осталось жалкое болото. Крестьяне там едва могут прокормить себя сами. Брать с них оброк — увольте.

— Как недальновидно. И родственники не могут поделиться с вами?

— Пусть подавятся своими деньгами.

Граф не стал копать глубже, лишь произнёс смущённо:

— Если остальные так же стеснены в средствах, прошу простить меня. В любом случае, обед за мой счёт.

— Мне, пожалуй, жаловаться не приходится, — ответил де Вис, — Доход не такой большой, чтобы устраивать пиры в «Пятой юбке», но кое-чего приносит.

— Пероль, а как у вас? — спросил Жерар самого словоохотливого лейтенанта.

— Отец мой скряга, не тратит на меня и гроша. Похоже, переживёт нас всех. Ну да ничего, без него разберёмся.

— А вы? — граф обратил взор к Леонардо

— Третий сын в семье. Старший брат не очень-то жалуется на меня, а средний спелся с ним уже давно. Стараюсь лишней раз не показываться в родовом гнезде.

— Вот как... — он опустил взгляд на блюдо с мясом, от которого шёл пар и которое казалось теперь таким неуместным.

— Вижу, вы обескуражены, — сказал Франческо.

— Пожалуй...

— Господа, я говорил, обычное заблуждение того, кто впервые в столице. Рисовки перед нами тут нет. Граф не виноват, что его имение находится там, где оно есть, а отец его не скряга и не идиот.

— Согласен, — Пероль взял двумя пальцами мясо на косточке, — И раз так, нечего пропадать добру.

— Тебе лишь бы брюхо набить, — Максимилиан тоже ухватил кусок мяса, — Почти не выезжать из родного края... Где же научились вы так фехтовать?

— Упражнялся с мастерами. Матушка нанимала довольно известных учителей.

— Любопытно.

— Возможно, вы их знаете: Оскар, Лантимер, Маркиз де Эскерн, Хвен из Холвинда.

Леонардо присвистнул:

— Тогда понятно. Будь у меня такие учителя...

— Учителя — это пол дела, — перебил его де Вис, — Я знаю нескольких человек, они тоже не жалели денег на мастеров, но из-за своей лени и бесталанности всё равно что

бросали их в бездонную яму. Жерар не таков, и капитан наш зря рекомендовать его не стал бы, хоть министр к нам его приставит, хоть сам король.

— С этим сложно спорить, — согласился де Куизи, — Ротный лукавить не любит, он скорее с начальством рассорится, чем соврёт в глаза.

— За ротного, — поднял бокал Пероль, — Пусть старый маршал уже уходит на пенсию, а капитана сделают полковником, давно пора.

Жерар удивился, что этого старого брюзгу так почитают молодые лейтенанты, но тост поддержал.

— Посмотрели город? — спросил де Вис.

— Не весь. Сегодня, вот, купил доспех, а утром был в фехтовальном клубе.

— Что за доспех?

— Латы. Не знаю, слуга в этом дока.

— Лис? Да, он знает. Сержанты всякое про него говорят, — подтвердил Леонардо, — Похвалитесь как-нибудь?

Граф с лёгким недоверием посмотрел на всех четверых, раздумывая, стоит ли показывать им доспех после всего сказанного ими ранее.

— Я бы тоже посмотрел, — поддержал Максимилиан, — Всегда интересно, какой доспех можно купить, если у тебя полно денег.

Жерар почувствовал неловкость от этих слов, но на помощь пришёл Пероль:

— Что за клуб вы посещали?

— «Скорпион».

— Лучший в городе. Многих одолели?

— Неких господина Андреаса и господина Бертоломью. С Истером де Бижоном и Астарлоа де Веттом разошлись всухую.

— Вы фехтовали с де Бижоном? — воскликнул Леонардо.

— Да. Господин председатель был столь любезен, что...

— Это лучший фехтовальщик в городе.

— Возможно, в стране, — перебил де Вис, — Говорите, в сухую разошлись? Он не смог поразить вас?

— Говоря откровенно, он почти успел, но нет, за то время, что сам себе отвёл, всё же не сумел.

— Долго ли дрались? — не унимался Леонардо.

— Пять минут.

— Удивительно. Это серьёзный успех, Жерар, — Франческо приветственно поднял бокал и сделал глоток, — Думаю, скоро вас начнут узнавать в городе.

— Второй, как вы сказали? Астарлоа де Ветт? — спросил Леонардо.

— Именно.

— Помните, господа, он проучил нашего задиру, Филиппа? Подрезал ему пальцы, хоть я был уверен, что заколет насмерть. Филипп выражений не выбирал. Как он тогда — пару секунд, и всё! Слышал, он родственник нашего маршала и маршал его за что-то ненавидит. Тоже мастер, хоть и не на слуху...

— Кстати, о мастерах, — Пероль кивнул в сторону соседнего столика, — Кажется, вон те молодые господа вскорости выяснят, кто из них мастеровитее, или кто менее пьян, тут уж с какой стороны глядеть.

— Эспады-то у них справные, — отметил де Вис, — И колеты, вон, расшитые, дорогие.

Да сами лет пятнадцать от роду. Наслушались баек, а смерти в глаза не видали.

Молодых господ было трое. Двое вскочили и глядели друг на друга через стол, а третий сидел и переводил взгляд с одного на другого.

— Идём же, — выпалил один, указав на второй выход, и тут же пошёл впереди, а противник его решительным, но слегка неточным шагом двинулся следом. Третий бросился за ними.

Всё это напомнило Жерару ситуацию, произошедшую с ним не так давно.

— Глянем? — как бы невзначай осведомился Леонардо.

Лейтенанты вместе с Жераром направились на задний двор, который не очень-то подходил для дуэлей — тихим и укромным местом его ну никак нельзя было назвать. Конечно, там не толклось столько народу, как на центральной площади, куда вела главная дверь «Пятой юбки», но и здесь сновали туда-сюда все те, кто обеспечивал необходимым эти бесконечные лавки, магазины, постоянные дворы и кабаки.

Один дуэлянт уже вытащил клинок, второй же пока медлил. Жерар буквально чувствовал сам, как этот второй напрягся, как бьётся его сердце.

Часть прохожих останавливалась посмотреть на бой, другие же с интересом оглядывались, но продолжали спешить по делам.

— Из-за чего сыр-бор? — поинтересовался де Вис у третьего молодого человека.

— Из-за женщины, — тонким ещё голосом ответил молодой дворянин, — Витольд положил глаз на одну особу, а Серпентес не знал об этом и пригласил её на танец. Хоть она и отказала, Витольд всё равно зол. Как их остановить, ума не приложу.

— А та особа?

— Пока не знает.

Леонардо положил руку на лоб и слегка помотал головой из стороны в сторону. Выражение его лица красноречиво свидетельствовало, что он обо всём этом думает. Тем временем, второй дуэлянт вытащил всё же эспаду и ударил сбоку, то ли в плечо, то ли в голову, коряво и неуклюже. Руки его были слабы, или он выпил слишком много, но удар оказался медленным, соперник увернулся, клинок пронёсся мимо. И пронёсся слишком далеко: Жерар бы трижды успел заколоть его после такого промаха. Но в ответ последовал такой же неуклюжий укол, однако, слегка задевший колет подмышкой.

— Мы должны остановить эту нелепицу, — произнёс Пероль.

— Вы правы, друг, — Леонардо достал эспаду, — Обезоружим их.

В этот момент дуэлянты столкнулись клинками и тот, кто вытащил эспаду вторым, упустил её. Он неловко попытался поймать её в полёте обеими руками — глупое, бессмысленное действие. Противник грубым корявым движением проколол ему левую часть живота и, будучи пьян, повалился вместе с побеждённым на землю. Тут же вскочил, воздев руки и отступая прочь, будто только сейчас понял, что натворил. Ещё раз пошатнулся от хмеля. Заколотый в живот корчился, как раздавленный муравей, кровь из него так и хлестала. Жерар уже видел такое дважды, когда ходил с капитаном и его отрядом. Но там они специально искали дуэли. Здесь же, ещё миг назад, их можно было остановить. Раз — и сделанного не воротишь.

Де Сарвуазье уже не чувствовал азарта и мандража умирающего. На этом месте осталась только пустота, сквозящая, как открытое настежь окно зимой, такая же ледяная и неприятная.

В дверь его комнаты трижды постучали:

— Ровно девять, господин капитан, — известил Сильвио, экая и растягивая гласные из-за своего пестуёйского выговора.

Свет комнатной лампы слегка подрагивал из-за открытой настежь форточки. Де Куберте потянулся на своей деревянной, в меру твёрдой, кровати. Кости приятно захрустели, лёгкие вдохнули сами собой. Он сел и несколько мгновений смотрел на свои гетры, уже порядком истёртые и засаленные. Нужно бы отдать их в прачечную, но нет никакого смысла доставать из шкафа чистые и натягивать на грязные ноги. Сейчас не до бани — завтра с утра уж точно. Он натянул сапоги. Затем поднял кольчугу со стола и накинул через голову. Когда ощутил её вес, почувствовал, насколько грязен под гамбезоном, который не пришлось снять последние два дня. Прямо как на войне. Кое-как он напялил и нагрудник, обе части которого были скреплены ремнями лишь слева, застегнул одну застёжку на правой стороне — нечего корячиться, дневальный внизу поможет с остальными — и сгрёб со стола пояс, на коем висели меч и клевец. Остался лишь шлем. Всё под рукой, всё рядом: вон сундук с запасной одеждой и прочей ерундой, рядом вешалка, стол, стул, окно. Внизу рота к отбою готовится. Чего ещё надо? Никогда он не понимал остальных благородных, что тонут в своих вещах, комнатах, украшениях, словно латник в морской пучине. Ему казалось — если будет у него столько же вещей, они его просто-напросто задушат своим обилием. Хоть и было у него поместье — богатое, дававшее хороший доход, привычные остальным атрибуты высшего общества тяготили его презрительно. И, даже посещая пару раз в год своё графство — а ведь он тоже был граф, хоть и нечасто об этом вспоминал — Люк выбирал себе ту самую комнату, в которой спал с детства. Мелкую, как и положено пятому ребёнку в семье, но привычную и удобную. Он не пожелал занять покои родителей, когда те, вместе со всей остальной семьёй, умерли от оспы. Лишь его зараза обошла стороной, чуть испытав трёхдневной лихорадкой.

Внизу де Куберте подозвал Сильвио, указал ему на ремни нагрудника и подождал, пока тот всё сделает. Зачем слуги, если есть денщик? После этого он приступил к привычному уже осмотру отряда и, завершив его, взгромоздился на своего нового коня — великолепного жеребца вудвиндских кровей с коричневым окрасом, казавшегося почти чёрным в наступившей ночи.

Отряд двинулся к восточному выходу из города. Близился час сна, и редкий прохожий спешил домой, да пьяные компании и воры со всяким отребьем, завидев девятерых солдат во главе с офицером, спешили укрыться в тёмных переулках. Впрочем, Люку не было до них никакого дела. Когда он понял, что дуэли перетекли за город, решил ловить нарушителей немного иначе. Несколько дней назад он, вместе с остальными офицерами, объехал кругом, примечая самые подходящие для поединков места, а два дня назад расставил по ним соглядатаев и каждую ночь рассылал отряды по трём направлениям.

Сейчас он следовал в укромное местечко за городом, о котором знал каждый человек, кого он оставил в засаде, и до которого возможно успеть добежать, коли дуэль начнётся где-нибудь у восточной дороги. Капитану предстояло, словно пауку, сидеть посреди своей паутины и ждать, какая из нитей пошевелится. Две предыдущие ночи не пошевелилась ни одна. Они лишь находили трупы с утра, а разведчикам прилетело за то, что не разглядели преступников у себя под носом. Но капитан был не из тех, кто рано сдаётся. Ему вообще не доводилось сдаваться. Такие же пауки затаились на западной и юго-западной дороге. Его новые лейтенанты до сего момента показывали себя хорошо, даже очень. Неспроста дуэли в городе почти прекратились.

Им понадобилось чуть меньше часа, чтобы дойти до места — деревянного сарая, в котором хотя бы возможно было развести костёр, не опасаясь выдать себя дуэлянтам. Солдаты начали было резаться в карты, но, не спав две ночи кряду, быстро сморились и улеглись кто где, оправдывая известную истину, что бывалый солдат может спать хоть у чёрта на рогах. Люк и сам клевал носом, сидя на бревне. Когда же он привалился к стене и расположился поудобнее, глаза закрылись сами.

— Капитан! — раздалось через секунду.

Он открыл глаза и дёрнулся как от укола иглой. В распахнутую дверь льётся белый утренний свет, слепя и выхватывая с земляного пола прогоревший костёр. Его люди вскакивают, тела их еле гнутся, затекли.

«Да чтоб у меня сапог порвался, уже утро!»

— Господин капитан, четверо у рощи, извинений никто не принёс, драка, наверное, уже началась.

Он вышел на улицу, протирая глаза и вспоминая, где эта богами забытая роща, за коей приглядывал солдат. Вспомнив, взобрался в седло. Его отряд высыпал из сарая. Сильвио тут же подскочил и затянул седловые ремни — не дай Трое, сверзнется капитан, потом головы не сносить.

Не спеша, не желая слишком сильно удаляться от солдат, но и не желая упустить добычу, он поскакал к роще. Успел. На выходе с полянки, прикрытой деревьями, один за другим показались три всадника. Последний вёл под узцы вторую лошадь, без седока. Похоже, лошадь погибшего. Люк думал, они сейчас разбегутся в разные стороны, но его солдаты были тут как тут — отрезали конным путь, встав полукругом. Все девять человек тяжело дышали после пробежки в доспехах, но оружие выставили как надо.

На лицах дуэлянтов читалось замешательство. Они уже поняли, с кем имеют дело, и молчали. Лошади их нервно переступали. Дорогие, красивые. Едва ли не лучше, чем у самого де Куберте. Капитан дивился — сколько же в столице богатых людей. Почти каждый дуэлянт имеет и дорогую лошадь, и дорогой колет.

— Господа, сдайте оружие, — приказал он уверенно и спокойно.

Ближайший к нему щёголь потянулся к эспаде, но, вместо того, чтобы отстегнуть её с перевязи, вытащил и проткнул горло совсем новому ещё жеребцу капитана.

«Проклятье, это уже второй за месяц».

Скакун взвился на дыбы, а нарушитель попытался проскочить между ним и соседним солдатом. И ему бы это удалось, не прыгни капитан сверху. Он повалился наглицу прямо на спину, сграбастал обеими руками и попытался стянуть с лошади. Но вместо этого наземь повалились все трое — капитан, дуэлянт и его лошадь. Дуэлянт попытался ударить его эспадой и даже кое-как попал сильной частью клинка по панцирю, но одну ногу ему придавило собственной лошадью, он не мог развернуться, а капитан уже душил его сзади. Краем глаза де Куберте видел, что рядом началась форменная свалка — лошади испуганно ржали, пару его солдат и одного всадника сбили наземь, второй пытался отбиваться от алебард эспадой, сидя верхом на лошади. Идиот, недолго ему осталось.

Щёголь Люка выудил откуда-то короткий кинжал, и уже занёс его, чтобы ударить капитана прямо в лицо. В последний момент Люк схватил его за запястье, но тем самым ослабил хватку на шее — противник смог дышать. Де Куберте не видел, поспевают ли кто из солдат на помощь и решил не рисковать — достал из-за голенища трёхгранный короткий клинок без гарды и всадил его негодяю под ребро. Достал, всадил ещё раз. Ещё. Дуэлянт

прекратил дёргаться, хоть и ещё дышал. Люк оттолкнул его, чуть откатился в сторону и поднялся. Солдаты его уже доделали свою работу — изрублены были и люди, и лошади. Двое из тройки Жака лежали на земле — оба живы. Один уже пришёл в себя и тёр разбитую скулу — удар копытом пришёлся вскользь. Второй же только дышал. На шлеме его зияла вмятина, и капитан думал, что ничего хорошего под этой вмятиной их не ожидает. Его собственный жеребец корчился в агонии. Тут сам Трое не помогут. Старый вояка приколол животину тем же стилетом, оказывая милосердие.

— Тиль, за кладбищенскими, остальные — в лазарет.

Де Куберте подошёл к единственной оставшейся в живых лошади, слегка прихрамывая: прыжок не прошёл для него бесследно. Лошадь эта отличалась от прочих — не в пример скромнее, она не могла поспорить с ними в скорости, но Люк полагал её не такой прихотливой. Похоже, заколотый на дуэли был бедный малый.

Жак достал скатку для раненных и вместе с парой солдат уложил туда того, с искорёженным шлемом. Он как раз пришёл в себя и издавал нечленораздельные звуки.

Люк ускакал в полк. Предстоял визит к Первому министру, а капитан уже и не помнил, когда в последний раз приходил к нему в нормальном виде.

...

— Вы здорово справляетесь, капитан, но сами наши действия используют, как рычаг против нас, — де Крюа ткнул указательным пальцем в стол, словно именно там был этот рычаг, — Ещё бы, такое нарушение традиций, просто вопиющее!

— Ума не приложу, что с этим делать.

— Ничего. Вы знали, что тысячу лет назад по традиции съедали печень своего врага, чтобы получить его силу? А про то, что пятого ребёнка отдавали в жертву древним? Да-да, соблюдай мы до сих пор эти традиции, вас бы им отдали. И даже Трое не знают, что стали бы древние с вами вытворять. С глупостью надо бороться, но меня беспокоит другое. Два моих счетовода умерли на днях, и оба — не своей смертью. Один, как ни банально, на дуэли из-за ссоры, второго же ограбили и закололи, причём непонятно, что он делал в том районе, где нашли труп. Не верю в такие совпадения. Кто-то пытается расшатать всё, мной построенное. И этот кто-то знает, что найти хороших счетоводов — большая проблема. Мало того, они в суть дела будут вникать, самое меньшее, полгода.

— Кто может этого хотеть?

— Кто угодно. Желающих, как и причин, полно. Де Луз, сына которого я упёк за решётку, де Ветт, ведь король больше слушает меня, а не его. Этот старый скряга, вдобавок, из принципа спорит по каждому поводу, только усугубляя своё положение, де Фирины из-за штрафа за неуплату налогов, де Бижон, наконец. Он же так продвигал своего губернатора в Лорусвильскую область. И это не первые смерти подобного рода. У вас большая агентура, порасспросите их, это наверняка подстраивают специально. Вот список верных мне людей. Вероятно, замышлять могут против них. Как, кстати, наш молодой граф, который должен быть верен и королю, и мне?

— Молод, горяч, поспешен. Имеет мозги, но не желает ими пользоваться. В довесок ко всему, отлично фехтует, что только прибавляет ему гонору.

— Мы все были такими до поры до времени. Что-то должно произойти в его жизни, чтобы дать ему осознать, как мир вокруг хитёр. Лишь бы это что-то не убило его.

— Дай то боги. Думается, из него может выйти неплохой офицер, если возьмётся за ум.

— Заставляйте его, капитан. Рано или поздно ваши усилия окупятся, если я хоть что-

нибудь понимаю в людях. А теперь ступайте и не забудьте про агентов.

— Извините, что за молодой господин неделю назад приезжал сюда в полупьяном виде, но его сразу впустили внутрь? Сын кого-то важного? Не хочу случайно заколоть его, когда поймаю.

— Надеюсь, вам не придётся его ловить. Это мой сын, капитан.

...

— Господа, к бою! — отдал команду распорядитель.

Жерар деловито шагнул к сопернику и только после этого принял стойку — сразу сокращая дистанцию, словно хотел побыстрее доделать понятную и вполне посильную работу, да пойти по своим делам. Впрочем, так оно и было. Фехтовальщика этого Жерар знал — молод, тороплив, есть явные ошибки при смещении вправо и назад. Чудом не продул Андреасу в полуфинале. Чем и как против него воспользоваться — вариантов множество.

И фехтовальщик знал графа, но это не давало ему никаких преимуществ — скорее наоборот, он растерялся, не зная, что делать с таким соперником. По клубу уже расползлись слухи, как Жерар фехтует с де Бижоном и Астарлоа, да и предыдущие поединки графа соперник видел. Похоже, очередной турнир в кармане.

Де Сарвуазье слегка коснулся клинка соперника своим, затем отбил укол в живот и сразу контратаковал. Вот и первый укол. Не успевает соперник. Финт на смещении за его правую руку, удар в запястье, удар в ногу — опять пропустил.

«Что там говорил мастер Лантимер? В такие моменты не позволяй своему эгу взять верх — будь внимателен. Небрежность может стоить жизни на дуэли. Даже со слабым соперником. Вот и буду внимателен».

Аккуратно вызвать его на атаку — отбив, ещё отбив, сбив его клинка и горизонтальный разрез по маске. Хорошо. Да он устал? Жерар нарастил темп, клинок его так и засверкал, выполняя уколы, батманы, репосты, финты. На два оставшихся касания ушло чуть больше минуты. И вот оба уже сняли маски, зал рукоплещет, а второй финалист хватается воздух ртом, как после часа непрерывного боя. Жерар же едва успел разогреться.

— И победитель нашего ежемесячного турнира — граф де Сарвуазье! — объявил де Бижон на весь зал.

Загремела труба, и к Жерару ни красной бархатной подушке поднесли золотой памятный значок — маска и два скрещенный клинка за ней. Председатель лично приколол ему сувенир на грудь. Граф с благодарностью пожал ему руку и спросил:

— Почему же вы не участвуете?

— Если я буду участвовать, у остальных сразу пропадёт интерес, ведь результат заранее известен. Вы молодец, Жерар. Ни на секунду не утратили концентрации. Я же обещал вам не только фехтование? Приходите сегодня вечером на улицу Алентэр, пятое владение, там будет приём в вашу честь. Смею заметить, вас там кое-что ждёт. Вернее, кое-кто. Вы даже представить себе не можете, как быстро в столице разносятся слухи.

На счастье, дядя Люк сегодня отдыхал после трёх смен подряд. Значит, отдыхал и Жерар. Он кивнул председателю, тот хлопнул его по плечу:

— Тогда до встречи.

Жерар от счастья будто поплыл к выходу из зала, все провожали его взглядами — некоторые восторженными, некоторые завистливыми. Один господин беззвучно три раза хлопнул в ладоши, Астарлоа одобритительно кивнул, Андреас протянул руку для рукопожатия:

— Поздравляю. Заслуженно, вполне заслуженно.

Он выиграл турнир в Лемэсе, что может быть лучше? Да ещё как выиграл — разнёс всех в пух и прах! Нужно сходить к цирюльнику. Негоже являться заросшим, как чучело, на вечер в собственную честь.

...

Слуги были молодцом — приготовили ванну к его приходу, а, пока он мылся, Род отыскал приличного цирюльника.

Имение Истера де Бижона стояло на приличной улице, которую исправно патрулирует стража, и Жерар отправился туда один. Он уже знал, что в городе есть злачные места, куда даже ему лучше не соваться в одиночку — там полно негодяев вроде мерзавца де Бризи. Но сегодня путь его лежал вдали от таких мест.

Молодой граф поглядел на улицу Алентэр, довольно тихую, так как слуги возились за заборами. Редкий посыльный или отряд стражи нарушали здешнюю пустоту своим присутствием. Каждое имение на этой улице могло поспорить с предыдущим в архитектуре, красоте и размахе. Вот дом в зелёных тонах — аккуратный трёхэтажный особняк с закруглёнными окнами и двускатной крышей. Простой, и в то же время изысканный. Сад, его окружающий — истинное произведение искусства, свой отдельный мир с идеально круглыми деревьями, идеально ровной травой и идеальной высоты изгородью. Матушке бы понравилось. Следующий дом — белый двухэтажный дворец с массивными колоннами в виде статуй и просторным участком вокруг. Круглый свод вместо крыши. Чья-то широкая душа развернулась. А вот и резиденция де Бижона. Всё здесь будто стремится ввысь. Бело-пурпурно-золотой дом, украшенный лентами, разноцветные окна, даже деревья устремлены вверх... Впрочем, видны только их кончики, остальное укрыто глухим каменным забором.

За широкими двустворчатыми воротами теснилось несколько карет. Кучеры тихо беседовали друг с другом. Справа от карет — длинная коновязь, и скакуны там стоят отменные. Впрочем, ахалтекинец из Оазисов, на котором приехал Жерар, будет здесь вполне к месту.

За сборищем карет раздался женский смех — звонкий, но немного сдержанный, как и подобает смеяться аристократкам. Молодой граф бросил поводья конюху и поспешил ко входу в дом.

— Это вы тот самый граф де Сарвуазье? — окликнула его одна из трёх превосходных во всех смыслах дам, стоявших чуть в стороне от крыльца, — Не убегайте так сразу, позвольте мы хотя бы представимся.

За свои восемнадцать лет Жерар усвоил в общении с женщинами только одно — что нужно проявлять учтивость и такт, поэтому остановился, приветствуя их лёгким поклоном:

— Разумеется.

— Я Луиза де Бижон, двоюродная сестра Истера, вон та очаровательная белокурая леди с жемчужной заколкой в волосах — Пенелопа де Эскрэ, а вот эта дама с бездонными глазами — Элиза де Керье.

Прикрывая веером нижнюю часть лица, Элиза подняла на него глаза: нежно-бирюзовые, они резко контрастировали с чёрными длинными ресницами и ровными чёрными бровями, и казались от этого ещё больше. Она словно обожглась от увиденного и смущённо отвернулась, потрянув красивыми каштановыми кудрями.

— Эээ, польщён, — отчего-то Жерар стал говорить медленнее, а ситуация показалась ему неловкой, — Где мне найти Истера?

— Зала справа от входа, там полно гостей, не потеряетесь.

— Благодарю.

Лакей поклонился и услужливо открыл ему дверь. Огромный холл с роскошной лестницей, раздваивающейся в обе стороны наверху, великолепные светильники, белозолотое обрамление стен и потолка, пурпурные ковровые дорожки на белом мраморном полу: дворец был великолепен.

В зале, казалось, отовсюду льётся свет. Стол с закусками и напитками стоял возле правой стены. Около него дежурили слуги. Музыканты, пятеро, расположились в дальнем от Жерара углу. Гости сидели за тремя круглыми столами человек по десять-двенадцать. За одним играли в покер, у другого и на столе, и под ним стояли кальяны. Слуга как раз принёс два новых, чтобы заменить выдохшиеся.

Что делали за третьим, Жерар не успел разглядеть — Истер де Бижон заметил графа, вскочил, бросил карты на стол и принялся аплодировать. Один за другим все гости тоже стали хлопать в ладоши, а граф и не знал, куда же деть себя от счастья, что ни говори, вполне заслуженного.

— Жерар, прошу, присаживайтесь рядом со мной, — затем председатель клуба обратился к одному из слуг, — Лузовского вина гостю и канапэ с курицей, и пусть обязательно отведают пашот с икрой. Проходите, Жерар, проходите! За этим столом у нас игра, но для вас сделаем исключение.

Де Сарвуазье ожидал полноценного ужина, но удивился, обнаружив в зале лишь лёгкую закуску. Он сел на предложенное место, немного утолил голод и попросил слугу повторить. Истер по очереди представлял гостей, одновременно играя. Жерар толком никого не запомнил, кроме богато, но строго одетого гостя в чёрном и серебряном с большими залысинами, уже, очевидно, перешедшего сорокалетний рубеж. Звали его Гастон де Арманьяк, а запомнился он Жерару, так как был строже остальных, и все обращались с ним очень почтительно. Да и ещё один господин, Крумо де Латеа, остался в памяти из-за того, что сыпал остротами направо и налево. Остроты эти не всегда были точны, но сам поток их и напор заставлял гостей то и дело раздражаться смехом. Остальных господ и дам молодой граф не запомнил, кроме, разумеется, Элизы, Луизы и Пенелопы, хоть все были одинаково прекрасны и одинаково богато одеты.

Он выпил два бокала и, слегка захмелев, отправился к столу с закусками сам. Около стола уже стояли дама с кавалером и один молодой человек, которого он, кажется, помнил по фехтовальному клубу.

— Разве такие мантильи не вышли уже из моды? — вдруг поинтересовался одинокий молодой человек у дамы при кавалере.

— О чём вы?

— Моя бабушка носила такую же.

— Что прикажете мне отвечать?

Кавалер её напружинился и подобрался, но наглеца это, казалось, совсем не волновало. Он беззаботно пожал плечами:

— Думаю, вам на это ответить решительно нечего.

— Осторожнее, я не одна и, уверяю, мой спутник носит эспаду отнюдь не для красоты.

— Правда? Я совсем его не заметил.

Грубиян получил пощёчину от кавалера. Хоть в зале и стоял гам, её услышали все.

— Господа, у нас дуэль! — вскочил с места де Бижон, — Прошу переместиться в сад.

Люди стали спешно покидать залу. Жерар проследовал за толпой, а председатель шёл

впереди, показывая оскорблённому путь через лабиринт сада. К удивлению графа, в глубине сада стояла крытая беседка шагов пятнадцать в диаметре. Внутри неё было пусто, а пол устилала ровные деревянные доски. Председатель взял у слуги факел и поочередно разжёл восемь ярких огней под потолком.

Кавалер вслед за ним вступил в беседку. Пьян, или Жерару показалось?

Второй дуэлянт также не спеша прошёл внутрь и встал подальше от первого. Достал эспаду, сделал несколько взмахов, пару нерезких разминочных выпадов. Совсем не походило, что он волнуется.

Первый же из сражающихся нетерпеливо топтался на месте и смотрел на председателя в ожидании, когда он покинет беседку. Он достал клинок одновременно с тем мигом, когда де Бижон занял своё место возле ограды беседки, среди толпы.

— Можете начинать, господа!

Оскорблённый ринулся на противника сразу же. На взгляд Жерара, слишком поспешно, слишком уверенно. Неужели он так хорошо знает того, кто напротив? Или вино всему виной? Второй-то не нервничает: отбил упреждающий выпад и сразу сместился, отбил ещё пару, отскочил. Выжидает. Правильно, при таком-то напоре. Первый проводил атаку за атакой — сдвоенные, строенные удары — но выходил из этих атак плохо, или вовсе не выходил. Глупец. Наконец, даже этот глупец понял, что был излишне самоуверен, и лицо его стало выражать раздражённое недоумение, словно он прихлопнул уже жука, а жук взял и пополз опять. Но недолго ещё ему оставалось досадовать: после очередной атаки разъярённый кавалер пропустил смертельный укол прямо в солнечное сплетение. Жерар не видел его лица — дуэлянт был спиной, когда пропустил выпад и тут же упал замертво. После мёртвый уже кавалер раскинул руки, и голова его сама собой повернулась в сторону Жерара, но лицо его стало уже абсолютно стеклянным.

Молодому графу сделалось неприятно, он отвёл взгляд в сторону и ему показалось, что председатель слегка кивнул той даме, которая и явилась причиной ссоры. Утешает?

Де Бижон вышел на беседку:

— Господа, состоялся поединок чести. Прошу не сообщать о нём тем, кому не следует сообщать, иначе я посчитаю себя глубочайше оскорблённым. Надеюсь, вы все чтите наши добрые традиции так же, как и раньше, так же, как чту их я. Засим предлагаю вернуться в дом. Мои слуги сделают всё, что должно.

Давешняя дама смотрела на своего мёртвого кавалера с лёгким оттенком грусти на лице. Сдержанно и без слёз.

Жерар только сейчас заметил среди толпы господина Астарлоа де Ветта и неуверенно махнул ему рукой.

Мастер фехтования тут же подошёл:

— Как вам? — кивнул он в сторону беседки.

— Опрометчиво и поспешно. Будь я на его месте...

— Полно, господин граф, я не об этом. С боем всё ясно. Как вам сие укромное местечко? Ни стражи, ни вашего дяди со своими головорезами. Кто их сюда пустит? Недурно, правда?

— Часто ли здесь случаются дуэли?

— Как придётся. Раз у нас отняли городские улицы, будем держать оборону в домах. Как раньше мы сберегали наши жизни в замках от всяких дикарей, так сейчас бережём нашу честь в собственных домах, и пусть министр со своей сворой псов изойдут пеной, им нас не

достать.

Наверное, Астарлоа был прав, но Жерара покорило, с какой откровенностью он отозвался о де Крюа и, раз уж на то пошло, о его дяде тоже.

— Не бойтесь, что я сдам вас дяде?

— Вы не сдадите, вам самому противен этот закон.

— И всё же?

— Что вы скажете?

— Что здесь проходят дуэли, а граф де Бижон их пособник.

— Остальная толпа скажет, что это была самозащита, и вас поднимут на смех, а люди министра больше вам не поверят. Но этого никогда не будет, ведь дуэль для таких, как вы и я — вся жизнь и даже больше.

— Мой дядя говорит прямо противоположное. Каждый день он твердит, что дуэль не решает проблем, а создаёт их.

— Вот как? Значит, он не видит очевидного. С их помощью можно добиться самых разных целей.

— Разве они придуманы не для того, чтобы расправляться с наглецами?

— Не только, дорогой Жерар. Завоевать сердце дамы, отстаивать собственную правоту, прославиться. Убрать неугодного, мешающего человека, или врага — всего этого возможно достичь с помощью поединка.

— Убрать неугодного? Позвольте, это же низость...

— Отчего? Когда вам дерзят или грубят, становятся вам неуютны, вы вызываете наглеца на дуэль и избавляетесь от него, не так ли? Почему же нельзя сделать то же самое с человеком, который мешает вам — по службе ли, как неуютный сосед, или соперник в чём-либо?

— Разве это не бесчестно?

— Отчего же? Вы, а не он, упражнялись изо дня в день, оттачивая навыки. Вы, а не он, терпеливо слушали мастеров. Вы, а не он, задыхались в учебных боях, обливаясь семью потоками под маской и преодолевая сопротивление искусных соперников, попутно побеждая собственную лень. Так почему бы вам не воспользоваться плодами собственного труда и отваги и не употребить их себе на пользу?

Жерару нечего было ответить.

— Молчите, чёрт возьми? Потому, что я прав, и вы это прекрасно знаете. И в борьбе таких, как я и таких, как ваш дядя, по всей справедливости, я должен победить. Присоединяйтесь к нам, Жерар, — он указал на беседку, где слуги возились с трупом, — Сегодня мы сделали ещё один шаг к справедливости, эта смерть сослужит нам добрую службу. Но впереди множество таких шагов. Нам нужен каждый, кто почитает искусство фехтования, а такие, как вы, нужны втройне. Люди, подобные вам и Истеру — наша душа, наше сердце. Мы заслужили решать сами за себя. Заслужили кровью, потом и трудом.

Что мог Жерар на это возразить? Он сам не сумел бы выразить свои мысли лучше, чем это только что сделал Астарлоа.

Граф оглянулся по сторонам — он и не успел заметить, когда ушли все остальные, и они с мастером де Веттом остались в саду вдвоём.

Фехтовальщик положил руку ему на плечо:

— Хватит с вас тяжёлых дум. Идёмте, в конце концов, сегодняшней приём — в вашу честь.

В главном зале играла музыка. Столы отодвинули и пять пар танцевало посреди зала. Остальные же столпились возле стен. Он не видел среди танцующих Элизы де Керье и стал искать её глазами. Похоже, это не укрылось от взгляда мастера:

— Дама точно ждёт вас, — указал он на де Керье, стоящую чуть в стороне от основной толпы.

— У неё что же, нет ухажёра?

— Как видите, дорогой Жерар. Не тушуйтесь. Только представьте, каково бедняжке стоять там одной, когда остальные танцуют. Оставлять её так — высшая степень неучтивости.

Пожалуй, и в этом Жерар вынужден был согласиться.

— Позвольте пригласить вас? — он подошёл к Элизе, и, не зная, куда деть руки, так и оставил их висеть плетьюми по бокам.

Она присела в реверансе, протянула ему правую руку, он заключил её в свою, положил вторую ей чуть выше талии, как учила матушка, и тут на него повеяло запахом. Что это был за запах — нежный, волнующий, сам по себе являющийся вознаграждением — сразу и не объяснишь. Они закружили по залу. Ноги фехтовальщика компенсировали почти полное отсутствие опыта вальсирования на подобных приёмах — молодой граф не отдал ей ногу и не наступил на платье, неся её сквозь воздух, как величайшую на свете драгоценность.

— Вы превосходно двигаетесь, — заметила она как бы невзначай.

— Спасибо, — он не знал, как продолжить беседу, и это тяготило, словно тяжёлая эспада после трёх часов занятий.

Но Элиза сама пришла на помощь:

— Как вам поединок?

— Побеждённый переоценил себя, нужно было действовать по-доугому. С таким выходом из атаки заколоть его, право, не сложно.

— Уверена, вы без труда расправились бы с обоими сразу.

Жерар почувствовал, как горят щёки:

— Почему вы так решили?

— Луиза рассказала мне о вас всё, что поведал ей брат. Он говорит, таких как вы в королевстве по пальцам перечесть. Уж в вопросах фехтования Истеру можно доверять больше, чем кому-либо, это знает весь высший свет.

Жерар почувствовал, как начали гореть ещё и уши. Ему захотелось вдохнуть полной грудью, но он испугался показаться бестактным и едва заметно дышал носом.

— Польщён столь лестной оценкой, — вот и все слова, на которые у него хватило дыхания.

— Могу я вас просить кое о чём?

«Она? О Чём она может просить меня?» — лихорадочно думал Жерар.

Поняв, что ответ затянулся, он, наконец, сдержанно произнёс:

— К вашим услугам.

— Я хотела прогуляться по вишнёвым садам завтра днём, вот только даме не пристало бродить одной, а позвать решительно некого — все подруги заняты. Вы не составите мне компанию?

— В какое время вы желаете там быть?

...

Жерар в тридцать восьмой раз прошёл вокруг клумбы, посреди которой возвышалась

статуя Нири. Листва на деревьях не успела ещё пожелтеть вся, и сады стояли зелёно-жёлтые, яркие, уютные. До серого осеннего уныния оставалось ещё далеко.

Он в очередной раз пожалел, что не взял с собой наручные часы, подаренные матушкой. Эта баснословно дорогая вещь помогала определять время, не дожидаясь ежечастного трезвона из храма Тройх, но после ужина в компании лейтенантов граф немного стеснялся своего богатства. Однако, по часам он смог бы определить, сколько прошло времени после назначенного срока.

В его голове неустанно роились мысли. Одна возможная причина сменяла другую: что, если она передумала или забыла, или появились срочные дела? Возможно, она попала в беду? Что, если перепутала день? И ещё множество всяких «если» показывались в его сознании, чтобы уступить место следующим, пока к статуе не подъехала открытая карета, в которой и сидела она.

Элиза ступила на брусчатку легко, словно это был сон. Жерар и руки ей подать не успел.

— Признайтесь, вы заждались меня? — сказала она, взмахом руки отправляя карету прочь, — Я очень долго собираюсь на прогулки, меня вечно все ждут.

— Эээ самую малость.

— Не преуменьшайте, мой кавалер, я вам благодарна, что вы дождались.

— Ваш кавалер?

— Хотели бы им быть? — она загадочно улыбнулась ему и взяла под руку, — Такой прекрасный молодой человек обязательно должен быть чьим-то кавалером.

— Почту за честь...

— Вы будто изготовились к бою, Жерар, — она слегка сжала пальцами его плечо, — Расслабьтесь, здесь не фехтовальная площадка. Лучше расскажите о родном имении, где оно?

Судя по тому, что он слышал от дяди, Лемэс как раз был сплошной фехтовальной площадкой, не исключая эти вишнёвые сады, но упоминание родного края подействовало на графа успокаивающе.

— Далеко отсюда, в долине Перье, слышали про неё?

— Разумеется. Мне как-то говорили, винодельни де Луза находятся как раз там. Это правда?

— Совершенно верно, мы с ними почти соседи.

— У вас тоже делают вино? Никогда не слышала о вине из Сарвуазье...

— Наша маленькая винодельня покрывает только наши скромные потребности, да немного остаётся на подарки соседям, но мы делаем виноград и продаём его. Тем же де Лузам, да прочим соседям.

— Вот как? У них нет своего?

— Есть, но им не хватает.

— Никогда бы не подумала. Похоже, у вас отличное имение, раз поставляете виноград самим де Лузам...

— Это так. Кроме того, есть ещё овцы, обычные посеы, пасеки и прочие угодия. Край действительно весьма плодороден. Расскажите мне что-нибудь о Керье?

— У нас неплохой лес, где полно дичи, но, пожалуй, и всё. Сплошная глушь. Лесные предгорья на границе с Сомдой, знаете их?

— Только по географическим картам.

— К несчастью, молодой девушке там совершенно нечего делать...

Они медленно шли к реке. Пологий берег её, покрытый мягкой зелёной травой, был сплошь усыпан компаниями или такими же прогуливающимися парочками. Кое-где над травой или водой нависали деревья, давая возможность укрыться от жаркого ещё солнца тем, кто пришёл пораньше, если нет с собой зонта. Две таких компании и повстречались им прямо у берега.

— Мы пришли первые и заняли это место, никого отсюда не прогоняя и не задираясь, — вещал молодой человек немного младше Жерара из одной компании.

— Нет, сударь, мы заняли это дерево ещё раньше вас, специально, чтобы укрыться в его тени, — отвечал ему весьма задиристый оппонент из другой группы.

— Вы заняли там, а сейчас тень переползла сюда. Вы ведь не купили всю землю вокруг дерева.

— Предлагаю дуэль, заодно и выясним, кто что купил и кто куда пойдёт! — не долго думая, выпалил задира.

— Дуэль за клочок земли? — засомневался первый.

Он отчего-то напомнил Жерару того, недавно заколотого на заднем дворе «Пятой юбки», хоть и был одет скромнее. Молодой граф вспомнил, как неудачливый дуэлянт корчился на земле, как из него выходила жизнь.

«Здесь может закончиться тем же из-за никчёмной тени от дерева».

Леонардо тогда опоздал, да и все они слишком долго наблюдали.

«Нет, это точно неправильная дуэль. Всему есть пределы».

Жерар решил действовать на опережение:

— Господа, не слишком ли пустяковый повод для дуэли?

— Сойдёт и этот, — отвечал ему задира.

— Тогда для меня достаточно будет и небрежного тона, которым вы мне отвечаете. Только посмейте вызвать его, и я тут же вызову вас.

— Думали меня напугать? Самоуверенность выйдет вам боком, расправлюсь с обоими!

— Вместо громких слов глянули бы лучше на этот значок, — Жерар ткнул пальцем в награду за победу на турнире, приколотую к отвороту колета, — Коли разбираетесь в фехтовании, знаете, что таким не многие могут похвастать.

В молодых компаниях зашептались, задира стушевался, но, чуть погодя, выдавил:

— Турнир и настоящий поединок — не одно и то же.

— Это верно. Много раз бывали в поединках?

Молодой дворянин ещё больше насупился, но отступить явно не желал. Похоже, упрямец, каких немало. Запугивание не удалось, а других вариантов Жерар придумать не успел.

— Если вы не найдёте выход, не задевающий ничью честь, дуэль неизбежна. Уведите разговор в другое русло, — шептала ему Элиза.

Он задумался, глядя на большую тень дерева:

— На жарком солнце мы все дуреем, господа. Под тенью хватит места обоим компаниям, если вы одобрите соседство друг друга.

— Вероятно, это так, — ответил более спокойный из двух молодых людей.

Жерар посмотрел на задиру:

— По себе знаю, что прощать иной раз труднее, чем наказывать, — припомнил он слова отца, — Но пятно тени не причина убивать друг друга. Пожмите руки и разделите трапезу.

Лучше приумножать друзей, а не врагов. Тем более, все мы в столице недавно.

Нехотя эти двое пожали руки друг другу, а потом и Жерару. Он не знал, продлится ли этот хрупкий мир хоть сколько-нибудь времени, и на всякий случай добавил:

— Кто нарушит традицию примирительного рукопожатия, бросит чёрное пятно на свою честь, учтите это, господа.

Молодые люди неуверенно кивали. В их неуверенности не было ничего удивительного — традицию примирительного рукопожатия молодой граф придумал пару секунд назад, сам изрядно удивляясь своему красноречию. Обе компании как будто не собирались ссориться, и де Сарвуазье повёл свою спутницу ближе к воде.

Он чувствовал себя странно, ведь только что выступил на стороне дяди Люка, хотя сам ярый сторонник дуэли. Но одно дело, когда умелые фехтовальщики выясняют отношения, зная, на что идут, и имея весомый повод. И совсем другое дело, когда сущие дети убивают друг друга из-за пустяковины.

— Как мило, — восторженно шепнула Элиза, — Помирили детей. Никогда бы не подумала, что такой опытный фехтовальщик будет этим заниматься. Жерар, жизнь дающий...

— Элиза, прошу вас, хватит, — он не знал, как реагировать на эти её слова, — К тому же, ваш совет пришёлся кстати. Без него я бы выхода не нашёл.

— Разве это не было очевидно? — она недоумённо сжала губы, отчего показалась Жерару ещё прекраснее.

— Да, но вы подтолкнули меня к действию, и очень вовремя.

— Как досадно, что я не захватила ничего попить, здесь такая жара...

Самого графа солнце не смущало. Даже в летний зной он иногда упражнялся в открытом поле, и организм приспособился. Сегодняшняя же погода далеко не так сильно жарила. Но Элизу она, кажется, изводила.

— Я видел здесь бродячих торговцев, нам нужно только найти одного.

Они поспешили укрыться в тени вишнёвой аллеи. Один знакомый лейтенант кивнул, приветствуя его и получил такой же кивок в ответ.

— Жерар, мне говорили, вы как-то связаны с гвардейским полком. Вы офицер? — спросила она, кажется, с некоторой надеждой.

И ему тут же захотелось стать офицером. Поэтому ответил он с некоторым разочарованием:

— Министерский служащий. Прикреплён для наблюдения за одной ротой.

— Министерство и туда добралось? Интересно...

Де Сарвуазье махнул разносчику, ведущему мула навстречу. Он поравнялся с нами, снял и раскрыл перемётную суму со льдом. Элиза выбрала малиновый компот.

— Три монеты, — отвечивал носильщик.

Жерар полез в кошель и перечёл самые мелкие: восемь шиллингов и два пенни.

— У меня с собой лишь два пенни и шиллинги. Берите шиллинг, и дело с концом.

Косматый торговец выпучил глаза:

— У меня нет столько сдачи...

— Что же нам делать?

— Давайте пенни...

— Тогда я буду должен. Это не годится, де Сарвуазье долгов не плодят. Берите шиллинг, — он вложил монету в руку носильщику, не дав тому возразить и поспешил уйти,

уводя за собой и Элизу.

Косматый остался стоять посреди аллеи, будто громом поражённый. Кажется, Элиза тоже была в растерянности:

— Жерар, я думаю, он говорил про три гроша, а не три пенни...

Де Сарвуазье на секунду остановился. Получалось, что он прилично переплатил: один пенни — это десять грошей, а один шиллинг — десять пенни. Что же это, во сколько раз? В тридцать и даже больше? Так вот почему продавец столь сильно удивился. Ну, не догонять же его теперь. Требовать деньги назад, как лавочник на рынке. Нет, таким сутяжничеством не пристало заниматься графу.

Он улыбнулся:

— Повезло же этому малому.

Элиза блеснула улыбкой в ответ:

— Не транжирьте всё так быстро, не останется на свадьбу.

Сердце графа вдруг поскакало галопом, а стук его, казалось, изнутри выбивал уши. Это намёк, или просто шутка?

— Что с вами, Жерар? Вы не из тех, кого тяготит женитьба?

— Нет, разумеется.

— Вы обручены с кем-нибудь?

— Не имел чести.

— И что же, родители никогда не подбирали вам невест?

— Матушка говорила, среди соседей достойных нет. У неё были какие-то планы, но я не в курсе. К тому же, хочу сам выбрать себе невесту.

— Вы такой решительный. Мне кажется, уже через месяц вы будете блистать в столице. О вас узнают все. Расскажите, чем вы занимались в своём имении? С кем дружили?

Жерар принялся вспоминать своё детство и юность. Элизе всё было интересно, она почти не прерывала его, но, пройдясь с ним до конца аллеи и обратно, сказала, что ей пора. Тогда он поймал карету попримечнее и заплатил вперёд. Она махнула ему рукой из окошка, и он впервые в своей жизни ощутил, насколько прекрасен может быть этот мир.

...

Как удачно его хозяин втрескался! Забыл про всё на свете и ночных походов своего конюха вовсе не замечал. Зато Лиса нагрузил по полной — костюмами, ваннами, цирюльниками и прочими делами. Оно и хорошо, Лис из-за этого донимать Харта перестал. И Харт гулял вволю! Деньжат теперь — хоть обпейся и объешься, так ещё с дружками давеча отбуцкали одного богатого олуха. Теперь они лучше знали, где ходит стража, да в какое время, и могли озоровать по-дерзкому, внезапно, не загадавши, и так же внезапно разбежаться, оставляя очередную сытую сволочь лежать на дороге — избитую, ошеломлённую, напуганную. И без гроша в кармане. Вот оно как повернулось-то. И никакая небесная кара, которой так любят пугать жрецы Трои, Харта не настигла. Пусть всякие олухи верят в эту ерунду, а его не проведёшь.

Сегодня им предстояло нечто особенное. Засранец Рогана собирался привезти домой чужую жёнушку. А это ой как развязывало им руки. Он же стражу звать не будет! Они договорились, что Роган тихонечко откроет калитку и дверь в дом, когда голубкам будет не до него, а самого Рогана Харт слегка огреет под глаз и свяжет для виду.

Жмур рядышком так и подскакивал, ему не терпелось поучаствовать в таком же деле, какое они провернули с его хозяином не так давно. Громадный Джо высоко запрокинул

кружку, допивая остатки. В его почти детской ладони она казалась сущим ведром, и он со стуком опустил её на стол:

— Пора.

Они засобирались. Харт радовался, что рядом нет Почемуя — стражник всякий раз жалел, что не может участвовать в их забавах и в пьяном виде иногда порывался с ними. Они вышли по одному, чтоб не привлекать лишних взоров. Каждый знал путь до дома, ведь обмозговывать всё начали за десять дней до делюги.

Конюх спокойно шёл по знакомым уже улочкам. По пути ему повстречался отряд стражи. Хотелось делано раскланяться перед ними, но Харт всё же удержался — какого рожна дёргать медведя за хвост?

Вот и нужная калитка. Домишко не шибко большой, и двор скромный. Двое друзей его, вон, за углом мочатся. Джо заметил его, а Харт сделал знак рукой, поторапливайтесь, мол, и аккуратно открыл калитку. Не медля, пересёк дворик, слегка толкнул массивную деревянную дверь, та поддалась. Коридор оказался тесным и без выкрутасов. Что же, роганов хозяин прижимист? Если так, значит, мошну набитой держит.

Вошли Джо со Жмуром и закрыли дверь.

— Калитку притворили? — шёпотом спросил Харт.

Джо кивнул.

В конце коридора, у узкой лестницы, сворачивающей налево, появился Роган. Он прижал палец к губам, заклиная друзей не шуметь, затем тихо приблизился и подставил левую часть лица.

— Готов? — прошептал Харт.

— Давай бей уже.

Конюх сжал кулак и дал ему крепкую оплеуху. Роган не ожидал и припал на одно колено, вдобавок ударившись о стену рукой. Зато теперь уж синяк будет выглядеть как надо. Джо протянул верёвки, и Харт уже на кухне связал своего жилистого подельника.

Они двинулись было к лестнице, но внезапно коротышка остановил конюха:

— Маски забыли.

И действительно, сейчас бы отправились так...

Они закрыли лица и тихо прокрались к лестнице.

— А чего мы тихушничаем? — спросил Харт, — Тут шума будет через минуту, что коровьих лепёшек на выпасе.

И он пошёл по лестнице спокойно. Дверь в покои благородного господина оказалась заперта. Недолго думая, он вышиб её ногой и ввалился внутрь. Заорали. Не такая уж роскошная и большая комната. Даже здесь, на столичном постоялом дворе, у его графа номер был краше, кровать шире, кресла удобнее. Небогат, видно, был господин Рогана. Но всё одно — в разы богаче любого конюха. И комната его в разы роскошнее, и баба эта, что сейчас испуганно закрылась одеялом, Харту бы дала, разве что обезумев от желания. Вот за это мразины и ответят сейчас.

Роганов хозяин вскочил и, болтая полуопавшим членом, побежал к столу у окна, напротив двери. Конюх утопил свой кулак в его живот. Господин согнулся пополам, Харт грубо прижал его к полу и долбанул лицом о доски. Баба продолжала визжать, пока Громадный Джо не подскочил к ней и не схватил за горло:

— Тише! Тише, я сказал.

Затем он распластал её на кровати и приспустил штаны.

Харт отвернулся от кровати и свирепо глянул на лежащего под ним человека:

— Что там, в столе? Живо отвечай!

Голый господин на миг замедлил с ответом и тут же получил ногой под рёбра от Жмура.

— Здорово как! — кряжистый волосатый парень замахнулся и ударил ещё раз.

— В морду ему дай, — сказал конюх, — Он всё молчит. Ну помолчи у меня, скотина!

Лупить будем, пока не сдохнешь.

Тут голый опомнился:

— Кинжал в столе.

— Жмур, глянь.

Приятель его с полминуты возился в ящиках стола, пока не достал оттуда клинок длиной в пядь, облачённый в хорошие кожаные ножны.

Харт схватил голого за волосы и долбанул разок лицом об пол:

— Деньги где?

Тот молчал.

— Деньги где? — удар, — Деньги где? — удар, — Деньги где? — удар.

По полу расплылось пятно крови, лежащий исторг то ли стон, то ли плач. Конюх медленно отогнул его голову кверху, гораздо выше, и уже приготовился долбануть как следует.

— В сундуке, под кроватью. Ключ под матрасом в изголовье.

— Тото-же, — Харт всё равно приложил его мордой об пол и посмотрел на Жмура, — Свяжи его как следует.

Жмура не нужно было просить дважды.

Сундук под кроватью оказался размером с дыню, но улов в нём был что надо. Конюх сразу бросил на пол серьги, кольца и прочие украшения, ко времени вспомнив слова Рода, что по этим вещам их могут узнать, случись чего. Лис говна не посоветует, к чёрту эти цацки. Зато и монет было изрядно. Улов оказался больше, нежели в прошлый раз.

Джо всё извивался на кровати, зажав рукой рот благородной даме. Внезапно он напрягся, обмяк, а потом устало скатился со своей жертвы. Она застонала — горько, безысходно, отчаянно. Слишком громко. Харт ссыпал монеты по карманам и залез на неё сам.

— Помоги ему, — указал он Джо на товарища с верёвками, а сам зажал благородной твари рот, привычно спустил штаны второй рукой и без помех вставил куда надо. Пошло как по маслу. Он ускорился. Злость и радость от свершённой мести грели душу. Харт представил, как завтра расскажет Рогану всё в подробностях и не сдержал улыбки. Видимо, от этого баба под ним задёргалась и стала издавать жалобные звуки даже с зажатым ртом. Тогда он на секунду остановился, приподнялся над ней и дважды со всей силы лупанул кулаком прямо в блестящую от слёз смазливую благородную харю. Нос её свернулся на бок, губа разбилась, кровь залила лицо и бельё рядом, но Харту было плевать. Он продолжал совать ей внутрь, всё быстрее и быстрее, и безмолвное выражение ужаса на лице её лишь поддавало огонька...

...

Де Куберте выспался. Отмылся, приказал пестуицам постирать его вещи, проверил роту и ещё затемно улёгся спать. Разбудил его зычный голос командира соседней роты:

— Что за горох?! — орал он на солдат, — В ногу идём! Шире шаг! Шире шаг, я сказал!

Лепен, мало муштруете их! На месте...стой! Из походной в баталию стройсь! Минута времени, живо!

Люк сомневался, что его люди способны перестроиться за минуту, а уж соседняя рота и подавно. Значит, командир решил их сделать виноватыми таким способом. Зачем — уж ему виднее.

Капитан стал не спеша одеваться, мышцы его затекли после долгого сна, он никак не мог изогнуться и натянуть сапог на ногу. Но, кряхтя, всё же сделал это. Дальше пошло легче. Де Куберте спустился вниз и кликнул дневального затянуть ремни на нагруднике, после чего вышел на плац. Его рота отрабатывала манёвры вдалеке. Насколько это возможно делать в такой тесноте среди других рот.

«Давно пора перевести полк за город, где места вдоволь для всего, а здесь оставить несколько опорных рот на случай беспорядков в городе. Полк через эти ворота только выходить будет не меньше часа, так ещё по узким улочкам тащиться, случись чего».

Капитан двинулся мимо построений к своей роте. Многие солдаты и офицеры, не занятые делом, приветствовали его. Люк знал все эти сплетни, что ходят о нём в полку: «Вечный капитан, не поднимавшийся по службе уже много лет, но и не выходящий на пенсию». И неизменное среди недоброжелателей: «Пёс министра».

Часто-часто зазвонил колокол. Не храмовый, местный. Следом в три трубы протрубили сбор полка. Вот так иногда и начинается война — без сплетен о волнениях на границе, без долгого ожидания или предшествующих переговоров — неожиданно, посреди обычных будней. Сейчас все построятся, и командир полка объявит, куда им выдвигаться, а после начнутся долгие сборы в дорогу. Интересно, полковник-то знал заранее? Кто-то уж точно знал, а Люк до самого последнего момента ловил бретёров. Он обрадовался, что привёл себя в порядок и выспался — на войне такой случай выпадает редко.

Де Куберте думал уже встать во главе роты, но завидел у полковых ворот человека в костюме простолюдина и грубом коричневом войлочном колпаке. Этого посыльного министра он давно знал. Помнил он и уродливую заячью губу, и глаза на выкате — ни в жисть не догадаешься, кому он служит, если не знать наверняка. Первый раз этот человек показался в полку. Не иначе, по капитанову душу явился. Так и оказалось.

— Требуется к себе, — доверительно сообщил посыльный, когда подошёл к нему, при этом наклонившись поближе и не уточняя, кто именно требует.

— Мы выступаем на войну.

— Думаете, ему это неизвестно?

Крыть было нечем. Люк сделал знак рукой Леонардо. Лейтенант, что сидел верхом, подъехал к своему командиру и, спешившись, отсалютовал.

— Дай мне свою кобылу, а сам построь роту и сделай всё, что необходимо, когда полковник расскажет, куда нас отправят на этот раз.

— Есть, — кивнул его лейтенант.

Ничего ему объяснять не надо было — всё он знал, всё умел, да и солдаты знали его. Давно пора этому лейтенанту стать капитаном и командовать ротой, но Люк держал его продвижение по карьере, как пробка удерживает вино в бутылке, а Леонардо и слышать не желал о переводе в другое подразделение, где смог бы занять должность повыше, а вслед за этим получить и чин.

За воротами его встретил обычный город со своей всегдашней суетой и неупорядоченным бегом людей. Интересно, кто-то из них догадывается, что отчизна в

опасности, и очень скоро людям предстоит умирать где-то далеко отсюда, чтобы народ здесь смог суетиться и снова туда-сюда, как и прежде? Ещё капитана поражал контраст в министерском дворце — в отличие от позднего вечера, днём здесь царила упорядоченная деловая суета. Люди вроде и ходили туда-сюда во множестве, но, если присмотреться, ходили строго куда положено. У каждого был свой стол и несколько других столов и кабинетов, с которыми они взаимодействовали, а не со всеми подряд, как могло показаться на первый взгляд. Личный секретарь министра, завидев Люка в конце вереницы людей, ожидающих приёма, помахал ему рукой, подзывая к себе.

— Проходите, господин министр уже ожидает вас, — промолвил секретарь, не поднимая взгляда от бумаг, когда капитан подошёл ближе.

Министр, вопреки своему обыкновению, ожидал не в маленьком кабинете, а за большим столом, нужным для приёма птиц покрупнее, в большом кресле во главе стола. По правую же его руку сидел драгоценный племянничек капитана, Жерар де Сарвуазье.

— Не думайте, дорогой граф, что остальные молодые господа в столице воспитаны на тех же понятиях о чести, что и вы, — негромко вещал де Крюа, — Ваших родителей я знаю лично, а вас вызвал сюда специально, чтобы убедились лично, как ради собственной выгоды некоторые, казалось бы, благородные люди, могут извращать понятия справедливости, долга, доброго имени. Дуэли — лишь мелкая часть. Чиновники, заботящиеся о собственном благе, армейские, набивающие карман за счёт казны, аристократы, стремящиеся вознестись ещё выше лишь для удовлетворения собственного честолюбия, нисколько не пекущиеся о благе и безопасности нашего с вами государства. О, Жерар, вам ещё многое предстоит увидеть собственными глазами, нужно лишь знать, куда посмотреть. Отец ваш послужил королевству, пожалуй, как никто другой. Он-то строил по большей части не ради собственной выгоды. Но и в личном обогащении преуспел. У вас ведь богатое графство, не так ли?

— Вполне благополучное, насколько я могу судить, — сдержанно ответил де Сарвуазье.

— Капитан, присядьте, — наконец обратил на него свой взор министр, — Итак, мы вступаем в войну. Вот приказ на вас, Жерар. Теперь вы — лейтенант Гвардейского Полка Лемэса и, как и наш доблестный капитан, отправляетесь в поход с единственной целью — навести порядок в наших рядах. Дуэли, взяточники, преступные глупцы — всё на вас, пишите мне, если сочтёте нужным. Я рассчитываю на вас, господа. О результатах докладывать каждые три дня в письменном виде, передавать через адъютанта генерала Оммеля и только через него. Маршал соответствующие распоряжения получил. Будет строить козни, пишите незамедлительно, Люк. А вы, Жерар, не тяните время. Армия выступает завтра, вам нужно ещё собраться в дорогу.

Этот молодой фехтовальщик забрал протянутый министром приказ, встал и церемонно, сдержанно поклонился. Похоже было, что он далеко не в восторге от нового назначения. Когда де Сарвуазье вышел, де Крюа обратился к капитану:

— Что думаете, Люк?

— Почему вы решили поставить на такую работу этого юнца? У него в голове одни поединки, молодые барышни, да наряды. Он ни разу не видел войны, в конце концов.

— Вот пусть и посмотрит на неё с самой неприглядной стороны. У него, должно быть, неплохое воспитание, а графство — одно из богатейших в стране, поэтому любая мзда теряет для него смысл, даже огромные взятки вряд ли заставят его соблазниться, если он воспитан в духе своего отца. Вам лишь осталось по-настоящему открыть ему глаза на мир.

...

Жерар оставил хлопоты слуге. Сам же решил в последний раз перед войной посетить фехтовальный клуб. Как знать, может, и не доведётся больше... Остаётся только уповать на своё мужество, мастерство и счастливую звезду.

Господа Астарлоа и Истер не участвовали в учебных поединках, сославшись на то, что уже провели свой собственный. Благодаря этому молодой граф доминировал над всеми оппонентами. Пожалуй, такой он и представлял себе прощальную тренировку.

Сейчас же он шёл по коридору, вдоволь намахавшись эспадой. Нужно спросить у председателя, где он может найти Элизу — её не оказалось в том доме, до которого Жерару дважды пришлось провожать её, но попрощаться было необходимо. А то хорош кавалер — был и растаял, как утренний туман.

Жерару повезло — Элиза де Керье как раз беседовала о чём-то с председателем в приёмной клуба. По мере приближения к ним, сердце графа забилось чаще.

— Позвольте, как быть с сегодняшним моим делом?

— Забудьте. Война пустила все планы под откос.

«Интересно, о чём это они? Впрочем, неважно. Нужно покончить с недомолвками побыстрее».

— Элиза, здравствуйте. Вынужден сообщить, что с завтрашнего дня отправляюсь на войну. Прощайте, может когда-нибудь свидимся, — выпалил он на одном дыхании.

Де Сарвуазье не знал, чего ожидать. Как она отреагирует на эту новость?

Элиза де Керье отреагировала спокойно:

— Желаю вам военных подвигов и стремительного происшествия по службе.

Он удивлённо вскинул брови.

— Разве не об этом вы, все мужчины, мечтаете, ещё даже не научившись говорить? — спросила она с лёгкой грустью в голосе, — Оставляете меня...

— Смею заверить, выбора у меня нет решительно никакого.

— Мужчины всегда так говорят. Довольно, прошу вас, покончим с этим.

Де Сарвуазье, в конце концов, не нашёл ничего лучше, чем беззвучно поклониться обоим и удалиться, не произнеся ни слова. Он всего лишь был призван исполнить свой долг, но почему от слов Элизы остался такой горький и неприятный осадок?

Глава 5: жестокое море

Море бросило им в спины потоки холодного ветра, проливной дождь и солёные брызги волн. И, словно боясь сбиться с ему одному известного ритма, начало бешено плясать под ними. Вспышки молний тут и там освещали поднимавшиеся со всех сторон валы.

— Левее! — крикнул капитан.

Как он видел, с какой стороны идут волны в этом мраке, Тром не понимал. Они разрезали носом корабля несколько волн, потом вода ударила в правый борт, их обдало брызгами, и корабль закачался. Горец уловил какое-то замешательство в действиях капитана, глядящего то вперёд, то направо. Но замешательство это быстро сменилось деятельным стремлением успеть вовремя:

— Ещё правее тяни! — капитан сам навалился на балку, а вслед за ним двое горцев.

Ещё одна волна ударила справа. Они даже почувствовали тяжесть воды на руле. Корабль закачался и стал медленно поворачивать левее. Этот шторм был другой.

В прошлый раз Тром помнил гигантские волны, на которых вздымался их корабль, а потом опять падал вниз на много десятков шагов. Тот, первый шторм, чем-то напоминал огромного медведя, проходящего по тропке мимо кустов. Заденет здесь, сорвёт ягодку тут, обломает ветку там... Огромный и необоримый, но сминаящий лишь случайно, если ты помешаешь его пути.

Этот же был как рассерженная росомаха — он тряс их, как птичье гнездо в надежде, что из них посыплется яйца. И, Тром готов был поклясться, что к этому всё идёт.

Ветер то и дело менял направление. Волны не были такими гигантскими, но били так часто, что корабль каждый миг шатало туда-сюда, мачта трещала, паруса рвались, а дерево скрипело так противно и одновременно страшно, что казалось, посудина жалуется на свою горькую участь и готова вот-вот оставить все эти важные людские дела и уйти на заслуженный покой, на дно.

— Левее! — орал капитан, — А ну навались!

— Лехxxx... — Его окатило ледяной солёной водой, и вместо очередного крика он зашёлся кашлем, ослабив хватку. Но горцы молча выровняли курс.

Буря ревела, канаты метало и рвало. В очередной раз, когда они резко ухнули вниз, молния осветила всё вокруг, и Трому показалось, что сквозь пену, толщу воды и проносящийся мимо косяк рыб он видит дно океана. Корабль начал чаще клевать носом, капитан тут же заметил это.

— Ещё влево! Дави, сильнее! Не хватало нам нарваться на мель морскому дьяволу на корм! Вот так!

Корпус со скрипом, медленно разворачивался вправо.

Вдруг их резко подкинуло и поставило бортом на волну. Тут же ударило в борт и болтануло, развернуло обратно, потом снова бортом. Как голову в слишком большом шлеме, когда его колотят со всех сторон.

Тром уже не мог рулить, он лишь держался за балку, чтобы не выпасть за борт, или не расплескать по палубе свои мозги, влетев неудачно в какую-нибудь мачту. Капитан делал то же самое, лишь громила изредка пытался упереться и удержать руль.

— Просто держись и молись всем богам, каких вспомнишь! — крикнул Марку капитан, — Сейчас бесполезно держать руль, лопасть может сломать волной!

И они держались. Это было самое страшное — просто держаться и ждать, помилует тебя или унесёт на дно. Терпеть шквальный ветер, ледяную воду, постоянные броски, и болтаться туда-сюда вместе с рулём. И непонятно, сколько ещё нужно ждать, сколько им держаться?

Тром не мог сказать, как много прошло времени. Раздался треск, он увидел, как от левого борта полетели щепки, и по палубе пошла трещина.

— Отвязываемся! — истошно завопил капитан.

Тром вспомнил — точно так же вопил его первый десятник, когда проклятые низинники чуть не проббили их стену щитов на тропе, высоко в горах.

Корабль начал оседать влево и вперёд, погружаться всё ниже. Тром заметил в очередной вспышке молний деревья впереди. Шагом было бы недолго до них добраться, но сквозь эти клятые волны — невозможно. Надежда вспыхнула, будто свеча в тёмной комнате, и тут же погасла — он не знал, что делать.

Капитан отвязал верёвку, шатаясь, подошёл к борту и обернулся:

— Гребите туда, — указал он в сторону деревьев, — Ваши боги однажды спасли вас. Может, это случится снова.

Он дождался мига, когда корабль перестало болтать, быстро встал обеими ногами на борт и прыгнул в воду.

Открылся люк в трюм. Судно тут же осело ниже. Из люка вылез Олаф и пара матросов.

— Где Свен? — крикнул им Тром.

Но никто не услышал, все трое бросились в воду.

Горцы отвязали верёвки, но медлили. Марк разбежался, пару раз споткнувшись от качки, и перемахнул через борт.

Тром побежал к люку, надеясь вытащить Свена, но из люка хлынула вода, корабль опустился ещё ниже, огромная волна с пугающей медлительностью перевалила через борт и подхватила Трома. Он едва успел задержать дыхание. Стало совсем холодно, страшно от ощущения полного бессилия и очень темно.

Его треснуло спиной, наверное, о борт. Удар сотряс лёгкие, поединщик выпустил немного воздуха и глотнул воды, но вовремя собрался и сжал губы. От солёного хотелось кашлять, Тром понимал, что захлебнётся и быстро поплыл вверх. Куда несла волна, он не видел. Получилось вынырнуть и удержаться пару мгновений наверху. Он кашлял и снова задержал дыхание в самый последний миг. Волны слишком резко бросали вниз, и каждая следующая, подхватывая, накрывала с головой и несла вперёд внутри себя. Воздуха не хватало, приходилось грести наверх и всё повторялось заново. Шкуры и одежда стали тяжёлыми, они тянули вниз. За каждый вдох Тром платил громадными усилиями. Ноги и руки онемели от натуги, приходилось всё время грести. Теперь он не отдыхал, даже когда выныривал. Холод сковывал. Горец шевелил ногами по чуть-чуть, как беспомощный ребёнок в колыбели, и даже это было труднее, чем ворочать камни.

Его опять накрыло. Он уже различал, где поверхность, но никак не успевал доплыть. Лёгкие сами собой пытались вдохнуть воду судорожными спазмами, Тром сопротивлялся этому, как только мог, но воздух был слишком далеко.

Внезапно его выбросило из воды, он вдохнул, и тут же его снова накрыло, перевернув, и, не видя ничего и не чувствуя ничего, кроме пены, он врезался всем телом в дно. Сначала растерялся, попытался оттолкнуться, но море хлестнуло сзади и понеслось дальше. Поединщика протащило по песку и камням, он ободрал ладони, сорвал ногти, но встал на

четвереньки, по локти в воде, сплюнул пену и приготовился к новому удару. Шваркнуло так, что чуть не перевернуло через голову, но он заметил берег. Бросился к нему на четвереньках, чувствуя волну сзади. Упал от удара, снова встал, уже на ноги, пытаюсь побежать к берегу, но онемевшие мышцы не слушались вовсе. Так, падая и вставая, он постепенно выбирался на сушу.

Дальше, там, где от волн остаётся только пена, лежал Марк и тяжело дышал. Тром добрался до него, продираясь сквозь откатывающиеся волны, чуть не падая, и склонился рядом:

— Я здесь, вождь. Ты цел? Или тебя надо нести?

— Помоги встать.

Тром помог. Марк сначала держался за него, потом отпустил. Кровь вперемешку с водой капала с его правого локтя. Одежду разодрало, но кости, видно, были целы — Марк указал рукой на берег. Там лежали трое — капитан и два матроса, а Олаф присел возле капитана и давил ему на грудь. Кажется, капитан пришёл в себя.

Горцы двинулись к ним на заплетающихся ногах. Всё тело студил ветер, Тром не чувствовал боли от холода, шёл сильный дождь.

— Нужно развести огонь, — это было первое, что сказал капитан.

Горцы подхватили его и поставили на ноги. Они, как могли, заспешили к лесу.

— Олаф, проверь остальных. Может, кто живой?

Матрос догнал их уже около деревьев:

— Капитан, оба мертвы.

— Ты пытался выкачать из них воду?

— Пробовал, бесполезно.

— Что нам делать сейчас? — вмешался Марк.

— Нужно добыть огонь, иначе умрём.

— Как это сделать в такой дождь?

— Деревья с толстой корой. Под верхним слоем будет сухой. Нужно тонко его срезать.

Олаф, твой нож с тобой?

— Ага, — сгорбленный матрос дрожащими руками достал из-за пазухи простой ножик с деревянной ручкой и прямым лезвием.

— Нам повезло. Иди, ищи кору, а остальные — ветки посуше. Может, еловые или ещё какие. Смотрите, что растут не высоко, не низко, они не так сильно промокли. Да не забредайте далеко, а то потеряемся в этом лесу.

Трома сильно трясло, пока он слушал капитана. Поняв, надо делать, он первым двинулся в лес. Марк пошёл за ним, Олаф убежал к берёзам, а капитан разглядывал поваленное на опушке дерево.

Долго бродить не пришлось — громила показал на невысокую, но разлапистую сосну, нижние ветки которой прятались от дождя под верхними. Тром и сам заметил её к тому моменту:

— Да, давай попробуем эту.

Ветки были слегка влажные на ощупь, но ломались с сухим треском, что давало надежду. Трясаясь от холода, они спешно набрали по охапке и двинули обратно. Капитан уже махал им из-под большого дуба, под которым он уже расчистил место для огня и, трясясь, стоял над толстой веткой.

Прибежал Олаф, прикрывая собой от притихшего уже дождя кору, которую ему удалось

срезать.

— Нож дай, — попросил капитан.

— Возьми сам, промокнет береста, — ответил матрос, оттопыривая левый локоть в сторону, — Там, подмышкой, ножны.

Капитан разобрался быстро и стал состругивать верхний слой с полена, что лежало на земле. Он сделал ложбину и сказал Марку:

— Прикрой, чтоб не мокло.

Верзила встал с подветренной стороны, а капитан принялся строгать ветку толщиной в палец.

Тром продолжал мёрзнуть. Невыносимо. Ему хотелось кричать, или разрыть яму и забиться туда, лишь бы этот проклятый ветер не терзал его больше. Но он понимал, что и так замёрзнет, а единственный их шанс — это костёр.

Капитан закончил с веткой и указал Олафу на ложбину в полене:

— Клади сюда куски, что поменьше, я сделаю трут.

Моряк положил, а капитан измельчил их ножом, как мог, воткнул туда заострённую палку и принялся быстро крутить её ладонями туда-сюда.

— Нужно лучше накрыть, а то промокнет всё... Горцы, кто-то из вас должен снять шкуру, мы соорудим крышу для костра. Тром с Марком переглянулись.

— Не медлите, а то все сдохнем.

Марк развязал пояс, быстро скинул с себя шкуру и двумя сильными скрутками выжал от лишней воды. Олаф и Тром натянули её над сидящим капитаном. Сначала Марк согнулся ещё сильнее: холод одолевал его, как и всех, потом он стал быстро растирать себя руками, потом приседал, потом отжимался, но всё так же стучал зубами на промозгом ветру.

Шло время, они слышали шуршание ветки о трут, но ничего не происходило.

— Проклятье. Огнива, конечно, ни у кого нет? — капитан в отчаянии остановился.

Воспоминание прорезало сознание Трома, как первый утренний луч сквозь окно прорезает темноту комнаты:

— Огниво... Кажись, один из тех, кого вынесло на берег, попыхивал трубкой иногда.

Огниво, вроде бы, на шее висело у него.

— Я сбегая, не то окочурюсь от холода, — Марк тут же поспешил к песку.

— Ты чего раньше молчал? — угрюмо упрекнул его Олаф.

— Поди, вспомни тут...

— Хватит вам, — перебил капитан, — Он, по крайней мере, вспомнил, хоть и плавал с ним меньше нашего. Молодец, горец. Может статься, ты опять спас наши шкуры. Жаль, что не всех...

Вернулся вождь. В руке у него болталась верёвочка — само огниво он сжимал в ладони. Капитан быстро и умело высек из него искры ножом Олафа, и очень скоро береста занялась. Он подкинул ещё, потом наскоро обстрогал ветку и положил туда же. Так, постепенно, пламя разгоралось. Когда дождь уже не мог затушить его, трясущемуся Марку отдали шкуру.

Небо светлело, и дождь вскоре совсем перестал. Они нашли ещё дров, и Тром уже почти согрелся, когда капитан сказал:

— Эй, герой штормов, поди, глянь, может, кого ещё на берег вынесло.

— Любой бы давно замёрз, пока мы тут добывали огонь, — ответил Олаф.

— Ты же не замёрз. Как знать, пусть посмотрит.

Горец брёл к берегу и глядел на почти уже спокойное синее море, и чувствовал внутри

тёмную, затаённую злобу. Он ненавидел море так, словно оно было живое. И море, будто в ответ на суровый взгляд, как бы нехотя, выплонуло волной Свена. Чуть сбоку, почти к его ногам...

Сначала Тром подумал, что мальчик мёртв: нога и рука сломаны, лежит лицом вниз. Но, когда он подхватил парня, тело слегка дёрнулось. Горец положил его на песок подальше от воды и перевернул на спину. И тут только заметил глубокую рану на голове, сбоку. Нога и рука тоже были совсем плохи. Тром сомневался, могла ли какая-нибудь баба боли вылечить всё это. Но Свен открыл глаза и завращал пьяными, гуляющими зрачками. Потом его взгляд, наконец, уцепился за Трома, и он еле слышно произнёс:

— Ты всё-таки спас меня...

— Да, — ответил горец, снимая шкуру и накрывая мальчика.

Ещё миг они глядели друг другу в глаза, а потом Свен затрясся крупной дрожью. Его руки и ноги стали биться о песок, голова сотрясалась, шея вытянулась, а зрачки закатились и глаза стали белые. Тром попытался остановить это, он хватался за руки, ноги ходили ходуном. Он опасался, что парень не удержит голову и ударится, подхватил затылок и держал. Он не знал, что делать, а парень всё трясся и трясся, и трясся, пока дрожь не стала ослабевать, пока он не вцепился рукой Трому в запястье, пока не перестал дрожать, и глаза его не стали вновь обычными. Тогда он посмотрел на Трома, сжал его запястье сильнее, отпустил, и глаза его остекленели.

Горец видел подобное не раз и не два. И, по большей части, с врагами. Поэтому он был совсем не готов к горечи, что неожиданно подступила к горлу, и к тому, что защиплет глаза, как от густого дыма. Он сжал кулак и три раза сильно ударил по песку, заставляя себя успокоиться, заставляя себя отдать все эти проклятые чувства морю, и оставить себе лишь тлеющую внутри злобу, что побуждает идти без устали, а, когда надо, разгорается пламенем внутри. Не получилось.

— Свен... Как знать, если бы я оставил тебя на берегу, может, ты всё ещё был бы жив, — проговорил непонятно когда оказавшийся рядом капитан.

И остальные были рядом. Горец выпрямился и поглядел на них. Уже спокойный, грозный и холодный. В тяжёлые времена нужно быть твёрдым, как меч. Пусть Марк и одолел его в бою, но, как сказал Свен, Тром был лишь чуть хуже. И пришло время доказать, что он всё ещё стоит многих.

— Вы оставили костёр...

— Ничего с ним не случится, — ответил Олаф, — Что будем делать с трупами?

— Моряков хоронят в море, — капитан присел около Свена и провёл ладонью по его глазам, закрывая.

— Мы не можем просто бросить их в воду, — помотал головой Тром, — Тела прийдёт обратно к берегу, и крабы станут обгладывать их, как дохлую рыбу. Ну уж нет! Мы похороним их, как воинов.

Никто не стал возражать, лишь вождь отозвался:

— Тогда нужно сделать большой костёр. Пошли, Тром, поможешь с дровами.

Они оставили Олафа и капитана, и ушли в лес. Молча собирали дрова, молча ломали слишком длинные об два растущих рядом ствола, молча оттащивали к костру. Когда насобирали достаточно, Олаф и капитан успели перетащить с берега только Свена и ещё одного матроса. Они как раз только что опустили труп и, согнувшись, тяжело дышали. Тогда Тром пошёл к берегу, где слабые волны омывали ноги третьего моряка, взвалил его себе на

плечо и отнёс к костру. Он не мог сказать, что это было легко, но так тяжело после этого горец не дышал.

Олаф усердно правил камнем нож, прищурив один глаз:

— Нужно собрать с них всё, что может пригодиться.

— Верно, мёртвым вещи ни к чему, — Марк подкинул в костёр пару веток.

— Да, снимайте всё, даже одежду. Сделаем из неё мешки, — ответил капитан, растёгивая грубую куртку одного из моряков.

Тром хотел было возразить, чтобы не трогали Свена, но понял, что остальные правы.

Громила присел перед огнём, выставил ладони вперёд и, не оборачиваясь, спросил:

— Куда мы пойдём?

Тогда капитан расчистил ногой землю, взял палку и сказал:

— Идите сюда.

Тром присел рядом со всеми у расчищенного пятачка. Капитан провёл линию, которая изгибалась вверх, образуя отросток, похожий на топориче, потом спускалась вниз и продолжалась дальше.

— Это материк, — указал он на линию, затем ткнул в отросток, — Это полуостров, Топор Ветра. Мы здесь, — он поставил точку на правой части отростка, дальше всего от линии материка, — Единственный город здесь, — ветка ткнулась в то место, где топориче соединялось с материком слева, — Дыра та ещё, но какой выбор?

Олаф с сомнением поглядывал то на лезвие ножа, то на рисунок:

— И сколько туда топать? — в конце концов, он провёл камнем по кончику лезвия и убрал нож за пазуху.

Капитан задумался.

— По морю, при хорошем ветре — недели две. Пешком, да ещё через лес — не знаю.

Марк поднялся в полный рост, хрустнув коленями:

— Нам нужны запасы. Вода, еда и всё, что мы сможем добыть на этом берегу.

...

Когда мальчишку и ещё двоих объяло пламя, Тром спросил капитана:

— Ты говорил, парень мог остаться...

— Да. Это сын моей сестры. Он пришёл с горсткой остальных выживших из его деревни после набега. Родителей, братьев и сестёр его убили. Я хотел приютить его дома, но жена взбесилась. Мы пытались искать ему место среди знакомых, подмастерьем, но тщетно. Тогда я взял его юнгой за еду и место на корабле. Он хорошо работал и получил бы пол жалованья матроса по возвращению, коли не проклятый шторм...

— Как вы живёте с этим? Это ублюдочное море — его ведь не ранишь, не убьёшь, никак не отомстишь. С ним не возможно воевать, хоть оно и забирает жизни. Зачем вы рвётесь туда?

— Для некоторых просто нет другого пути. Мы выбираем лишь доступные дороги, а в деревнях бывает ещё хуже.

— Уж лучше я прорублю собственную, чем выбирать из дерьма и блевотины.

— Или сложишь голову, пока будешь прорубать.

— Или так.

— Пойдём, нам нужно решить, что делать дальше.

С этим было трудно спорить. Пока они разговаривали, минуло полдень. Погребальный костёр как следует согрел их, вся одежда высохла и пришло время подумать, как не умереть

от жажды. С этим справились быстро — нашёлся ручеёк шагов за триста от берега. Ещё капитан смастерил что-то вроде сети из рубахи мёртвого матроса, и поймал ей двух рыбёшек в море, среди камней. Капитан боялся, что от воды из ручья у них заболят животы, но и тут им повезло — вода оказалась чистой, холодной и прозрачной. Оставалось только придумать, как унести её с собой.

А вот рыба без соли и трав не очень-то пришлась Трому, но что он мог поделаться? Холуёв, или баб, что приготовили бы ему нормальный кусок мяса с печёными овощами, в этом лесу не водилось.

Солнце уже клонилось к закату, когда капитан решил, что лучше уж они пойдут вдоль берега, чем будут плутать в лесу. Марк счёл такое решение верным, а Тром с Олафом не спорили. Естественно, ночью они никуда не пошли, а насобирали лапника и дров побольше.

Когда Тром улёгся, он никак не мог заснуть — то в голову лезли всякие мысли, то лапник колот тут и там. Но, если не шевелиться, было сносно. Скоро тепло и усталость сделали своё дело — сон сморил его.

Они провели на этом месте ещё два дня — капитан не хотел отправляться в путь без запаса воды, и им с Марком пришлось выстругать короб из большого куска бревна, которое они пережгли в двух местах — рубить было нечем, хоть Марк и пытался найти острый камень, чтобы сделать из него топор.

Оба горца по очереди выковыривали ножом кусок за куском, и к концу второго дня короб был готов. Их руки покрылись волдырями от этой работы, а то, что получилось, вышло не очень-то удобным, но это было лучше, чем ничего.

Капитан наловил ещё рыбы, которая уже порядком надоела Трому, и на следующий день они отправились в путь. Им удалось привязать две рубахи к коробу, вместо лямок, чтоб не нести его в руках, но короб натирал спину, пока Марк не придумал обвязать его тряпьем полностью, и теперь Тром спокойно шагал, глядя, как впереди болтается рыба на шнурке из ботинка мёртвого матроса, который капитан держал в руке. Они то и дело заходили поглубже в лес в поисках воды, или останавливались, если видели заводь, где можно раздобыть рыбы. Вечером разжигали костёр от тлеющей чагги, которую Марк взял с собой ещё с первого их привала.

Через три дня Трома уже тошнило от этой пресной жареной рыбы без соли и трав, и от еловых иголок, которые они жевали в пути, потому, что это было единственное, что можно жевать, кроме рыбы. Его раздражал и лапник, на котором они спали каждую ночь, и морская соль, что оседала на их шкурах и одеждах, и ветер, идущий с воды, и постоянный шум волн.

На пятый день Тром стёр себе ногу и им пришлось сильно замедлиться. Марк отыскал подорожник в лесу, и через два дня нога почти прошла.

Они то проходили по многу каждый день в поисках чистой воды, растягивая запас, то подольше отдыхали у какого-нибудь ручья, чтобы набраться сил. Ведь никто не знал, когда им попадётся следующий чистый источник.

На первый взгляд всё это напоминало обыкновенный поход. Только не хватало нормальной еды, нормальной одежды, хороших походных одеял, холуёв с охотниками и деревень по пути, в коих им так хорошо отдыхалось в былые дни. То есть, не хватало всего.

Все четверо похудели, глаза их ввалились, лица заросли и стали совсем дремучими — на корабле хоть как-то можно было за собой следить. Тром устал, но шёл вперёд. Он чувствовал себя голодным волком, несколько дней идущим по следу, чтобы настичь,

наконец, добычу. И ещё часто вспоминались те самые слова, что не позволяли ему быть хуже капитана с Олафом: «Кроме вас двоих, я больше нигде не видел таких воинов. Ты был только чуточку хуже...»

После восьмого дня пути двое суток им не попадалась вода. В конце концов, Олаф отыскал захудалый ручей, из которого капитан побаивался брать воду, но делать было нечего — они пополнили запас и пошли дальше. На следующий день у Олафа заболел живот. Он быстро расстался с остатками пищи внутри и шёл вперёд зелёный, замедляя остальных. Им опять повезло — больше никто не заболел. Нужно было остановиться и дожидаться, пока Олафу станет лучше, но без источника чистой воды рядом делать этого было нельзя.

И они так и брели у берега, а горцы то и дело отходили в лес искать ручьи. Чистый ручей нашёлся на следующий день. А ещё через день по Олафу в последний раз прошла лихорадка, и он поправился.

На исходе второй недели пути береговая линия сделала поворот к материку, и тогда капитан сказал, что до города ещё столько же. В это время Тром жевал безвкусную рыбу онемевшими челюстями и жалел, что у него нет с собою лука, иначе бы давно научился охотиться, как Марк когда-то. Они видели зверьё на опушке — косули, волки, лисы или зайцы часто выскакивали из-за деревьев посмотреть на четверых неудачников, которые и сделать-то ничего не могут. Как нарочно, никто из них не умел ставить силки, и приходилось каждый день есть проклятую рыбу.

Так прошло ещё несколько дней, пока Тром не увидел на опушке хромого оленя. Глядя на то, как сильно животное припадает на правую переднюю ногу, горец решил, что уж сегодня от отведаст мяса и передал тлеющую чагу Олафу. Олень отходил в лес, понемногу, стараясь держаться на расстоянии от Трома, но ему сильно мешала нога. Все трое тоже увязались следом, но немного отставали — мешала связка рыбы и короб с водой.

Поединщик перехватил дубину, что нашёл три дня назад, поудобнее, и бросился бегом за своей добычей. Олень сначала заметался в стороны, потом пустился наутёк и, казалось, начал отрываться, но споткнулся, сбил шаг, и Тром почти настиг его, но зверь сделал ещё один отчаянный рывок, развернулся и выставил рога навстречу. Тогда горец обрушил дубину сверху вниз, на голову, точно промеж ветвистых рогов. От удара морду оленя впечатало в землю, он то ли заблеял, то ли замычал. Тром добавил ещё раз, олень замолчал. Горец хотел добить его таким же ударом, но олень рванулся навстречу и вскинул рога вверх. Поединщик вовремя отскочил и ударил дубиной снизу вверх, прямо по открывшейся челюсти. Зверь заревел, накренился на правый бок, перекосив голову от удара, а потом и вовсе завалился ничком на раненую ногу.

Подбежал Олаф:

— Держи его за рога!

Тром бросил дубину, обеими руками схватился за рога зверя и прижал его к земле, не давая встать. Олаф взгромоздился сверху, в руке у него уже был нож. Одним движением он глубоко перерезал оленю глотку. Кровь обильным потоком хлынула на землю, олень крикнул напоследок, дёрнул задними ногами и обмяк.

Подошёл капитан:

— Кто-нибудь умеет его разделывать?

— Разберёмся, — ответил Тром, — Я видел, как это делают холуи в горах. Нужно подвесить его головой вниз.

— Марк куда подевался? — Олаф деловито отёр нож о шкуру оленя, так, словно делал

это уже много раз.

— У него короб. Отстал, наверное.

— Марк! — позвал Тром.

Но никто не отозвался.

Все трое развернулись в разные стороны, озираясь, Тром хотел крикнуть снова, из его уст уже вырвалось «Ма...», но тут на тропинку, по которой они пришли, из кустов вывалился человек, а следом за ним — верзила, держащий его за шиворот. Человек уже не вырывался. В левой руке у него был лук, а справа на поясе висел колчан.

— Следил за нами, — пояснил Марк, — Я проверил, больше вокруг никого, один он.

— Ты кто такой? — хитро прищурился Олаф.

— Хьюи я, охотник. За оленем шёл, а тут вы. Боязно мне стало, ну и смотрел издали, как вы мою добычу нагнали. И вдруг этот медведь кааак выскочит из-за кустов!

— Эт не медведь, это Марк, — пояснил капитан, — Ты один тут бродишь?

— Тут да, но у нас терем охотничий недалече, там нас человек несколько. Смотрите, ребята хватятся меня, найдут вас, тогда уж...

— Да мы зла не хотим никому, — развёл руками капитан, — Это Марк у нас немного перестраховаться решил, оно и верно, мало ли кто на дороге может встретиться.

— Персрах... Что? — воззрился на него охотник.

— Не важно. Ты нас лучше к своим отведи, а то мы после кораблекрушения окромя рыбы не ели ничего, да и то без соли. Нам бы этого оленя сейчас, да пивка доброго, или браги.

— Так вы с корабля? Моряки? Вот вы откуда в глуши этой объявились! Ну, точно, дурья моя бошка. А я-то подумал, из Детмера, пришли дань с нас собирать.

Капитан скорчил недовольную гримасу:

— Те бандиты и сюда уже добрались?

— Нет ещё, хвала богам. Тока я, как увидал двоих громил ваших, так сразу подумал, что оттуда вы. А вы с корабля, вон оно как.

— Нет больше того корабля, две недели уже скитаемся. Может, помогут нам твои друзья едой да кровом на одну ночь разжиться? Что думаешь?

— Не знаю. Кшиштоф у нас за старшего, строг он больно, но, может статься, и поможет.

Олень был некрупный и весил, пожалуй, даже меньше, чем Марк, но Тром всё же спросил у Хьюи:

— Ты как его собирался тащить один?

— Дак... никак. Освежевать, ноги отчекрыжить и за пару ходок с кем-нибудь перетаскать.

— Вот оно что? Значит, правда недалече тут ваш терем. Сколько идти-то до него?

— Часов несколько, — тут же ответил охотник, — Зверя освежевать бы, чего его целого тащить?

— Давай. Олаф, вон, тебе поможет. У него у одного нож с собой. Всё, меньше разговоров, больше дела, не то за твои «часов несколько» и стемнеть может, — распорядился капитан.

— Эт верно, — охотник присел у мёртвого оленя и споро заработал ножом.

Олаф пытался помогать, но толку от него было мало. Почти всю работу делал охотник, то и дело указывая моряку: «Здесь поддержи», «А теперь тута вот».

Впятером они быстро повесили тушу на дереве и, когда большая часть крови стекла,

Хьюи отделил нужные части.

Тром досталась задняя нога. Запах сырого мяса ещё сильнее ударил в ноздри, и живот предательски заурчал, выдавая охотнику, насколько силён голод.

— Сырое токма не кусайте. До терема дойдём, пожарим, тогда уж. Вижу, исхудали вы все, но лучше уж потерпите чутка.

— Всё верно, — поддержал его Марк, — От сырого так пронести может, все деревья обдрищете.

— Нечем дростать — то... — вяло возразил Олаф.

— Ты уже водички попил, где не надо, так что молчи.

Олаф скривился от воспоминаний, а Марк взвалил туловище на плечи, и вся компания двинулась через лес.

Они подошли к терему, когда только-только начинало смеркаться. Тром услышал, как кто-то колет дрова, и только потом его взору предстал большой деревянный дом. У горцев так не строили. У них любой дом был прост — четыре стены с двускатной крышей, побольше, или поменьше, подлиннее, или покороче. Этот же дом чем-то напоминал беспорядочные наросты грибов на поваленном стволе. К самой большой постройке тут и там примыкали постройки поменьше и пониже, или просто крыши, под которыми что-то хранилось.

Он почувствовал запах дыма, людей и еды, и в животе его вновь заурчало, когда Хьюи громко крикнул:

— Э, охотнички, не пугайтесь, я привёл гостей!

— Много ль тех гостей? — ответил ему гулкий голос откуда-то с другой стороны дома.

— Да человек несколько...

— Как всегда, Хьюи, как всегда, — ответил голос, ставший ближе, и из-за ближайшей стены вышел бородатый мужичок в мешковатой рубахе с топором на плече.

Рукава рубахи он закатал, и было видно крепкие, жилистые предплечья. Судя по виду, до этого момента он долго и с усердием рубил дрова. В миг он оглядел пришедших, сунул пальцы в рот и пронзительно свистнул. Со всех сторон забегали и закопошились охотники. Один выбил дверь и вышел на улицу с топором наперевес, второй выскочил из-за угла с другой стороны, сжимая рогатину. Тром заметил третьего около дерева, с луком в руках и наложенной стрелой, бабу в окне. Четвёртый глядел с крыши, тоже с луком, но рядом у него лежал топор. Все топоры были не боевые, по дереву. Это было лучше, чем дубины в руках Трома и Марка, но Тром ничуть не сомневался, что они вдвоём поубивают этих людей, если захотят:

— Стоит твоим лучникам промазать, и мы передущим вас, как циплят, — крикнул он из-за дерева, куда предусмотрительно спрятался, когда началась вся эта свистопляска. Марк с Олафом тоже попрятались, только капитан так и стоял посреди тропинки, открытый для стрел.

Дровосек чуть подумал и ответил:

— По оленям они не мажут.

— Я тебе не олень, — ответил поединщик, вложив в голос побольше стали.

— Уймись! — прогремел рядом вождь, — Мы не воевать сюда пришли.

— Тогда чего ради?

— Наш корабль потонул с другой стороны Топора ветра. Мы просто моряки, пережившие крушение, — развёл руками капитан.

— Эти двое убийц в шуках тоже моряки? Что-то не верится.

— Твоя правда, это горцы.

— Горцы здесь? Какого лешего?

— Долгая история.

— Ничего, я не тороплюсь, давай послушаем.

— Эй, охотник, — прервал их Марк, — Я не хочу стоять тут до ночи, заканчивай давай этот балаган. Будь моё желание, мы с Тромом перерезали бы вас, как слепых котят, вдвоём, тихонько, без шума. Ты с детства разделяешь оленей, а мы людей. Подумай сам.

— Тоже верно, да и на бандитов из Детмера вы не похожи. Как тебя звать?

— Марком. Я выхожу, не стреляйте.

Громила вышел из-за дерева и сделал пару шагов навстречу дровосеку.

Тот присвистнул:

— Никогда не видел таких громадных людей. Ты точно не медведь?

— Как знать, может, баба, что родила меня, и обжималась с медведем, мне то неведомо, — с улыбкой ответил вождь.

Дровосек сделал шаг навстречу и протянул руку:

— Кшиштоф. Я тут старший.

Марк поздоровался с ним, а Тром крикнул:

— Вождь, нам выходить?

— Да!

— Вождь? — уставился на Марка дровосек, — Первый горец, с которым я познакомился, и сразу вождь. Это-ж навроде короля у вас, да?

— Не знаю, я королей не видал.

— Говорят, они приказывают, ходят все в золоте, им надо кланяться, но я тоже не видал ни одного.

— Вот как? Тром тут один горец, и приказываю я только ему, а кланяться мне ни к чему. Что же касается золота... Никогда не понимал, почему низинники его так любят. Какой с него толк? Им можно купить всё, что угодно, это удобно, но зачем цеплять его на себя, как это делают некоторые из вас?

— Меня об этом не спрашивай. Вижу, вы не с пустыми руками. Несите это на кухню. Хьюи, ты выгацил из него всю трубуху? Покажи им, где кухня.

Молодой охотник поманил их рукой, и они вошли в одну из пристроек с большим деревянным столом внутри и очагом. Стол был красноватым от впитавшейся крови, хоть и чистым.

— Хельга! — крикнул Кшиштоф, — Тут оленя принесли, разберись.

В кухню вошла дородная баба с двумя бабами помоложе и сразу сказала:

— Идите с кухни, развернуться негде, без вас управимся.

Тром вышел следом за Марком и Кшиштоф повёл их вокруг дома.

— Сейчас костёр на дворе разведём, чего в доме сидеть, там дышать нечем.

Им расставили поленья вместо стульев вокруг костра. Хьюи принёс мех с брагой, и сейчас все четверо в компании бородача Кшиштофа передавали мех по кругу. Капитан рассказывал, что выпало на их долю за последние недели, и всё это время с кухни доносился аромат жареного мяса, отчего живот у Трома то и дело урчал, что больше уже походило на рёв медведя в пещере.

Наконец, бабы принесли мясо, и горец порадовался, что ему не нужно отвлекаться на

пустые разговоры, как капитану, который всё рассказывал и рассказывал, пока не замолчал. Тогда бородач спросил Марка, как они здесь оказались.

— Враги напали на нашу столицу, и нам с Тромом пришлось выбирать между смертью и морем.

— Вижу, с морем у вас тоже не заладилось.

— Лучше, чем у остальной команды.

— Твоя правда. Что думаете делать дальше?

— Нам нужно нанять корабль и вернуться на родину.

— У вас шкуры вместо одежды и дубины вместо оружия. Если тот корабль, что ты тащил с собой, не полон золота, о корабле можешь забыть.

Марк пожал могучими плечами:

— Значит, сначала раздобудем золото.

— Просто как всё у тебя. Мы давно на этой земле, а золота толком не видали. А ты, значит, придёшь, и сразу раздобудешь.

— Без него ведь никуда? Да я и не говорил, что прямо сразу, осмотреться надо. Что за город Детмер? Кто там главный? У кого золото есть?

— Детмер... Мы давно ушли оттуда. Для охотника, кузнеца или плотника тамошний уклад совсем плох. Только ворью, душегубам да жуликам всяким раздолье. И ещё торговцам. И чем подлее торговец, тем ему там лучше, сподручнее. А главных там восьмеро, и все грызутся меж собой, что бешеные собаки. Нипочём бы туда не совался, да нет рядом другого города, вот и приходится там шкуры выменивать на всякое.

— Идти туда ты нам не советуешь?

— Я горцам не советчик. Говорят, с оружием вы мастаки, там такие могут сгодиться. Мне же ни сражаться, ни воровать не по душе, вот и живу тут.

Капитан, видать, знал всё это, а вот Олаф, как и горцы, слушал с интересом. Он давно наелся и сейчас опять подправлял камнем свой нож, как будто прикидывая что-то в уме.

Тром тоже задумался, как это так — кругом воры, но никто их не вешает, душегубы, но головы им никто не рубит. Что за город такой? Восемь главных и постоянно грызутся. Устроили бы поединки, да выяснили, кто самый главный, и никакой грызни не надо. Его уже разморило от выпитой браги и тепла костра, он клевал носом.

Бородач заметил это:

— Кровати я вам не предложу, но крышу над головой да пару шкур на каждого найду. Хьюи, отведи Трома в правую комнату.

Они побрели в одну из пристроек, и Тром только сейчас заметил, что все остальные охотники, кроме Хьюи и Кшиштофа, куда-то подевались. И бабы тоже.

— Где остальные? — спросил он парня.

— Боятся они. И так редко чужаков видят, а тут сразу четверо, да двое горцы к тому ж. Вот и попрятались по комнатам, небось, гадают, что на уме у вас. Вы ночью в двери не ломитесь, ладно? До ветру на двор выходите.

В комнате было тепло, хоть и нигде не горел очаг. Видно, весь дом натопили заранее. Свеча у стены бросала огромные тени, когда Хьюи подошёл к сложенным в углу шкурам и, схватив две из них, протянул Трому:

— Ложись где хошь, да укрывайся поскладнее, утром зябко будет.

Тром кивнул и устроился подальше от свечи. Он сразу закрыл глаза. Было тепло, тихо, уютно, и сейчас ему не хотелось никуда идти, а хотелось только лежать вот так в этом тепле,

хоть всю жизнь, и очень скоро его сморил сон.

Он проснулся от того, что кто-то несильно, но, видно, уже долго, тряс его за плечо. Это был Марк. Когда он увидел, что Тром проснулся, то наклонился и зашептал на ухо:

— Не шуми. Мы с остальными поразмыслили, мало ли что у них на уме? Лучше будем дежурить по очереди. Сейчас твой черёд. Как совсем сморит, буди капитана. Тром кивнул вождю и сел, а Марк улёгся в другом углу и почти сразу захрапел. Они были правы — мало ли чего можно ждать от этих низинников? Тром разозлился, что сам не додумался до этого. Опять получалось, что всё справедливо, и лучший вождь из них — это Марк. Но шло время, и ничего не происходило. Со всех сторон всё так же раздавался мерный храп или сопение, шагов в доме не было слышно, да и на улице никто не копошился. Сон одолевал Трома всё сильнее, он то и дело клевал носом, и все мысли были о том, как хорошо бы сейчас лечь, положить голову на руки и заснуть в этой тёплой сухой комнате. В конце концов, он разбудил капитана и уснул, проспав до самого утра.

Сильный скрип двери и крик Кшиштофа вырвали его из сна:

— Эй вы, горе-мореходы, если кто хочет завтракать, сейчас самое время встать, — бородач покосился на сидящего бодрствующего Марка, — Так вы часовых ставили? Понимаю. Доверяй, но проверяй, да?

Верзила кивнул головой и поднялся на ноги. Остальные тоже успели продрать глаза и тяжело вставали. Трому не хотелось вылезать из тёплых шкур, но, раз все зашевелились к завтраку, один тут спать не останешься.

На дворе было зябко. Вчерашний костёр оставил после себя только угли и золу. Им дали по деревянной миске бульона с покрошенной в него зеленью. В последний раз Тром завтракал на корабле, и этот день казался таким далёким, будто минуло несколько лет. Горец неожиданно для себя открыл, как ценен простой завтрак, когда лишаешься его надолго. Он отдал миску бабе, что вчера командовала на кухне, и тихо произнёс «Спасибо», отчего Марк с удивлением воззрился на него.

— Что дальше, вождь? — ответил он на этот взор.

Марк тряхнул головой, прогоняя оцепенение:

— Пойдём в город и попробуем раздобыть денег.

— Не торопитесь, — сказал Кшиштоф, — Возьмите пару дней на отдых, город никуда не убежит. К тому же, у меня есть для вас дело. Вы ведь не откажете мне в помощи после такого гостеприимства?

Теперь уже Тров вопросительно посмотрел на Марка.

— Капитан говорит, сейчас у наших берегов шторма. Ты сам видел, что это такое. Если мы хотим вернуться и помочь, самое глупое — плыть туда в шторм, так что спешить действительно некуда, — вождь посмотрел на бородача, — Про какое дело ты говоришь?

— Мы задумали строить баню, навалили дубовых брёвен, да далековато они. Вот я и хотел, чтоб вы подсобили, потаскали брёвна эти. Вы уж явно посильнее моих, вам сподручней будет.

Марк задумался, ответил не сразу:

— Поможем, но попросим еды в дорогу и по шкуре для каждого.

— Хорошо, но шкуры я выберу сам.

— И топоры, топоры бы ещё нам не помешали, — поспешил добавить Тром.

— С топорами тут не так просто, — заметил Кшиштоф, — Это у вас на земле полно железа да руды, а мы где другие топоры себе раздобудем? В городе за них обдерут, как

липку. К тому же, зачем воинам плотницкие топоры?

— Лучше такой, чем никакого.

— Извиняй, горец, но топоров тебе не дам.

— Переживём, — прервал торги Марк, — Веди к своим брёвнам.

Дубовая роща оказалась далеко, шагов за семьсот. Половину её уже вырубил — рядом высились две кучи брёвен, тёсанные и нетёсанные. И действительно, не так-то просто было таскать их по лесу. Когда они потащили первое бревно, длиной в два с половиной роста Марка, Тром живо представил себе корячащихся и ругающихся под этим бревном низинников.

Близился полдень, а горцы перетаскали только двенадцать брёвен. В роще осталось ещё три раза по столько же, когда Кшиштоф велел отдохнуть и махнул бабам, которые принесли каждому по кружке чая. Взгляд Трома невольно задержался на той, что по моложе, и это не укрылось от Марка:

— Знаю, о чём ты думаешь, дружище, только учти, здесь не то, что у нас в горах. Тут всякая баба чья-нибудь, и ты не можешь взять её просто потому, что пожелал и ранг твой выше остальных претендентов. Низинники на такое сильно обижаются, не тронь её.

— Хорошо, вождь, — Тром понуро уставился на свои выдавшие виды сапоги. Кое-где кожа совсем истончилась и вот-вот протрётся насквозь. С этим нужно было что-то делать. Поединщик никогда не любил просить. Просители обычно холуи, или охотники, или бабы. Но не воины — воин берёт своё по праву. Всё с ног на голову в этих проклятых низинах.

— У вас кто-нибудь умеет шить? — спросил он Кшиштофа.

— Миру спрости. Это вон та, в сарафане с цветами. Вишь, как красиво вышито? Уж она иглой орудует получше всякого у нас.

Это было странно и унижительно — не просто подойти, кинуть ей сапоги и бросить «Почини», а потом убраться по делам и ждать, когда принесут. Нужно было разговаривать, и ещё ведь могла она не согласиться. Глупо. Но так уж у этих низинников всё тут устроено.

— Ваш главный сказал, ты умеешь шить...

— Умею, — она наклонила голову на бок и не спеша провела взглядом по Трому, — Чего тебе надобно пришить?

— Мои сапоги скоро протрутятся в нескольких местах, нужно их подлатать.

— Вот что, варвар, — баба задумчиво потёрла рукой подбородок, — Сегодня банный день. Оставь мне сапоги свои вечером, перед помывкой. Посмотрим на твои места, — она подняла одну бровь вверх и улыбнулась.

Тром решил, что с ним заигрывают, но вождь не велел трогать чужих баб, поэтому он буркнул: «Хорошо», — развернулся и ушёл прочь.

До обеда они успели перетащить ещё шесть брёвен. Кшиштоф сказал, пока хватит, и после обеда будем ставить то, что принесли. Потом двое мужиков засобирались на охоту, Тром же с остальными принялся подгонять новые брёвна к тем, что уже лежали на месте будущей бани. Когда очередное бревно точнёхонько встало на своё место, один из мужиков заметил:

— А ты мастак с топором. Мог бы быть хорошим плотником.

— Угу. В горах мы с детства вырезаем себе тренировочные мечи, это оттуда.

— Вы все дерётесь там с раннего детства?

— Нет. Только та половина, что прошла испытание на воинов в десять лет от роду.

— Что же остальным, совсем оружие в руки брать нельзя?

— Что они с ним будут делать? И ещё нужен кто-то, делающий разные дела, кроме военных. Им есть, чем заняться.

— Стало быть, шанс только один — испытание в десять лет? Но вдруг парень окрепнет позже и сможет стать воином что надо?

— Пока он окрепнет, остальные дети уже научатся сражаться.

— Как знать. Не всегда ведь тот, кто дольше занимается делом, лучше его делает. Небось, и ты побеждал тех, кто старше.

Тром задумался. Ведь действительно, он не раз одолевал бывалых воинов. В настоящем поединке, или на тренировке, это уж как получится. Он просто быстрее учился. Лучше видел, проявлял больше трудолюбия, держал своё тело в узде, не позволяя лишнего. Что, если они с Марком не занимались бы до испытания, и их побили бы какие-нибудь мальчишки, кто готовился? Двумя хорошими воинами меньше. Получается, их отбор неправильный. Или всё-таки верно они делают? А тот, кто желает воином стать, будет готовиться ещё до срока? А если не желает, но может? Что тогда?

— Ну и задачку ты мне задал, голову сломаешь, — Тром вновь взял топор и принялся тесать бревно.

— То-то я смотрю, ты аж застыл... Мой дед говаривал, лучше задумываться над тем, что нам нужно в сегодняшней миг. А другие сложные дела делать, когда их время придёт...

— Дед? У вас это, кажется, муж, кто зачал того, кто зачал тебя?

— Верно. Если дед дожил до рождения внуков, он передаёт им свою мудрость.

— У нас в горах есть мудрость воинов. Она передаётся десятниками тем, кого они учат с десяти до шестнадцати годов. Она общая.

— Ваш мир совсем другой. Жизнь везде разная и везде интересная. Иногда я жалею, что не стал моряком. Столько всего мог увидеть...

«Везде интересная? Ну нет уж. Ничего интересного у низинников тут нет. То ли дело в горах».

Настало время мыться.

«После заката в кухню приходи», — тихо ответила Мира, когда Тром вручил ей свои сапоги.

Все мужики собрались в протопленной комнате и отдали одежду бабам, а сами мылись холодной водой, натасканной в большие бочки из ручья неподалёку. Бабы мыли одежду в том же ручье, а потом вешали на верёвке, натянутой меж деревьев. После помывки мужики обернулись в шкуры и быстро засемили через прохладные комнаты в кухню, где их ждал ужин.

Потом настала очередь баб мыться. И Тром, сытый и согретый под шкурами, в комнате, где спала их команда, лежал и ждал заката, стараясь не забыть, как через все эти двери пройти в кухню и не заплутать в потёмках. Наконец, он кое-как обернулся шкурой и пошёл. В кухне горела свеча, а Мира, нагнувшись над столом, дошивала его правый сапог.

— Иди сюда, почти готово, — не оборачиваясь, проговорила она.

Тром оглядел левый сапог. Она нашла новую кожу поверх старой. Аккуратно и надёжно. Горец предпочёл бы новые сапоги, но то, что есть, всё равно было лучше, чем оказаться с дырявыми посреди леса, хоть и делало их тяжелее.

— Готово, — баба поставила правый сапог к левому, встала и заперла обе двери на щеколды, — Теперь недурно бы заплатить за работу.

Баба приблизилась к нему, она уже скинула платье. В тусклом свете свечи он увидел

огонь плотской страсти в её глазах. Стоило признать, она была не так уж и дурна, хоть и хуже тех восьмерых, которых Тром чаще всего брал в горах. Её лишь слегка портил живот, который был чуть больше, чем надо, да еле заметный волос над верхней губой. Но бёдра и сиськи — самое то, как и нежная шея, и покатые плечи... Он почувствовал, как быстро твердеет там:

— Вождь велел мне не ссориться с охотниками, поэтому тебе лучше бы одеться.

— Из-за меня ты ни с кем не поссоришься. Муж мой год назад помер. Медведь задрал.

А больше ни с кем я не сошлась.

— Что скажет Кшиштоф?

— Какая разница? Не он решает, с кем мне спать.

— А кто решает?

— Я сама, дурачок.

— Низинники...

— Привыкай.

Она нежно, но неотвратимо усадила его на лавку. Шкура сама собой сползла с него на пол. Медленно и ловко Мира уселась на него сверху. Это было так приятно после столь долгого воздержания...

Он проснулся незадолго до рассвета, и смотрел в потолок. Они так и не потушили свечу, и её пламя то и дело подрагивало в еле заметном сквозняке. Раз, другой, третий... Сколько ещё раз, пока весь дом не оживёт и не наполнится звуками пробуждающихся ото сна людей?

Мира пихнула его локтем:

— Просыпайся.

— Я не сплю.

— Ты знаешь, что мог бы остаться здесь, со мной?

— Мы должны вернуться на родину.

— Торопишься на войну? Мой отец был воином. Героем. Я почти не помню его лица.

Почему вы, мужчины, всегда куда-то рвётесь? Посмотри, мы живём здесь, вдали от города, с его суетой. Можно нарожать детей и учить их охотиться вместе с тобой, и никто тебя тут не найдёт, если сам этого не захочешь. Что может быть лучше?

— Дети. Почему вы придаёте им такое большое значение?

— Это продолжение тебя самого.

— Только лишь дети? А моя страна, мои воины, мои поступки? Они тоже моё продолжение.

— Нет никого роднее твоих детей.

— Что это значит?

— Я не смогу объяснить, нужно познать самому.

— Мы скоро уйдём, ты знаешь.

— Знаю, но я не могла не попытаться. Бери свои проклятые сапоги и вали к своим проклятым друзьям.

Они пробыли у охотников ещё три дня, два из которых Тром охотился вместе с Марком и Хьюи. Первый раз было интересно, а второй слишком долго, но оба раза Тром узнал много нового, и теперь он понимал, как найти зверя и как его загнать, если будет нужно. Зачем свежевать и избавляться от требухи, почему не нужно долго давать зверю лежать, и ещё несколько вещей об охоте. Возможно, когда-нибудь ему это поможет.

На утро четвёртого дня они взяли вдоволь запасов и двинули в Детмер. Кшиштоф

сказал, идти шесть дней. Он и Хьюи присоединились к походу и захватили с собой шкуры, клыки, рога, мясо и всё, что возможно продать, или выменять на железо, соль, одежду, обувь — словом, на всё, что могло понадобиться охотнику в лесу, и чего этот лес не мог дать.

Неуклюжий короб для воды они сменили удобными кожаными мехами. Вместо противной рыбы у них было вкусное мясо с зеленью, вместо холодного берега со сквозным ветром шли они среди деревьев, и Трому было легко. Даже легче, чем у себя, на родине. Ведь там он ходил в добром доспехе и при оружии, а тут лишь одинокая дубинка болталась на поясе, да мешок со шкурами висел на плече. Хорошая еда, добрые костры по вечерам и добрые шутки возвращали ему силы. Тром уже не был жалким оборванцем, который того и гляди от голода сдохнет. Вместе с силой возвращалась и уверенность. Но не та, что раньше, ведь теперь он знал, что Марк лучше. Впрочем, он хотя бы был на правильной стороне с правильным вождём.

— Жаль, что вы не остаётесь. Вместе мы могли бы построить маленький город в лесу, — внезапно сказал Кшишгоф.

— Откуда ты можешь знать? Ты ведь не предлагал, — ответил Марк.

— Если Мирины сиськи не заставили Трома остаться, тут я бессилен.

Тром с таким удивлением посмотрел на всех, что компания не выдержала. Первым расхохотался капитан, за ним остальные.

— Он думал, никто ничего не знает, — сквозь хохот проскрежетал громила, — Тром, ты порой наивен, как ребёнок.

— Тебе видней, вождь, ты часто с ними общался.

— Да не дуйся ты. Подумаешь, бабу оприходовал.

— Если в этом ничего такого нет, зачем вы тогда ржёте, как кони?

— Видел бы ты свою рожу...

— Ваш смех... Вы будто подглядывали за мной.

— Я бы подглядел, будь мне шестнадцать, но не сегодня. Думаю, остальные того же мнения.

Все расхохотались, кроме Хьюи. Тот немного смутился, так, словно не прочь был подсмотреть, но теперь все об этом узнали. Похоже, парень с бабой не бывал. Его вообще можно было читать, как развёрнутый пергамент, этого Хьюи. Тром на миг задумался, выглядит ли он таким же дураком со стороны, или всё-таки немного поумнее: смеялись ведь не над Хьюи.

Потом Тром рассказывал им про битвы, а потом Кшишгоф поведал ему про разные случаи на охоте, и это было почти так же интересно. Сон не шёл. На следующий день им предстояло войти в город, и Тром всё гадал, чем же в этот раз удивят его сумасшедшие низинники. Его мысли блуждали, вспоминая, что говорил капитан и сравнивая это с их горским укладом. Наконец, сознавая, что от этих метаний толку чуть, Тром стал перебирать в уме свои излюбленные связки ударов и построения дружин, снова и снова, как всегда делал, если не мог заснуть.

Глава 6: разные мнения

Солнце пробилось сквозь густую крону Зловещего леса, и легат ткнул в букву на листе:

— Это что за буква?

— «В», — после секундного раздумья ответил Сибальт.

— Какие слова с неё начинаются?

— Эээ... Ворглинги?

Его сосед по строю рассмеялся негромким, икающим смехом:

— Смотри-ка, помнит...

Вся колонна озарилась желтозубыми улыбками.

— Что-ж, немного смеха в этом чёртовом лесу перед этой чёртовой выжженной полосой нам не помешает. Проклятье, если вы не хотите подыскать себе другое место, почему хотя бы не уберёте оттуда все эти чёрные кости? — проворчал Байл.

«Чтобы люди знали, что их ждёт».

— Сибальт, если ты знаешь букву, почему не произносишь при чтении? Зачем глотаешь?

— Не хочет вспоминать, что у него ведро вместо шлема, — раздался голос из строя.

— В бездну ваши шапели с шишаками, — рассердился новобранец, — От них шея отваливается! А этот облокотил на плечи и иди себе.

— Ведро, оно ведро и есть! Куда тебе такой? — ответил другой голос.

Сибальт вертел головой в своём громадном шлеме, то и дело слегка съезжающем в одну или другую сторону, а звук доносился оттуда, как из колодца:

— Ничего, вернёмся в Татмер, два подшлемника возьму и как раз будет...

— Сваришься, — заключил взводный, — Ты хоть бы спросил сначала. Этот шлем подойдёт разве для того горца-гиганта, помнишь? Такие носят с горжетом, но у тебя только кольчуга и нагрудник. Он у тебя хоть и встал на плечи панциря, но болтается, как ведро. Кузнец, небось, и продал тебе по сходной цене только затем, что нет таких великанов в городе, кому он впору. А ты, дурень молодой, раскошелился. Так?

Александр заметил сквозь слишком широкую смотровую щель, как насупились глаза новобранца, но бывший крестьянин так ничего и не ответил взводному.

— Зря ты ему сказал, — шепнул легат командиру наёмников, — Он так забавно смотрелся...

— С таким шлемом не годится драться. Посмеялись, и хватит. Здесь на нас не нападут, а на других дорогах — кто знает?

Древний кивнул, прищпорил лошадь и умчался вперёд. На опушке он встретил торговый караван и привратника, Лорка. Они поприветствовали друг друга, Лорк отдал вексель торговцу и обернулся к Александру:

— Легат, какие вести в мире?

— Ничего, о чём тебе стоило бы знать...

— И как ты это решил?

— Поверь, твоя голова не выдержит столько бесполезной информации. Если вкратце, то люди всё так же рождаются, умирают, лгут, убивают, воюют, подкупают и продаются.

— И что, совсем ничего хорошего?

— Принял роды, спас женщину и ребёнка.

— И дорого им встал кодекс?

— Натравил их на соседей.

— Получается, хорошего действительно нет...

— Я поищу в следующий раз специально для тебя.

— Отряд с тобой? Встанет, где обычно?

— Ага.

Легат развернул лошадь к воротам, но привратник окликнул его:

— Подожди, есть одна просьба...

Александр повернулся к нему.

— Наш старший, Лука, похоже, бздит попросить для нас книг у совета. Нам бы нового чего, а то на воротах бывает скучно...

— Все новинки перепадают приближённым, а про вас, как всегда, забыли?

— Сам знаешь.

— Но Лука двести лет на должности и просидит ещё две тысячи.

— Точно. Я уже буду в совете, а он так и останется главным по воротам.

— Ждёшь несчастного случая, как с Вандерлеем? Знаешь же, советники сами не уходят.

— Да упаси Поток, это я так, шутки ради.

— Ладно, бывай. Словечко замолвлю.

Он заехал в ворота вместе с телегами, что пригнали торговцы и махнул рукой часовым.

Спешился, подвёл лошадь к крохотной конюшне и привязал в стойле.

— Есть хорошие вести? — окликнул его Фёдор, местный конюх.

— Нет. А у вас?

— Один зависимый стал приносить пользу. Увлёкся химией и отыскал неизвестную нам формулу в Потоке.

— Отрадно слышать. И что там?

— Гексоген...

— Не могу сказать, что я в восторге, но и так неплохо.

— Мечтает узнать формулу ядерного распада.

— Зачем? Мы никогда не воспроизведём её с нашей горсткой людей.

— Мечты, они такие... Парень молод. Хочет запустить электричество в городе.

— Интересно бы с ним пообщаться. Среди наших мало мечтателей.

Конюх пожал плечами:

— Невозможно мечтать веками. Рано или поздно смиряешься со своей участью.

— Я не смирился. Совет нас вытащит, и мы вместе ещё прошвырнёмся по трактам Татмера, вот увидишь.

— Тебе легко говорить, ты хотя бы был в них...

— Придёт время, и тебе покажу.

— Спасибо, легат. Пока оно не пришло, кто-то должен заниматься лошадьми.

— У нас на счету каждый, кто контролирует себя.

— Да я не спорю, если вдруг тебя спросит совет.

— Зачтётся.

Александр направился к хранилищу амброзии. Захария всё так же сидела на посту в маленькой пристройке сбоку от резервуара. В пристройке имелся люк, через который она и доставала амброзию, тщательно записывая в книгу расходов каждый литр. Жертвенные уже потонули, и над хранилищем не разносилось ни звука.

— Привет. У тебя сегодня тихо.

— Почти всегда так. Жертвенные вопят сутки, потом затихают, потом тонут, и наступает полная тишина.

— Ты так говоришь, будто терпеть их крики целые сутки — пустяк, не стоящий внимания.

— Ерунда, я уже привыкла. Решить проблему с мужиками, и я буду как в раю. Сколько тебе?

— Пока на два дня.

Она отмерила нужное количество и стала переливать в его флягу:

— Приходи вечером ко мне, такое покажу...

— У меня были планы.

— Ну и вали к своей Фриде, — она сунула ему флягу и торопливо что-то чиркнула в книге записей.

Александр вышел на воздух и очередной раз удивился: людям по несколько веков, но ничего людское из них не ушло. Импульсивность, злость, косность суждений. Даже здесь немногие утруждали себя постижением мудрости. Большая часть тех, кто мог себя контролировать, просто выполняли свою работу. О зависимых и говорить не приходилось. Древний окинул взглядом свой родной город, ветер пронёс мимо него горсть пожухлых листьев. Вокруг было пасмурно и серо: серые каменные дома, серые деревья, серые дорожки. Вечная жизнь и вечная депрессия. Ценный дар, или проклятие? Он опять захотел побыстрее убраться отсюда.

По пути в здание совета ему попался смотритель рощи, Жупен, с тележкой, на которой корчились зависимые. На вид ему было лет сорок, но легат знал, что он почти ровесник Изначальных — тех, кто заседал в совете. Жупен махнул ему рукой, и полы коричневого камзола растрепало потоком ветра, как и чёрные вихрящиеся волосы до плеч.

— Смотритель, — поприветствовал его Александр.

— Легат, — кивнул Жупен, — Как во внешнем мире? Хотел бы я посмотреть на него.

— Так что мешает? Ты в три раза старше моего, совет наверняка пойдёт навстречу.

— Наверняка. Но кто отличит полезного зависимого от бесполезного? Если бросить всё это, мы никогда не докопаемся до сути наших проблем. Я буду здесь до тех пор, пока наш народ не излечится.

— Ты нашёл этого парня, с формулой гексогена?

— Да.

— Покажешь мне?

Он как раз отсыпается. Поможешь с тележкой?

Они принялись катить телегу вдвоём, легат кивал встречным, даже зависимым, с пустыми лицами бредущим в Рощу.

— Дружище, вернулся! — крикнул шедший навстречу Зебен, — Заходи сегодня вечером, есть новости, — он двумя руками пожал протянутую руку легата и слегка покосился на Жупена, — Масса открытий в области самогоноварения и пару новых соусов к креветкам. Ты привёз, что я просил?

— В телегах, заберу после совета.

Они медленно подкатывали телегу к самому неприятному месту во всём городе — ночлегу блуждающих в Потоке. Внешне ночлег не сильно отличался от других домов, хоть и был самым большим в городе. Просто длинный угрюмый трёхэтажный дом с двускатной

крышей. Люди заторможено выходили из него, получив нужную для жизни порцию амброзии и еды, чтобы отдаться другому дурману — Поток.

Первое, на что обращаешь внимание, когда оказываешься внутри — запах. Стойкий запах давно немых тел. В доме были ванне комнаты, но никто ими не пользовался.

— Пойдём, он на третьем этаже, — позвал смотритель.

Они поднялись по пандусу, с усилием толкая тележку, и двинулись через коридор. Зависимые не утруждали себя закрытием дверей, и каждую комнату можно было рассмотреть. Набитые битком, с матрасами прямо на полу и не горящими каминами. Люди внутри ели, не вылезая из кроватей, или спали. Всё это напоминало обыкновенный притон. Да, по сути, им и было. Слишком огромный, слишком длинный коридор уходил всё дальше. Комнат по бокам было не счесть. Они вмещали большую часть его народа.

Жупен остановился возле одной, глянул внутрь и махнул Александру. Не особенно церемонясь, он сбрасывал людей с телеги на свободные места. Те, кого он привёз, уже подуспокоились и готовы были есть, пить, спать — делать всё, что нужно для продления жизни в брэнном теле.

Смотритель вытолкнул тележку в коридор, и они оставили позади ещё две комнаты. В следующей, на их счастье, было только двое, и оба спали. Жупен склонился над одним — долговязым парнем с курчавыми рыжими волосами, острым носом и вытянутым вниз подбородком:

— Просыпайся! — он толкнул рыжего, тот зашевелился и сонными карими глазами глянул на них.

Легат отметил вполне осмысленный взгляд, в отличие от других обитателей этого паршивого места.

— Это Александр, он хочет с тобой поговорить.

— Ещё один старик, не видевший ничего, кроме этого городишки? — презрительно улыбнулся рыжий.

— Тут ты ошибаешься, он легат.

— Один из немногих, кому дано право выходить за стены города? Чем же он заслужил такую привилегию? — молодой нагло воззрился на легата.

Александр понял, что парень хочет задеть его, и ответил спокойно:

— Не право, а обязанность. И вменили мне её потому, что научился спокойно жить без Потока и строго контролировать потребление амброзии.

— И что, интересно без Потока?

— Вполне.

— Врёшь. От меня-то что надо?

— Ты открыл формулу гексогена. Трудно было?

— Ничего особенного, просто знал, где искать.

— Мне говорили что-то про ядерный синтез.

— Забудь, я передумал. Если я узнаю о нём, вы с меня потом не слезете. А я не очень-то хочу с вами разговаривать.

— Мы — это кто?

— Старики.

— Тебе сколько уже?

— Тридцать.

— Понятно. И чего ты хочешь?

— Дела у меня только в Потоке и, если я не там, хочу поскорее вернуться.

— Ты ни разу не мечтал выйти за стены по-настоящему?

— Мечтал, но зачем всё это? В Потоке проще — подумал и оказался, где тебе надо.

— Но ты там висишь, как дух. Ничего не ощущаешь, ни к чему не можешь прикоснуться, не издаёшь ни звука.

— А зачем? Зачем чувствовать ветер, холод, сырость, палящее солнце? На кой чёрт напрягать ноги и куда-то идти? Разговаривать, убеждать, разубеждать? Не лучше ли найти то, что по душе, и смотреть на это, сколько захочется?

— Солнце, ветер и вода могут быть приятными, а то, что сделал сам, отличается от того, за чем наблюдаешь. Поверь, тебе нужно попробовать.

— Началось... Отстань, меня всё устраивает.

— Мне достаточно известен и реальный мир, и мир Потока, свой выбор я сделал, и, как ты сказал, разубеждать никого не буду. Если вдруг захочешь испытать что-то кроме пассивного созерцания, зайди хоть в подвал к Одеру, постреляй по мишеням. Счастливо оставаться.

Жупен догнал его уже в коридоре:

— И всё? — тихо спросил он, толкая телегу рядом.

— Вы избаловали парня вниманием. Думает, что он пуп земли. Пусть немног охолонёт. Выглядит он бодро, как знать, может, и выйдет толк с него.

Легат оставил это паршивое место и устремился во дворец советов, встретивший его своим обычным великолепием. Свечи на стенах, люстра в приёмной, окна, ковры даже в коридоре — всё напоминало ему королевские залы. Вот только у королей полно слуг, а в Городе Древних каждый человек на счету. Александр сильно сомневался, что советники поддерживают это великолепие своими руками. Значит, кому-то приходится тратить на это время. Возможно, сделав дворец скромнее, они могли бы освободить пару лишних рук и употребить с большей пользой. Ему вдруг опять показалось нелогичным купаться в роскоши, когда у твоего народа столько проблем.

Такие мысли и раньше приходили в голову, ещё до кончины дочери. А потом никаких мыслей не стало. Он просто выполнял свою работу, пытаясь заглушить боль. Что это? Неужто, его излечило время?

В приёмной было всего два человека. Легат хотел подождать очереди, хоть немного перевести дух с дороги, но камергер пригласил его сразу, как только предыдущий посетитель вышел из зала. И вот он снова стоял напротив полукруглого стола, и на него взирали семь пар глаз Изначальных.

— Как прошло в Вудвинде? — покровительственным тоном осведомился Первый Советник Коэн. И, как обычно, стал выжигать легата взглядом.

— Всё как мы и планировали, разве что молодой княжич заколол отца и сам стал князем. Болеслав хотел воевать до последнего, но его приближённые оказались не столь терпеливы.

— Это мелочи. Главное — результат, а он блестящий. Хотим доверить вам кое-что помасштабнее. Вы ведь знаете Кантанию?

— Да, устранял там учёного.

— Тоже чужими руками, насколько я помню? — осведомился Озрик, тучный человек, то и дело потягивающий из фляги.

Легат кивнул:

— Мне это показалось наиболее рациональным.

— Вот видите? — обратился Оззрик к остальным, — Он подходит.

Изначальные закивали, а Коэн так и не сводил глаз с Александра:

— Того, что вы сделали в Кантании, мало. С этой стороны прослеживается явная угроза. Причём, не от конкретного человека, а от системы, налаженной их королём и первым министром. Если так пойдёт дальше, они нагонят нас лет через триста и, очевидно, истребят. Такого нельзя допустить. Необходима максимально возможная дестабилизация в регионе с полной сменой власти и разрушением системы управления. Вы хорошо справляетесь с подобными задачами. Наши агенты предоставили подробные сведения о политических группировках внутри страны, с материалами ознакомьтесь позднее.

— Кантания не заштатное княжество, понадобится минимум годовой запас амброзии. Работы на несколько месяцев, а ведь ещё путь туда и обратно.

— Совет санкционировал выдать запас на полтора года, и, при необходимости, пополнять столько, сколько потребуется. Важно выполнить работу. Цена — дело второе.

— Способ, как я понимаю, на моё усмотрение?

— Разумеется.

— Необходимые бумаги, как всегда, у камергера?

— Верно. Ещё вопросы?

— По поводу книг.

— Берите любые, какие вам нужны.

— Не для себя. Люди в караульной на воротах сходят с ума от скуки. Лука, их старший, ничего вам не говорил?

— Этот рыхлый заморыш, как всегда, слова не способен вымолвить. Иногда я думаю, некоторым следовало родиться крестьянами и помереть несколько веков назад. Решайте сами, раз влезли в это. Доступ к библиотеке у вас есть. Это всё?

— Да. Благодарю совет, что уделили мне время.

— Совет, в свою очередь, благодарит за службу. Всегда приятно работать с человеком, преданным своей стране.

Легат кивнул головой и вышел в приёмную, где получил бумаги от камергера. На выходе из дворца ветер швырнул ему в лицо пару листьев. Их, как всегда, не успевали убирать. Он направился вверх, к жилой улице: телеги из внешнего мира подождут до завтра, заодно и уточнит у часовых про книги.

Впереди замаячила знакомая фигура Фриды. Он обогнал её, походя бросив «привет», и уже хотел свернуть к своему дому, но лаборантка вдруг окликнула его:

— Постой...

— Да?

— Хватит убегать от меня, — она взяла его под локоть, — Просто пройдемся, погуляем на свежем воздухе, я тебя не съем.

— С чего такая перемена?

— Невозможно вечно сжигать себя ненавистью. Нужно пройти это рано или поздно. Я страдала достаточно.

— Ты больше на меня не злишься? — легат внутренне напрягся, помня прошлые ссоры — яростные, стремительные, возникающие ниоткуда и взрывающиеся в мгновение ока.

— Я никогда не злилась на тебя. Я злилась на весь мир, на совет, на саму себя. На дочь, в конце концов, — она нервно повела рукой по длинным прямым волосам, поправляя их, и

отвернулась в сторону.

«Ни капли не изменилась... Всё тот же аккуратный подбородок, красивые точёные скулы и глаза с хитринкой, как два бездонных синих озера... Так и хочется утонуть в них».

Он захотел притянуть её к себе и зарыться рукой в эти чёрные волосы, ниспадающие по её плечам, но подавил порыв:

— Мне так не казалось...

— Чего ты ещё хотел? Тысячу раз мне приходило в голову покончить со всем этим. Не могу понять, почему я сдерживалась. От меня все тогда отвернулись, не только ты, да и не удивительно, с таким-то поведением.

— Я хотел быть рядом, — он остановился и посмотрел на неё, — Не смог. Не выдержал. Здесь всё напоминает о дочери. Разорвите меня на части, или дайте убежать, куда глаза глядят — вот единственное, чего я хотел тогда.

— И ты выбрал второе. Мужчины слабее, чем кажутся.

— Да.

Она положила вторую руку ему на плечо и посмотрела в глаза:

— Я тебя давно уже простила, слышишь? Каждый из нас пережил это так, как у него получилось, и всё тут. Большого требовать нет смысла. Все эти «должен», «рамки приличия», «скорблю вместе с вами» — оставим это тем, кому никогда не выпадал наш с тобой жребий.

— Ты права. Горе отпускает всех по-разному. Кто-то не терпит чужих глаз рядом, кто-то бежит без оглядки, — Александр уставился в землю, вспоминая те безрадостные, тяжёлые дни после смерти дочери.

— Ты до сих пор бежишь. Удираешь отсюда, как только можешь.

— Набрал хороший темп...

— Знаю. Поговаривают, совет зовёт тебя самым результативным легатом...

— Лично мне об этом никто не заявлял.

Они вновь медленно зашагали вперёд, всё приближаясь к жилым домам.

— Новая формула приёма амброзии работает, я испытала на себе.

— Я не смог пройти через ломку, — он решил, что ей пока не стоит знать о его запасах зелья на чёрный день.

— Ты не смог? — она явно сомневалась.

Чего-чего, а терпеть легат всегда умел.

— Было важное дело, ломка могла помешать, пришлось отказаться от затеи.

— Вот как? Расскажешь?

Он так и не понял, поверила она или нет.

— Один князь зарвался, пришлось принять меры.

— И он послушал тебя?

— Он скорее бы умер, чем сделал то, что нам нужно, но я вынудил его ввязаться в безнадежную войну.

— Его разбили?

— Нет. Убил собственный сын. Смыслённый мальчик, спас свой народ.

Несколько десятков шагов они молчали. Легат вспоминал всё, что делал в этом походе. Грязная, неприятная, подлая работа, которую не сделает больше никто, разве какой другой легат. Но, раз уж выпала его очередь, раз уж совет посчитал его наиболее подходящим для этой работы — не ной и приноси пользу.

— Представляешь, они уже забыли её. Напрочь. Не помнят ни имени, ни города, который она для них построила. Наверное, кто-то из наших постарался. Но мне хотелось плюнуть им в лица, когда я узнал, что ни один ничего не знает.

— Вряд ли они виноваты, — по её щеке медленно поползла слезинка.

— Иногда я думаю, что после того, как не получилось её отговорить, нужно было остаться с ней. Я бы лёг в тот же курган, знаю. Но это правильно.

— Хватит, — резко сказала она, — Это бессмысленно.

«Может, в этом как раз и был смысл моего существования? А бессмысленно всё, что я делал после».

Фрида чуть поостыла и добавила:

— Не смей так говорить. Если совет узнает... Георг.

— Это лишь размышления. Если в чём-то и остался смысл, так это в том, чтобы избавить наш народ от бремени зависимостей, так что у Совета нет причин волноваться — я лояльный человек.

— Надеюсь...

Она долго и протяжно выдохнула, будто только что избавилась от тяжкого груза. Легат с удивлением глянул на неё.

— Я ни с кем не говорила по-настоящему, кажется, уже полтора века... Те, кто здесь, общаются лишь формально. Впрочем, удивляться нечему — я сама их прогоняла миллионы раз в годы депрессии. Даже самые упорные сдались. Расскажи мне о Татмере.

— Там есть одна замечательная корчма. Мы с Байлом часто посиживаем в ней.

— Кто такой Байл?

— Это командир взвода наёмников, что болтаются со мной по всему свету...

...

— И что, княжич убил собственного отца? — Зебен подлил бренди во все четыре рюмки.

— Точно. Как догадался?

— Такое сплошь и рядом. Чем значительней наследство, тем вероломнее ведут себя наследники. Когда речь заходит о княжестве или королевстве, сыновья либо кристально честны, либо помыслы их темны, как зловещий лес ночью. Вторых обычно гораздо больше.

Одер зашевелил усами и пригубил горячительного:

— Уф. Вы не думали, что сынок затеял это не ради собственной выгоды? Ещё пару месяцев такого правления, и княжество превратится в край разбойников и мертвецов. Он просто спасал свой народ...

— Мы не знаем, что у него в голове. Он может относиться к людям, как к собственности, а может считать своим долгом правление страной и ответственность за людей, — легат обмакнул жареную креветку в соус.

— Может и то, и другое, — вмешался Михаил.

Александр застыл с креветкой у рта:

— Это как?

— За собственность тоже нужно нести ответственность. Многие это понимают.

Зебен поднял рюмку, призывая всех сделать то же самое. Раздалось звяканье, все четверо осушили налитое одним махом, и только после этого доктор подытожил:

— Вы все можете быть правы, но, думаю, Михаил ближе всех к истине. Учитывая пропасть в знаниях и жизненном опыте, плюс окружение княжича, думать он должен

именно так.

— Но ведь встречаются правители, что ценят людей, — возразил легат, — Нойер из Холвинда мне показался как раз таким. И среди графов или баронов приходилось встречать тех, кто не относился к людям, как к собственности.

— Мыслящие всегда будут, — пожал плечами Зебен, — Всегда, в любой стране есть хоть малая горстка достойных людей. Осталось дожидаться, когда они построят социальные лифты.

— Да... — Одер угрюмо глянул в пустую рюмку, — Пока все взбираются наверх исключительно по трупам.

— Какие лифты? — сморщился Михаил, — Они у нас-то не работают, чего говорить про остальной мир?

— Что за резкая смена риторики? — удивился легат, — Ты всегда верил в наш курс, и теперь у нас, получается, ничего не работает?

— Больше не верю, — холодно ответил Михаил.

— Осторожнее, друг, не бросайся словами. Совет...

— Да они всё и так знают, мумии проклятые!

Зебен и Одер притихли, никак не вмешиваясь в разговор. Легат обвёл всех взглядом. Медленно, внимательно.

— У вас что-то стряслось, пока меня не было. Рассказывайте.

— Наш химик ходил к Совету, — устало вздохнул Одер. Эта тема явно ему надоела, — Они зарубили его проект с уменьшением потребления амброзии.

— Но я добился успехов! Ещё больших, чем в прошлый твой приезд! Теперь я принимаю по тридцать через день.

— Старение?

— Нет, как видишь...

— Сколько длится эксперимент?

— Уже два месяца. Никаких ухудшений. Я намерен продолжать — чувствую, что на верном пути. И ты убедишься, когда вернёшься снова.

— А Совет?

— Слушать ничего не пожелали.

— И он рассердился, — добавил Зебен.

— И наорал на Изначальных, — добавил Одер.

— И Защитники вышвырнули его из зала, — закончил врач.

Легат растерянно смотрел на механика, на спокойного, как и всегда, врача, на злого химика.

— Ты бы видел их равнодушные, презрительные взгляды! — яростно выговорил Михаил, — Только этот жирный Оззрик ответил, дескать, не занимайте такими пустяками Совет. Скольких трудов мне стоило...

— И что конкретно ты им сказал?

— Что их ёбаному сборищу мудил давно пора сдохнуть.

— Слово в слово?

— Само вырвалось.

— До этого момента я считал Вудвинд страной непуганых идиотов. Я ошибался. Как случилось, что мы всё ещё разговариваем?

— Они не стали избавляться от хорошего химика. Посчитали меня мелкой сошкой,

неопасным.

— Как же твои познания в ядах?

— Любой яд лечится амброзией, ты сам это знаешь. Чтобы их отравить, нужно отнять доступ к хранилищу, или вливать яд литрами прямо в пасть. Кто даст мне это сделать? Бугай-защитники даже близко не подпустят.

— Справедливо. Значит, не обратили внимания на твою истерику...

— Истерику? Истерику?! Хочешь сказать, мои открытия не важны?

— Важны, и ещё как. Но меня удивляет реакция. Может, они просто не поняли?

— Я, по-твоему, совсем дурак?

— Ты требовал повторной аудиенции? Подай прошение. Ты сделал важное дело, оно может толкнуть нас вперёд, и очень сильно.

— Очнись, легат, они хотят только сидеть на месте! Всё, что я исследовал в попытках докопаться до сути проблем нашего народа, было по моей личной инициативе. Ни одного приказа я от них не слышал, ни одного пожелания! Спорить готов, у остальных то же самое! Одер?

Механик встопорщил усы:

— Вряд ли моя область знаний может в этом помочь. Зебен, да легаты — тут в яблочко. Сам знаешь, если что и может избавить нас от бремени — это медицина и химия.

— Хорошо. Вот ты, Зебен, бывший легат и действующий медик. Было хоть раз от них задание, помогающее нам выбраться из этой ямы? Может, сравнить организм древнего со всеми зависимостями и обычного человека? Влияние амброзии на обычных людей? Привести раба и посмотреть, как он будет уходить в Поток? Хоть что-нибудь подобное когда-нибудь было?

Медик разочарованно помотал головой и разлил бренди по стаканам.

— А у других легатов? Вы же общаетесь.

— Не припомню...

— Ты что скажешь? — резко развернулся Михаил к Александру.

— Мне не выпадало за триста лет, но у меня другие способности. И есть легаты постарше.

— Друг, за триста лет у тебя любые способности. Особенно с таким образом жизни и твоей смекалкой. Пора бы это понять.

— Ерунда. Наверняка есть профильные легаты, занимающиеся только этим.

— Ты их знаешь?

— Нужно порасспросить.

— Ты бы сам давно это понял.

— Если им не запретили говорить. Знаешь, что? Я спрошу у Совета лично, когда приеду в следующий раз. Но ты до тех пор веди себя в рамках, понятно? Так всё и выясним.

— Не боишься тюрьмы или казни?

— Ты ведь здесь.

— Я не легат. Тебя они могут посчитать опасным.

— Пусть так. Я их расспрошу, а ты до этого не лезь в бутылку.

— Как ты не понимаешь? Мы годами занимались своими делами — ты не вылезал из походов, а я не поднимал носа от стола с ретортами. Но, стоит немного оглянуться и сопоставить факты, и всё становится ясно, как дважды два.

— После дела я их спрошу, а ты ведёшь себя тихо. По рукам?

— Почему после?

— Дело важное. Если я его исполню, им будет неудобно отказать мне. Во всяком случае, хоть что-то, да скажут. По рукам?

— Я терпел четыреста лет, подожду ещё немного, — химик пожал протянутую руку, — Вы двое свидетели. Не дайте ему увильнуть.

— Хорошо, — ответил Зебен, — Но, как по мне, затея сомнительная. Знавал я пару легатов в молодости, с дюже длинным носом...

— Ты не рассказывал, — заинтересовался Александр, — Что с ними случилось?

— Один сейчас перед тобой. Аккуратнее играй в эту игру.

...

Легат едва не пропустил удар в предплечье, но чашкой эфеса отбил клинок и отскочил назад. Учебные рапиры скрестились вновь. Он видел ухмылку Зебена сквозь защитную маску. Доктор два раза слегка коснулся его клинка своим, провоцируя на необдуманные действия, рапира Александра чуть отклонилась вправо, и Зебен нанёс укол в грудь. Блок с отведением, мгновенная контратака таким же прямым уколом в плечо, удачная, и сразу разрыв дистанции.

Лицо Зебена за сеткой маски приняло удивлённое выражение:

— Я ожидал контратаки, но не ожидал такой скорости.

Легат приблизился, ударил соперника по клинку, ещё раз в темп, но с другой стороны, затем показал всем телом укол в голову, но в последний момент перевёл его в боковой удар по бедру. Зебен снова попался: ему не хватало скорости.

— Когда ты в последний раз держал в руках меч?

— Давно. Не задирай нос, я сейчас освоюсь.

Они сблизилась вновь, клинок звякнул о клинок, Зебен отпрыгнул прочь и зашагнул правее. Легат атаковал, медик вновь отступил. И в третий раз тоже, не давая развить атаку. Стало очевидно, что таким образом он привыкает, пытается подглядеть слабые стороны. Следующие комбинацией Александр почти достал доктора и после ещё усилил натиск. Когда действия Зебена стали походить на откровенное избегание боя, Александр слишком увлёкся и чуть не пропустил контратаку, но наседать продолжил, пусть уже и аккуратно.

Одер топорщил усы, глядя на всё это, Михаил пригибался и дёргался, будто сам был в бою. Краем глаза легат заметил, что за их спинами к площадке идёт Фрида. Он шагнул вперёд и предпринял новую атаку, но Зебен неожиданно шагнул навстречу, отведя в сторону его рапиру. Они столкнулись. Зебен обвил второй рукой торс Александра и швырнул его через бедро. Захват был неплотный — легат свалился на бок, но от неожиданности защититься не успел и получил-таки рапирой по плечу.

Зебен снял маску:

— Девять — один! Не удалось тебе одолеть меня всухую, — он вытер пот предплечьем и улыбнулся, — Я уже забыл, как это может быть весело, если в руках учебные мечи, конечно...

Тут его друзья тоже заметили Фриду и сразу замолчали, движения их стали сдержаннее, они лишь удивлённо переглядывались между собой.

Она внимательно посмотрела на них:

— Джентльмены, вы так смущены, будто я застала вас не за фехтованием, а за чем-то непотребным. Или это из-за появления моей скромной персоны?

«В точку. Ты не выходила на люди годами».

Зебен склонился к легату и прошептал:

— Двести лет не видел её в таком хорошем настроении.

— Почему все молчат? Скажите хотя бы «Доброе утро».

— Несколько неожиданно, — задумчиво шевельнул усами Одер.

— Смотрела за вами издалека, — пояснила она, — Очень захватывающе.

Но четверо друзей всё так же молчали. Однако, Фрида и на этот раз не сдалась:

— Мне ведь можно снова начать жить?

Легат уже понял, как трудно даётся ей этот разговор. Понял, что вчера, вероятно, был первым, с кем она решилась завести неформальную беседу. Он хотел прийти ей на помощь — бросить слово, комплимент, приветствие — что угодно, как спасительную соломинку, но его опередил Зебен:

— Мы все польщены вашим вниманием, госпожа. Не смотрите на этих мужланов — они понятия не имеют, как разговаривать с дамами.

— Эээ... Хм, пф, — Одер шевелил усами, готовясь что-то возразить.

— Я же говорю, — пожал плечами Зебен.

Фрида первая залилась смехом. Он бежал из её уст, словно ручей посреди засухи. Громко, раскатисто захохотал Одер. Заулыбались остальные, и напряжение исчезло.

— Много дрался в последнее время? — доктор убрал рапиру в ножны.

— Упражнялся пару недель вместе с наёмниками, — Александр тоже снял маску и утёр пот, — Никогда не знаешь, где это пригодится. Мир снаружи бывает опасен.

— Верно, мне приходилось драться трижды, хоть мои миссии были сплошь мирными. Уто уж говорить о тебе?

— Предлагаю бани и полдник, — легат расстегнул верхнюю пуговицу защитного комбинезона, — Фрида, ты с нами? Я не про бани...

Она кивнула.

— Тогда на этот раз у меня, — встрял механик, — Заодно изведаете моего кваску. Потом уж проводим тебя.

— Работать вам всем не надо, как я погляжу?

— Коллективный выходной в честь приезда самого результативного легата, — парировал Михаил, — Нас с Фридой вряд ли кто хватится, а доктора с механиком разыщут, если надо.

Зебен подхватил мешок с вещами и направился в сторону огромной каменной водонапорной башни, рядом с которой примостились купальни. Александр взял сменку и двинулся следом. Он обратил внимание, что даже вечная осень над городом сегодня какая-то молодая, и солнце выглядывает из-за туч, делая рыжие и жёлтые листья ещё ярче.

Фрида догнала его и взяла под локоть, а двое друзей позади тактично приотстали.

— Как ты спасалась всё это время?

— Отдавалась работе с головой, а вечерами пила дома в одиночестве.

Он не стал ничего отвечать — лишь приобнял её за плечи и на миг сильнее прижал к себе.

— Долго тебя не будет?

— В этот раз да.

— По-твоему, остальные твои поездки были короткими?

— Эта займёт год-полтора. Что будешь делать?

— Жить, работать, найду добровольцев на эксперимент Михаила. К чёрту совет. Нужно

подумать, как улучшить жизнь, не нарушая их правила. Буду фехтовать с Зебенем, в конце концов. Похоже, это весело. Чувствую, что не могу продолжать, как раньше. Нужно всё менять.

— Будь осторожнее, я хочу увидеть тебя в следующий раз.

Она кивнула, и всё пошло хорошо. Полдник, сборы, прощание. Охранники на воротах благодарили его за книги, друзья щедро снарядили в дорогу, Фрида смотрела вслед без привычного укора. Теперь он знал, что все эти годы укор был адресован не только ему, а всему окружающему миру.

В первый раз за много лет легат не хотел торопиться с отъездом, но Кантания сама себя не дестабилизирует. Он вскочил в седло, махнул на прощание друзьям и дал знак охраннику, что правил телегами. Большие ворота открылись вновь.

Глава 7: грязь

Жерар видел, как одна из телег, переезжая лужу, чуть поехала задними колёсами вправо, и одно из них с чавканьем погрузилось по ось в грязную воду. От резкой остановки плохо закреплённый мешок с левого борта шлёпнулся прямо в жижу. Идущий неподалёку сержант тут же вскочил на козлы и треснул древком по защищённому шлемом затылку солдату-вознице:

— Чё застыл? Мешок доставай, живо.

Солдатик соскочил вниз и, кряхтя, закинул мешок на плечо. Хотел было уложить обратно, но сержант треснул его древком алебарды уже по заднице:

— Грязь счисть, олух!

«Да, дороги в Кантании не везде одинаковые».

Телеги, идущие следом, стали одна за другой останавливаться. Один возница прозевал, что делается спереди и поздно потянул тормоз. Лошадей сдавило меж двух телег. Одна успела прыгнуть в сторону, а вторая неестественно выгнула заднюю левую ногу, когда её придавило деревянным бортом. Несколько солдат побросали оружие и оттянули повозку назад, освобождая животное.

Жерар обвёл взглядом бесконечную вереницу солдат, повозок и офицеров, сидящих верхом. Сзади колонна терялась за холмом примерно в тысяче шагов и уходила вперёд шагов на семьсот. Отовсюду слышалось фыркание, чавканье копыт и колёс по грязи, ругань сержантов и крики офицеров.

Шествие это продолжалось уже три дня. Из города они вышли в составе полка, сразу же к ним прибавилось ещё два, а потом, как ручейки вливаются в реку побольше, присоединялись всё новые и новые. Жерар не знал, сколько всего здесь собралось людей, но, становясь лагерем, армия занимала пространство почти до горизонта.

В первый день он настраивался на войну, как на поединок, преисполненный железной решимости. На второй день решимость сменилась недоумением, на третий — негодованием: «Что же, они так и будут еле плестись, в то время пока враг осаждает их гарнизоны, жжёт деревни и завоёвывает новые территории? Да что это за армия такая?»

Молодой граф пришпорил коня и поскакал обратно в хвост колонны, в роту, к которой и был прикомандирован. Третий гвардейский полк Лемэса шёл лучше остальных — на то он и был гвардейским. Суеты и толкотни здесь почти не было. Пероль и Леонардо восседали на своих выдавших виды лошадях плечом к плечу, не спеша двигаясь в общей колонне:

— Да, Пероль, идём не быстро, но глянь на эту погоду. Бессмысленно гнать бедолаг, только из сил выбьются, да оси в обозах посламывают. Летом бы, но сам знаешь — на войне погоду не выбирают, — пожал плечами Леонардо.

— Наш полк может идти быстрее даже по такой слякоти.

— Что толку? Ну, наберёшь ты ещё два таких полка изо всей армии, притопаем мы туда быстрее, а дальше? У фанатиков тоже разъезды конные имеются. Прознают, да разобьют нас, пока остальные не подошли.

— Смотря где встанем.

— Тут ты прав, но в такой авангард меня что-то не тянет.

— Отставить трёп, — оборвал их капитан, — Сегодня ночью идём ловить дезертиров всей ротой. Приказ маршала. Лейтенант де Сарвуазье, — обратился он к графу, — Вас это

тоже касается. Почему опять без доспеха?

— Вы сами сказали иногда отдыхать от него, — возразил Жерар.

— Четверть часа на экипировку.

— Есть, — вяло ответил де Сарвуазье.

Ему вовсе не улыбалось опять навьючивать на себя всю эту кучу железа. Поначалу доспех казался не очень-то тяжёлым, но через час-другой под этим вечно морозящим дождём начинал стеснять, давить, натирать всё время в разных местах. Де Сарвуазье удивлялся, как остальные солдаты и офицеры проводят в них целый день.

Дядя ускакал, а Пероль махнул Жерару рукой:

— Не берите в голову. Доспех у вас что надо, ещё два-три дня и привыкнете. Уже бы привыкли, коли не погода эта.

Жерар ответил сдержанным кивком. Погода раздражала, что дальше некуда, медлительное войско тоже не внушало гордости от участия во всём этом военном балагане. Статус же его, Жерара, непонятный и в чём-то даже досадный, вообще сводил на нет весь смысл его тут нахождения. «Министерский куратор армии Его Величества». Кто это вообще? Несмотря на чин лейтенанта, полученный совсем недавно, Жерар приказом министра был обязателен на ежедневных штабных совещаниях, хотя обычно туда допускаются офицеры не ниже полковника. Видно, приказ был поперёк горла самому маршалу и, когда Жерар вместе с командиром третьего Гвардейского полка Лемэса прибывал в шатёр штаба, де Ветт неизменно выговаривал глумливым тоном: «Министерский куратор армии Его Величества с нами, значит, можем начинать, господа...»

Ох и дорого бы Жерар дал за то, чтобы запихать обратно в глотку раздающиеся после этого смешки среди полковников. Но вызывать их на дуэль — нет, он пока ещё был в своём уме. За убийство старшего по званию, даже на дуэли, даже при самозащите, на войне — трибунал и казнь на месте. Дядя сразу предостерег его на этот счёт. Вот в таком незавидном положении Жерар и оказался на своей первой в жизни войне.

Он доскакал до обозной телеги, которой правил Род. Солдат, из которых Жерар мог бы назначить себе денщика, к нему прикрепить не успели, поэтому слуга был ему вдвойне необходим, тем более слуга этот в полку чувствовал себя как лягушка в собственном болоте, каковую и напоминал, согнувшись на козлах и блестя промокшим кожаным подшлемником, как жаба бурой чешуёй.

— Надеваем, — вяло приказал де Сарвуазье.

Род кивнул, кликнул солдата из отделения Жерара, сграбастал большой мешок с доспехом и, затёкший от долгого сидения, немного неуклюже спрыгнул с козел.

Граф двинулся к деревьям неподалёку. Там старый слуга наспех растянул покрывало над головой, чтобы не промочить всепроникающей влагой доспех и гамбезон, после чего Жерар сбросил мундир. Они тщательно прилаживали и поддоспешник, и каждую латную деталь. Рота успела отойти, наверное, на тысячу шагов, пока не были затянуты все ремешки. Но получилось всё же быстрее, чем в прошлый раз.

Сначала Жерар удивлялся, что из офицеров далеко не все носили полные латы, но потом, вспомнив, как бедны даже лейтенанты гвардейского полка, понял, что и остальные, вероятно, недалеко ушли, а полные латы может себе позволить разве что полковник или генерал. И осознание это ещё сильнее повергло его в печальные думы.

Доспех сидел плотно, и исподнее под ним неприятно прилегало к грязному телу, а до конца дня оставалось ещё ого-го. Молодой граф прогарцевал к лейтенанту де Вису,

внимательно следящему за своим взводом с пригорка:

— Франческо, меня изрядно беспокоят разные вопросы. Например, если враг появится из-за этого холма, как мы успеем перестроиться в баталии?

— Не появится. Они так же неповоротливы, как и мы. Разъезды заметят их задолго до приближения, успеем как-нибудь выстроиться. Разве что из леса незаметно выскочат, но там тоже большим войском не затаиться, а мелкий отряд уж отобьём как-нибудь.

— Сколько раз вам случалось бывать в походах?

— Пять. Война с Мешмуллой, и так, волнения на границах.

— Может, дадите совет тому, кто здесь впервые?

— Армия — огромный механизм, и нельзя недооценивать каждую часть этого механизма. Обеспечение, движение, здоровье людей — тут важно всё. Чем быстрее в нём разберётесь, тем лучше. Видите, вон тот солдат, четвёртый от головы взвода, прихрамывает? Отчего? А следующий за ним вяловат. Болеет, или недоедает? Может, у интенданта нет провизии и выдаёт он меньше, чем обычно? Всё это нужно проверить, не то проблемы могут начаться и у остальных солдат. Понимаю, вы ожидали другого, но солдаты не разберутся с этими вещами самостоятельно. Их просто не станут слушать. То ли дело офицер...

— Спасибо, постараюсь мотать на ус.

— Вы ходите в штабной шатёр. Там говорили что-то интересное?

— Пока смотрят за состоянием войска и ждут передовые разъезды. Маршал говорит, для принятия решения мало сведений.

— Тут он прав. Но приблизимся, и пойдёт повеселее, вот увидите. От дождя и простуды все точно не сохнем. Не успеем.

— Знаю, что из сорока больных позади оставили восьмерых — не способны идти, такая лихорадка. Скажите, всегда так?

— Разумеется. Невозможно дойти до места в полном составе в таком походе. Но восемь — это мелочь. Будут и ещё, помяните моё слово.

И лейтенант оказался прав. Вечером, в штабном шатре, после стандартного «Министерский куратор Его Величества почтил нас своим присутствием. К делу, господа», маршал промолвил:

— Как известно, после ночи мы не досчитались ещё семерых. Дезертиры. Пятерых повесили, двоих разъезды не нашли. Их будет больше, поэтому пора ловить и по ночам тоже. Приказываю отрядить на это восьмую роту третьего полка Лемэса в полном составе, с доблестным капитаном де Куберте во главе. Господин министерский куратор, вам также предлагаю прокурировать данное мероприятие. Возможно, у вас появятся какие-либо замечания. Остальное в прежнем режиме. Дальние разъезды ожидаются через десять дней, тогда и будем думать, как бить врага. Все свободны, господа.

Два генерала, двадцать четыре полковника и семь штабных офицеров молча покивали и стали расходиться. Жерар вышел из палатки и быстро зашагал к своей роте. Хотел было вытереть рукой лицо от воды, что так неудачно попала в лицо, когда он откинул полог, но латная перчатка не дала вытереть ровным счётом ничего. Проклятье.

Дядя как раз снимал доспехи, когда Жерар поспешил обрадовать его:

— Ночью идём ловить дезертиров всей ротой.

Капитан пожал плечами и поднял с пола своей палатки железный нагрудник, который только что туда положил, затем взглянул на Жерара. Конечно, негодование не удалось скрыть от старого вояки:

— Племянник, вам нужно спокойнее относиться к таким вещам. На войне приказы не обсуждаются.

— Почему маршал издевается надо мной?

— А чего ты ожидал? Само твоё присутствие — как пощёчина для него. Так тебя ещё и к моей роте прикрепили, а от упоминания моей фамилии у него тоже несварение желудка. Кстати, по поводу желудка — раз мы заступаем в ночь, бессмысленно ставить палатки. Сержант! — из-за полога пролезла голова пестуйца Марио, — Лейтенантам готовить солдат к приёму пищи, палатки не раскладывать, после ужина построение на тракте.

Марио убежал.

— Иди поешь. Нам нужно определить места ночного бдения, пока не стало совсем темно.

Род уже разложил его палатку и разогрел какое-то варево в котелке, а рядом с костром поджаривал на углях куриное бедро. Как ему удаётся разводиться огонь в эдакой сырости за пару минут, когда у большинства денщиков на это уходит не меньше получаса, граф только диву давался.

— Всё, Лис, собирай палатку. Сейчас поедим и в кусты. Дежури́м ночью.

— Не спешите, господин. Рота на ужин сейчас пойдёт, а вы пока обсохните внутри, отогреетесь. Соберу, успею.

Он кивнул и принял протянутую плоску с супом, не отводя глаз от Леонардо, который покрикивал на своих солдат, заставляя их быстрее собираться. Этому сегодня согреться не придётся. Молодой граф порадовался, что у него нет обузы в виде взвода солдат, которых надо постоянно понукать. Старик Род оказался прав — Жерар успел поесть и прилечь, пока рота ужинала. Он не снимал лат, и лечь как следует не получилось, панцирь не позволял. Пришлось устроиться полусидя, используя сундук как опору. Но и в таком положении он не заметил, как его сморил сон.

— Просыпайтесь, ваше благородие, строятся.

Жерар дёрнул головой от неожиданности, посмотрел вокруг себя, ощутил усталость во всём теле. Вот бы сейчас прилечь хоть в этой палатке. Скинуть с себя доспехи эти треклятые и, пускай грязным, но выспаться вдоволь. Только вот роте спать сегодня не придётся, значит, и Жерару рассусоливать не пристало.

Дождь перестал. На разводе после ужина де Куберте определил Жерара вместе с собой и знакомой уже группой солдат и сержантов в один из подлесков недалеко от лагеря, и сейчас они продирались через насквозь сырой лес, осматриваясь вокруг в поисках хорошего места для засады. Следом за графом шёл его слуга и тащил большой мешок на пару с молодым пестуйцем. Когда капитан остановился и определил несколько мест для часовых и место для всей группы, слуга развернул кипучую деятельность. Он срезал кусты, обтряхивал ветки от воды и укладывал их на землю, несколько раз отходил и смотрел на них с разных сторон, пытаясь определить, надёжно ли их скрывают окрестные кусты. Немного поправил и, удовлетворившись, развязал мешок. В нём оказались навощённые грубые покрывала, которыми Род накрыл уложенные ветки и сверху первого положил ещё и второе, сделав что-то вроде лесных кроватей.

Подошёл капитан:

— Ты, Лис, везде как дома устроишься.

— Костёр не разведёшь, господин капитан, хоть так согреемся...

— Пря́м как в старые времена, да?

— Рад, что вы помните, ваше благородие.

Де Куберте ушёл проверять посты, пока не стемнело окончательно, а старый слуга подошёл к графу и смиренно обратился:

— Господин?

— Говори, я слушаю.

— Офицерское место я одно только сделал, в таких засадах по очереди офицеры меняются обычно. Уступим капитану отдыхать первым, или сами желаете?

Как ни устал Жерар после очередного маршевого дня, как ни хотелось ему вытянуться хотя бы на этих ветках, но не мог он признать даже перед самим собой, что устал больше старого капитана, поэтому он согласно кивнул:

— Пусть господин де Куберте отдохнёт первым.

Род подошёл к капитану:

— Ваше благородие, пожалуйста отдыхать, вон там ваш лежак.

Дядя посмотрел на молодого графа с некоторым одобрением во взгляде и кивнул:

— Сейчас, первую смену назначу.

Он сухо отдал распоряжения, кто кого меняет и подошёл к Жерару:

— Ты дежурный офицер. Ночью больше слушай. Всех, кто пойдёт через этот лес, задерживай. Никому прохода не давай. Да сначала буди нас, понял? Никаких геройств. Толку от твоего фехтования в этом лесу, да ещё в темень такую, никакого. Ясно тебе?

Граф кивнул, но про себя подумал, что это ещё неизвестно, может, толк и есть, а дядя решил опять выставить его умение никчёмным. Но он ещё докажет, дайте только шанс.

Де Сарвуазье уселся на пень чуть в стороне от лёжки и накрылся походным плащом, который, казалось, совсем не согревал. Он всматривался в окружающие кусты, в звёздное небо, боролся с холодом и невольно вспоминал свою комнату в поместье. Тёплую, мягкую, чистую постель, луч солнца, каждое утро струящийся из окна на угол кровати, свой одёжный шкаф с чистым исподним и выглаженными колетами, завтраки...

Кто-то из солдат еле слышно захрапел. Жерар стал гадать, может ли этот храп спугнуть дезертиров и решил, что вряд ли они его услышат среди скрипа стволов, шелеста листьев и шороха ночных животных.

Это казалось невероятным, но граф, видимо, справился с холодом. Сначала на нём высох пот, потом он поплотнее укутался в плащ и потихоньку начал согреваться. Именно в этот момент слух его побеспокоил звук, явно посторонний для этой рощи. Чуть левее прошелестели листья не в такт с ветром, еле слышно хрустнула ветка. Жерар затаился. Шаги, всё ближе и ближе, пока, наконец, кто-то не вышел прямо к их потайному лежбищу.

— Стой, кто идёт!?! — граф сбросил плащ, вскочил, вытащил эспаду из ножен. От крика проснулись остальные солдаты с капитаном во главе. Незнакомец — он был в подшлемнике и кольчуге — развернулся было, но путь ему преградил один из часовых, что стянулся на крик. Дядя Жерара, будто и не спал вовсе, уверенным шагом подошёл к задержанному и стал разглядывать его при тусклом свете луны.

— Дезертир, вне сомнений!

— Я отошёл по нужде, — дрожащим голосом ответил молодой ещё солдат.

— Для чего тогда тебе вот это? — капитан пнул небольшой мешок, что валялся под ногами солдата, — Там провиант, к бабке не ходи! Так? — он дал оплеуху пойманному, — Ну, так?

— Да...

— Жак, Тиль, повесить его, живо! И чтоб с дороги было видно, хорошо видно. Тьфу, пропасть! Весь сон прогнал, скотина! Племяш, иди поспи, я подежурю.

Жерар не стал возражать. Похоже, слуга его знал, что в доспехе возможно спать только сидя, или наполовину лёжа. Удивительно было, насколько место неказистое с виду, но при этом удобное для латника. Солдатам проще, они в кольчугах, панцирей с собой не взяли, худо-бедно улечься можно. От тепла, оставленного капитаном, Жерара почти сразу сморило. Проснулся он под утро. Род тормозил его за плечо, а солдаты уже повскакивали, похватали оружие и побежали куда-то вбок. Граф спросонья побежал за ними.

И тут крик охватил окрестности:

— Аааааа!

— Стой! — раздался голос Жака.

По опушке, прочь от армейского лагеря, убегал солдат, тоже с мешком какого-то добра. В дрянной одежде, мокрый от окружающей сырости, с болтающимся на поясе чеканом, он спотыкался на каждый четвёртый шаг, и Жак явно нагонял его. Раздался глухой удар дровка алебарды по спине.

— Ещё один. Что, решил смотаться, да на нашего висельника наткнулся? — потрянул его как следует долговязый сержант.

— Плутанул я малость, господа хорошие...

Врёшь, собака! — отрезал капитан, — Рядом с первым его повесить.

Солдат сопротивлялся и кричал, пока двое сержантов тащили его к дереву, а Марио готовил верёвку. В конце концов, Жаку надоела эта дерготня и он как следует приложил дезертира дровком по уху.

Развиднелось. Жерар заметил в таких же рощицах вокруг ещё несколько висящих тел, словно серёжки на ушах знатных дам. Так закончился его первый в жизни ночной дозор.

...

Шёл шестой день марша Центральной Армии Кантании, и третий день для Жерара без нормального сна. Маршал отправлял роту капитана ловить дезертиров вторую ночь подряд, не давая роздыху. Но капитан де Куберте скорее удавился бы, чем пошёл просить у маршала послабления. Только что на штабном совещании де Ветт приказал восьмой роте третьего полка Лемэса в третий раз заступить в ночной дозор. Мало того, ещё заочно распекал капитана на чём свет стоит за то, что он прозевал дуэль, в результате которой один из лейтенантов пятого полка убит, а второй тяжело ранен. Два взвода остались без командиров. Теперь армия будет двигаться ещё медленнее.

Люди капитана так же ловили дезертиров, только силы таяли, внимание рассеивалось, они буквально спали на ходу. Лёжки, что по ночам сооружал слуга Жерара, помогали. Это было лучше, чем спать на земле, но уже на вторую ночь он их проклинал, как и доспехи. Сегодня Жерар решил провести ночной дозор без лат.

Развод роты после ужина должен был быть в самом разгаре, но граф внезапно обнаружил капитана рядом:

— Как же развод, дядя?

— Леонардо займётся. Вот что, Жерар, возьми-ка четырёх кавалеристов из полка и дай пару кругов верхом вокруг лагеря. С полковником я договорился, верховые ждут тебя на тракте.

— Зачем? Искать что-то?

— Да, бретёров. Моя рота не настолько большая, чтобы ещё и этим заниматься, а ты

попробуй. Сейчас и на рассвете. Ночью вряд ли кто будет драться в такой тьме, а фонари их сразу выдадут. Ну, за дело!

— Дядя, почему мы не попросим отдыха?

— Только попробуй! Ничего не хочу просить у этого гада! Живо в седло и за дело.

Граф подчинился. Кавалеристы ждали его на размокшем тракте, он сделал им знак рукой, и они двинулись следом.

Никто не собирался, похоже, перечить де Ветту. Но проблему нужно было решать. Два предрассветных круга вокруг лагеря он проскакал вхолостую, объезжая глубокие лужи и оскальзываясь на крутых спусках. Пока совсем не стемнело, решил снять доспехи и отправляться на точку к капитану.

— Род, узнал, где сегодня прячемся?

— Да, господин.

— Давай снимем с меня треклятые латы.

— Останетесь сегодня в палатке? Оно и верно, у маршала с капитаном свои счёты, вы здесь ни при чём.

— Нет, пойдём в засаду, только без доспехов. Как расседлаешь свою лошадь, двинем. Понятно? Что я, хуже своего дяди-старика?

— У вас особый статус, господин граф, могли бы использовать его.

— Использую, будь уверен, но в других целях.

— Вы воистину сын своего отца.

— Надеюсь, ты не про умение сражаться?

— О, нет, здесь вы его превзошли многократно, — старый слуга отстегнул ремни его панциря справа, и Жерар аккуратно стянул две половинки с левой руки.

— Никогда не думал вернуться на службу? Я видел, как сержанты уважают тебя. Даже дядя, и тот ценит.

— Ваш дядя ценит всех своих людей, особенно тех, от кого есть толк.

— Похоже, от тебя его больше, чем от других, — граф отстегнул поножи и передал слуге.

— Об этом пусть судят те, кто со мной служил, — Род убрал поножи в навощенный мешок, — Но я всегда мечтал уйти со службы, да некуда было, пока ваш отец не предложил место.

— Так ты не из наших краёв? Это не отец взял тебя рекрутом?

— Вовсе нет. Вашего отца я узнал на войне. Служил в его инженерной роте, потом с капитаном, но граф запомнил меня и однажды предложил работать на него. Это было лучшее, что мне предлагали в жизни.

— Я так и не успел поблагодарить тебя за тот случай с де Бризи. Может, тебе чего-нибудь нужно?

— Я всем доволен, ваше благородие.

— Что-ж, тогда давай сюда мундир и веди к капитану.

Они засели в овраге на правом фланге. Овраг этот никак было не обойти, если двигаться в эту сторону. Чуть спереди — непролазное болото, позади — поворот реки. Уходить ночь вброд под конец осени — не лучшая идея. Такого дезертира, скорее всего, ждёт медленная мучительная смерть от холода. Поэтому дозорные поплотнее завернулись в плащи, вырыли углубления для лежаков и по очереди тянули нелёгкую лямку ночного дежурства. Но люди

попались битые-перебитые, дошлые, ушлые, да знающие, и ни один не жаловался и не скулил, хоть и смотрели хмуро исподлобья на третий-то день дежурства подряд, а некоторые так и вообще валились с ног от усталости и недосыпа, но — всё одно — упорно продолжали делать своё дело.

«Удивительные люди, сколько ж у них терпения?» — часто спрашивал себя Жерар. Его-то терпение не заканчивалось только лишь потому, что оно не заканчивалось у остальной роты. И в эту ночь, то и дело проваливаясь в сон, или просто застывая в апатии, он готовился всё же делать то, за чем тут был поставлен.

Но у дяди, видно, были на него другие планы:

— Жерар, иди спать. Лишь начнёт светать, садись на коня и скачи в объезд. Может, поутру и поймаешь кого. С дезертирами мы сами справимся.

Молодой граф так вымотался, что не промолвил в ответ ни слова, а сразу улёгся на подготовленный слугой лежак и мгновенно уснул.

Конечно, его разбудил старый верный Род:

— Господин, пора, уже светать начинает.

Жерар встал, полусонный поплёлся к лагерю — казалось, он только на миг прикрыл глаза, но на востоке, действительно, уже алела зарница. Конец осени, ночи длинные, и Жерару удалось поспать, самое меньшее, семь часов. Пусть в яме, вырытой на склоне оврага, но всё же. Он раньше и не задумывался, что люди могут спать в таких вот местах. Он вообще раньше не задумывался об очень многих вещах. Хотя бы о том, как солдаты терпят эту постоянную сырость, особенно рота де Куберте. У них-то не было возможности сушиться у костра вечерами.

Граф выпил чаю, заботливо приготовленного слугой, и, закусив краюхой хлеба с сыром, влез в седло. Несмотря на утреннюю стужу, он почувствовал, как возвращается в нормальное состояние и поскакал к взводу кавалеристов своего полка. Ротозеи проспали? Дневальный не сделал свою работу и не разбудил вовремя? Не важно. Пока будут собираться, время уйдёт. Жерар решил ехать один. Отступив шагов на двести пятьдесят от лагеря, пошёл на первый круг. Путь его проходил по той границе, где лагерные часовые уже не видят людей за складками местности, а охотники за дезертирами ещё не видят. Если и будут дуэлянты, они будут биться как раз в таких местах, по мнению капитана.

И капитан оказался прав — на исходе первого круга де Сарвуазье заметил четверых молодых офицеров. Двое стояли наизготовку, а двое других поглядывали по сторонам, похоже, высматривали старших офицеров.

— Езжайте своей дорогой, сударь, здесь глазеть не на что, — вместо приветствия сказал один из них графу.

— Позвольте мне самому решать, на что мне глазеть, сударь, — Жерар спешил и по очереди оглядел всех четверых, — Из-за чего дуэль?

— Вы ошиблись, это просто утренняя разминка, — ответил другой дуэлянт.

— Не врите мне, — грубо бросил молодой граф, разозлённый тем, что его держат за дурака, — Для утренней разминки вы не стали бы так далеко уходить от лагеря. В чем состоит ссора?

— Да вы наглец, сударь. За такие слова можно поплатиться ухом, или пальцами, или, чем чёрт не шутит, получить дыру в животе пару пядей глубиной...

Дуэлянт говорил, будто шутя, но остальные трое не смеялись. Жерар ощутил прямо-таки всеобъемлющее желание заставить всех четверых уважать себя, и решил сознательно раздуть

конфликт:

— За мои слова, господа, ничего мне не будет. Если кто-то из вас осмелится бросить мне вызов, получит дыру в мундире, через которую вся его спесь быстро улетучится.

— Давайте поглядим, — выкрикнул один из секундантов, — Требую немедленной сатисфакции.

— Дуэль, так дуэль, я не против, — спокойно ответил граф, — Но вы получите сатисфакцию, а что с этой дуэли получаю я в случае победы? Какой мне прок?

— Требуйте, чего хотите, наглец, только выйдите на поединок, вам всё одно не победить.

«Интересно, я бываю столь же спесив со стороны?»

— В таком случае, господа, требую от вас прекратить поединки на время войны, и всячески препятствовать поединкам среди других офицеров. Разумеется, в случае моей победы. И дуэль до первой крови, — он ещё раз обвёл взглядом всех четверых, — Даёте слово дворянина?

— Да забирайте уже и приступим, наконец!

Тот, кто вызвал его на бой, вытащил эспаду. Жерар сделал то же самое и они начали сходиться.

— Вот олух, — преувеличенно громко сказал один из наблюдателей, — Побьёт он первый клинок полка, как же!

Что это был за полк, Жерар не знал, и то было ему на руку, ведь в его полку никто бы не рискнул с ним связываться.

Площадка была та ещё. Ровная, насколько это возможно, но скользкая земля вперемешку с короткой травой на перешейке меж двух холмов. Маневрировать здесь нужно с большой опаской. Жерар решил, что попробует двигаться как можно меньше.

Противник приблизился, на взгляд графа, излишне свободно ступая по скользкой земле, затем сделал выпад, другой.

Молодой граф уверенно отбил оба. На выходе из второго передняя нога противника чуть поехала, он слегка запнулся. Жерар сделал два боковых удара эспадой — в голову и верхнюю часть бедра. Коротко и жёстко, от кисти, скорее проверяя мастерство соперника, чем стараясь поразить. Ответный укол он отвёл в сторону и тут же сделал контратакующий укол в ответ, от которой дуэлянт отшатнулся, поскользнувшись ещё раз. На краткий миг лицо его озарила тревога, да и в лицах остальных читалось сомнение. Но тревога сменилась надменной улыбкой, и дуэлянт атаковал трижды. Лучший эспадачин полка — из какого там полка он был — атаковал неплохо, но выходил из атаки чуть медленнее, чем следовало. А Жерар, похоже, нащупал ногой кусочек твёрдой почвы, пока парировал выпады лейтенанта — он ударил по клинку визави слева и стал переводить свой клинок на другую сторону, будто хочет поразить запястье. Ключнул. Лейтенант попытался закрыться от финта чашеобразной гардой и поднял эспаду остриём вверх, почти вертикально. Жерар метнулся вперёд в выпаде, резанул самым кончиком эспады его лоб и тут же вернулся в исходную:

— Сударь, вы проиграли.

Но дуэлянт и не подумал сдаваться, и, как ни в чём не бывало продолжил поединок сбивом вверх и уколом в бедро.

Граф парировал, и клинок соперника прошёл левее:

— Был уговор до первой крови.

— Плевать на твои уговоры, — лейтенант хлестнул дважды по его клинку, пытаюсь

расшатать позицию. Глаза его пылали яростью.

Тогда Жерар сделал пару финтов и намеренно поскользнулся, отведя клинок в сторону. Последовал укол, но лучший фехтовальщик Бирюзовой долины был начеку и уклонился вбок, пропуская остриё мимо и одновременно рубя сверху вниз и справа налево. Попал по голове сбоку, тут же отскочил на шаг и сгруппировал позицию. И вовремя, чтобы отбить укол и оттянуться от горизонтального росчерка на уровне груди. Только после своей этой атаки дуэлянт потянулся к уху, которое Жерар срезал почти подчистую и из которого обильно лилась кровь. Зажимая рану, лейтенант шагнул было навстречу, но, чувствуя слабость, сделал шаг назад и, побелевший, опустился на землю.

— Пеняйте на себя! — крикнул де Сарвуазье, — Помогите ему, господа, чего же вы стоите? Или это не дело секундантов? Надеюсь, слово дворянина для вас — не пустой звук, и мне не придётся больше видеть вас в схожих обстоятельствах.

Секундант склонился над раненым.

— Как вас звать? — злобно спросил побеждённый.

— Граф де Сарвуазье, к вашим услугам.

— Теперь я хотя бы знаю, кого искать.

— Вижу, вы собрались мстить? Скажите спасибо, что не заколол вас, как праздничного бычка. Трое свидетели, мне это по силам.

Не до конца перевязанный дуэлянт дёрнулся было в его сторону, но друзья усадили его на место:

— Фабиан, он прав. Он честно победил, успокойся, пока снова не натворил глупостей.

Затрубили подъём. Жерар выбрался на холм и увидел, как, словно потревоженный муравейник, оживает военный лагерь. Он оседлал лошадь и поскакал на место сбора роты, думая при этом, что искоренить дуэли среди этих задира поможет только близкое присутствие врага. И, пока они не дойдут до восточной окраины страны, Жерару придётся стать таким врагом для всех молодых офицеров, у кого слишком сильно бурлит кровь. Он по-прежнему считал дуэль неотъемлемой и священной традицией, но видел, что на войне всё же нужно от неё отказаться. Да вот беда: вместо того, чтобы отказаться, он сам только что участвовал, да ещё и вывел из строя офицера. Хотя, что он ещё мог сделать в одиночку? Интересно, сдержат ли они слово...

Войско выглядело жалко. Совсем не то, что он представлял себе когда-то. И особенно плачевно выглядела его рота — они держались, но без нормального сна три дня кряду были вялыми и невнимательными. Вдобавок они не снимали доспехов и некоторым натёрло так, что они еле шли. Двое жаловались на зуд в ботинках, четверо сильно стоптали ноги и хромали. Нужен был отдых. Де Куберте хмуро взирал на свою роту, одну из лучших в полку, постепенно превращающуюся в развалину. «Даже самые лучшие солдаты начнут выбывать из строя, если не давать им время привести себя в порядок», — часто бормотал он себе под нос. Командир полка тоже видел ситуацию, но в штабной палатке неизменно молчал.

Тогда Жерар решил, что сам скажет обо всём маршалу, ведь всё указывало на то, что командиры полка боятся высказываться. Он недоумевал — неужели целый полковник может быть трусом? Похоже было, что может. Не вояки, а какие-то покорные овечки, исполняющие только то, что скажут. В военном трактате, что читал Жерар, говорилось: командиры должны предоставлять вышестоящему офицеру как можно больше сведений, чтобы он мог принять верное решение. Но, похоже, в этой армии подобных принципов не придерживались. Или маршал и так прекрасно знал о состоянии всех полков? Как ни

неприятен ему был маршал, но молчать больше не представлялось возможным.

Каким образом рота доковыляла до вечера, граф не понимал, но они выдержали и готовились снова заступить в дозор.

В штабе царило возбуждение. Ближние разъезды засекали разведчиков врага, и теперь все активно обсуждали, где и как можно перехватить их. Впрочем, обсуждали генералы с маршалом. Остальные внимательно слушали и старались уловить, куда ветер дует. В этот раз маршал обошёл пристальным вниманием молодого графа. Но графу пришлось всё же перевести это внимание на себя, когда совещание завершилось:

— Господин маршал, у меня к вам обращение.

По толпе полковников пошло шевеление, Жерар взял на себя смелость и протолкнулся вперёд.

— Говорите, не тяните время, — раздражённо ответил маршал.

— Восьмая рота третьего полка Лемэса нуждается в отдыхе. Они не спали уже три дня.

— Сколько дезертиров они поймали в последнюю ночь?

— Двенадцать.

— Хотите сказать, они не спят ночами? Куда, в таком случае, делись ещё два человека?

Жерар не ожидал такого поворота беседы. Де Ветт сразу же заставил его оправдываться, графу нечего было ответить на это.

— Чего молчите, Сарвуазье? Сами вызвались говорить, так отвечайте, чёрт вас дерит!

Молодой граф кипел внутри, ведь он хотел, как лучше, а сейчас его выставляли посмешищем перед всем штабом.

— Не знаю. Вероятно, ушли через болота и там погибли.

— Как они ушли через болота, если рота охранения не спит всю ночь?

«Сам посиди ночь на болотах, поймёшь, что там дежурить нельзя, старый ты хрен», — Жерар опять смолчал, сдерживая эмоции.

— Лучше нужно выполнять свою работу, вам не кажется? Что же касается еженощного дежурства, благодарите министра де Крюа, это ведь он назначил роту на такую работу.

Тут де Сарвуазье не выдержал:

— Они ловили дуэлянтов в городе, и не вся рота, а только часть. Здесь же мы ищем и дезертиров, и дуэли, причём всей ротой, каждую ночь, без продыху!

Весь шатёр замолчал.

— Если вы не знали, молодой человек, в мирное время дезертиров не бывает, — проскрипел маршал.

Жерар решил не ослаблять натиск:

— Как бы там ни было, прошу дать роте отдых, и прошу сделать это незамедлительно.

— Приказ самого министра вы предлагаете проигнорировать?

«Какой приказ? Сдохнуть ещё на марше от бесконечных дежурств? Опять ты пытаешься сбить меня с толку? Ну нет уж».

— Я нахожусь здесь, как куратор министерства и приказ де Крюа помню. Он не таков. Но все в этом шатре знают, кто командует восьмой ротой, и все знают, как вы относитесь к этому человеку! Или вы даёте отдых, или министру станет известно, что здесь происходит.

Офицеры в шатре оторопели. Лицо маршала скривилось, он желчно выдавил из себя:

— Станет известно, да? Уверен, что до конца войны доживёшь, щенок?

— Доживу, или нет — не важно. Он узнает всё, так или иначе, и узнает уже завтра, если сегодня роте не дадут отдых. Говорю вам, как служащий министерства.

Граф развернулся, протолкался сквозь толпу и покинул штаб. От нахлынувшей ярости руки его подрагивали. Жерар не понимал, откуда взялись все эти слова, но его преподаватель риторики явно удивился бы.

Маршал постоянно поддевал де Сарвуазье, проклятая погода, доспех, дежурства, дуэль, на которую он пошёл исключительно из-за приказа чёртова первого министра — всё это смешалось в кучу и привело к такому вот бесконтрольному словоблудию.

Проклиная всех и вся, граф вернулся к роте и приказал слуге:

— Разложи палатку как следует, сегодня спим тут. Да разведи костёр, мне надоело мёрзнуть каждую ночь.

Сержанты и офицеры смотрели на него с завистью и толикой пренебрежения, мол, нам опять мёрзнуть в ночь, а ты тут будешь нежиться в палатке. Но слуга не ослушался, а, наоборот, волком глядя в ответ на окружающих, начал споро возводить палатку.

Ещё несколько минут это немое противостояние продолжалось, затем пришёл капитан и громогласно объявил:

— Рота, разложить палатки, приготовиться на ночлег, ужин после седьмой роты!

Удивление и облегчение отразилось на лицах солдат, а де Куберте подошёл к Жерару и прошептал:

— Ты чего в штабе устроил? Думаешь, де Ветт оставит это так? Теперь жди от него подлянки...

— Дядя, разве он не строил вам подлянок раньше? Ещё пару дней такого дежурства, и ваши солдаты сгниют заживо от этой сырости.

Судя по виду капитана, он хотел ответить что-то резкое, но осёкся в последний момент:

— Ты прав, пожалуй, но теперь старый козёл будет уделять нам в два раза больше внимания, помни об этом. И ещё, я знаю про твою дуэль.

— Как?

— В армии некоторые слухи расходятся быстрее, чем в ином борделе. Достиг результата единственным способом, который видел на тот момент, да? Осуждать не буду. Не знаю, что бы делал сам в одиночку. Но учти, враг с каждым днём всё ближе, а любая царапина, полученная на дуэли, может свести тебя в гроб в бою с врагом. Там будет хватать его стрел, пик и топоров, без ран, которые мы наносим сами себе. В следующий раз дождись кавалеристов, и нужно наказать тех, кто проспал. Разок спустишь, будут пренебрегать тобой всегда.

Род уже поставил палатку и разжигал костёр. Жерар сказал ему помочь с парой застёжек и избавился, наконец, от надоевшего доспеха. Пока слуга готовил ужин, он решил пройтись, посмотреть на роту. Солдаты возвращались с полевой кухни и устало рассаживались возле костров. Один зачерпнул ложкой варево в котелке и извлёк наружу камень величиной с перепелиное яйцо:

— И так не доливают, ещё и камнями кормят...

Жерар узнал его. Это был тот самый солдат, дневальный, любящий стоять навтыжку. Он решил спросить:

— Солдат, почему не доливают? И откуда камни?

Человек тут же вскочил, оставив котелок в сторону:

— Пёс его знает, ваше благородие!

— Кроме пса ещё кто-то может быть в курсе?

Солдат устался в землю и медленно соображал:

— Эээ... Не могу знать, господин лейтенант!

Де Сарвуазье решил поискать кого посмышлёнее, и ему на глаза попался долговязый сержант, Жак. В руке его тоже дымился котелок, но, в отличие от того, что был у дневального, полный до краёв. Жерар обратил внимание на другие котелки: у кого как. Полные встречались реже, как правило, у солдат постарше. Тогда он спросил сержанта:

— Скажи-ка мне, любезный Жак, почему у солдат котелок наполовину полный, а у тебя весь набит кашей?

— Кухня еканомию объявила, господин лейтенант. Будут теперь не доливать, пока кто из полковников, значаца, не отменит эту треклятую еканомию.

— Когда ж по обыкновению отменяют?

— Бывает, что и вовсе не отменяют. Полковники — господа занятые. Штабы, советы военные, и отдыхать им надо когда-нито. Вы уж, поди, и сами знаете.

— Почему ж молчат солдаты? Отчего не жалуются командирам? Или вам есть не хочется?

— С кухней да обозными закуситься солдату себе дороже может выйти, да и не принято у гвардейцев жаловаться. Третью ночь подряд в охранение ходим, и то не жалуемся, а тут за миску каши побежим?

— Просто тебе рассуждать, у тебя-то полон котелок. Кстати, почему?

— То не сложно, господин лейтенант. Видите, — он указал на полевую кухню, — Раздающий из большого котла всем, значит, раздаёт. И рядышком человек то стоит, то отойдёт куда.

— Так.

— Вот этому человечку котелок если поставить за те ящички, да три грошика на дно положить, он его быстренько до краёв нальёт. У него там, в закромах, второй котёл на замену первому стоит. В нём если камушки и попадаются, то на дне самом, а за грошики-то он сверху черпает.

— Часто они так делают?

— Всегда делали.

— Скажи, сержант, что значит слово «экономия»?

— Это когда солдат голодный должен быть, или ботинок у каптёра не хватает, или ещё чего-нито...

— Ешь иди, приятного аппетита.

— Спасибо, ваше благородие!

Случай этот Жерара необъяснимо задел. Видно, в этот день конец пришёл его терпению. Род только приступил к готовке, и граф де Сарвуазье решительным шагом направился к полевой кухне, что кормила его полк. Солдат, который тайком наполнял котелки, кинул на него быстрый взгляд, но дела своего не бросил и, взяв очередной котелок, собрался было исчезнуть среди мешков и ящиков, где замечен был пар от второго котла с кашей. Жерар поймал его за руку. Глаза солдата округлились. Раздающий, да и вся очередь в придачу, застыли от удивления.

— Ты чего воруюшь у своих же братьев? — граф и сам не понимал, откуда столько злости в его голосе.

— Господин майор экономию объявили.

— Наш обозный офицер?

— Так точно!

— Деньги тебе на что, скотина? — де Сарвуазье встряхнул его так, что монеты зазвенели в котелке.

— Известно на что...

— Ты, негодяй, за один ужин, небось, полфунта себе в карман собираешь, да всё с казённых харчей.

— И шиллинга не будет, господин... Дай бог, пенс наберу.

— Не ври, собака, я считать умею! — в его голосе прямо-таки прорезались интонации дяди.

— То-ж мне немного перепадает, это все знают, ведь простой кашевар я.

— Остальные куда?

Солдат вытаращил на него глаза, Жерар не выдержал и вlepил ему пощёчину:

— Говори, сейчас же!

— Майору обозному, — сказал он так, будто естественней и на свете ничего не было.

— Идём к майору, сию минуту! — и он потащил кашевара за шкуру.

Очередь с котелками быстро расступилась, никто не говорил ни слова, все изумлённо смотрели на происходящее. Кажется, обозный должен был быть рядом с палаткой полковника, туда Жерар и направился.

— Ваше благородие, вы ведь лейтенант, а он майор, что-ж вы ему скажете? — пропищал повар.

— Уж я найду что. Где палатка его? Эта? — он указал на шатёр, чуть меньше полковничьего, возле которого дежурил денщик.

— Объяви, лейтенант де Сарвуазье срочно хочет поговорить.

— Есть! — денщик скрылся в палатке и через миг вылез, — Просят пройти.

Жерар, не отпуская воротника кашевара, вошёл внутрь:

— Граф Жерар де Сарвуазье, лейтенант и куратор министерства.

— Кавалер Минг де Ист, майор. Чем обязан?

— Воруют ваши люди. Кашу солдатам за гроши продают.

— Экономия, известное дело.

— Экономия — когда припасов не хватает, а у вас они есть!

— То лично господина полковника де Баразака.

— Не верю! Идёмте к полковнику.

— Может, сразу к маршалу, а, лейтенант? — усмехнулся в длинные усы майор.

— Давайте сразу к маршалу, — граф повернулся к выходу, майор так и сидел на маленькой табуретке, — Вы идёте, или мне идти без вас?

— Коренастый, крепко сбитый обозный майор вскочил на ноги:

— Пожалуй, посмотрю на это.

Офицеры у штабного шатра, завидев Жерара с кашеваром и обозным майором, многозначительно перешептывались, но де Сарвуазье было не до них — он твёрдо решил покончить с этим произволом и направился напрямик к сержанту, с двумя солдатами охранявшему вход:

— Доложите, лейтенант де Сарвуазье желает поговорить с маршалом.

Высокий и кряжистый сержант нахмурил огромный лоб, отчего шапель подался чуть вперёд:

— Не положено. Лейтенантам обращаться только через полковников.

— Я присутствую на каждом штабном совещании. Пусти, не то лычки с тебя слетят. И

не только лычки.

Этот сержант графа не знал. Похоже, смены его проходили после штабных совещаний. Он грозно свёл брови:

— Часовые, к бою! Лейтенант не может оспаривать приказ маршала...

Эспада де Сарвуазье вылетела из ножен с потрясающей быстротой:

— Лучше бы ты доложил.

— Стой, сержант! — к ним поспешил штабной полковник, оказавшийся неподалёку. Конечно, его сержант знал. Полковник что-то шепнул тому на ухо, и свирепый привратник тут же скрылся в шатре, а его подчинённые так и остались стоять наготове, вытянув алебарды вперёд.

Жерар спрятал эспаду.

Сержант появился быстро и сразу дал команду:

— Отставить! Пропустить их.

Маршал стоял возле стола с огромной картой и, завидев Жерара, проскрипел:

— Что на этот раз?

— Вот этот кашевар продаёт солдатам казённые харчи за деньги, которые относит этому майору, а майор, очевидно, полковнику де Баразаку.

— Что с того?

— Ваши же солдаты остаются голодными.

— Мне, может, ещё каждого солдата с ложки кормить? Разбирайтесь с де Баразаком, понятно вам?

— Он ваш подчинённый.

— Пропитание армии — его обязанность, мне дела нет...

— Так и передам де Крюа. Пусть сам сложит мнение об этой экономии.

— Да вы клязник, лейтенант. В армии таких не любят...

— А я терпеть не могу мздоимцев, так что мы с армией квиты.

— Послали же Трое вас мне на шею. Вестовой, де Баразака сюда, живо!

Один из трёх посланников, что всегда ожидали рядом с маршалом, быстро вышел.

Маршал де Ветт в очередной раз смерил Жерара взглядом:

— Удивительные вы люди, де Сарвуазье. Помнится, ваш отец был столь же непреклонен в подобных вопросах, и что с ним стало, не напомним?

— Погиб на дуэли.

— Точно, как же я забыл? Не боитесь?

— Я изрядно превзошёл батюшку во владении эспадой. Смею заверить, бояться следует тому, кто обнажит клинок против меня.

— Наслышан, — де Ветт лукаво улыбнулся каким-то своим мыслям, — Война — это не дуэль, господин граф, здесь всякое бывает.

— Как мои шансы уцелеть на войне связаны с моим нетерпением к мздоимству?

Маршал не ответил, потому как в этот момент в шатёр вошёл запыхавшийся обозный полковник, де Баразак. Вопреки большинству офицеров, вечером предпочитающих снимать доспех, этот всё ещё был в полных латах. Отсветы фонарей играли на поднятом стальном забрале.

— Господин маршал, по вашему приказанию прибыл!

— Вот что, де Баразак, — скрипучим голосом начал де Ветт, — С этого момента на пропитании третьего полка Лемэса не экономить. Полная пайка каждому солдату, как и

положено. Пусть едят вдоволь, вы меня поняли?

Баразак бросил быстрый, как укол эспадой и злобный, как бешеная росомаха, взгляд на Жерара, но перечить не стал:

— Есть!

— Можете идти, — маршал, тряхнув седой бородой, воззрился на графа и растянул губы в слащавой улыбке, — Вы довольны теперь, ваше благородие господин граф де Сарвуазье, достопочтенный министерский куратор армии Его Величества? Разрешите уж старику маршалу поспать?

От этого тона молодому графу хотелось изрезать проклятого маршала на лоскуты, но он всё же сдержал ярость:

— Приятных сновидений.

Де Сарвуазье поспешно покинул шатёр и направился к своей палатке, то и дело глядя по сторонам. Весь блеск и лоск армии Его Величества улетучился ещё в первые дни марша. Сейчас же некоторые солдаты выглядели и вовсе жалко — полк полку рознь, В чём Жерар убеждался всё больше и больше. Он обошёл кучку солдат, ютящихся у большого дерева на холме — промокшие, половина без доспехов, лишь с дешевой формой поверх сухих обносок. Эти хотя бы смогут дойти до предстоящих сражений? Граф сомневался.

У собственной палатки его ждал дядя, усевшись на его же табуретке, заботливо притащенной Родом из обоза, впрочем, как и множество остальных вещей.

— Позаимствовал у тебя куриную ногу, — капитан откусил немного и встал, — Надеюсь, не против?

— Разумеется, дядя, о чём речь? Род наверняка найдёт ещё одну.

— Мне бы твою уверенность. Где был? Я слышал, таскался к маршалу с обозным майором?

— Именно. Де Ветт вызвал к себе этого де Баразака, обозного полковника, и теперь солдатам будут выдавать полную пайку.

— Эрле де Баразак? Помню его, штурмовали вместе бастион Ротюр...

— Дядя, он дерёт деньги с солдат. Кашевары продают им пайки за деньги, относят большую часть майорам и те уже несут де Баразаку. Если не заплатить, кладут как котёнку. Получается, эти тыловые крысы всё несут тыловому борову.

— Уже понабрался армейских словечек? Боров, значит? Этот боров двадцать лет назад, помнится, получил две серьёзные раны при штурме, но поле боя не оставил, хотя никто бы его не осудил тогда. И по другим делам я его знаю. Солдатской молвы казармы полны. Добрый офицер...

— Дядя, он ворует казну!

— Ага. Сколько, думаешь, он отдал за то, чтобы стать обозным полковником? Раньше беден был, как наш Максимилиан. Для него это единственный способ скопить на достойную старость. Генералом ему не стать.

— Зачем его оправдывать, дядя? Офицеров берут из дворян специально, чтоб они не наживались, а достойно воевали. Король ведь всё ещё даёт земли отличившимся?

— Де Баразак воевал достойно. Что же касается земель — не так просто добиться внимания короля, а героев на войне много. Слишком. И не всем так повезло с землями, как нам с тобой. Большинство офицеров — бедный род, или тридесятый сын в семье.

— Так же не должно быть! Король раздаёт земли достойным, чтоб у них был стимул добросовестно защищать эти земли. Почему в офицеры идут только бедные?

— Потому, что умирать не хочется. Все бояться смерти.

— И вы?

— И я.

— Но вы ведь здесь.

— Здесь.

Они ненадолго замолчали. Род возился неподалёку, будто ничего и не слышит.

— Получается, в офицеры идут не только бедные.

— Не только, — Люк де Куберте откусил остатки мяса и бросил кость в костёр, —

Жизнь сложная штука.

— Здесь всё с ног на голову, к чёрту такую армию!

— Быстро же огонь у тебя иссяк. Да, вот так вот. Легко быть героем, когда всё работает, как часы. Ты попробуй быть им в этом вот дерьме, где каждый в свою сторону тянет. Не глупо умереть, как, некоторые думают, подобает, достойно встретив врага, а год за годом тянуть всё это на себе, вести людей, копать во всём этом. Большинство предпочитает скиснуть, как все, и тихо воровать, или вернуться в имение, если оно богато. Так уж тут всё устроено. Но твой отец был не таков. Теперь твоя очередь показать, из какой ты глины. Но, Трое свидетели, твой сегодняшний фортель де Ветт нам припомнит, ещё как припомнит!

Жерар не знал, что ответить. Слова капитана заставили его с другой стороны посмотреть на всё, что происходило вокруг. Он ещё не понял, что именно переменилось. Нужно было осмыслить множество вещей...

— Ладно, рота сама себя не проверит. Спокойной ночи, племянник.

Де Куберте ушёл, а он так и стоял, уставившись в огонь.

— Господин граф, разъезд продал мне десяток перепелиных яиц. Могу пожарить, вас устроит?

— Да. Спасибо, Род.

Жерар думал весь вечер и часть ночи, а, проснувшись на утро, обнаружил, что думы никуда не делись. И, когда армия вытянулась в огромную гусеницу от горизонта до горизонта, он окликнул ехавшего рядом Леонардо:

— Кажется, у второго отделения четвёртого взвода совсем никудышные ботинки. Наверное, у половины солдат.

— Ваша правда, Жерар. Всё вспоминаю тот ужин, что вы устроили. Кажется, это было в другой жизни.

— Вернёмся, закатим ещё пуще того. Вот, приглашу вас в своё имение, увидите, как там встречают гостей.

— Зная вашу честность, не могу дожидаться момента. Слышал, как некоторые солдаты поминали вас с утра. Весьма лестно.

— Оставим это. Можете рассказать подробнее насчёт ботинок? Вы же понимаете — если так продолжится и дальше, скоро пол взвода будет шагать босиком.

— Что тут говорить? Встали в очередь на довольствие. А пока в роте есть бывший портной. Подшивает, как может.

— И долго ждать очереди?

— Сказали, ещё дней пять. Солдаты из других полков занимали до нас.

— Сколько наших солдат сляжет с лихорадкой, пока дождутся новых ботинок?

— Вы читаете мои мысли, граф. Но что я могу сделать? Идти к майору и требовать с него мне не по чину. И, к сожалению, я не министерский куратор.

— Намекаете, что мне следует этим заняться?

— Отнюдь. Вы и так переположили вчера весь штаб. Быстро поскачешь, скоро голову свернёшь.

— Хорошая поговорка. Мне доводилось слышать ещё одну: «За спрос денег не берут».

Граф пришпорил коня и поскакал вперёд, туда, где виднелась часть обоза, которую сопровождал Майор де Ист. Когда он поравнялся с лошадьёю майора, тот отпрянул от неожиданности:

— Опять вы?

— Да. Хотел бы осведомиться насчёт ботинок и очереди в пять дней.

— Снова побежите жаловаться маршалу?

Граф задумался. Конечно, можно было сделать, как в прошлый раз, но он знал — вот знал, и всё тут — не стоит этого делать. Потому спокойно ответил:

— Чаял решить это без его вмешательства.

— Вы уже всё знаете. Сейчас есть платные ботинки, бесплатных нет. Бесплатные через пять дней. И не я это придумал.

— Почём же пара?

— Полшиллинга.

— Если вам будет угодно последовать за мной, заплачу сразу три фунта, за шестьдесят пар. Вечером нужно будет выдать их тем, кто попросит от нашей роты.

— Извольте, но пусть не идут толпой, а приходят по одному отделению.

Они отправились к телеге, на которой восседал Род, охраняющий имущество своего хозяина. Жерар распорядился, и старый слуга незамедлительно достал три фунта откуда-то из глубины сундука.

Глядя на золотые монеты, майор изумлённо спросил:

— Зачем вам всё это?

— Но ведь кто-то же должен.

— Должен что?

— Оставаться порядочным человеком, чёрт вас дери!

— Вчера вы устроили скандал, пользуясь высоким назначением от министра, которое, вне сомнения, получили благодаря титулу. Сегодня транжирите деньги... Мой вам совет, уходите из армии. Не нашего круга вы человек.

— Де Куберте, надо полагать, тоже не вашего круга? Сколько он уже служит? Рассчитываю, что мои солдаты получат сегодня новые ботинки. Обманете — зарежу, как свинью.

Граф пришпорил коня. Он сам удивился перемене характера. Теперь каждый разговор, каждая просьба, адресованная кому угодно, кроме офицеров его роты, превратилась для него словно в удар эспадой. Это были поединки, вместо оружия в которых выступали слова, угрозы, чины, должности и деньги... Матушка часто говаривала, что произнести нужные слова подчас сложнее, чем десять раз уколоть эспадой, и что когда-нибудь Жерар поймёт это. Вот и настал черёд.

В те семь дней, которые остались до прибытия дальнего разъезда, их рота заступила в караул лишь единожды. Кормили полк исправно, и ботинки новые, как и форму, выдали всем, кому требуется. В полку будто наступило затишье. Маршал больше не ехидничал насчёт Жерара, а сам Жерар преисполнялся заслуженной гордости, получая благодарные кивки солдат и лейтенантов полка.

Наконец, дальний разъезд вернулся к армии. Это случилось посреди дневного перехода, и, говорят, командир разъезда, полковник де Кропп, полдня проскакал возле маршала, объясняя ему диспозицию. Вечером, как и всегда, маршал собрал полковников в штабе. Был и Жерар. Выслушав доклады, маршал поведал о том, чего все так ждали.

— Господа, диспозиция на сегодняшний день такова: сомдовские еретики углубились на нашу территорию, осадив ближайший к границе гарнизон. От него до леса примерно двенадцать лиг. Вокруг гарнизона около десяти тысяч врагов. Воинство разнообразное — есть хорошие солдаты, есть и дрянные, всё как у нас. Если навалимся всеми четырнадцатью тысячами, плюс две тысячи с гарнизона нас поддержат — растопчем, без сомнения.

— Господин маршал, у нас шестнадцать тысяч, — заметил один из полковников.

— Знаю! Думаете, я дурак?! Позже об этом. Так вот, проблема в том, что по северо-восточному тракту идут ещё еретики. В таком же примерно количестве, как те, кто оцепил гарнизон. Если две группы воссоединятся, нам не удастся взять их нахрапом, придётся ждать подмоги. Но и с подмогой война затянется. Там негде развернуться, если их двадцатитысячная армия займёт высоты. Всё скатится в беготню, позиционную войну и битву за фураж на нашей территории. Король будет сильно недоволен. Предложения, господа офицеры?

— Не дать соединиться двум армиям врага, — сказал кто-то.

— Верно, но каким образом?

— Очевидно, задержать продвижение второй группы, — раздался уже другой голос.

— Вы читаете мои мысли, господа. Как это сделать?

Тут уж все замолчали. Полковники стали нервно переглядываться между собой. Жерар почувствовал неладное.

— Не гадайте, господа, — как ярмарочный фокусник, маршал развёл руки в стороны, — Я уже всё придумал наилучшим образом. Один из наших доблестных полков пойдёт на перехват второй группе еретиков, закрепится, используя выгодное географическое положение, и продержится до тех пор, пока мы с вами не разобьём вражеские силы у гарнизона и не придём на выручку этому геройскому полку.

Лица командиров посуровели. Все ждали, на кого падёт выбор. Молодой граф обо всём догадался — вот и причина затишья последних дней.

Маршал, тем временем, продолжал со всей помпезностью:

— Честь сия, стать спасительным полком для своего отечества, будет принадлежать, конечно же, гвардейскому Армии Его Величества, третьему полку Лемэса! До позиции, что я присмотрел для нашего доблестного полка, день ходьбы, если, конечно, поторопитесь! Нам до гарнизона четыре дня пути. Разрешаю третьему полку отдохнуть сегодня ночью, но с утра выступите первые, вам ясно, полковник? Придам вам две роты кавалерии. Если враг будет пытаться проходить мимо без боя, громите его, как только сможете и всячески задерживайте движение. Место я присмотрел хорошее, рядом с мостом, но обоз придётся оставить — не поспеете. У вас день в запасе, если дойдёте завтра к вечеру. Идите сюда, я покажу, где закрепиться.

Де Сарвуазье видел облегчение на лицах остальных командиров и их заместителей. Похоже, прав был его дядя — никто не рвётся умирать по своей воле, офицеры прежде всего хотят заработать на войне и продвинуться по службе.

Отдохнуть им, конечно, не удалось.

— Полк! — прогремел командир после заседания штаба, — Поздний ужин! Разбираем

обоз, берём самое необходимое и фуража на две недели, завтра двинем быстрым маршем, едва рассветёт. Взводным командовать разгрузкой, ротные в мой шатёр!

Граф подивился зычности и громогласности голоса полковника. С виду тихий, а как гаркнул — вмиг перекрыл весь гомон вокруг.

Солдаты, словно муравьи, принялись копошиться у полковых телег, коих было немало, сгружая разнообразные мешки, свёртки и прочее добро, часть закидывая обратно, часть отложив в сторону. Сержанты и изредка лейтенанты покрикивали на них, заставляя убрать что-то в телеги, а ещё что-то, наоборот, достать. Затем вернулись командиры рот. К их приходу солдаты почти закончили своё копошение и часть огромного обоза из телег, принадлежавших полку, изрядно похудела.

Граф смотрел на дядю. Тот внимательно изучал, что же отложила его рота. Пересчитал палатки и приказал убрать три обратно в обоз, распорядился набить котелок зерном каждому второму солдату, за счёт чего фуража стало на один мешок меньше. Оставалось, ни много ни мало, ещё тринадцать таких мешков, и куча всякого прочего добра. Молодой граф недоумевал, каким образом рота понесёт всё это пешком?

Ответ стал ясен с утра, когда две трети прикрепленной к ним кавалерии заставили спешиться и нагрузить лошадей всем, что можно было на них уместить, не причинив животным вреда. Но и без этого осталось полно всякой всячины, которую солдаты несли сами: котлы, ящики с арбалетными стрелами, длинные пики, что применялись в баталии, часть запасов воды, обильно сдобренной уксусом или ромом, чтоб не испортилась, ящики с бинтами, жгутами и прочими приспособлениями, что призваны были не дать раненым умереть, некоторые детали походной кузницы, несколько больших щитов для перекрытия моста — всё это, как и собственное оружие, солдаты тащили на себе.

В доспехах, от мелкого дождя уже выглядящие измотанными, они двинулись вперёд колонной по два и, оскальзываясь то и дело на размытой осенней дороге, тем не менее, стали довольно быстро удаляться от остальной армии. Жерар смотрел на лица. Солдаты, ещё вчера немного праздные, некоторые бахвалились перед остальными, а как же, гвардейский полк — сегодня они стиснули зубы и, как один, шли вперёд. Разговаривали всё больше по делу, все — от полковника до самого последнего рядового — знали: предстоит тяжёлый бой.

Жерар подвёл лошадь к Перолю и Леонардо:

— Был вчера в штабе, господа офицеры. Врагов впятеро больше.

Пероль молча кивнул, будто это было что-то само собой разумеющееся. Леонардо вообще смотрел в горизонт.

— Каковы наши шансы, что скажете?

Пероль натянуто улыбнулся:

— Зависит от того, сколь хорошо нам выбрали высоту. Может статься, что они довольно велики.

— Говорят, там мост рядом, — подал голос ехавший сзади Максимилиан, — Даже если умрём, дорого продадим свои жизни, в этом не сомневайтесь, Жерар.

— Твоя правда, — угрюмо ответил Леонардо. Больше никто ничего и не сказал.

Солдаты выбивались из сил, урывками отдыхали и снова шли вперёд. Им не дали поесть с утра и гнали, гнали, гнали по раскисшей от дождей дороге под свинцовым и вечно плачущим небом.

...

Так и получилось, что солдаты пришли на место измотанные ещё до боя. Высота —

огромный холм с плоской вершиной — оказалась вполне годной, особенно если окопаться на ней. Чем солдаты сразу и занялись, лишь только вскарабкались. Им не дали и минуты отдыха, и некоторые из них, втыкая лопаты в землю, оскальзывались и падали без сил. Тогда сержанты принимались орать: «Взял лопату, сукин сын!», «Работай, лодырь, по шее получишь», «Быстрее, встал, копать, я сказал!» и прочее подобное. Если же и это не действовало — пинками и толчками заставляли подниматься и работать.

Граф не понимал, как они держатся. Сам едва не валился от усталости, доспех тяготил до невозможности, проклятая сырость, казалось, уже никогда не покинет его уставшего тела. А ведь он ехал верхом, не пешком шёл, как те, кто сейчас копает.

Вечер перешёл в ночь, сержанты взяли фонари и продолжили понукать копающих. Посреди ночи их сменили те, кто устраивал лагерь — ставил палатки, раскладывал провизию, таскал ящики. Его старый слуга, вот странно, ушёл копать во вторую смену, Жерар же, несмотря на усталость, никак не мог заснуть. Так и смотрел в потолок, лёжа в своей палатке и завернувшись в одеяло. Сырая стужа, пропитавшая его за день, ушла только к утру. Но он почувствовал оживление в лагере и, опасаясь, не битва ли это, выглянул из палатки.

Оказалось — полковник отправляет конные разъезды на разведку. Огромный их холм сразу опустел без лошадей, но середину лагеря никто не занимал: у кавалерии должна быть возможность спрятаться в случае необходимости.

Когда солнце поднялось выше, копающих опять сменили. Всё новые и новые редуты окружали холм — появлялись рвы и насыпи, частокол там, где могут пройти лошади, и некоторые из солдат уже приноравливались, как будут сражаться, обустроивая себе позиции.

— Не знаешь, чем заняться? — раздался голос дяди за спиной.

Жерар пожал плечами:

— Я ведь министерский куратор, вот и курирую.

— Трактат Гловацкого прочёл?

— Почти дочитал, дядя.

— Идём со мной.

Капитан провёл его к редуту восьмой роты:

— Посмотри, нравится тебе, как он сделан?

Граф медленно осмотрел их редут, забравшись на насыпь справа. Насыпь огибала широкой дугой северо-западную часть холма, ту самую, что смотрела на мост через реку. Под насыпью, внизу, шёл ров, дно которого размокло от воды. Кольев в насыпи не торчало — склон слишком крут, чтобы форсировать его кавалерией, а пехота, наоборот, сможет хвататься за колья. Он ещё раз внимательно всё осмотрел. Да, не хотелось бы ему оказаться среди тех, кто будет взбираться на эту крутую скользкую насыпь и после драться с защитниками. Хотя, что там, слева?

— Дядя, кажется, левее ров не так широк. Перелезть там будет проще.

— И дурак заметит, верно? А сын де Сарвуазье — и подавно. Хочу, чтобы ты спустился и проверил, где врагу будет легче подниматься, а после заставил сержантов переделать эти места. Они сами прекрасно знают, как это должно выглядеть, просто некоторые устали и не соображают ровным счётом ничего.

Жерар кивнул и полез вниз. Ему легче было оказаться сейчас при деле, чем ходить туда-сюда безучастным привидением. Он заставил солдат расширить ров слева и скрыть пару удобных кочек. В остальном редут был что надо. Хуже дела обстояли на юго-восточной и

южной стороне. Там склоны оказались более пологими, и работа шла медленнее. Он указал на это капитану, и старый вояка лишь молча покивал, признавая его правоту, а час спустя отправил туда своих солдат. Некоторые бросали недовольные взгляды по сторонам, но перечить не решился никто.

Тем временем, солнце перевалило зенит. Осеннее и слабое, оно еле грело, но люди были довольны уже тем, что закончился дождь. Вернулись первые разведчики, доложив, что наткнулись на передовые разъезды врага в пяти лигах на северо-запад. Все ждали основной группы. Она должна была вызнать, где основные силы.

— Дядя, что это за еретики, с которыми мы воюем? У них один бог, у нас трое. Разве это причина воевать?

— Они находят эту причину достаточной, а нам ничего больше не остаётся. Боюсь, религия здесь не важна. Кто-то задолго до нас начал войну, им ответили, и так продолжается из века в век, а первопричины уже мало кого волнуют, так мне кажется. Одно неизменно — раз в пятнадцать-двадцать лет они жгут наши деревни, или мы наносим по ним упреждающий удар, когда узнаём, что готовится нападение.

— Может, нам следовало бы покончить с ними раз и навсегда?

— И оставить страну без защиты? Кантания слишком велика и богата, чтобы уводить большую часть войска в чужие границы. Так рисковать нельзя.

Разведчики приехали через пару часов. Лагерь сразу оживился, ожидая новостей. И эти новости расползлись по войску, как утренний туман — вскорости по всем углам шептались, что уже завтра придётся врагу проверить, как хорошо они укрепили холм. Пришли командиры рот с совещания, и подтвердили — да, завтра ждём врага, всем отдыхать и готовиться к бою, кроме, конечно, часовых да обозных. Этим-то работать на совесть, чтоб не прозевали вражескую разведку, да не оставили солдат голодными. Да ещё решили отправить взвод Максимилиана ночью ломать мост.

Несмотря на волнение от предстоящего, Жерара всё-таки сморил сон. Когда он проснулся, люди в лагере всё так же возились, а вдалеке раздавались удары по дереву. Это солдаты Максимилиана продолжали сражаться с мостом.

Своего слугу он нашёл у насыпи с сержантами, спокойно созерцающими горизонт, откуда должен был появиться враг.

— Хорошо хоть отдохнуть успели, — полусонным голосом проговорил Тиль.

— Твоя правда. Сражаться после марша — как плавать в доспехах, примерно так же тяжело. Помнишь, тогда, под Веряской? Сколько тебе было, Тиль? Двадцать? — Род поправил слегка съехавший шлем.

— Девятнадцать.

— Ага, точно. Кажись, наши ребята почти закончили с мостом.

— Думаешь, еретики переправляться будут, или брод поищут?

— Не знаю, Тиль. Здесь есть броды-то?

— Офицеры, поди, знают...

— Нам-то какая разница? — перебил Жерар сержантов.

Ему ответил Род:

— Думается мне, господин, если захотят переправляться, много времени потратят, лес-то далече.

— Возьмут брёвна с моста, и всё.

— Непременно, господин. Но их будет мало. Пять-шесть плотов мы удержим, если

встанем по берегу. Им понадобится ещё дерево, чтобы растянуть нас.

— Мы не дадим себя растянуть, скорее спрячемся в лагерь, согласно трактатам Гловацкого.

— Ваша правда, господин граф, но придётся им всё-таки построить побольше плотов, а время за нас сегодня играет.

— Если наш маршал поторопится.

— Господин, на завтрак перепелиные яйца и бобовый суп.

— Хорошо, Род, я пройду до штаба.

Полковник и командиры рот столпились в шатре, гораздо меньшем, нежели шатёр маршала — всего шесть шагов в поперечнике, и роскошью всё вокруг не блистало. Лежак с краю, стол с картой у столба в центре, на столбе фонарь, да чугунная печь слева.

— Господа, нам необходимо перекрыть брод в полумиле к югу, на это думаю отрядить кавалерию, — спокойно вещал полковник де Крафорди, — Сколько у нас мантилётов? Мы ведь брали их для защиты моста?

— Четыре, господин полковник, — ответил ему обозный майор.

— Хорошо. Таким образом, мы легко сможем удержать четыре плота. Если же враг построит больше, придётся прикрываться обычными щитами, они есть не у всех, будут потери от стрелков. Нам же я предлагаю снаряды понапрасну не тратить.

Ротные закивали, соглашаясь.

— Господин полковник, — обратился дядя Люк, — Возможно, стоит отправить всё же несколько человек с арбалетами к мосту, чтоб не давать им спокойно собирать там доски. В моей роте найдётся пару солдат, умеющих сносно стрелять.

— Дельное предложение, господин де Куберте. Попрошу вас лично заняться организацией. Повторюсь, лишних стрел не тратить.

— Будет сделано.

В палатку просунулась голова дежурного сержанта:

— Господин полковник, чужие разьезды у моста!

Группа офицеров оживилась, три человека вышли из шатра, но полковник с дядей Люком даже не дёрнулись.

— Вы не желаете посмотреть? — удивился Жерар.

— Неужто я никогда разьездов еретиков не видел? И так ясно — теперь они знают, что мы разобрали мост и закрепились на этом холме. Будем ждать, чем ответят.

Ждать пришлось несколько часов. Всё это время капитан потратил на выбор места обстрела моста и подготовку позиции. Он старался учесть всё — где еретики будут вытягивать доски, откуда по ним лучше стрелять, откуда враг будет стрелять в ответ, как отходить назад с тяжеленным мантилётом. Для этого он даже приказал срыть несколько кочек, мешавшихся на пути.

Жерар же наблюдал за всем этим в изрядном волнении и не мог дождаться, когда, наконец, покажется враг, чтобы завершилось уже это тягостное ожидание.

Старый слуга его облачился в латы и напоминал теперь старого сержанта, каким и был когда-то. Сейчас он не отходил далеко от своего господина.

— Разрешите один пристрелочный, господин капитан? — Тиль целился в разваленные опоры моста из незаряженного арбалета.

— Давай.

Сержант взвёл тетиву рычагом, сначала уперев оружие в землю, аккуратно наложил

стрелу и прицелился в балку у дальнего берега. До неё было, наверное, шагов шестьдесят. Тренькнула тетива. Жерар услышал приглушённый шумом воды удар стрелы.

— На дальние балки полчеловека выше надо брать, чтоб в цель попасть, — подытожил Тиль.

— Все слышали? — прогремел капитан.

Стрелки закивали.

Затем дядя посмотрел на его слугу:

— Раньше ты изрядно стрелял. Не желаешь присоединиться к забаве?

— Если господин позволит.

— Охотно посмотрю.

Жерар тут же припомнил, как его слуга застрелил де Бризи и компанию тогда, в лесу. Видно, он был изрядным воякой, раз даже дядя так хорошо его помнил.

— Тиль, отправь за арбалетом кого помоложе, — распорядился капитан.

Один из солдат убежал в сторону холма.

Всего, вместе с Родом, получалось семь стрелков. Ещё восемь человек нужны были для того, чтобы таскать тяжеленный мантилет и вовремя открывать смотровые щели в нём. Двое офицеров — Люк и Жерар, руководили группой.

Молодой граф стал вспоминать прекрасные глаза Элизы, бал у Истера и званый ужин, дам, занятия, друзей детства, и не заметил, как из-за горизонта показались первые конники.

— Идут, — сурово констатировал один из стрелков.

Вслед за всадниками из-за холма появились пешие, и огромная их колонна стала вытягиваться вдоль реки со всеми своими многочисленными телегами, требушетами и катапультами. Еретики очень сильно походили на их собственную армию, только ваффенроки у офицеров, кто надевал их поверх доспеха, были другой расцветки. И знамя — красный человек с мечом, таким же красным, поднятым над головой, и красным же щитом в другой руке.

Они шли так буднично, что у Жерара невольно вырвалось:

— Эти еретики что, просто пройдут мимо нас?

— Не волнуйся, не пройдут, — ответил дядя Люк.

А колонна всё тянулась и тянулась, и прошёл, наверное, час, прежде чем она остановилась. Жерар заметил верховую группу, подобравшуюся ближе к мосту и что-то обсуждающую. Человек пятнадцать, явно офицеры. Один из них указывал рукой на реку, холм, мост и говорил, другие изредка кивали.

— Такие спокойные, будто дом собираются строить, а не в атаку идти, — заметил граф.

— Думаешь, наши бы по-другому себя вели? — пожал плечами капитан, — Чего дёргаться раньше времени? Дальше они наблюдали обычное копошение при развёртывании военного лагеря, пока в сторону моста не выдвинулся отряд человек в двадцать пять.

— Вот и нам работа, — Тиль ухмыльнулся в смотровое окно мантилета и снял арбалет со спины.

Другой солдат наложил стрелу, зарядил и облокотил тяжёлый арбалет на окно.

— Не зацеливайтесь пока, парни, пусть поближе подойдут, — заметил всё тот же Тиль.

— Верно, — поддержал капитан, — Ты, сержант, командуй парадом этим дальше, а я вмешаюсь, если нужда будет.

— Сделаю в лучшем виде, господин капитан.

Жерар наклонился и прошептал дяде на ухо:

— Почему решили не командовать сами?

Капитан также шёпотом ответил:

— Этот солдат смыслит в стрельбе побольше моего, ни к чему мешать ему делать своё дело.

Еретики, тем временем, подошли к первым опорным балкам и пытались вытянуть брёвна, которые не унесло течением.

— Целься, — уверенно произнёс сержант, — Помним, ребята, упреждение полчеловека, стрелять без команды.

Семь стрел по очереди устремились в четверых еретиков, что подобрались ближе всех. Одна прошла мимо, ещё две со стуком воткнулись в опорные балки, две отлетели от врага, угодив в торс и ещё две попали — в ногу навывлет и в лицо, прямо под шлем. Раненый в ногу вскрикнул и согнулся, затем, хромя, стал отходить, пока его не подхватили товарищи. Второй же упал лицом в воду.

— В ноги цельте, бригантины у них, — велел Тиль, накладывая очередную стрелу.

— Бригантины, значит? У нас, нехай, кольчуга, да нагрудник кожаный сержанту положен, — возмутился один солдат, но дела своего не бросил — как и все, зарядил, наложил, поставил и стал ждать.

— А ты воюй, солдатик, воюй, — ответил ему старый графский слуга, тоже прикинувший к смотровому окну.

Видно, офицеры их были не дураки, потому как не стали тратить ни стрел, ни людей, а сразу послали за осадной катапультой.

— Машинерию выводят, — скорчил недовольную гримасу Тиль.

— Ждём пока, — ответил капитан, — Как начнут заряжать, сматывай удочки.

И они подождали, пока машину подкатят, нацелят, закрепят и взведут, чтобы еретики не брали дерева раньше времени. Когда же артиллеристы кинулись к телеге со снарядами, дядя сказал:

— Отходим.

Когда катапульту полностью зарядили, они отошли шагов на пятьдесят, а еретики уже принялись шуровать под мостом. Этим манёвром удалось выгадать не больше часа, но капитан всё равно был доволен:

— Не твоя ли стрела, Лис, угодила тому вражине прямо в харю?

— Моя шальная, господин капитан.

— Стало быть, рука ещё крепка, даром что седой весь, а молодым пример. Даже Тилю, вон.

— Что теперь, дядя?

— Теперь у нас есть время пожрать или сходить по нужде, ведь всё, что нам остаётся — только ждать.

Они вернулись в лагерь. На солдат, кто тащил мантилет в гору, жалко было смотреть. Опять закрапал дождь, по холму струился запах солдатской стряпни, а солдаты, кто был не занят, глазели на вражескую армию с насыпей. Молодой граф заметил, что лошадей посреди лагеря стало меньше и спросил у Леонардо, куда они подевались.

— Ушли сторожить брод. Дважды сбросили еретиков в реку, но и потери есть. Стреляют по ним, вот и приходится откатываться.

Рядом стоял Пероль и задумчиво глядел, как на другом берегу копошиться вражеская армия.

— Лейтенант де Анья, как вам место? Что думаете, выстоим?

— Смотри сколько придётся стоять. Неделью продержимся, а там уж как Трое рассудят.

К ним присоединился заспанный Максимилиан с дымящейся кружкой.

— Добрая работа, — кивнул Леонардо на мост, который взвод де Куизи так старательно ломал всю ночь, — Задержит их, самое меньшее, на полдня.

— Лишь бы через брод не перебрались, — Максимилиан бросил тревожный взгляд на двух возвращавшихся кавалеристов: у одного из сочленения лат между рукой и грудью торчала стрела, у второго лошадь сильно хромала. Едущий на хромой кобыле спешился и побежал к палатке полковника. Какие-то новости он принёс? Пока все ждали вестей от кавалерии, к графу подошёл Род:

— Подкрепиться бы вам, ваше благородие.

— Завтракали тому назад полтора часа, разве нет?

Слуга наклонился чуть ближе и тихо сказал:

— Может статься, нескоро ещё придётся. Давайте я разогрею, а?

— Изволь.

Род ушёл готовить господину, а Пероль глянул ему вслед:

— Занятный у вас слуга, Жерар, говорят, был при капитане аж с самой Веряски.

— Раньше, — поправил Леонардо, — Везёт же вам, дорогой граф. Даже слуги — и те не в пример лучше, чем у других.

— Позвольте спросить, — влез Максимилиан, — Какое дело вам было до солдат роты и их ботинок? Слышал, вы купили их на свои деньги.

— Так и есть. Матушка часто говорила мне — раз рождён командовать людьми, позаботься об их благе, иначе командовать будет некем.

— Что-то вроде этого я пару раз слышал от нашего капитана. Но у вас нет в подчинении взвода.

— Как бы то ни было, я при командирован к роте, стало быть, могу сделать хоть что-то ей во благо ...

— Вы это видите, господа? — Леонардо указывал на холм за рекой, из-за которого медленно выплывали еретики с брёвнами на плечах. Чем дальше они выходили, тем длиннее становилась их колонна, пока не заняла дорогу километра на полтора.

— Сколько это плотов? — спросил Максимилиан, — Три десятка? Пять?

— Примерно пять, да брод ещё, — ответил Леонардо, — Не удержим переправу, растянут нас. Как только свяжут плоты, кавалерию отводить надо.

— И без тебя в штабе знают, не умничай, — ответил ему Пероль, — Пойду людей своих посмотрю. Драка скоро.

— И то верно, — Максимилиан тоже ушёл к взводу, а Леонардо и стоявший чуть поодаль Франческо де Вис последовали его примеру.

Лишь Жерар остался смотреть на то, как еретики демонстративно вяжут свои плоты, будто говоря — смотрите, как много, нипочём вам не удержать нас на этом берегу.

Спустя четверть часа, Род позвал отобедать своего господина и был он прав насчёт того, что нескоро ещё им придётся поесть. Еретикам потребовался примерно час, чтобы подготовиться к переправе, и, когда они стали подносить плоты ближе к воде, из лагеря стремглав вылетели три конника, чтобы отозвать кавалеристов, дерущихся за брод. Когда кавалеристы, потрёпанные, но довольные, вернулись в лагерь, еретики уже начали строиться в баталии, а на плотках переправлялись всё новые и новые их отряды.

Из штаба вернулся дядя Люк и зычно проорал:

— Восьмая рота, на позиции!

Люди большей частью и так были на местах, а немногочисленные отсутствующие побросали свои дела и побежали к насыпи. Жерар стал подле капитана и наблюдал, как еретики медленно берут их в кольцо, двигаясь в ровных баталиях:

— Пероль говорит, неделю точно сдюжим, а вы что скажете, дядя?

— Сколько надо, столько и сдюжим, — непреклонно ответил ветеран, а потом добавил, — Они не смогут протащить осадные машины через брод. Это хорошо.

Ровные квадраты баталий окружили холм. Жерар ожидал, что они пойдут на приступ, но они пропустили вперёд себя воинов поплоче, те сразу выстроились в пятишереножный строй, со всех сторон раздались команды, и они двинули на укрепление, сжимая кольцо. Жерар видел лишь малую часть этого кольца со своих позиций, но, глядя на напряжённые, ожидающие фигуры остальных солдат полка, занявших укрепление, не сомневался, что наступление идет по всему кругу.

— Арбалетчики, стрел понапрасну не тратим! — проревел дядя Люк.

Молодой Граф смотрел на отряд напротив, которому предстояло схватиться со взводом Леонардо. Человек пятьдесят, некоторые со щитами, пеший офицер и четыре сержанта, то и дело покрикивающие на шеренги, словно они на плацу: «Выровнять!», «Правый бок куда заносим?». А шеренги всё одно кривились из-за неровной земли. Шагов шестьдесят до врага, уже и лица разглядеть можно, но арбалетчики всё не стреляют. Еретики беспрепятственно дошли до рва, замешкалась, и тут стрела с глухим стуком воткнулась в щит одного из них. После этого треньканье тетивы то и дело раздавалось рядом, однако редкое, скупое — их арбалетчики выцеливали, стараясь угодить наверняка, и уже один еретик валялся с пробитой шеей, а другой силился оторвать от земли ногу, намертво пригвождённую стрелой, прошедшей через ступню. Шеренги разомкнулись, из заднего ряда вышли солдаты с лестницей, которую Жерар и не замечал до этого. Они перекинули лестницу через ров, первый же еретик, попытавшийся перебраться по ней, получил сразу пять стрел и упал, сгинув на дне рва. Не зря дядя наказывал Жерару проверить, легко ли перебраться через него.

Но дядю и тут не устроил результат:

— Куда столько стрел на одного?! По очереди стрелять, мать вашу за ногу! Слева направо! Остальных взводов тоже касается!

Каждый из четырёх взводов восьмой роты занимал на насыпи участок фронта шагов тридцать пять шириной. Три ряда готовых к бою гвардейцев. Граф не представлял, как враг хочет пройти через них. Враги пробовали перебираться по двое, прикрываясь одним щитом. И у первой пары это успешно получилось, из второй выбили копейщика, угодив тому в ляжку. Пошла третья, за ней четвёртая. Их солдаты, перебравшись через ров, неуклюже раскорячивались на крутой насыпи, кое-как прячась за щитами. Арбалетчики прореживали их отряд, выбивая одного за другим, но половина стрел всё же торчала в щитах, не причиняя никакого вреда. Следующая пара солдат балансировала надо рвом. Жерар уловил панические нотки в облике того, кто был сзади — больше, нежели у других. И верно — солдат развернулся и сделал два шага назад, пока чекан его же сержанта не опустился ему на шлем, и он, бездыханный, не упал прямо на край рва. Испугавшийся солдат сполз на дно, а сержант зло поглядел, на остальных, ожидающих своей очереди. Это напомнило Жерару театр, вот только всё было взаправду.

— Отставить стрельбу! — крикнул дядя люк.

Офицер еретиков, видно, решил, что им хватит половины перебравшегося отряда и слегка визгливо скомандовал:

— На штурм!

— Хороший у него доспех, — отметил Леонардо.

— Тебе бы такой, да? — капитан внимательно следил за тем, как враг приближается к верху насыпи, то и дело оскальзываясь, а новые пары быстро переходят через ров, не стесняемые арбалетом обстрелом.

— Давай, птенчики! Мы вас уже заждались! — приветствовал еретиков кто-то из солдат, а остальные подхватили смехом это приветствие и подняли алебарды, топоры и чеканы повыше.

Дядя снял свой клевец с пояса и поудобнее пристроил его в руке. Тогда и Жерар вытащил свою эспадку, а де Куберте поглядел на неё с укором:

— Она здесь не годится. Тебе нужно раздобыть что-то более подходящее.

— Но я владею эспадой лучше всего.

— Она может сломаться, погнуться, затупиться, а рубить ей почти бесполезно. Это не поединок, Жерар. Найди клевец или топор. И вообще, кто-то должен научить тебя сражаться со щитом, если мы выберемся из этой передраги.

Шестеро запыхавшихся еретиков добрались до верха. Жерар видел, как один из них загородился щитом от удара сверху, но тут же пропустил укол алебарды прямо в шею, уже от другого солдата из отделения сержанта Жака.

— Молодцы, пестуйцы, так держать! — похвалил Леонардо.

Мёртвый завалился головой назад, ещё двое потеряли равновесие и скатились кубарем вниз, троих же и срубили в миг, тыкая, ударяя и цепляя крючьями за ноги. Так быстро, что следующая волна не успела подойти. Жерар посмотрел на другие участки — там происходило тоже самое. Не похоже было, что этот штурм тяжело отбивать.

— Руби их, блядь! — слышались то и дело сдавленные проклятия солдат, — Коли, ну! Сталкивай! Еретики же прилично запыхивались, пока поднимались, и от них не было слышно никаких слов. Только стоны, или вздохи раненых.

Лишь один тонко причитал совсем ещё мальчишеским голосом:

— Нога, моя нога!

Так, довольно легко, они опрокинули первую волну штурма, и в воздухе прорубил рог, после которого раздались крики сержантов еретиков:

— Отступаем!

И штурмующие покатались вниз по склону. Несколько человек не удержались и упали в ров. Один из тех, что уже перебрался по лестнице обратно, протянул товарищу руку и попробовал вытащить его наверх. Жерар было удивился, что еретики, оказывается, тоже могут проявлять благородство, но тут солдату вонзилась арбалетная стрела между плечом и шеей, и он с криком сполз на дно сам.

Дядя проследил за взглядом молодого графа:

— Если захочешь сделать на войне доброе дело, гляди в оба, чтобы не поплатиться за это жизнью.

Враг беспорядочно отступал. Да и не нужно было держать ряды — совсем редкие арбалетные выстрелы в спину не стоили того, чтобы терять драгоценное время, отступая в шеренгах. Далеко за линиями вражеских баталий, на небольшом возвышении возле моста,

столпились группа вражеских офицеров. Главный из них — это было видно даже отсюда, за четырёхста-пятьсот шагов, по красивому дороговому доспеху, яркому ваффенроку в алых, как их знамя, тонах — так вот, этот главный распекал на чём свет стоит одного из своих офицеров, руками и указывая на холм. Остальные офицеры отодвинулись от них, словно крики главного могли их поразить каким-либо образом.

— Командующий у них опытный, — отметил капитан, — В доспехах ходит. Знать, петух в задницу клевал, раз бережётся. Остальные, вон, в парадке половина. Дураки.

Неожиданно главный офицер вытащил меч из ножен и проткнул насквозь того, кого отчитывал. Жерар ошалело смотрел на происходящее: Они тут дуэли запрещают, за каждого офицера дрожат, а вражеский командир сам их режет.

— Дядя, зачем он это сделал?

— Ты не понял? Он должен был захватить больше лестниц, а не переправлять взвод через одну, как последний идиот. Но я бы просто надавал ему пощечин и посмотрел, как проявит себя потом.

Средь офицеров врага пошло волнение, а тот, кто только что заколол подчинённого, показал на другого, потом начал активно жестикулировать, тыча в холм и в отступающие ряды.

— Отребье послали, — заключил Франческо, — Проверить, как мы стоим.

— Глянь на его шлем, — ответил Пероль, указывая на труп, валяющийся вниз головой на склоне, — Не такое уж и отребье.

— Помогите, моя нога! — раздался тот же мальчишеский голосок, — Помогите!

— Жерар, заткни его, — неожиданно распорядился капитан.

— Тиль, иди разберись, — подхватил Леонардо.

— Нет! — оборвал капитан, — Лейтенант де Сарвуазье, спуститесь и добейте врага, немедленно.

Жерар медлил.

— Выполняйте приказ, лейтенант!

Он протолкался через солдат и осторожно шагнул на склон. Ноги были словно не свои. Мелкими шажками он спустился к раненому, изо всех сил сжимающему двумя руками левую ляжку. Бледное, молодое, испуганное лицо.

— Пощады...

Суший ребёнок. Жерар колебался. Рука не могла сделать укол, просто не могла.

— Или ты его, или я тебя, — раздался сверху голос дяди.

Жерар оглянулся — сорок пар глаз из взвода Леонардо смотрели на него, и ещё многие — из соседних взводов. Он собрал всё своё мужество и проткнул молодому еретику шею насквозь. Полилась кровь. Юноша смотрел на него глазами, полными слёз. Жерар отвернулся и полез вверх. Дважды за спиной раздался стон.

«Что же ты так долго умираешь?» — подумал с горечью Жерар. Он чувствовал себя жестоко обманутым, поэтому, как только выбрался, спросил у дяди:

— Разве мы не берём пленных?

— Какой он нужен? Учись делать неприятную работу. Пригодится на войне. Лейтенанты, проверить личный состав, доложить! И пошлите стрелков собрать стрелы. Следующая волна будет круче.

Дядя и в этот раз оказался прав: простоватые шеренги уступили место отрядам получше, с прямоугольными щитами в первом ряду, протазанами, алебардами и длинными пиками

посередине, и множеством коротких лестниц сзади. Они и шли по полю увереннее, и щитами прикрывались лучше.

— Рота, стрелять по лестничникам! — прозвучал приказ де Куберте.

Однако, щитовики умело прикрывали лестничников, по двое на человека.

— Отставить лестничников, бей копейщиков! — тут же исправился дядя.

Но у еретиков оставалось достаточно щитовиков, чтобы прикрывать терпеливо ожидающих копейщиков, и арбалетчики выбили лишь двоих, причём одного опять застрелил его старый слуга, на что капитан заметил:

— Один у моста, один тут, учись, сосунки, как ветераны стреляют! Сержант брал со мной Веряску и держал её пять дней. Смотрите, можно и в солдатах дожить до седин.

Люди в ответ заулюлюкали, радостно закричали и приготовились как следует встретить врага, неотступно подбирающегося ближе под прикрытием щитов. Взвод Леонардо бил по щитам, а копейщики врага пытались колоть снизу. Опасно, но пока никого не убили и не ранили.

— Жак, один крюком за щит, второй колет, забыл что-ль? — крикнул Род.

Сержант тут же последовал совету, зацепив крюком алебарды щит ближнего к нему врага, а солдат рядом с ним уколол открывшегося щитовика. Шапель хорошо держит удары сверху, но против тычка в открытое лицо, конечно, не спасёт, а щитовик никак не мог помешать. Лицо его превратилось в кровавое месиво, сам он отшатнулся, не дав копейщику сзади как следует нанести удар. В результате остриё копья угодило в насыпь, и стрела, метко пущенная из арбалета, попала копейщику точно в правый глаз.

— Действуй как Жак! — тут же подхватил капитан.

Стену щитов распатывали крючьями, тянули, толкали, и их передний ряд не давал как следует стоять еретикам позади. Один, другой, третий получали удары и тычки алебардами, валясь на склон, но нападавшие не убегали. Копьё ранило одного солдата, кажется, из взвода Максимилиана, другой, что стоял рядом с Жаком, получил удар копьём в лицо по касательной и тут же отбежал сквозь свои ряды.

— Кажись, царапина, — говорил солдат, склонившись над землёй и поливая её кровью, пока его друг доставал повязку.

Глядя на количество крови, Жерар не назвал бы это царапиной.

— В лазарет, — приказал солдату подошедший Максимилиан, — Как сможешь, вернёшься.

— Перевязать, да в бой, господин лейтенант!

— Не спорь, рана слишком большая, надо стянуть.

А еретиков били нещадно, сталкивая вниз, протыкая насквозь, избивая лезвиями алебард, пуская в них стрелы.

Когда рог протрубил отступить, две трети их остались лежать на склоне. И к ним уже подбирались солдаты полка, чтобы собрать стрелы, пошарить по карманам, забрать оружие или броню. Один солдат из их роты второпях стаскивал ботинки с трупа. Граф оглянулся. Немногочисленные пока раненые потянулись в сторону лазарета. Двоих тащили товарищи, остальные шли сами. Негодяй, командовавший еретиками, слушал офицера и кивал, не спуская глаз с холма.

— Первый третий взвод, на месте, второй четвёртый, отдых полчаса, — объявил де Куберте, глядя на солнце.

Баталии врага всё так же стояли в оцеплении. Жерар видел, как по их рядам бегают

разносчики воды, как они жуют, судя по тому, с каким трудом отрывают куски, это было вяленое мясо. За баталиями шло копошение. Похоже, враг формировал один полк из двух уже отброшенных, чтобы бросить его следом за свежим, который занял места прямо за оградительными баталиями. Главный их не спеша объяснял что-то двум офицерам, давая, отдыху третьему гвардейскому полку. Второй и четвёртый взводы успели сменить первый и третий, а Жерар успел облегчиться в специально отгороженной для офицеров части выгребной ямы, прежде чем враг вновь пошёл на приступ, и в этот раз — уже со стрелками. Стрелков этих был примерно полк, и они засыпали укрепления защищающихся чудовищным смертельным градом, пока пикейщики, щитовики и прочие перебирались через ров. Впрочем, рота де Куберте быстро приспособилась к обстрелу, спрятавшись за щитами и потеряв лишь двоих ранеными и одного убитым. Когда же враг начал карабкаться вверх, обстрел прекратился.

— Стрелки, огонь по готовности, — тут же объявил капитан.

Передний ряд спрятал щиты, арбалетчики вскинули заряженное оружие, и в сторону нападавших понеслись стрелы. Рота была опытной — стрелки не целили в передний ряд, а привставали и кидали стрелы в тех, кто позади, без щитов. Нередко-успешно, что сильно замедляло продвижение врага вверх. Когда же их силы приблизились вплотную, арбалетчики без команды попрыгали за ряды товарищей и началась сеча. Их рота успешно пользовалась крюками алебард, про которые вовремя напомнил Род, но вот среди них возник один раненый, потом убитый. Эти еретики дрались лучше. Жерар видел, как арбалетчик Тиль закинул арбалет за спину и снял с пояса чекан. Капитан тоже поправил щит и взял чекан. Жерар с неуверенностью глянул на эспаду.

— Господин, — раздался рядом голос Рода.

Слуга протянул ему одноручный топор с небольшим лезвием и плоским набалдашником на обратной стороне. Чуть тяжелее, но короче, нежели его эспада.

— Шлем, руки, колени, иногда — лицо. Ключицы, если в кольчуге.

Жерар кивнул. Ему не нужно было разъяснять.

Враг, похоже, готовил этот манёвр — в один момент из-за щитов выскочили солдаты с оружием ближнего боя и взобрались наверх. Не все — половину сразу закололи и зарубили, ещё часть изрубили наверху. Некоторые прорвались внутрь рядов и попытались завязать бой. Один оказался рядом с Жераром. Граф рубанул его топором наискосок, сверху-вниз. Враг умело отвёл его топор, но к нему сбоку подскочил слуга и ударил трёхгранным коротким клинком прямо подмышку. Раненый согнулся, а Род, не мешкая, всадил ему кинжал точно между шейным воротником и закрытым шлемом. Тогда он упал и стал корчиться. Тут слуга и прикончил его ударом топора — того самого топора, которым раскрыл череп кому-то из компании де Бризи там, в лесу. И, не теряя ни секунды, с кряхтением оттащил ещё подёргивающийся труп назад, чтобы не мешался под ногами. Натиск захлебнулся, но среди роты были раненые. Еретики дрались храбро, граф не мог не признать этого, но их откинули вновь. На этот раз де Куберте приказал стрелять им вслед, и некоторые оставались лежать на земле, получая стрелы в лицо, бёдра, бока или шеи. Этот отряд не отступал в беспорядке, а прикрывался щитами. Они даже забирали с собой небезнадёжных раненых по приказу офицера.

Граф посмотрел на труп сзади. Мёртвый, лежащий без движения на земле, он уже не казался таким грозным.

— Ваш доспех выдержит такие удары, — тихо сказал ему слуга, — Но старайтесь не

подставляться лишний раз.

Ряды роты были несколько разрозненны, но у других рот дела обстояли хуже. В двух местах к лазарету тянулся поток раненых, на земле лежали убитые. Видно, жарко им пришлось.

А следом за предыдущей волной уже шла следующая.

Трудно было посчитать, скольких они уже убили: многие скатились в ров. Но всё же, мёртвые еретики лежали там и тут — на склоне, около рва, и немного — чуть дальше, на более-менее ровной земле — подстреленные, или истекшие кровью.

Четвёртая волна атаковала точно таким же образом, как и третья — со стрелками, щитовиками, внезапным ударом бойцами ближнего боя. В этот раз Жерар убил одного проскочившего, ударив его по затылку, и удачно ткнул в лицо другого, вовремя отклонившись от его топора. Хоть тот и был в закрытом шлеме, но удар графа оглушил его, голова откинулась назад, потом его ударили по коленям сзади и две алебарды по очереди опустились сверху. Род же довершил всё дело, хладнокровно заколов его своим трёхгранным клинком под ухо. Затрубил рог, еретики пошли назад.

— Ротных к полковнику! — примчался адъютант командира полка.

Дядя прицепил чекан к поясу и направился в сторону штаба.

— Попробую найти для вас что-то поудобнее, — Род приторочил топор к поясу, взвалил за спину валявшийся неподалёку арбалет и отправился мародёрствовать с остальными солдатами.

Враг, похоже, выдохся — очередную атаку они не готовили, а лучшие их баталии, что стояли в оцеплении, стали сменять другие баталии. Четыре волны они выдержали за день, и дело уже шло к вечеру.

Вернулся его старый слуга с клинком в хороших ножнах, при чашеобразной гарде и с простым стальным навершием:

— Господин, это будет вам привычнее.

Жерар вытянул из ножен поданный ручкой клинок. Помимо гарды, у него имелась защитная дуга, мощная и толстая. Рукоять хорошо лежала в руке, баланс был близок к идеальному, а вес — как у его тяжёлой учебной эспады, только лезвие было на ладонь короче. Граф отошёл в сторону и ударил по воздуху — раз, другой, третий. Принялся кружить и имитировать атаки, защиты, парирования и отскоки. Он и сам удивился, как тело его затекло за всё это время, и как оно благодатно отозвалось на движение.

— Рубите, колите, бейте, нон вряд ли сломается, но есть ещё кое-что, — Слуга достал из-за пояса большой тяжёлый кинжал в ножнах, — Кажется, мастер де Эскерн учил вас фехтовать длинным и коротким клинком. Бейте в сочленения, отбивайте удары, впрочем, не мне вас учить.

— Бой с кинжалом во второй руке — бой не за честь, а за жизнь, кажется, так он говорил? Да, здесь это подходит как нельзя лучше. Спасибо, Род.

Жерар приладил ножны короткого клинка также слева, чуть ближе к спине, таким образом, чтобы при необходимости хвататься правой рукой за левый бок, а левую отводить чуть за спину, за коротким клинком. Так руки не будут запутываться, как и учил мастер.

Потихоньку темнело. Его слуга отправился разогреть еды, а граф предчувствовал что-то.

Вернулся дядя:

— Офицеры, ко мне!

Жерар и четверо взводных собрались вокруг него, все внимательно слушали.

— Еретики чуть не прорвались через позиции третьей и пятой рот. Полковник отрядил кавалерию в пеший резерв, но будьте настороже — если прорвались однажды, могут повторить и ударить в тыл. Потери?

— Трое раненых, один убит.

— Двое ранены.

— Трое раненых, двое мёртвых.

— Один мёртвый, остальные целы, — по- очереди отрапортовали лейтенанты.

Медленно спускались сумерки, но, уже под ночь, де Сарвуазье заметил, как враги за баталиями формируют новое наступление.

— Ночью пойдут, — констатировал Пероль.

— Отобьёмся, — ответил ему Франческо.

— Это чтобы не дать нам роздыху, — заметил дядя, — Эй, рота! Если кому приспичило ссать, срать, или ещё чего, сейчас самое время!

Почти все солдаты разбежались, большинство — в сторону нужника. Некоторые присели прямо надо рвом, оставляя врагу неприятный сюрприз. Жерар удивился, как они не стесняются, но прочие солдаты роты, похоже, наоборот, одобряли подобные шутки, выкрикивая наперебой: «Давай заполним до краёв, пусть захлебнутся в дерьме!», «Не жалея своих камней, брат-солдат!», «Пусть-ка нюхнут перед подъёмом, ага!», и другие скабрёзные шуточки примерно такого же содержания.

Люди вернулись на места, а еретики всё строились, формировали отряды и зажигали факелы в сгущающихся сумерках.

— Обычно ночью не сражаются, — заметил Жерар.

— Верно, но они уже прощупали наши позиции и бросают в бой не лучшие свои силы, просто чтобы не дать нам выспаться ночью, а днём пошлют самых тёртых головорезов — так больше шанса прорваться и закрепиться наверху.

— И что же, мы будем сражаться всю ночь и весь день?

— Да, чёрт возьми, но мы выстоим, мы же гвардейский полк!

Граф положил руку на рукоять эспады. Отчего-то слова дяди вселили в него немного уверенности. Это был словно островок стабильности среди всего этого хаоса. Солнце совсем опустилось, но еретики не спешили, лишь факелы их ярче светили в темноте. Уже и луна вышла на небосвод, подкрашивая серебряным светом склон, ров и неровную землю за ним. Наконец, еретики медленно двинулись, выстраиваясь впереди своих заградительных баталий. Шли они без стрелков и, когда подобрались вплотную ко рву, Жерар понял, по их душу пришли сборные отряды из первой и второй волны.

— Эй, арбалетчики! — разнёсся над бруствером голос дяди, — Проредите-ка факельщиков, да не торопитесь.

Люди капитана принялись методично обстреливать тех, кто держал факелы. Их закрывали щитами, как могли, но двоих из шестерых удалось подстрелить. Еретики перекинули лестницы через ров и полезли на насыпь. Ещё один факельщик получил стрелу и скрылся на дне. Солдат еретиков прыгнул за ним и подал другому не потухший ещё факел, затем выбрался сам после нескольких неудачных попыток.

— По трупам вылез, — заметил Пероль.

— Верно говоришь, — отозвался дядя, — Надо бы сжечь их днём, или закопать на худой конец.

Еретики же приближались под обстрелом. Стена их щитов была совсем рядом, когда по

рядом их разнёсся клич: «За бога огня, за Сомду, за императора!» И воины ближнего боя ринулись вперёд из-за щитовиков. Многих, как и прежде, перекололи ещё на подступах. Но остальные пробились наверх и завязался бой. Начался сумбур. Кто-то из обороняющихся упал, кто-то шагнул назад, и образовалась брешь, которую тут же заполнил враг.

— Сбросить! — прогремел голос дяди Люка. Он вместе с Леонардо, Жераром, Родом и ещё несколькими кинулись на группу еретиков.

Жерар отвёл в сторону протазан, что метил ему в живот, ударил еретика эспадой по шлему. Удар вышел тяжёлым — голова его откинулась назад, и граф перерубил ему челюсть на обратном движении. Он заметил, как рядом его дядя очень умело заблокировал щитом вражеский топор и рубанул нападающего по колену, а его слуга с другой стороны помог Леонардо справиться с другим еретиком, ловко свалив его ударом по голени. Леонардо дважды ударил поверженного так, словно рубил дрова. Он, как и дядя, использовал чекан. Граф вообще заметил, что все офицеры роты держат в руках именно чеканы.

Коротким клинком он отбил древко вражеского топора и оказался почти вплотную с врагом, но не растерялся и долбанул его рукояткой эспады — неудачно, тот загородился щитом, но открылся слева, тогда де Сарвуазье ударил его левым кулаком прямо по шлему и толкнул двумя руками, пока тот не опомнился. Противник отлетел назад, там ему добавил ещё кто-то из роты, и он улетел вниз, увлекая за собой ещё одного. Дядя слева бешено бил чеканом по упавшему врагу, справа Леонардо и Род спихнули двух оставшихся вниз. Один сильно припадал на левую ногу, это оказалось фатальным — он не смог увернуться от алебарды Жака и остался лежать на склоне, раскинув руки в стороны. Жерар увидел двух человек из роты, один держался за лицо и сидел на земле, второй бросил оружие и сжимал правой рукой левое плечо. Скольких увели или унесли в лазарет, граф не знал.

— Рота! — взвился над позицией голос капитана, — Посчитать личный состав, после убрать трупы из рва!

Жерар гадал, сколько же они потеряли на этот раз, но оказалось — трое раненых и трое убитых. Сколько же всего за день? Не слишком ли много?

А враг уже строился для нового штурма — Жерар видел факелы и снующих туда-сюда людей. Но на этот раз они не спешили.

Видно, дядя сразу разгадал, чего добивается враг и скомандовал, опять разнося свой голос так, что даже соседним ротам было слышно:

— Отделения, по два человека в тыл, пусть подготовят места для сна прямо у насыпи. Офицерам определить порядок дежурства.

Четверо лейтенантов отправились смотреть солдат, а Жерар никак не мог сообразить:

— Дядя?

— Солдаты могут спать где угодно, особенно бывалые, — ответил он на невысказанный вопрос.

Услышавшие это солдаты, включая старого слугу графа, рассмеялись. Очень скоро треть роты храпела на лежаках за бруствером, а остальные, кто не убирал трупы, вглядывались в свет факелов напротив.

Еретики пошли в атаку уже под утро, когда спящие в роте дважды сменились. Эта атака напоминала предыдущую, за исключением того, что в этот раз гораздо меньше врагов забрались наверх. Хоть граф и стоял в этот раз во втором от края ряду, ему пришлось сразить лишь одного, удачно улучив момент, когда тот запрыгнул на насыпь. Еретик получил удар прямо в лоб и упал вниз. Молодой граф сразу потерял его из виду: оглядываясь по сторонам,

он искал, кому бы помочь, но вся его рота уже сбросила еретиков вниз.

Забрезжил рассвет. Солнце постепенно поднималось из-за горизонта и, когда стало совсем светло, Жерар увидел, как охранные баталии одна за другой сменяются. А потом они пошли на приступ. Солдаты спешно будили спящих, все вокруг напряглись, даже охранение кавалеристов в тылу почуяло неладное.

— Элиту ведут, — сказал Пероль.

— А хер бы им в дышло, — неожиданно крепко выразился стоящий рядом де Вис, — Ну-ка, четвёртый взвод, проснулись! Дадим ублюдкам просрать!

Следом за баталиями шли лучники, последние ряды баталий несли многочисленные перекидные мосты — уже не лестницы, а сплошные доски, переходить по которым гораздо проще.

— Готовь щиты! — прогремел дядя.

Все солдаты заранее укрылись от стрел. Но всё же одного раненого они получили.

Еретики карабкались по склону в утренней тишине, а редкие арбалеты роты тренькали, и чаще всего — напрасно. Солдаты понимали — этот враг серьёзнее предыдущих, потому дрались с особенным ожесточением, но очень скоро наверх прорвались сразу пятеро одинаково экипированных воинов — в нагрудниках, шлемах и с кольчугами до колена, с миндалевидными щитами и одноручными секирами. Граф ринулся на них, зашёл на одного, ударив по щиту и почти сразу блокировав ответный удар коротким клинком. Он чуть не пропустил удар щитом в челюсть, но вовремя отшатнулся в сторону, ударил левым закованным кулаком в забрало врага, затем добавил по макушке навершием эспады и таранул левым плечом. Сразу атаковал другого, слева от себя. Эспада угодила в затылок, ничего не разрешила, но была тяжела, и еретик осел на одно колено, получил топором по плечу, был сбит пинком наземь и доколот алебардой. На Жерара выскочил ещё один, тесня щитом. Не выйдет — он разорвал дистанцию отскоком, оказался чуть ниже и ударил в колено. Враг пошатнулся, его сбили под ноги Роду, Род заколол его прямо в смотровую щель. Новый, только что откинул взмахом Жака. Жерар уколол его в живот, но враг отбил выпад щитом. Используя инерцию отлетевшего клинка, граф ударил еретика справа, но тот успел подставить щит и в следующий миг упал, получив рубящий в бедро от Тиля. Следующий. Огромный воин с двуручным молотом, непонятно откуда взявшийся в этом выверенном и сбалансированном вражеском строю. Свалил одного солдата, машет — не подойти. Очередной мах, Жерар, непонятно куда подевавший свой страх, проскочил сразу после взмаха вплотную и ударил коротким клинком в горло. Лезвие упёрлось во что-то внутри, между горжетом и шлемом, враг пошатнулся, но всё же попытался оттолкнуть графа. Жерар давил, прилагая всю возможную силу. Кто-то ударил еретика в колено, он повалился. Клинок с лязгом вонзился глубже, но этого мало. Ещё усилие. Большой еретик ослаб, захрипел, потом отпустил графа, упал на край насыпи и, медленно перевалившись, покатился вниз по склону, сбив собой другого. Вокруг пронёсся победный клич. Оставшихся еретиков сбрасывали вниз, их атака не прошла. Жерар запыхался и согнулся, тяжело вдыхая воздух, затем отошёл в задние ряды и снял шлем. Несколько человек их взвода лежали на земле, двоих тащили в лазарет. Похоже, непросто далась им эта волна.

— Первый и третий взводы, отдыхать час, — объявил дядя, — Потом смениться.

Граф же наблюдал, как уходят еретики. Некоторые хромают, некоторых несут, но — всё одно — треть их, а может, и больше, осталась валяться на склоне, и сейчас солдаты тщательно обыскивали мёртвых.

Враг вновь выстроил оградительные баталии, а за баталиями собиралась новая волна. Жерар чувствовал усталость, хотя всего-то сделал несколько выпадов. Он подумал, как же устали остальные солдаты, которым пришлось драться всерьёз, увидел блестящие глаза Жака, что-то разъясняющего своему отделению, суровый взгляд дяди, Леонардо, осматривающего одного солдата за другим, Тиля, очищающего клевец от налипшей крови.

Ещё одна волна, сразу видно, из солдат пожиже. Но и третий полк Лемэса измотан. Враги не спешили собираться. Жерар видел, как вернулся и встал в ряды тот солдат, что недавно просил у Максимилиана не отправлять его в лазарет. Затем противник двинул вперёд. Внезапно на холм опустилась темень, и, когда вражеский строй вплотную подошёл ко рву, зарядил холодный дождь на пару с ветром. Еретики спешно полезли по склону, а дядя запретил стрелять из-за погоды.

Они добрались до верха и отчаянно сшиблись сначала с отделением Жака, а потом и с остальными, то и дело оскальзываясь на размытой земле, получая смертельные и просто ранящие удары, или толчки, свергающие вниз. В этот раз Жерару не пришлось вступить в бой — еретики быстро откатились назад и неуклюже улепётывали по земле, тут и там испещрённой лужами. Но и солдатам его полка пришлось несладко: они замерзали. Обессиленные, толком не спавшие ночью, часов двадцать к ряду или ожидающие сражения, или сражающиеся, сейчас они тряслись от холода, ветра и лившейся сверху воды.

— Пероль, — позвал де Куберте, — Иди, пни наших кашеваров. Да скажи своим, пусть разведут пару костров поближе, греться будем.

— Господин, я принесу трут, — тут же убежал в тыл старый слуга.

Сначала Жерару было не очень холодно, но, чем дольше он стоял, тем больше пробирала стужа. Он считал себя сильным и не сомневался — если ему так тяжело, то остальные выдержать следующий натиск и вовсе не смогут. Рядом с бруствером разводили костры, старательно прикрывая их накидками от дождя. Когда огонь занялся, капитан отправил два отделения греться от пламени, а остальных — в ротную палатку, сам оставшись на насыпи и внимательно наблюдая за врагом.

Род принёс графу горячего чая и, испросив дозволения, ушёл к своим друзьям сержантам.

Враг не спешил с новым наступлением, дождь и ветер не утихли, солдаты разводили всё больше костров, прикрывая их чем только можно. И через полчаса разожгли как следует, и успели немного погреться, но вскоре началась такая буря, что всем пришлось прятаться под покрывалами, с трудом удерживая их от ветра, а потом и вовсе сбежать по палаткам, пока их окончательно не снесло. И хуже всего приходилось тем, кого в последний момент выловил из убегающих капитан и отправил дежурить, чтобы враг не смел приблизиться незаметно. Дядя и старый слуга волею Трех оказались с Жераром под одной накидкой, а после и в одной палатке.

— Тянем время, да? — спросил граф у капитана.

— Сложно сказать. Эта буря может задержать основные силы, если они уже разобрались с врагом. Нужно держаться, вот и всё.

Сколько прошло времени, пока буря утихла. Он не знал, но вымок весь насквозь, и только тепло палатки, да накинутое сверху одеяло не давали дрожать от холода. Когда же всё закончилось, он обнаружил, что еретики строятся для нового наступления. Жалкие — это было видно даже отсюда, за пятьсот шагов — они безысходно пошли вперёд, подгоняемые сержантами и офицерами. Но их откинули. Стрелки знали своё дело и сменили промокшие

тетивы на арбалетах. Капитан разрешил огонь по готовности, и арбалетчики крепко били еретиков, а тех, кто взобрался-таки по склону, сбросили вниз. Надо сказать, не без труда. Солдаты дышали тяжело. Но в этот раз Жерару не довелось затыкать брешь.

Наступил вечер. Второй вечер. Молодой граф боялся, что враг предпримет ночной штурм, но еретики, похоже, вконец выдохлись.

— Господин, я просушил спальное, — раздался голос слуги, — Ради Троих, попробуйте поспать. Снимите доспех, если что, я вас подниму.

Он улёгся. Грязный, сальный и сырой, тем не менее, он чувствовал блаженство, несоизмеримо большее, чем когда-то, засыпая в чистой постели своего родного имения. О, как же приятно было просто лежать без доспеха! Сухой лежак и толстое покрывало, в конце концов, согрели его, а следом сморил сон. Он никогда не мыслил, что может заснуть в таком дискомфорте, но усталость и тепло взяли своё.

Когда граф проснулся, было уже утро. Род сидел возле костра и рассказывал что-то солдатам гораздо моложе себя. Когда граф выволок на свет нагрудник и поножи, Род тут же оставил разговоры и принялся помогать ему.

Де Вис, дядя и де Аня смотрели с насыпи в сторону брода. Жерару стало интересно, он поспешил забраться к ним. Со стороны брода лошади медленно катили три осадных машины.

— Всё-таки перетащили, — заметил подошедший Леонардо.

— Ничего, тут земля кривая, — ответил Пероль.

— Сроют кочки и сделают ровную площадку, — сказал дядя, — Нужно подготовиться к обстрелу.

И действительно, еретики ровняли площадки с трёх сторон, а катапульты разделились. Похоже, их главный понимал, что нужно избавляться, прежде всего, от кавалерии, которая не даст им продвигаться вглубь за счёт своей маневренности. А пеших как-нибудь можно будет сдержать.

Жерар чувствовал: что-то нужно делать, и быстро, но дядя сказал ждать распоряжения от полковника. А орудия медленно, но верно занимали свои площадки, потом также не спеша заряжались, а затем одно за одним принялись закидывать их снарядами. И тут начался форменный ужас. Первые же залпы попали в лошадей, толпящихся посреди лагеря. Нескольких побил камнями, они истошно ржали, остальные же обезумели от близкой смерти. Кавалеристы принялись успокаивать лошадей. Те же, не без оснований утратив доверие к людям, били их копытами и уносились прочь, но между залпами их всё же удалось успокоить.

Снова свист летящих камней. Жерар и не заметил, что часть предыдущего залпа угодила прямо в лазарет. Он видел убитых, расплюснутых камнями людей сквозь порванный тент. Кавалеристы отвели лошадей подальше от центра холма, но на первый взгляд, около сотни их всё же валялись мёртвыми посреди лагеря.

Жерар глянул на катапульты. Похоже, камней им не доставало.

Это заметил и капитан:

— Жак, бери шестерых бойцов и приволоките сюда мёртвую лошадь. А ты, Род, разведи-ка костёр. Мне надоело вяленое мясо, сегодня у нас хотя бы будет свежая конина.

Жерар не стал возражать. Его слуга споро развёл огонь, используя уже готовый трут, и очень скоро над ротой потёк запах жареного мяса. Затем офицеры отправляли бойцов по очереди к костру, где Жак со старым Лисом выдавали каждому кусок шкворчащего мяса.

Немного погодя Род поднёс и графу кусок мяса размером с кулак:

— Шея, господин. Самое лучшее мясо у лошади.

И вроде не было соусов и заморских приправ, и ел его Жерар без вина и салатов, но этот кусок показался ему едва ли не самым вкусным, что он пробовал за свою жизнь.

Солдаты вокруг воспряли духом. Некоторые были перевязаны, но все с удовольствием чавкали, откусывая от своих кусков мяса.

— Здорово вы, господин, того, огромного столкнули, — заметил один из солдат, имени которого Жерар не знал.

И тут граф Жерар де Сарвуазье, наследник одного из богатейших в стране имений, по праву рождения входящий в закрытые другим дома и принимаемый самим Первым министром лично, почувствовал необъяснимое единение с этой ротой. Тут, на этом холме, титулы, звания и должности немного меркли, оставалось только «мы» против «них». Граф был готов снова и снова закрывать бреши, сталкивать врагов вниз и, если случится, принимать удары со всеми.

Но тут опять налетел ветер, полил проливной дождь и он, вместе с дядей и слугой, поспешил укрыться в палатке.

— Вдруг они сейчас полезут?

— Думаешь, я дурак? — ответил дядя, — Часовые смотрят, не допустят! Да и хлипкие уже еретики-то. Тоже сидят, ждут после того раза.

Буря завершилась, наступила ночь, и Жерар почувствовал себя измочаленным листом. Враг тоже натерпелся от погоды — ни ночью, ни наутро они не организовали новой атаки.

С утра тучи рассеялись. Тут и там запалили костры, а враги стали собирать силы. Заряжали камнями катапульты и на очередной приступ бросили примерно те же силы, что и в первый раз, лишь подкрепили их залпами. Жерару случилось биться единожды в эту атаку. Один еретик проскочил сквозь первые ряды, и граф оказался проворнее других, вогнав ему в живот свой клинок на два-три дюйма. После его столкнули со склона, и атака опять завершилась.

Прискакал вестовой из штаба и срочно потребовал командира роты. Прошло время, снова прискакал тот же вестовой и сообщил, что полковник убит залпом артиллерии, а командующим выбрали капитана де Куберте, и теперь Леонардо остаётся за командира роты.

Все молчали, но на лицах читался оттенок скорби. Чуть погода пришёл и дядя, только скорбных речей от него никто не дождался.

— До этого вы держались лучше всех. Не посрамите моё имя, сукины дети!

Топоры, алебарды и клевцы взмыли вверх. Бойцы приветствовали своего командира сиплым усталым кличем. Затем дядя подозвал Жерара и его слугу.

— Прямо как в старые добрые времена, господин капитан, — прошептал Род.

— Помнишь ещё Печальный? Верно. Они тоже вымотаны, и камней вокруг немного. Глядишь, продержимся.

— Нужно накормить солдат.

— Оставь это кашеварам, ты нужен тут. Говори графу, если что заметишь, опыта в стычках тебе не занимать. А ты, племянник, слушай. Назначаю тебя командиром второго взвода вместо Леонардо. Твой слуга по опытности подскажет, чего ты сразу не увидишь. Ты граф, но спрячь спесь, так надо.

Жерар хотел было возразить, но что тут скажешь? Все советы Рода до этого попадали в

яблочко. Да и дядя просто так воздух сотрясать не будет. Получается, хочешь выжить — слушай ветеранов.

— Второе отделение! — прогремел дядя, — Ваш новый командир — лейтенант де Сарвуазье!

И тут же он повернулся и ушёл осматривать позиции, а к Жерару подошёл Леонардо:

— Вы всё видели. Где нужно, используйте стрелков, затыкайте дыры, если прорвутся и вовремя отправляйте раненых на перевязки. Народ у вас опытный, выстоите.

И на них пошла ещё одна волна. Молодой граф вдруг заметил, что не понимает, вечер сейчас или утро. Он лишь сосредоточился на штурмующих и в этот раз трижды ему пришлось помогать сбрасывать еретиков вниз. Мышцы его стали деревянными, стужа пробралась в нутро, а доспех тянул вниз. Он присел на землю, как и остальные солдаты вокруг. Ряды их роты уменьшились примерно на четверть. Будь солдаты со свежими силами, Жерар сказал бы, что им даже немного проще обороняться, когда не так тесно. Но они были измотаны.

Еретики же построили в атаку свой лучший полк, усилив его стрелками. Когда солдаты взвода Жерара очнулись от обстрела, враг уже преодолел половину насыпи. Крепкий, хоть и тоже измотанный, еретик закрылся щитами и сделал три подряд атаки бойцами ближнего боя. Первую они отразили, крича в ответ. Жерар заколол двоих. Вторая завязала бой, а третья чуть не скинула его взвод с насыпи. Но человек семьдесят из кавалерии подоспели вовремя и вместе им удалось потеснить взобравшихся наверх еретиков.

Жерар отвёл в сторону офицерский меч, ударил коротким клинком в забрало — клинок соскользнул, офицер отмахнулся, но граф вовремя отскочил и с силой ударил в ответ по шлему, как раз туда, где должно быть ухо. Офицер нагнулся и получил короткий клинок прямо подмышку, где виднелась неважная кольчуга, прикрывающая сочленение. Офицер ойкнул. Жерар оттолкнул его, повалил и сразу навис сверху, протыкая длинным клинком живот в ту самую щель между нагрудником и латной юбкой. Где тот человек, что ещё недавно жалел стонущего мальчика с бледным лицом? Не проверяя, жив ли офицер, Жерар оглядел свой участок насыпи. Везде бились люди. Как дьяволы, как животные — рыча, хрипя и разбрызгивая кровь, высекая искры друг из друга. Он не знал, кому помочь.

— Слева сейчас дрогнут, — раздался голос его слуги.

Он, не думая, устремился туда. И действительно, середина во главе с Жаком держалась уверенно, а левый фланг теснили. Граф вихрем налетел на ближнего противника, замахнувшегося на солдата — солдата его взвода — большим двуручным топором. Длинным клинком Жерар ударил по древку. Враг пошатнулся назад, а граф добавил коротким прямо в живот. Это на миг отвлекло остальных еретиков. Мига хватило, чтобы смять их и сбрасывать вниз. Жерар обернулся в середину, и вовремя — еретик снизу, заняв удобную позицию, метил копьём Жаку в живот. Де Сарвуазье не знал, попадёт ли он, или копьё соскользнёт с нагрудника, но отбил своей тяжёлой эспадой удар копья вниз. Жак, увидев это, огрел копейщика по шлему, тот упал и покатился по склону. Еретики дрогнули.

— Бей их! — кричал Леонардо.

Они зарубили ещё двоих, прежде чем над землёй заструился звук рога. Враг отступал, а солдаты роты, выдохшиеся, садились прямо там, где стояли.

— Осмотреть раненых! — орал Леонардо, — Перевязать, стянуть, кого надо — в лазарет! Лейтенанты, ко мне!

Жерар вдруг осознал, что его это касается больше, чем раньше.

Около Леонардо собрались де Вис, де Куизи и сам де Сарвуазье.

— Сержанты третьего взвода, ко мне! — крикнул новый командир роты.

— Где Пероль? — спросил Жерар.

— Убит, — сухо проговорил де Вис.

Подбежали сержанты.

— Ещё одна-две попытки, и они выдохнутся, — говорил Леонардо, — Терпите, берегите бойцов, мы выстоим!

Враг собрался вновь. И вновь не лучшими своими силами. Но, на счастье или на беду снова налетела буря и всем пришлось укрыться под тем, что было рядом. Жерар потерял счёт времени, сидя под навощённой накидкой вместе с Леонардо и своим слугой. Душно, но одновременно холодно и сыро, а чуть приподнимешь — шквальный ветер рвёт её из рук. То и дело голова его клевала, но заснуть не получалось. Где там его тёплая палатка, не унесло ещё ветром? Так, в полудрёме, он дождался окончания шторма. Всё стихло, будто ничего и не было, одна мокрая земля кругом. А еретики, побитые, снова строятся в атаку. Катапульты дали залп. У одной недолёт, вторая пришлась в середину, с чавканьем бросив в грязь груды камней — лошадей оттуда давно увели. Третья же угодила напрямик в первую роту и побила столько людей, сколько не смогли побить все волны атакующих до этого.

Жерар подумал, а что, если их так же накроет? Три-пять удачных залпов и можно рассчитывать на успех при штурме.

Тем временем, еретики подобрались к насыпи. Жалкие, мокрые, трясущиеся, они куцо перебирались через ров, а Леонардо даже не давал команды стрелять. Жерар глянул на свой взвод — суровые, озлобленные лица. Алебарды, пики, топоры наготове.

— Давай-давай, иди сюда, сука! — приветствовал один солдат подбирающегося еретика.

Враги оскальзывались. Некоторые добирались до верха, но, выдохшиеся вконец, безропотно принимали удары восьмой роты и падали вниз. Это был форменный убой. А вдалеке строились лучшие силы армии красного бога. Тоже вымотанные бурей, но от этого злые и решительные. И, как только старую волну еретиков сбросили вниз, они пошли на приступ.

...

В какой уже раз Род видел подобное? Корчащиеся лица своих и чужих, люди, охваченные агонией, дёргающиеся тела, новые и новые волны штурма. Он не знал, он давно сбился со счёта. Жаль, капитана нет рядом. Но рядом молодой граф, а его никак нельзя подвести, поэтому Род уверенно сжимал топор, ожидая очередную, самую опасную, волну. Подсчитывать раненых было некогда, запасная тетива отсырела напрочь, и он бросил арбалет подальше от насыпи, на восковую накидку. Враг кинул стрелы, но у него тоже отсырели тетивы и залп не удался. Зато рукопашные подбирались всё ближе, и вот сшиблись, те и те — злые, те и те — истощённые, голодные, замёрзшие, кто-то больше, кто-то меньше, но одни сверху, а другие снизу. Он видел, как граф ринулся закрыть брешь и поспешил за ним. Вовремя. Отбил щитом предназначавшийся господину удар копьём, сам при этом чуть не пропустил топор. Остервенелые люди дрались, как звери. В следующий миг де Сарвуазье повалил кого-то, ударив наверху эспады снизу в челюсть, и заколол коротким клинком под подбородок. Тут же его сбили ударом ноги, откинув назад, а кто-то из роты проткнул эту ногу и другой столкнул врага вниз. Вот граф опять на насыпи, Род рядом с ним, по левую руку, чуть позади. Граф орёт: «Держать строй, бить врага!»

— Справа филонят.

Граф смотрит туда, потом бежит на подмогу:

— А ну, насмерть стоять!

Опрокидывает очередного врага, выскользнувшего из-под прикрытия большого щита своего товарища, помогает свергнуть нападающих вниз, но сам чуть не падает за ними. Род и ещё один солдат ловят его за ногу и затаскивают обратно. Граф, весь в грязи, как ни в чём не бывало возвращается на середину и вновь кричит:

— Насмерть стоять!

Только это сейчас и осталось. Уловки, хитрости, приказы — всё в прошлом. Кровь и ярость вперемешку с грязью — вот и весь мир, что есть у них сейчас. Род видит злые лица солдат. Они согласно кивают в ответ на крики графа. Очередной приступ. Рота яростно отбрасывает его, и трубит рог. Вон Жак, тяжело дышит, опершись на алебарду. Живой. Кровь на лице, но ерунда — царапина. А где Тиль? Лежит на земле, окружённый своим отделением. Не спрашивая разрешения, Род бросается к нему, расталкивая солдат:

— Ну ты чего? — спрашивает он старого друга.

— Плохо дело, — сквозь зубы отвечает арбалетчик, — Видишь, нога висит, живот продырявили, да в боку дырка. А в лазарете — сам знаешь, что там сейчас творится. Даже если зашьют, мне больше не ходить. Помнишь, ты обещал?

— Ерунда.

— Нет, ты обещал, двенадцать лет тому назад. Укол милосердия, последний подарок другу. Давай, не будь размазнёй, раз уж ты оказался здесь! Лучше бы сидел в своём графстве, у хозяйки под юбкой, верно я говорю?

Род смотрит на его искорёженную ногу, на кровь из живота, уже проступившую сквозь кольчугу, и обнимает голову старого друга:

— Верно. Ты готов?

— Лучше ты, чем кто-то другой, давай, не тяни.

Род вонзает трёхгранник другу под подбородок на всю длину. Тиль мгновенно замолкает, здоровая нога его слегка дёргается в последний раз, и тело обмякает в руках старого ветерана.

...

— Ротного подкололи! В лазарет, скорее! — орёт кто-то из пестуицев. Жерар видит, как Леонардо уносят двое солдат. Теперь три офицера на всю роту. Граф заметил вмятину на своём левом наручнике, но откуда она взялась, так и не вспомнил. Его слуга рядом уже высекает искры, поджигая трут. Кажется, он всегда на шаг впереди, а старое лицо его всегда спокойно и невозмутимо. Затем слуга готовит лёжку возле костра, и Жерар кое-как устраивается на ней, сняв нагрудник и забывшись пьяным, чёрным сном. Внезапно его будят.

Дядя стоит на верху насыпи и что-то вещает роте:

— Они могут сколь угодно осыпать нас камнями с катапульта, посылать свои лучшие полки, но им нас не взять. Выстояли в Печальном гарнизоне, выстоим и здесь!

Солдаты вздымают оружие вверх, приветствуя своего командира. Криков немного, лишь готовность пойти со своим командиром на что угодно. Мрачная решимость отражается в их лицах.

Лишь после этого де Куберте подходит к Жерару и шепчет на ухо:

— Солдаты уважают тебя, особенно после вчерашнего. Не проси это, слышишь? Большинству дворян плевать на такие вещи, но, поверь, это даётся не так просто.

Дядя следует дальше, в другую роту. Ряды их поредели, треть бойцов с повязками на головах, а у скольких есть повязки под бронёй, Жерар не знает. Наступает затишье, во время которого никто не расслабляется. Жерар успевает поесть и опорожниться, и всё начинается заново — град стрел, подбирающиеся еретики и сеча. Брешь. Он сталкивает одного, второго, схватывается с третьим. Эспаду чуть не выбивают из рук щитом, хватают за левое предплечье, тогда Жерар бодает врага шлемом в шлем. Искры из глаз, но еретику тоже досталось, как раз столько, чтобы успеть всадить кинжалом в шею. Проклятье, лезвие соскальзывает с горжета, тогда — удар навершием эспады в лоб и добавить ногой. И враг катится вниз. Род отбивает летящее в него лезвие топора, а Жерар перемещается вправо — туда, где выбили двоих солдат из строя. На этом бруствере их осталось слишком мало, тут нужен резерв. Он отбивает кинжалом копьё, колет врага в живот, тут же получает алебардой по плечу от другого, что-то цепляет его за ногу, он падает, хватая вражеского солдата, катится с ним по земле, получая удары со всех сторон. Кружится голова, золотые искорки перед глазами.

Спустя какое-то время, слуга снимает с него шлем:

— Как вы, господин?

Над долиной раздаётся вой рога еретиков.

И снова побитые, израненные, но злые и решительные, они ждут очередной попытки. Сколько дней прошло? Сколько солдат в строю? Некогда считать.

— Они дрогнут, как и раньше, — злобно шепчет де Вис, назначенный новым командиром роты.

— Лучше бы им дрогнуть, — отвечает Жерар, — Не то, клянусь, перебьём всех до единого.

Бешеные и свирепые, они ждут неизбежного.

— Знамя де Ветта! — орёт кто-то на правом фланге.

Все поворачиваются на северо-восток. Из-за холма медленно выплывает знамя на длинном древке, с золотым солнцем на голубом фоне, а вокруг уже снуют передовые разъезды армии Его Величества.

Глава 8: Детмер

Первое, что Тром почувствовал на подходе к городу — запах. Тухлая рыба вперемешку с мусором и дёгтем. Остальные, конечно, тоже учуяли всё это.

Лицо капитана озарила улыбка:

— Все порты пахнут одинаково, правда, Олаф?

— По большей части, — моряк проверил нож за пазухой, — Тухлятина, жжёная смола и неприятности.

— Насчёт неприятностей ты попал в яблочко, мореход, — Кшиштоф перехватил мешок поудобнее, — Тут любой бродяга может ударить исподтишка, сам не заметишь, как кровью истечёшь. Соль, перец, ром, уксус, наконечники для стрел. Берём их, продаём, что принесли и бегом отсюда.

Они вышли на пригорок, и Тром увидел город: россыпь хилых деревянных лачуг рыбаков и мелких торговых лавок, перемежавшихся домами побольше — складами, тавернами, верфями.

Кшиштоф прошёл мимо бродяги, который пялился на них во все глаза, и взял резко вправо, к одному из кабаков:

— Тром, возьми у Олафа его мешок и пойдём со мной.

Горец освободил моряка от ноши и покосился на пьяного человека, что лежал в стороне от двери и силился заглянуть Трому в глаза, но приподнятая голова его так раскачивалась, что вскоре он оставил эти потуги и блеванул прямо на себя. Внутри стояла дюжина столов, два из которых были заняты — за одним уснул человек в сыромятной куртке с длинным ножом за поясом, а за вторым сидел ещё один пьяница с какой-то бабой в коротком платье с низким вырезом. Баба куда-то тянула пьяницу, но он не поддавался.

Старший охотник прошёл напрямик к стойке и крикнул:

— Бернштайн!

Из подсобки вылез круглый мужичок с бакенбардами:

— Привет, Кшиштоф, чего тебе?

— Мясо копчёное возьмёшь?

— Не знаю.

— Думай быстрее, хочу до вечера убраться из города, пока вся шушера не проснулась. Ну, берёшь?

Они быстро сторговались, и Тром освободил оба мешка, что принёс с собой. На выходе какой-то оборванец показывал Хьюи камень на верёвочке и что-то объяснял.

Кшиштоф тут же подошёл к ним:

— Что это?

— Оберег, — молодой охотник ответил отстранённо, словно Кшиштоф едва пробился в его сознание, — Можно на лук обменять. Второй лук мы всегда найдём...

— Ерунда, — Кшиштоф дёрнул Хьюи за плечо.

Бродяга понял, что торговать ему не дадут и исчез за углом соседней холупы.

— Хьюи, не говори ни с кем без меня, вокруг жулики одни, клейма ставить негде.

Старый охотник махнул рукой, зазывая всех следом, и нырнул в проулок. Через несколько поворотов Тром понял, что обратную дорогу не найдёт, коли будет нужда, но не оставалось ничего другого, как следовать за Кшиштофом.

Они проходили мимо одного из больших домов, когда стоящая на улице баба окликнула их:

— Какие мужчины! А монетки у вас есть, заплатить за удовольствие?

— Посмотри на их шкуры, Матильда, — ответила за них другая, — Это оборванцы, нету у них монет, и быть не может, пора бы тебе уже научиться отличать настоящих клиентов от всяких проходимцев.

Тром не понравился её тон:

— Что? — взревел он, поворачиваясь к ней и хватаясь за дубину.

— Не обращай внимания, пошли дальше, — это старший охотник положил руку ему на плечо.

Тром всё ещё стоял.

— А ну идём, — прикрикнул на него Марк.

— Как скажешь, вождь, — злобно ответил поединщик и отвернулся от баб.

— Иди-иди, не то позовём ребят, они живо с вами разберутся! — прокричала в след одна из них.

— Почему вы позволяете оскорблять себя каким-то бабам? — на ходу спросил Тром.

— Это местные дойные коровы, — проговорил идущий сзади него Олаф, — И у них есть те, кто их доит. Думаешь, им понравится, если ты подпортишь лицо этим бабам? Для того, чтобы ударить чужую шлюху, нужны основания повесомее, чем оскорбление, брошенное в спину. Если ты не местный авторитет, конечно.

— Кто такие шлюхи?

— Шлюхи сношаются за деньги.

— Пизданутые низинники. Что с вами не так?

— Вождь, ты тоже не знал, кто такие шлюхи? — усмехнулся Олаф.

— Я думал, это как шлюпки, только меньше, — ответил громила, — Никогда не понимал, чего за ругательство такое... Теперь многое встало на свои места.

Первым заржал Олаф, следом капитан, а потом и охотники с горцами затряслись от смеха.

— Да, трудно вам будет в этом городе, — утёр слёзы Кшиштоф, — Ладно, идём, нечего прохлаждаться.

Тром гадал, как много ещё здесь вещей, о которых они с Марком понятия не имеют? Веселье помогло прогнать ярость, и сейчас он был спокоен, размышляя, как вообще получить то, что им нужно в этом месте, где всё с ног на голову.

Тем временем, старик привёл их к продуктовой лавке. Горец обратил внимание на двух охранников с тесаками за поясом и такими же сыромятными куртками, как у того, в таверне.

— О, Кшиштоф, — приветствовал их торговец, — Вижу, у тебя в команде пополнение. Пока в сторонке встаньте, отпущу людей, потом с вами разберусь.

Вся компания столпилась в пустом углу лавки.

Кшиштоф торговался долго. Он старался выменять как можно больше продуктов на шкуры и рога, которые принёс с собой, и у него получилось даже заработать несколько медяков сверху. И вновь они принялись петлять по городу так, что Тром не мог разобраться направления, пока не пришли к оружейнику, у которого так же дежурила пара человек с тесаками. У оружейника продавать было нечего, и старый охотник покупал наконечники за деньги, придирчиво осматривая каждый и откладывая в сторону непонравившиеся.

Когда он отобрал штук десять, в лавку ворвался разнузданный круглый тип с со шрамом

поперёк лба и парой бугаёв в качестве то ли охраны, то ли друзей. Хозяин лавки тут же заметил его и отодвинул Кшиштофа в сторону, заискивающе глядя на посетителя. От внимания Трома не укрылось, что Олаф и капитан поспешили убраться с дороги, когда круглый подходил к стойке и на ходу доставал из-за пояса добротный сработанный боевой топор со слишком тяжёлым, на взгляд Трома, лезвием.

Круглый положил его на стойку:

— Выправишь кромку. Сегодня вечером принесёшь.

Продавец подобострастно склонился, а круглый окинул всех вокруг презрительным взглядом и быстро вышел прочь.

— Местный вождь? — спросил Тром Олафа.

— Вроде того.

— Почему он не торгуется с купцом? У вас ведь всё тут за деньги.

— Не для всех, — пожал плечами моряк, — Может быть, это вообще его лавка. Судя по тому, что я слышал об этом городе, и что уже увидел, скорее всего, так оно и есть.

Охотник покончил с торгами и ссыпал наконечники в котомку. Его место у стойки заняли двое местных, а он подозвал всех к себе:

— Нам пора обратно, но просто так я вас не оставлю, — он протянул Марку пригоршню монет, — На, пригодится. Хьюи, отдай им ещё ногу.

Молодой охотник протянул копчёную оленью ногу Трому.

— Вам ведь нужно в порт, да? Из двери направо и всё время прямо. Нам, значит, в другую сторону. И не показывайте лишний раз эти монеты, не то быстро с ними расстанетесь. Ну, прощайте.

Он пожимал руки каждому, а громила хлопнул его по плечу напоследок:

— Хорошо, что мы не перебили тогда друг друга в лесу, а?

— И то верно, вождь, — усмехнулся он в ответ.

А потом охотники ушли, и в лавке сразу стало пусто.

— Что дальше? — спросил Тром, первым нарушив затянувшуюся тишину.

— Он сказал, прямо и направо, — ответил капитан, — Найдём какой-нибудь корабль и наймёмся на него, а там видно будет. Главное убраться из этой дыры.

— Потихе, кэп, — прошептал Олаф, — Если кому-нибудь здесь не понравится, как ты назвал их город, у нас могут начаться проблемы.

— Ты прав. Пойдём, глянем на здешний порт.

В порту было полно причалов. Гораздо больше, чем в столице Горной страны. Тром подумал, что все корабли, стоящие обычно в очереди на проезд у них на родине, могли бы пришвартоваться тут одновременно, и ещё бы остались места. Возле каждого причала сустились люди — грузчики, матросы и купцы. Были и такие, кто на первый взгляд просто шатался без дела. Но взоры их говорили о том, что они начеку. Горец обратил внимание, что у каждого причала такие люди выглядят по-своему. У той секции, к которой они вышли, эти люди ходили с тесаками и в сыромятных куртках. У соседней — с красными повязками на головах, ещё через одну — в робах с капюшонами. И, чем дальше они шли вдоль причалов, тем лучше Тром понимал, что люди эти приглядывают, в том числе, и друг за другом.

Несколько минут капитан присматривался к кораблям, потом начал спрашивать у моряков, что выглядели поосновательнее: «Вам нужны матросы? Нас четверо, все опытные мореходы». Чаще всего ему отвечали, что нужды нет, и тогда он говорил: «Я умею прокладывать курс и знаю карты. Мы все умеем рулить». Но и на это люди, как правило,

просто качали головой, лишь пара человек спросила, что стряслось с их кораблём. Капитан рассказал им про бурю, и один ответил, что паршивый из него навигатор, если они попали в шторм, а второй и вовсе сказал, что теперь они приносят несчастья и погнался прочь.

Причалов, а вместе с ними и кораблей, оставалось всё меньше, но на шестом причале матрос с одной из шхун крикнул: «Стой здесь, я кликну капитана».

С корабля сошёл длинный худой тип и глянул на них:

— Ты навигатор? Умеешь двигаться по звёздам и знаешь розу ветров?

— Да. Мы опытные моряки, от нас будет прок.

— Могу взять только одного: мой штурман слёг с какой-то дрянью в животе позавчера.

Похоже, его уже не вытащить. На остальных мест нет.

— Тогда мы поищем ещё. Или все четверо, или никто.

И капитан пошёл искать дальше.

Тром посмотрел на вождя. Громила с сомнением сжал губы: решение капитана ему не очень нравилось, но он молчал. Поэтому и Тром не стал ничего говорить. А кораблей оставалось всё меньше, но работу никто не предлагал. Наоборот, все гнали их прочь, вплоть до последнего причала.

Когда они обошли всех, капитан немного разочарованно поглядел на свои ботинки и твёрдо произнёс:

— Переночуем в лесу и вернёмся завтра. Тут обязательно будут новые корабли. Нам нужно выбираться из этой дыры.

— Иди к тому, кто предлагал тебе место, — ответил Марк, — Уезжай с ним, а мы останемся. Может случиться, этот корабль уедет, и никто уже не найдёт места завтра.

— Но здесь нельзя оставаться. Этот город переменчив и коварен, как змея. Тут почти нет законов, а те, что есть, понятны лишь местным.

— Для нас этот город ничем не отличается от любого другого города низинников, поверь. Такие же непонятные законы и обычаи, странные люди со странной одеждой, непостижимыми шутками и старыми вождями. Мы ничего не потеряем, если останемся здесь. А с тобой можем уплыть ещё дальше от цели.

Капитан оглядел остальных. Понял, что Трома спрашивать бесполезно и обратился к моряку:

— Олаф?

— Пожалуй, я тоже попытаю счастья здесь, кэп. Разумею, мне есть, что предложить этому городу.

— Этого я и боялся. Что-ж мы, вот так и распрощаемся?

— Разве что проводим тебя до корабля...

— Вернулись? — окликнули их на шхуне, — Обождите.

Из трюма опять вылез долговязый и прокричал:

— Так и быть, готов взять сутулого. Двое громил в шкурах мне точно не нужны.

Капитан ещё раз глянул на Олафа, но моряк отрицательно мотнул головой.

— Я еду один!

— Отлично, поднимайся, я всё тебе покажу!

— Ну, кэп, вот и разошлись дорожки, — протянул ему руку Олаф, — Спасибо, что дал мне шанс.

— Постарайся не просрать его, — капитан ответил рукопожатием и устоялся на горцев, — Жаль, что так вышло с командой, но вы делали что могли. Может быть, без вас и я

был бы уже мёртв. Удачи, горцы.

Он шагнул на мостки, и все трое некоторое время смотрели ему вслед, пока Олаф не сказал: «Пойдём, нечего тут стоять».

Солнце уже садилось, и пора было думать о ночлеге, но возле одного из складов их окликнул человек:

— Эй, здоровяки, не желаете ли поработать? Видите те ящики? Чёртова матросня не занесла их внутрь. Заплачу вам крейцер, если сделаете это. Лёгкие деньги для вас. Что скажете?

— Деньги нам нужны, — пробасил вождь, — Тром, помогай.

Они взяли самый тяжёлый ящик и занесли внутрь, потом принялись за остальные. Лишь Олаф стоял в стороне с кислой миной и бездельничал. Тром не мог понять, чем он недоволен: сам недавно поучал их, что нужно трудиться, а тут отлынивает.

Горцы быстро закончили, и человек расплатился с ними, указав рукой напоследок:

— Вон, за углом есть дешёвый ночлег.

Когда они двинулись в ту сторону, Олаф тихо шепнул:

— Зря согласились.

— Это почему? Нам ведь нужны деньги...

— Мало ли что... Тут не на всякую работу стоит соглашаться...

И в этот момент им навстречу вышли трое, а ещё двое появились сбоку из-за угла дома. Тром увидел их сразу, и дубина сама собой оказалась у него в руке.

— Вы на чужой территории, ребятки. Платите, — Один из троих снял с пояса странного вида серп.

— И сколько? — прищурился Олаф.

— Всё, что есть.

— Давай решим это в поединке, — предложил Тром.

— С чего бы?

— Это честно.

— Пятеро против троих, расклад в нашу пользу, зачем мне его менять?

— Чтоб было по-честному.

— Пусть будет не по-честному, — ответил незнакомец.

Тром уловил краем глаза, что Марк резко дёрнулся, и тут же заорал один из тех, что вышли из-за угла дома.

— Тром, убивай! — взревел вождь, пока орущий падал на землю, держась за перебитую руку.

Поединщик взмахнул дубинкой, стараясь задеть хоть кого-то из троих, пока они не окружили его, но те бросились врассыпную. Правый оказался слишком близко к Олафу, и моряк напрыгнул на него, успев два раза пырнуть в брюхо, но грёбаный низинник не хотел умирать, и они стали бороться. Средний, с серпом, занёс его, чтобы полоснуть Олафа в спину, но Тром треснул его дубиной по башке. Бандит схватился за голову, отшатнулся назад, а горец едва успел выставить свободную руку, чтобы не подпустить к себе разбойника слева. Он схватил его за одежду на груди и вышло удачно, что Тром оказался выше: разбойник не мог дотянуться ножом до его бока, но сразу смекнул и полоснул поединщика по руке, и Тром пришлось огреть его дубиной дважды, упуская из виду того, с серпом.

Вооружённый ножом мешком грохнулся наземь, Тром развернулся к человеку с серпом, который был занят Олафом... Сзади дважды раздался чавкающий звук. Видно, Марк

расправился со своими боковыми. И действительно, в следующее мгновение громила присоединился к ним, и они втроем теснили бандита с серпом.

— И как теперь расклад? — ощерился Тром.

Серп дёрнулся в сторону Олафа, пытаясь пугнуть, потом бандит бросил его в Трома и развернулся, чтобы убежать, но дубина Марка опустилась ему точно на затылок. Крови Тром не увидел, и всё же, бандит обмяк и повалился лицом на землю. Пятеро лежали на земле, лишь один из них стонал, а Тром всё оглядывался вокруг, опасаясь, что кто-то ещё выскочит из-за этих вездесущих лачуг.

— Поэтому не стоило работать? — спросил Марк Олафа.

— И поэтому тоже, но не только. Прежде, чем что-то делать в этом городе, лучше сначала спроси меня, горец. Я раньше жил в таких местах.

Того, кто предлагал им работу, как ветром сдуло. Зато несколько человек пялились на них из разных щелей, не решаясь подойти. Марк взял серп, покрутил в руке, рассматривая с разных сторон, подошёл к трупу и с сомнением стал изучать ремень, на который этот серп подвешивался. В конце концов, он снял с ремня шлёфку для серпа и приладил её к собственной верёвке на поясе, пока Олаф обыскивал остальные трупы. Сноровистый моряк уже выудил пару кошельков и пригоршню монет в чужом кармане. Тром тоже не стал отставать и заграбастал себе парочку ножей с ножнами, а у одного бугая нашёл короткую палицу с шипами. Не очень удобную, но это было наверняка лучше палки.

— Что ты делаешь? — спросил он Олафа, когда моряк заглянул в трупы одному из мертвецов, которого Тром уже обыскал.

— Горец, ты разява, — Олаф выудил оттуда маленький плоский кошель, — Вы, кажется, хотели заработать денег, но сами их упускаете... Всё, пора сваливать, и так зависаем тут слишком долго. Ща дружки их придут.

Громила согласно кивнул головой и заметил:

— Но куда мы пойдём?

— Переночуем в лесу, а там будет видно.

И все трое двинулись дальше по грязным подворотням, быстро пробегая мимо перекошенных лачуг, торговых лавок, да рыболовных сетей, что висели тут и там.

В городе никто не остановил их. Завидев брызги крови на Олафе, порезанную руку Трома и пару капель на вожде, народ пропускал их. Когда спереди показалась опушка, с руки уже прилично натекло: с пальцев то и дело капало на землю. Тром повезло, что бродяга не догадался резануть руку изнутри, ближе к подмышке, где проходит артерия, а полоснул по внешней стороне предплечья.

Марк протянул ему тряпку:

— Ну-ка, перевяжись.

Тром смутно помнил, что это была косынка одного из бандитов. Он передал вождю палицу и приложил ткань к ране. И тут вождь позаботился, как мог, в отличие от самого Трома...

Они почти дошли до опушки, когда голос сзади окликнул их:

— Подождите, пацаны, дело есть!

Это оказался один из тех бродяг, что наблюдали за дракой. Он хромал на одну ногу и как-то странно выворачивал правую руку, да и вообще имел довольно жалкий вид.

— Если ты за тех ребяташек, что мы уложили отдохнуть, дак они сами полезли, — Олаф свирепо выдвинул вперёд голову, будто опять собирался драться.

Бродяга примирительно выставил руки вперёд:

— Парни, то не мои пацаны, я за них впрягаться не собираюсь, у меня другой вопрос. За Серпа наверняка его подельнички впрягутся, поэтому в районе Белой Блевотины лучше вам пока не появляться.

— Знать бы ещё, где он, — ответил Тром.

— Могу объяснить, то несложно.

— Позже, — оборвал вождь, — Зачем пришёл?

— Так, эта... Корешку моему, Йону-под-Картинкой, трое крепких ребят не помешают. Он недавно двоих потерял в стычке. Вы в городе люди новые, может, прицепиться к кому хотите? Тогда Йон — самое то, он пацан правильный.

— Где его искать? — Олаф всё так же глядел на него, недобро наклонив голову.

— Возле Ржавого Ножа. Могу провести по городу, чтоб вам ни на кого не нарваться.

— За дураков-то нас не держи, — усмехнулся Марк, — Может, ты Серпу этому как раз и служишь, которого мы к предкам отправили, а сейчас в засаду нас тянешь, чтоб отомстить.

— Зачем мне тогда с вами разговоры разговаривать? Не проще срисовать, где вы на ночлег уляжетесь, да прийти с десятком ребят?

— Затем, что я тебя тоже, как ты говоришь, срисовал. И хотел поймать да потолковать, когда в лес зайдём.

— Это может быть шанс, — тихо пробормотал Олаф, — Эй, хромуля, может, твой Йон будет не прочь встретиться на ничейной территории?

— Эт вряд ли. Не положено ему самому за тесаками бегать.

— А ты передай, что, так мол и так, правильные пацаны встретиться хотят, да есть кое-какие опасения у них. Ребята в городе новые, людей не знают, но ищут, с кем бы поработать, вот и предлагают, со всем уважением, встретиться тут, на опушке... Прямо слово в слово и передай. У вас же семь банд в городе, да? Как думаешь, долго эти горцы без дела тут будут шляться? Завтра слушок-то расползётся, их любой атаман возьмёт. Ты сам видал, как они дерутся.

— Это да... Ладно, передам Йону твои слова, посмотрим, что скажет. Как вас найти-то потом?

— Мы тут костёр разведём, ты увидишь.

— Добро, ну, я пошёл тогда.

И он, прихрамывая, двинулся обратно. Немного боком, оттопырив больную руку, похожий на большого краба.

Пока не стемнело, они разожгли костёр на опушке среди деревьев, так, чтобы его было видно из города, и принялись разбирать трофеи. Марк оставил себе серп, взял один нож, но и дубину с пояса снимать не стал. Тром повесил пару ножей на пояс и пытался приторочить туда же палицу, но, как ни вешал, она всё время мешалась. В конце концов, он решил, что пока будет носить её в руках. Будь у него другое, нормальное оружие, он бы тут же от неё избавился: короткая, тяжёлая, да и в руках всё время таскать. Но выбирать было не из чего. Олаф же увешался ножами, как только мог: теперь два из них, те, что побольше, висели у него на поясе, справа и слева, ещё один, специальный, он запрятал под рукав, и оставил тот, подмышкой, что был у него ещё с корабля.

Люди пришли с темнотой. Их было восемь. Они то и дело ругались, спотыкаясь об кочки, да опасно озирались по сторонам, когда увидели, что у костра пусто. Марк решил не давать незнакомым людям шанса застигнуть себя врасплох, и сейчас оба горца с Олафом

прятались за деревьями, а свет от костра, напротив, хорошо освещал тех, кто пожаловал в гости.

Тром разглядывал этих бандитов, которые не соблюдали никакого строя, а шли и вертели головами, каждый сам по себе. Ни щитов, ни брони. Их можно было перестрелять из луков даже втроём, правда, луков не было. Одно радовало Трома — эта компания явно не собиралась тихо красться. Значит, скорее всего, и нападать не будет.

— И кто из вас Йон-под-картинкой? — крикнул Олаф, не выходя из-за деревьев.

Все восемь человек разом повернули головы на звук, парочка особо пугливых потянулась за ножами.

«Дурни. Давно уже надо было их достать».

— Я Йон, — ответил тот, что выглядел покрепче остальных.

Единственный, кто вытащил оружие заранее — простой топорик на прямом древке и длинный нож, который он зачем-то держал обратным хватом.

Олаф вышел из-за дерева и пошёл навстречу. Тром дёрнулся было следом, но Марк остановил его.

— Перво-наперво, спасибо, что пришёл, — приветствовал его моряк, — Хромой говорил, у тебя есть работа.

— Три навоза рассказывал, как вы дрались. Если нужна такая работа, то она у меня есть.

— Такая — это какая?

— Дать в рыло кому, если лезут на нашу землю, забрать долг, купчишкам разъяснить, кому платить должны, коли в нашем доке встали. Ну и всё такое прочее.

— Что платишь за такую работу?

— Десяток крейцеров в день, плюс жратва и пиво с бабами бесплатно. И делёжка добычи, если где какой кипиш с парой трупов нарисуетя.

— Десять каждому. И добыча с убитых на randevу вся наша.

— Каждому. Тока с randevу ты перегнул. Четверть положена атаману, четверть его пальцу, что старший в шайке. Остальное тому, кто убаюкал. Я сразу смекнул, что ты не рыбак и не матрос. Зачем думаешь оттяпать то, что не твоё, если сам знаешь расклады?

— Вдруг ты не под атаманом ходишь? Вдруг сам по себе? Кто не шарит, тот хуярит.

— Всё так, но в этом городе каждая живая душа под атаманом, так что четверть его, четверть моя.

— По крайней мере, я попытался.

— Это значит «да»?

— Будь я один, значило бы. Но у меня есть компаньоны, — Олаф обернулся туда, где прятался Тром и крикнул, — Выходим, парни, драки не будет.

— Это всё, конечно, хорошо, но что мешает этим восьмерым наброситься на нас, если мы откажемся? — прошептал Тром.

— Йон этот пришёл к нам людей набирать. Это неспроста. Значит, недавно потерял кого-то. Набросится на нас, так ещё потеряет. Он не дурак вроде, не нужно ему это.

— Где вы там? Выходите, говорю!

Все повернулись в их сторону, и оба горца вышли с оружием в руках.

— Вижу, вы готовы драться, — смерил их взглядом Йон.

— Эти всегда готовы, — подтвердил Олаф, — Видел бы ты, что они вытворяли на корабле...

— На вас нападали пираты?

— Нет, но, если горцам не с кем драться, они дерутся сами с собой. Проклятые медузы, да они даже с воздухом дрались, веришь, нет?

— Так Три Навоза не соврал, это действительно горцы? Каким ветром вас сюда занесло? И что скажете о моём предложении?

— Да, но нам нужно больше десяти крейцеров. Так мы на корабль не накопим.

— На корабль? У вас долгий путь впереди... Больше вам никто не даст. Пока.

— Хорошо. Моему другу нужна баба боли. У вас есть?

— Баба боли? — Йон в недоумении уставился на Марка.

— Они так называют лекарей, — пояснил Олаф.

— В нашем районе два коновала. Сильно порезали?

— Бывало и хуже, — скривился Тром, — Что дальше?

— Пойдём, разместим вас где-нибудь. Сегодня ночь отдохнёте, а завтра объясню вам, что к чему.

На подходе к городу их остановил отряд из десяти человек с одинаковыми косынками на головах. Наверное, того же цвета, что были на нападавших, но во тьме не разглядеть. Тром перехватил палицу поудобнее и достал нож. Марк рядом снял серп с пояса.

— Эй, Картинка, почему бы тебе не отдать нам этих пришлых? — крикнул один из отряда.

— Они не пришлые, они с нами.

— Днём были пришлыми, и замочили пятерых моих ребят. Вот, за обраткой пришёл.

— Ребята твои слишком большой кусок захотели, вот и подавились. И ты сейчас близок к тому, чтобы повторить их ошибку.

Люди Йона подоставали ножи. Те, что были сзади, вышли на одну линию с передними. Тром уже думал, кто набросится на него первым и как с ним лучше расправиться, но главарь косыночников поднял правую руку вверх:

— Ладно, Картинка, в этот раз пожалеем ребят. А вы, громилы, ступайте осторожнее.

Он развернулся и пошёл прочь. Его люди, чуть погодя, двинули следом. Йон ждал, пока они уберутся подальше, потом махнул рукой, и все пошли в город. Они шли быстро, нигде не задерживаясь, и Тром понял, что они боятся нападения, но на пути попадались только мелкие банды по четыре-пять человек, которые не решались даже приблизиться к ним, а, оказавшись на пути, рассыпались по сторонам, как портовые крысы, которых внезапно спугнули. Горец смотрел вокруг и удивлялся — город, такой спокойный днём, ожил и забурился ночью. Люди сновали туда-сюда, у входов в магазины и таверны зажигали факелы, куда-то спешили компании по несколько человек, баб на улице стало больше — они стояли у каждой таверны, то и дело приподнимая платья и оголяя ноги. В этот раз горец тоже не смог запомнить дорогу.

Йон привёл их к большому двухэтажному дому. На первом этаже пили, бросали кости и играли в карты. Йона приветствовали кивками, пока он вёл их на второй, потом через узкий коридор, за каждой дверью которого кто-то кого-то трахал, судя по звукам. Комнатка, в которую они вошли, была шагов семь в длину и пять в ширину, и в ней не было ничего, кроме четырёх простых кроватей по углам. За стеной кто-то стонал, бельё на кроватях было явно несвежее, но Тром не терпелось улечься: он сильно устал за день, да и голова уже начинала слегка кружиться.

— Жить будете здесь, — сказал Йон, — Жила, ты с ними пока. И сбегай за нашим коновалом, не то этот горец тут всё заляпает. Кстати, как вас звать?

— Это Марк, это Тром, а я Олаф.

— И кто из вас главный?

Олаф пожал плечами, Тром указал на Марка, а громила вообще не шевельнулся.

— Занятно. Ладно, у меня осталась ещё пара дел на сегодня, отсыпайтесь, завтра поговорим.

Йон ушёл, а с ними остался паренёк небольшого роста с длинной сальной чёрной чёлкой. На вид лет шестнадцати.

— Я Жила, если кто не понял. Йон сказал, коновала надыбать, сейчас пойду за ним, а вы сидите тут, коли не хотите опять с кем-нибудь сцепиться.

— Не хотим, можешь нам поверить, — ответил Марк, — Пока не убежал, где тут отхожее место?

— Идём.

Марк вернулся через пару минут.

— Странная корчма, — сказал он, прикрывая дверь в комнату.

— Чего-ж в ней странного? Самая обычная, — моряк уже облюбовал кровать у окна.

— Бабы полуодетые, как те, которых ты шлюхами обзывал. И, вместо того, чтобы кухарничать, всё норовят на коленки мужам сесть.

— Эти тоже шлюхи. Тут пол города шлюхи.

— А воины их, что снаружи стоят, почему настороже?

— Война у них.

— С кем?

— С соседними районами.

— И давно?

— У них всегда война.

— Быстро схватываешь, морячок, — в дверь скользнул парнишка с сальными волосами.

Следом за ним вошёл согбенный, однако, не совсем ещё старый, человек:

— Кого полоснули?

Сальный указал на Трома, и горец уселся в кровати.

— Я Нурик, — согбенный сел рядом и принялся разматывать окровавленные тряпки, а глаза его забегали, изучая Трома, — Вы не отсюда.

— Да ты наблюдательный. Как догадался?

— Что с вами приключилось?

— Пришли работать и торговать, — горец поморщился, когда повязка отлепилась от раны, — Заработали пару монет, и нас хотели ограбить, но вместо поживы получили смерть. Один, вот, порезал меня.

— Пришли, говоришь? Так вы охотники, из лесу? Постой, постой... Вы ж Серпа укокошили. Не, вы не охотники.

— Наш корабль затонул, — вмешался Олаф, — Ищем, к кому бы приткнуться. Ваш Йон, что скажешь про него?

— Справный пацан. Тока везде, где какой кипиш, он первый. То ли Медный его туда запрягает, то ли сам он лезет, — Нурик промыл рану, нанёс резко пахнущую мазь и уже почти замотал новым бинтом, — Впрочем, меньше знаешь — крепче спишь.

— Медный? — Олаф подался вперёд, — Атаман ваш?

— Ага.

— Расскажи про него.

— Я и так разболтался, — коновал затянул узел на бинте, — У кого язык без костей, те рискуют отправиться на корм рыбам.

— В натуре. Выглядит хоть как?

— Свирепый, злой, три медных зуба у него сверху, нижняя губа посечена.

— И на том спасибо.

— Угу. Йону привет.

Лекарь вышел, Тром улёгся, а Жила всё глядел на серп, который Марк поставил в оголовье кровати.

— Ты прибил Серпа, да? Он зарезал пару наших, многие тебе спасибо скажут.

— Вот как? Пока не буду выбрасывать эту хреновину, раз такое дело.

— Ты хотел снять серп?

— Паршивое оружие. Слишком короткий для меча и слишком длинный для ножа. Ещё и скруглённый, доспех не проколоть. Разве что режет хорошо, если полоснуть.

— Доспех? — Жила пялился на Марка, как баран на новые ворота.

— Вижу, у вас тут их не носят. Зря это.

— Мы ж не солдатня и не графья.

— Станный у вас город, — задумчиво продолжал Марк, — Дерутся как попало, без строя. Ни доспехов, ни щитов. Даже гамбезонов, и тех нет. К предкам торопитесь?

— Мы всегда так. Мож, бабу вам какую привести? Шлюху там...

Все молчали. Трому точно было не до этого, и он расслабился, когда Олаф ответил за всех:

— Не сегодня. Твой старший, Йон, просил нас выспаться. Завтра что-то намечается?

— У него последние месяцы через день что-нибудь намечается. То Медный продыху не даёт, то сам в базары гнилые влезает. Фартило ему, пока с неделю назад пятёрку его не зарезали.

Из этих странных слов Тром уловил только, что Йон потерял пятерых, и что сидеть без дела им не придётся. Жила с остальными стали болтать о разном, Тром пытался слушать, но слова ускользали, веки тяжелели, и он быстро очутился по ту сторону сна. Ему снилось, что их корабль цел, и они плывут дальше, а у Свена получается всё лучше с мечом. Снилось, как Свен машет ему из своего гнезда на мачте, а море сверкает под ярким утренним солнцем. Как Свен обнимает его после бури, радуясь, что Тром живой. Горец отлепил от себя мальчишку и посмотрел ему в глаза. Свен улыбался, но вдруг из его глазницы выполз краб, кожа стала бледной и рваной, морские твари так и кишели в нём. Тром отшатнулся, горечь утраты опять резанула по нему, и в этот миг волна накрыла их обоих и погрузила во тьму. Он чувствовал, что воздух кончается, а вокруг лишь тёмная вода и неясно, куда плыть. Лёгкие почти лопнули, он сдался, вдохнул солёную воду и проснулся на грязной кровати в корчме.

Марк храпел, за стеной прерывисто дышали, внизу кто-то распевал грубым голосом. Горец подумал, что надо бы найти Свена и похоронить его ещё раз, но понял, что это был лишь сон.

Почему-то Тром посмотрел в окно, но не увидел там ничего угрожающего, проверил, заперта ли дверь, уложил оружие поудобнее, и только тогда заснул снова.

Утром его разбудил жуткий голод. Горец засобирался, следом проснулся Марк и сел на кровати. Олаф услышал возню, приоткрыл один глаз. Только Жила всё так же дрых. Тром приблизился к нему, рядом кряжистой глыбой навис Марк.

— Эй, парень, просыпайся, — горец слегка толкнул Жилу.

Мальчишка застонал в ответ и пробормотал сквозь сон:

— Отстань, вонючка, иди рыбу чисть.

— Какой я тебе вонючка?! — Тром пихнул посильнее.

Парень дёрнулся, проснулся и ошалело уставился на них. Воины расхохотались, и это живо напомнило Тромму старые добрые времена, когда они с Марком были просто друзьями.

— Нам бы пожрать чего-нибудь, — добродушно пробасил громила.

— Сейчас, — парень стал поспешно одеваться, потом вскочил и махнул им рукой, выходя из комнаты. Они поспешили следом, спустились на первый этаж, но в зале было пусто, лишь один пьянчуга спал за столом, да головорез возле двери поигрывал ножом, пытаясь разогнать скуку. Тогда Жила повёл их по коридору за барной стойкой и принялся барабанить в толстую деревянную дверь:

— Эй, Хмель! Открывай, ротозей. Люди Йона хотят жрать!

Отворилась соседняя дверь, из-за которой высунулась согбенная женщина в лохмотьях. Одно плечо у неё было выше другого, а волосы, хоть и не такие сальные, как у Жилы, чёрными колтунами лежали на плечах.

— Он лёг с час назад, не добудитесь. Могу сделать вам яичницу.

— Пошевелись, Эльза, — Жила сдул сальную чёлку со лба, — Не то эти два снежных человека сожрут тебя.

Когда она поставила им на стол три тарелки, Олаф уже спустился и, ничуть не смущаясь, выхватил тарелку у Жилы из-под носа.

— Эльза, сделай ещё одну, — злобно пробормотал Жила, — А ты, морячок, почаще оглядывайся.

— Дурак ты, малой. Далась тебе эта тарелка, угрозами бросаться из-за неё? Мы с дороги, устали.

Эльза поставила перед ними четыре кружки пива.

Тром тут же хлебнул:

— Слишком крепко. Разбавь.

Марк тоже попробовал и кивнул:

— Да, нужно разбавить.

Эльза удивлённо смотрела на них, будто загоразживаясь своим неестественно задранном плечом:

— Может, вам ещё молока принести?

— Можно и молока, — одобрительно кивнул Марк.

Эльза взяла их кружки и убежала, а Тром только сейчас заметил, что парнишка удивлён не меньше.

— Молока? — насмешка так и пробивалась сквозь удивление.

— Вам, низинникам, видать, невдомёк, что, коли с утра пивом напиваться, дышать будешь плохо, и голова в бою закружится.

— Ну и что? — ответил Жила, сделав очередной глоток.

Марк выдохнул, разочарованный, что приходится объяснять такие простые вещи:

— Пропустишь то, чего пропускать не должен.

— Вас поднимут насмех, как только узнают.

— Я сам посмеюсь над этими пьяницами, — вмешался Тром, — Когда буду охаживать их дубиной за глумление над вождём. Напиваться с утра, это-ж надо такое удумать!

Олаф сделал глоток и отставил кружку:

— Здесь для этого хорош любой день и час, ведь тебя могут в любой день прирезать, так хоть напиться напоследок.

Марк помотал головой, видно, собираясь возразить, но Жила опередил его:

— Нам нужно заглянуть к Йону. Пусть скажет, что с вами делать.

«Чего так рано?» — первое, что сказал Йон, когда открыл дверь. Заспанный и в одних трусах, он всё же не распахнул её сразу, а опасливо заглянул в щелку, при этом держа топорик в другой руке. Тром решил перенять эту привычку, ведь подлость низинников не знает границ и нужно быть готовым к любой из них.

— Дык эти уже проснулись, ну я и подумал, раз такое дело...

— Ладно, вот что, — перебил Йон, — Наведайтесь в наш притон возле дегтярни. Хозяин должен нам за неделю, нужно забрать плату. Не захочет отдавать, лупите его, но чтоб притон остался цел.

И вот они уже обходят дегтярню. Тром морщится от резкого запаха, пока в его нос не забивается запах ещё более неприятный — запах курильни. Жжёная дурь, перемешанная с запахом грязных тел и нечистот за углом. Внутри полутёмное затхлое помещение, насквозь продымлённое. Тела валяются тут и там. Марк рядом гулко закашлял — кажется, что эта лачуга сейчас развалится от его баса. Они проходят вглубь, перешагивая через людей. Один преграждает им путь, и Олаф толкает его прочь с дороги. Наконец, все четверо останавливаются около двери, и Жила стучится. Тишина. Жила стучится снова, потом ещё раз. Ответа нет.

Парень глянул на Марка:

— Придётся открывать силой.

— Обожди, молодой, — Олаф подходит к двери и щупает замок, — Йон сказал не портить тут ничего. Малой, надыбаешь мне штырёк, спицу, или гвоздь какой?

Жила набычился и гневно посмотрел на Олафа.

— Пожалуйста, — выдавил из себя моряк.

Жила всё-таки ушёл и через минуту вернулся с шилом в руке.

— Отлично, — Олаф забрал шило себе и стал ковыряться им в замке, одновременно помогая ножом. Замок щёлкнул, и моряк открыл дверь.

Внутри почти не было дыма, а окно напротив двери хорошо освещало комнату. Тром прикрыл дверь, чтобы не задымить опять. Но кровати справа от окна валялась парочка. Жила пытался растормошить их, но ничего не выходило. Тогда Олаф схватил кувшин с подоконника и одним махом вылил на спящих. Внутри оказалась какая-то брага. Хозяин лавки, трясаясь, сел на кровати, а женщина прижалась к стене, натянув на себя одеяло. Хозяин силился что-то сказать, но дрожь во всём теле заставляла его зубы стучать.

— Деньги давай, ты за неделю должен, — Жила вlepил ему пощёчину, — На кой хер ты опять обожрался клёцок?

— Клёцки? — удивился Тром.

— Это дурь такая, — Олаф задумчиво глядел то на бабу, то на мужика, — Бес-траву курят, а эти шарики под язык кладут, пока не растворятся, а потом уже улетаешь.

В горной стране бес-трава была под запретом, а маковый отвар разрешалось варить только бабам боли. И, глядя на этот притон, Тром понимал, почему.

Тем временем, Жила насел на дрожащего, раздавая пощёчины с обеих рук, а тот только сильнее дрожал.

— Стой, погодь, — Олаф схватил парня за руку и вперился взглядом в хозяина

притона, — Монеты давай, не то отдам тебя ему, — кивнул моряк на вождя, — Или девку твою.

— Тупица, я говорила, шли нахер этого барыгу! Теперь нам обоим пиздец, и всё из-за него! — визжала баба.

— Постой-ка, — прищурился Олаф, — Какого барыгу?

— Сегодня утром приходил барыга с района кож, — баба слезла с кровати, не выпуская из рук одеяла, но оно сползло сзади, открывая голую спину и задницу, — Вот здесь были ваши монеты, — она выволокла из-под кровати сундучок, — Правда, этот мудака утром отдал всё барыге, и теперь там сущие гроши.

Она достала из-под подушки ключ и отперла сундук.

Жила пересчитал то, что было внутри, и скривился:

— Тут нет и четверти... Ладно, вернёмся к Йону, расскажем всё, пусть сам решает.

— Погодь, молодой, не торопись, — Олаф потёр пальцами подбородок и посмотрел на бабу, — Давно он ушёл?

— Этот мудила закинулся, и мы разок перепихнулись.

— Где остальная дурь?

Она выволокла бумажный свёрток из-под подушки.

— Собирайся, пойдёшь с нами.

— В какой ёбаный пиздец вы хотите меня втянуть?

— Просто покажешь нам этого барыгу.

Девка испуганно смотрела, но не шевелилась.

— Не то отдам тебя ему, — в очередной раз указал на Марка Олаф, — Он елдой своей пополам тебя разорвёт.

Марк сделал движение бёдрами вперёд, будто круглый дурак в предвкушении сладенького. Юродливая улыбка дополняла глупый вид. Девка резко засобиравалась.

Они шли грязными узкими переулками. Ребята в кожаных куртках шептались, завидев их, и показывали то на горцев, то на Жилу, но пока никто не преграждал им путь.

— Во что мы ввязались, дядя? — злобно и тихо спросил паренёк у моряка, — У нас с кожаными всё ровно, не порть малину.

— Не ссы, малой.

Им повезло — барыга как раз ссал за углом двухэтажного дома.

Девка украдкой указывала на него, словно боялась, что это заметит ещё кто-то. Олаф сделал ей знак рукой, что-то шепнул, и она тут же скрылась. Они обступили барыгу вчетвером.

— Не дёргайся, дружище, — приветствовал его моряк.

— Это ты убил Серпа, — сказал барыга, глядя на Марка, — От меня что нужно? Я в драку не лезу.

— Мы не драться, — Олаф достал свёрток с дурью, — Ты только что продал это хозяину курильни на земле медных.

— И что с того? Чё надо? Ща ребят кликну, живыми не съебётесь. Он сам меня позвал.

— Да так-то ничего, только расплатился он деньгами Медного.

— Ну и спрашивай с него.

— Да уже. Только вот, понимаешь, он говорит, ты его посадил на эти клёцки. Ща я Йону расскажу, а он Медному. И Медный будет знать, кто его дойную корову превратил в конченного торчка.

— Ко мне чего пришёл?

— Есть предложение, — Олаф тряхнул свёртком, — Он тока разок с этой кучи закинулся. Забирай её обратно, а нам монеты верни. Я решу с Медным.

Барыга молча рыскал по ним взглядом.

— Решайся. Завтра я тебе такое не предложу.

— За тот раз, что он успел, я себе деньги оставлю.

— Хорошо, думаю, Медный не будет против...

Барыга вынул из-за пазухи кошель, отсчитал несколько монет и высыпал остальное Олафу. Они развернулись, чтобы уйти.

— Стой, — окликнул барыга, — Тут за тот раз и ещё крейцер сверху. Пусть Медный вообще про меня не знает.

— Лады. Ты ещё скажешь мне спасибо, — Олаф высыпал эти монеты в нагрудный карман к тем, что уже были там.

Из-за угла на них пялился боец в кожанке.

— Всё по чесноку, — примирительно поднял руки моряк, — Мы ему товар, он нам деньги. На вашей земле никого не грабим.

Под пристальными взглядами они убрались из переулка и быстро ушли в сторону своего района.

...

— Зачем вы попёрлись на чужую территорию? — Йон давно проснулся и сейчас нервно расхаживал по своей комнате. Жила стоял рядом и улыбался, видно, предвкушая, как будут разносить Олафа. Но Тром видел, что моряка это не пугает.

— Мы нашли барыгу, который подсадил твоего толкача на дурь, — Олаф вытащил деньги из кармана, — И расплачивался толкач твоими монетами.

— Что вы сделали с барыгой?

— Вернули ему дурь. Всё ровно, претензий нет.

— С кожаными не поцапались?

— Даже в мыслях не было. И они желанием не горели, можешь мне поверить.

— А мой толкач?

— Живой. Пока. Давай дадим ему ещё неделю. Если вконец сторчался, поменяешь, не то он загубит курильню.

— Дело говоришь. Я смотрю, ты умеешь решать проблемы, — Йон отсыпал часть монет и передал обратно моряку.

— Спасибо. Я знал, что ты оценишь, — Олаф протянул часть горцам, а часть убрал за пазуху, — Походу, кошелёк пора заводить.

— Вы что скажете? — Йон глянул на Трома.

Горец указал на стол, где лежало оружие Йона:

— Где бы нам разжиться таким топориком?

...

Тром вертел в руках ладный топорик. Он сам добавил бы чекан на обратной стороне и шип сверху, но и без них топор был не плох: древко нужной длины, лезвие закреплено как следует, не тяжёлый — гораздо лучше того оружия, что было у Трома. Ещё ему удалось разжиться отличным луком. Он в очередной раз подивился, что воины в этом городе не носят луки. Наверное, поэтому в лавке оружейника этот добротный лук валялся в дальнем

углу. Зато на прилавке разложили тесаки, ножи, кинжалы, мечи и топоры. Ни копьями, ни щитами местные себя тоже не обременяли. Тем проще Марку было сторговаться за круглый щит, который громила терпеливо подгонял под свою руку вот уже второй час.

— И чё, терь всё время буш с ним таскаться? — усмехнулся один из головорезов Йона.

— Поверь, однажды он мне пригодится, — вождь надел щит на руку и повертел предплечьем, проверяя, как сидит, — Ну-ка, Тром, тресни пару раз для проверки.

Горец подхватил дубину и несколько раз перетянул по щиту.

— Сзади подойдут, и всё, жопу им не прикроешь, — не отставал бандит, сидящий за соседним столом.

Всего их собралось двенадцать человек. Посетители кабака сторонились их компании — видно было, что люди собрались на дело.

— Хватит задницы просиживать, — крикнул Йон, — Пошли.

Люди с ножами, тесаками и короткими мечами нестройной цепочкой выходили из кабака. На улице все сбились в кучу, и Йон повёл их в сторону моря. Тром слышал, как Олаф спросил его:

— Так чё за кипиш намечается?

— Красные у нас кабак отжали. Типа, хозяин преставился, а его брат родной из ихних, и кабак его теперь. Тока хер им, он на нашей территории.

— Много человечков напротив будет?

— Что ни есть, все наши.

— Говорят, два десятка тама, — вмешался один из бойцов.

— Большой перевес, Йон, — покачал головой моряк.

— Ты чё, зассал, пришлый? За вами вроде такого не водится. Как заходим — мочим сразу всех, у нас внезапность. Да смотри, заднюю не дай!

— Потери будут, если в лоб, — заключил шедший рядом Марк.

— Вам больше добычи.

— Дай осмотрюсь сначала, Йон, — не отставал Олаф, — Один туда загляну, потом решим, что да как. Зуб даю, не пожалеешь.

Йон хмуро глянул на него:

— Тока учти, дружки твои у меня, если чё.

— Зря ты крысу во мне увидел.

— Вот и поглядим, — он поднял вверх руку, — Стоп. Ща этот осмотрится, мы тут пока. Налево и сразу направо, там русалка деревянная на входе, и быстро давай.

Олаф ушёл, а Тром смотрел на парней Йона: сколько из них переживут эту стычку, не имея ни щитов, ни доспеха? Они все были молодые, но корчили из себя опытных, повидавших много чего. Может, оно так и было, только Трома смущало, что они, похоже, так ничему и не научились. Это была идея Марка — спросить Йона про разведку. Почему он сделал это через Олафа, Тром не понимал, но перечить вождю не стал.

Моряк вернулся и подошёл к Йону, жестом подзывая и горцев.

— Ну что там?

— Я насчитал восемнадцать бойцов. Кто-то ещё может быть в комнатах. Те, что в зале, сидят и пьют. Празднуют что-то.

— Корчму на халяву они празднуют, — скрипнул зубами Йон.

— По всем столам расселись, лишних людей почти нет.

— Внутри как там всё? Двери, лестницы? — спросил Марк.

— В зале потолок высокий, можно на второй этаж подняться и глядеть на всех сверху, вроде балкона.

— Лестница одна туда? — всё выпытывал вождь.

— Одна.

— Нам с Тромом надо туда, Йон. Он будет сверху стрелять, я лестницу займу, а вы на входе встанете. Они на вас побегут, им деваться некуда, Тром их в спину застрелит.

— А если на тебя побегут?

— Разом все на лестнице не уместятся, по одному управлюсь, со щитом — так точно, не сомневайся.

— Как ты окажешься на втором этаже? Они тебя увидят в зале, сразу смекнут всё.

— В окно влезем, — ответил за громилу Олаф, — Там бочки есть, по ним заберёмся. Тока учтите, горцы, без шума надо.

— Не, бродяга, ты со мной пойдёшь.

— Всё не веришь?

— Ничего, вдвоём справимся, — отрезал Марк, — Я вам крикну, когда мы с Тромом будем на месте, тогда врывайтесь. Ладно, Йон? Не раньше.

Праздного народа вокруг кабака не оказалось — неужто, люди здесь научились чувствовать, где не стоит отсвечивать? Только два бугая из красных ошивались у входа, но были слишком глупы и небрежны, чтобы держаться там, где их видят товарищи из кабака. Поэтому их скрутили и прирезали ещё до того, как они успели закричать.

Тром так и не понял — то ли они пьяные, то ли не признали сразу парней Йона.

Марк показал на открытое окно сбоку, под которым громоздилось несколько бочек. Стараясь не шуметь, они принялись делать из бочек лестницу. В подворотне прилично пованивало, но Тром заставил себя не обращать на это внимание. Когда пирамида из бочек была готова, Марк жестами показал, что Трому лезть первым.

Тром взбирался медленно, стараясь не ухнуть с бочек, и, когда он заглянул в окно, то понял, почему оно открыто — в нос ударила отвратительная вонь свежей блевотины. Он обвёл взглядом комнату — кровать, на которой возились двое под одеялом, да стол со скамейкой, больше ничего примечательного во тьме он не разглядел. Тром пожалел, что обитатели не спят. Тем временем, возня под одеялом усилилась, и он понял, что настал лучший момент, перегнулся через подоконник и тихо положил лук и топор на пол. Стараясь не задеть о подоконник ножами, висящими на поясе, горец аккуратно перелез сам. Дал Марку знак, подхватил оружие и присел сбоку от окна.

Горец хотел дождаться своего вождя, чтобы убить трахающихся людей вдвоём, так меньше шума. Верзила уже показался в окне и, как Тром минутой раньше, сначала положил оружие на пол. Он как раз хватался руками за подоконник и уже ставил на него одну ногу, когда раздался треск. Похоже, бочка не выдержала и крышка проломилась. Марк едва не соскользнул, но удержался. А Тром одним прыжком оказался у кровати и рубанул по голове. Мужик как раз обернулся на шум, и топор угодил прямо в лоб. Полетела кровь и осколки черепа, он обмяк и придавил собой шлюху, заливая её кровью. Бешено вертя глазами, она открыла рот, чтобы закричать, но Тром левой ладонью прикрыл его, а правой стиснул бабе горло:

— Тихо.

Она пару раз дёрнулась и потянулась под кровать.

— Не советую.

Оба они уже перепачкались в крови, когда Марк, пыхтя, влез в комнату, подошёл и заглянул шлюхе в глаза:

— Хочешь жить?

Та кивнула, как могла.

— Тром тебя сейчас отпустит, а ты будешь вести себя тихо, хорошо? Нам незачем тебя убивать, если не мешаешь. Нам нужны красные.

Тром отпустил её, она тут же спихнула с себя труп и испуганно спросила, брезгливо и судорожно стряхивая с себя кровавые ошмётки:

— Кто вы такие, мать вашу?

— Мы люди Йона.

— У него нет таких громил.

Она часто дышала и прыгала глазами с одного горца на другого:

— Это вы убили Серпа, да? Люди говорят, это были два великана в шкурах.

— Это мы, — кивнул Марк, — Не кричи, хорошо?

Она натянула на себя одеяло и покивала.

— Тром, бери лук и пойдём.

Они вышли в коридор и повернули направо, к свету, что шёл из зала. Прошли на балкон, и Марк встал возле лестницы. Тром же вышел на середину балкона и наложил стрелу.

— Йон, заходи! — заорал вождь так, что задрожали стены.

Самый расторопный красный вскочил со стула и тут же получил стрелу в живот. Пока Тром накладывал новую, двое уже бежали к Марку, а люди Йона с грохотом ворвались в кабак и сгрудились у входа, оцетинившись клинками. Тром видел, как громила встретил ударом топора того, кто первым взбежал к нему на лестницу. Бандит, спасаясь, отшатнулся назад, налетев на своего товарища, и они замешкались на ступенях. Тром натянул тетиву и выбрал цель — зацепившегося ногой за стул бандита. Стрела угодила ему в шею. Следующим был сурового вида боец с двумя ножами, который не лез на рожон, а выжидал момента, чтобы кинуться на парней Йона. Его соратники поняли, что угроза со спины не уступает угрозе со входа, а от бандитов, убежавших на лестницу, толку нет — Марк успешно держал позицию. Трое замешкались, не зная, что им делать — спастись от стрел, или драться с бойцами у входа. Промедление обернулось для них смертью — парни Йона тоже не дремали. Красные поняли, что им обязательно нужно прорываться на балкон — в Трома полетели стулья и ножи, двое бандитов зацепились, пытаясь подтянуться вверх. Тром треснул пяткой по руке одного из них. Ещё двое убежали на лестницу, помогать справиться с Марком, но пока только бестолково толкались на ней.

Тром пригнулся от летящего ножа, столкнул почти взобравшегося на балкон бойца и увидел, как из коридора — того самого, из которого вышли они с вождём — выбежали двое красных.

— Марк, сзади! — крикнул Тром, и заметил краем глаза, что в него что-то летит. Он пригнулся, но это что-то ударилось о потолок и отлетело ему прямо в макушку.

«Железное», — подумал горец, балкон покачнулся влево, в глазах слегка потемнело, а волосы сверху начали мокнуть. Он бросил лук и, пошатываясь, вытащил секиру из-за пояса.

Тром вовремя предупредил Марка, но тому пришлось уступить позицию, иначе бы его зарезали со спины, и сейчас оба горца стояли на балконе против шести красных — двоих из коридора и четверых с лестницы. Двое бросились к Трому. Он махнул топором в сторону одного и еле успел отпрыгнуть от второго — туман в голове мешал быстро реагировать.

Марка уже почти обошли, почти прижали к перилам балкона, когда Тром, наконец, пришёл в себя. Он два раза пугнул топором того бандита, что занимал его всё это время, а третьим ударом разрубил ему плечо. Бандит выпустил ножи, упал и схватился за рану. Тром вмазал опять, и тот второй, что заходил к Марку с правой руки, упал лицом вниз, поливаясь кровью из страшной раны промеж лопаток. Марк принял пару ударов на щит, отмахнулся топором, и они вновь восстановили строй — теперь уже вдвоём против четверых. На удачу, по лестнице взбежали ребята Йона, и красным пришлось сражаться на две стороны. С ними покончили за какой-то десяток вдохов. Почти всех перебили горцы — двоих лицом к лицу, ещё одного — в спину. Одного зарезал парень Йона, да и то после того, как Марк удачно толкнул его щитом.

Тром добил того, первого, который валялся на полу с разрубленным плечом, выдохнул и окинул корчму взглядом: люди Йона добивали стонущих красных. Из находящихся в зале не выжил никто, кроме кабатчика и его помощницы, что прятались за стойкой. Трупы валялись кругом — на полу, на столах и под столами, беспорядочно раскинув конечности и заливая всё кровью.

Люди Йона уже начали деловито обыскивать их. Монеты меняли карманы, оружие — владельцев, обувь тоже снимали, гадая, что с ней лучше сделать — продать, или носить самим. Никто не трогал тех, из кого торчали стрелы и пятерых на балконе.

— У тебя кровь, — Марк протянул Трому кусок рукава, оторванный у одного из красных.

Тром посмотрел на ткань — вроде чистая — и приложил к макушке, чтобы остановить кровь.

— Вождь, давай осмотрим нашу добычу, пока это не сделал кто-то другой.

Поединщик присел над одним из трупов, заглянул в карманы, забрал себе оружие и уже хотел было приступить к следующему, но рядом присел Олаф.

— Говорил же тебе, лучше ищи... В сапогах, в трусах, в поясе. Запомни: то, что глубже всего запрятано, всегда ценнее.

И действительно, ловкие пальцы моряка отыскивали тайник в каблуке, где уместилось аж три золотых. Тром подозревал, что те вещи, которые нашёл он сам, не стоили и половины этих денег. Следующий тайник горец смог найти без помощи Олафа — он прощупал ремешок и обнаружил пару монет внутри. Потом они с Марком спустились вниз. Два легко раненых бойца Йона с остальными шарили по трупам, а в стороне сидел ещё один раненый, держась за ногу и живот. Сам Йон навис над помощницей кабатчика, которая о чём-то слёзно его умоляла.

Марк присел у раненого, бегло осмотрел порезы и подошёл к Йону:

— Почему никому нет дела? — указал он на умирающего.

— Сначала разберёмся с трофеями, иначе всё растащат без нас.

— Из него сейчас вся кровь вытечет.

Тром не стал дожидаться приказа вождя и сам нарвал тряпок для бойца, благо, собственную повязку удалось кое-как закрепить на голове. Когда он склонился над уже сильно бледным человеком, тот прошептал:

— Добычей всё равно не поделюсь.

Тром увидел, что у него за пазухой лежит явно чужой кошель и пара ножей в ножнах.

— Не боишься, что кто-то заберёт её с твоего хладного трупа? — горец стал стягивать рану на ноге.

— Смерть всегда под нами ходит.

За спиной Тром услышал голос Йона:

— Раз тебе это так важно, горец, можешь оттащить его к коновалу прямо сейчас.

— Клянусь мечом, я так и сделаю, — ответил Марк, — Он бился с нами.

Вождь подошёл к ним, вместе они закончили перевязывать живот, потом он взвалил раненого себе на плечо и позвал:

— Олаф!

Моряк проворной бесшумной тенью очутился рядом:

— Чего вам, горцы?

— Присмотри за нашим добром, пожалуйста. Мы идём к лекарю.

— Что смогу, сделаю. Вы двое славно поработали сегодня, у наших и ран серьёзных нет, кроме этого, — кивнул он на плечо Марка.

— Встречаемся в нашей комнате, — бросил громила напоследок и вышел из кабака.

Тром шёл за ним, стараясь не растерять добытое добро, а это было не так-то просто с луком в одной руке. Раненый следил за дорогой, слабеющим голосом указывая, где какой поворот. Наконец, они дошли до огороженного деревянным забором дома, и Тром принялся стучать в калитку. Он уже готов был выломать её, но им всё же открыл давешний лекарь.

— Опять ты? Всё тебе неймётся?

— Со мной потом, Нурик. Сейчас его лечить надо, да поскорее.

Лекарь глянул на истекающего кровью:

— Это да, времени у него почти не осталось. Йона пацан?

— Ага.

— За мной идите.

Он провёл их в комнату. Внутри пахло кровью. На большом столе сидела баба с новорожденным на руках.

— Давай, слезай отсюда, — распорядился Нурик.

— Куда-то я пойду?

— Нечё тут кудахтать. Тебе помог, дай другим места. Ну, пшла вон, ишь, раскудахталась...

— Омой меня хоть.

— Некогда, сама отмойся где-нибудь.

Баба засобиралась быстрее, когда над ней навис Тром. Марк уложил парня на освободившийся стол.

— Сэра! — крикнул лекарь.

— Что, Нурик? — донеслось из глубины дома.

— Ещё воды и дрокову мазь, и побыстрее.

Он возился долго, а Марк помогал ему. Поединщик всё это время сидел на табуретке у окна и понемногу дурел от раны на голове. Нурик закончил с бойцом и показал Марку, куда его отнести. Потом он вернулся и сразу снял повязку с Трома.

— Вчера тебе порезали руку, сегодня пробили голову. Хорошо ещё, что попали тупым концом. Что это было? Топор? Навершие ножа?

— Не помню.

— Держись подальше от всяких стычек хотя бы дня три.

— На моём счету сегодня пятеро, между прочим.

— Можно убить множество людей, но умереть дано лишь однажды, подумай над этим.

Врач промыл рану и принялся выбривать череп вокруг. Тром сжал зубы и терпел, пока его брили, а потом накладывали швы.

— Пиво, ром, бренди пока не пей. Лучше сладкую воду, так быстрее пройдёт.

— Знаю.

— Откуда?

— У нас в горах тоже есть лекари, правда, зовут их немного иначе. Пить вообще вредно, когда получил по башке. А много пить вредно всегда.

— Не думал, что когда-нибудь услышу такие слова в этом городе. Загляни через пару дней. Нужно решить, что делать с парнем, да и твою рану посмотрю.

— Здесь все берут деньги за работу, нужно заплатить тебе.

— Бойцов Медного я лечу бесплатно.

— Мы не его бойцы.

— Вы бойцы Йона, а, значит, и его тоже. Кто вам этот парнишка?

— Дрался вместе с нами.

— Вот как? Что-ж его друзья? От трофеев не оттащишь?

— Да.

— Обычное дело, как ни прискорбно об этом говорить... Вы, значит, из другого теста... Заходите ещё. Чувствую, не в последний раз нам беседу вести.

На выходе они увидели ещё двоих бойцов Йона, которые сами доковыляли до лекаря.

— Эй, где логово Йона? У нас там комната, но я забыл, как идти, — окликнул Марк одного.

— Туда и прямо, — указал бандит, — Хорошая драка сегодня была. Говорят, с балконом ваша идея. Нам повезло, что Йон вас взял. Мы уж думали, половине наших неба не видать, как в кабак зайдём.

— О, вам ещё многому предстоит научиться. Как-нибудь я объясню тебе.

— Давай. Вечером будем праздновать, подходите.

Олаф ждал их в комнате, обложенный трофеями и с двумя кошельками в руках:

— Вот ваши монеты, — он протянул деньги горцам, — Ножи, пояса и прочая ерунда тоже ваши. Тром, вон, уже вешать их некуда.

— Продадим, — сказал Марк, — Нужно счесть наши деньги.

— Не спеши. Йон ждёт доли с того, что вы унесли. И ждёт он её у Медного в доме, так что бросайте весь свой хлам тут и пойдём за мной.

— Ты знаешь дорогу?

— Спроси любого встречного, не ошибёшься.

Дом Медного стоял на другом конце той же улицы, где был их кабак. Один из немногих каменных в городе, обнесённый полуразрушенной каменной стеной, с толпами бандитов вокруг. Парочку из них горец узнал — участники недавней битвы.

Люди стояли, разбившись на мелкие кучки — играли, боролись, бранились и смотрели, что происходит вокруг.

— Горцы, да? — поинтересовался крепкого вида детина у входа в дом, — Працаны за вас говорят, дерётесь будь здоров. Железо сдайте и входите, Медный с Йоном у камина.

Они пошли на треск дров и попали в большую комнату, по стенам которой сидели и стояли восемь человек с длинными ножами. У камина, в большом кресле, сидел ничем не примечательный, но отчего-то страшный человек. Йон сидел напротив него на табуретке.

— Говоришь, ни одной потери? Вы двадцать человек на тот свет отправили, а вас

никого? Не бреши, — Медный страшно оскалился своими медными зубами.

— Малыш Под у коновала, — ответил Йон, — Да и, понимаешь, атаман, хитрость там была.

— Какая хитрость?

— Горцев я на второй этаж заслал, мы и ударили сразу со входа и с балкона. Вот и они, кстати. Вон тот, здоровый, со щитом лестницу держал, а этот сверху из лука расстреливал. Потом, правда, всё немного не так пошло, но выстояли они.

— Вы два дня в городе, а я уже второй раз про вас слышу. Так бывает очень редко. Чего вы хотите?

— Вернуться в Горную страну, — ответил Марк.

— При чём тут я?

— Нам нужен корабль, а корабль стоит денег.

— И вы решили поработать на меня. Что-ж, не самое глупое решение, но где гарантии, что вы не переметнётесь к другому атаману?

— Это Йон нас взял, не другие. Мы будем сражаться с ним.

— Вот так просто? Ладно, нагляделся я на вас, хватит. Йон, найди мне крысу. Неделю назад из доков пошёл шлюп, на котором везли часть общака. Моего общака. Кто-то слил этот шлюп косынкам, и они забрали золото себе. Но один матрос спасся и всё мне рассказал, так что ищи.

— Где тот матрос, атаман?

— Я сказал ему быть в кабаке. Крысу мне чтоб выпотрошил и на заборе моём повесил, ясно?

— Как всегда. Что-ж тут не ясного? Ну, я пойду?

— Иди.

Йон побрёл к выходу, горцы следом. Молодой бандит прервал молчание только у кабака:

— Чё он меня из огня да в полымя суёт? У него, что, одна банда? И так недавно людей потерял...

— Толку гадать? — перебил его Олаф, — Крысу как искать будем?

— С чего ты взял, что я доверю это тебе?

— Всё случилось неделю назад, значит, это не мы. Да и есть у меня одна мысль...

...

Крысоловка сработала не сразу. В первый раз тем троим, кто мог знать о шлюпе и общаке, Три Навоза поведал разное враньё — одному про дорогую дурь, что человек Медного потащит через три района, другому — про золотишко у корчмаря, третьему — о большом грузе бренди на таком же шлюпе. Но на наживку никто не клюнул, и Медный едва не распотрошил Йона вместо крысы.

Олаф всё же уговорил Йона попытать счастья ещё раз, но своих парней Йон на дело не отрядил, и сейчас Жила одиноко жался в подворотне со свёртком, якобы полным дорогих камешков, а горцы с хитрым моряком прятались рядом. Но долго прятаться им не пришлось.

— Семеро, — с досадой прошептал Марк, когда увидел четверых с одного края переулка и троих с другого, — Клянусь мечом, если сражаться на две стороны, это слишком.

— Хватаем Жилу и дёру, — ответил Олаф, — Прорвёмся через троих.

Он выбежал из-за кучи мусора, потянул Жилу за плечо и побежал в сторону троих. Сзади, обгоняя его, выбежали двое горцев со щитами, и с криками протаранили нападавших.

Не останавливаясь, все четверо побежали без оглядки. Им не нужно было вылавливать нападавших, теперь они знали, что крыса — Белый Ганс. Этот человек отвечал за погрузку того шлюпа с общаком, и только он знал про Жилу.

Они остановились перевести дух на своей улице, и только тут Тром заметил новый порез на правой руке:

— Проклятье, всё-таки успели полоснуть!

— Идём к лекарю, — Марк, наконец, повесил топор на пояс.

— Нужно брать Ганса, и чем быстрее, тем лучше, — Олаф рассовывал ножи на место.

— Ганс ведь вроде Йона, да? У него тоже свой отряд. Как вы их называете? Персты, да? — Тром сжал рану, но с руки всё равно потихоньку капало.

— Ага, он один из перстов, — ответил Жила, нервно оглядываясь. Он всё ещё не отошёл от погони.

— Значит, вчетвером нам его не взять. Его люди порежут нас на сало, вот и весь сказ, — Марк задумчиво мямл подбородок, — Вот что, Олаф, иди к Йону и расскажи ему обо всём, а мы пока полечимся.

...

— Горец! Ты опять решил проверить, сколько в тебе крови? — приветствовал их Нурик, — Не прошло и трёх дней. Гляди, скоро совсем ничего не останется. Он работал споро, а Трома разобрала злость — три драки, и во всех трёх ранили именно его. Да, по отдельности раны были почти что ерундовые, кроме той, первой, на левой руке, но все вместе изводили как следует.

В дверях лекарской комнаты показался давешний раненый, которого нёс Марк:

— Опять вы? Снова кипиш какой-то?

Он опирался о косяк и глядел на них мутными глазами, а кожа его была белая, как молоко.

— Ты бы прилёт, — ответил Тром.

— Тебе тоже не помешает, — усмехнулся бандит.

— Знаю, но пока рано.

— Так чё за кипиш?

— Тебе что за дело? — обрубил Марк.

— Дак, это, вы ж мне помогли, вот и думаю, как должок вернуть.

— Ты ничего нам не должен, дурень! Если твои товарищи оставляют тебя истекать кровью после боя, лишь для того, чтобы быстрее набить карманы никчёмными медяками, мы с Марком можем только посмеяться над этими глупцами! — грубо ответил ему Тром.

— Не боишься, что парни прознают, как ты их назвал?

— Может, то и хорошо будет — наука им.

— Хочешь помочь? — спросил Марк, — Про Белого Ганса знаешь что-нибудь?

— Пацан как пацан. Шлюха у него видная, никому не даёт её. В остальном правильный, не зря ж атаман перстом его сделал. Так вы с ним поцапались?

— Шлюха, говоришь? — задумался Марк.

— Я, эта, Йона попросить хотел, чтоб к вам меня определил...

— Долечись, — отмахнулся громила.

— Если чё, я добром готов поделиться, понимаю ж всё...

— Вождь сказал, долечись, там видно будет, — оборвал его Тром, чтобы тот не мешал думать вождю.

— Вот что, Нурик, — очнулся от раздумий верзила, — Дай Жиле бинтов побольше. Видно, нам пригодятся ещё, а мы пока к Йону ходим.

— Кто бинты вязать будет?

— Да хоть я, хоть Тром, у нас рука набита, ты уж поверь.

...

— Белый Ганс сейчас в силе. Медный пошлёт вас нахер с вашими затеями, а Ганс скажет, что не при делах, — Йон всё больше злился и всё быстрее мерял шагами комнату.

— Ты перст, и он перст. Твоё слово против его, — настаивал Олаф.

— Кроме слова ничего у нас и нет.

— Может, ещё как достать его можно? Что кто о нём знает?

— Я парнишку, что мы пару дней тому к Нурику принесли, порасспросил, — гулко зазвучал голос Марка в комнате, — Говорят, шлюху свою очень бережёт.

— Упругую Бертю? Ну да, что с того? Я тоже стараюсь сливать в одно ведро, — недоумевал Йон.

«Ведро, — отметил про себя Тром, — Они словно специально стараются ещё сильнее унижить тех, кто и так слабее. Дурные низинники».

— Шлюха, говоришь? — хитро ощерился Олаф, — Вот что, Йон, идите к Медному и просите позвать Ганса. Аргументы пока те, что есть. Дай мне Жилу, мы с ним бабу эту срисуем. Посмотрим, дёрнется она куда, когда Ганса Медный к себе позовёт?

— Знаешь чё? Я тебя вместо Белого Ганса распотрошу, скажу, крыса.

— Не горячись, Йон, чуйка у меня. Бля буду, непростая она.

— А если простая?

— Тогда разберётесь с Гансом раз на раз по пацански. Чего ты, Белого Ганса испугался?

— На понт меня не бери, понял? — Йон остановился и ткнул Олафа кулаком в грудь, — Белый Ганс ублюдок тот ещё, но, если случится, выйду и с ним.

— Мы всё поняли, — прервал перепалку их Марк, — Сколько ещё дней тебе дал Медный?

— Завтра срок.

— Тогда рассусоливать нечего, нужно делать, как говорит Олаф, раз никто больше ничего не придумал.

Йон ничего не ответил, только взял со стола нож с топором, подпоясался и вышел из комнаты.

...

Белый Ганс стоял прямо и глядел в глаза Медному так, словно ему нечего скрывать.

— Значит, говоришь, ты не крыса? — осклабился атаман, — Кто тогда?

— Йона спроси, мож, он и есть.

Тром заметил мелькнувшую неуверенность в осанке бандита, но Йон всё же взял себя в руки:

— Ты поручил мне отыскать, кто стучит на сторону, я это сделал. Дальше решай сам, атаман.

— Считаешь, твоей истории достаточно? Вдруг ты его оговорил?

В зал вошёл Олаф. Он держал за волосы красивую стройную женщину. Она не вырывалась. Казалось, воля её была напрочь сломлена, а острый нож у горла не давал ей пошевелиться.

— Что за балаган? — вскричал Медный, отчего его рот раскрылся шире, и три

блестящих зуба показались громадными.

— Это шлюха Ганса, — громко ответил моряк, — Она всё расскажет.

— Ты чё, пытал её? — набычился Ганс, — Можешь заказывать себе деревянный ящик.

— Не ерепенься, крыса, — оскалился Олаф, — Я расклады знаю. Шлюха не перст атамана, её пытать может и простой боец, так что завали свою пещеру камнями и подожди, пока твоя подружка всё нам поведаёт. Ну, — он потянул волосы девки книзу, — Спой, птичка.

— Это я стучала косынкам, — отчаянным, паническим голосом пролепетала шлюха.

— Молчи, Берта, — сказал Ганс.

— Ты помолчи, — вкрадчиво сказал Медный, — Пацан дело говорит, шлюху пытать не запахло. Мы слушаем.

— Я всё сказала.

— Не всё. На кой чёрт тебе сливать нас косынкам?

— Денег хотела.

— У Ганса мало денег? — Олаф чуть поддавил на нож.

— Я хотела больше.

— Зачем? — ещё внимательнее уставился на неё Медный.

— Наряды, марафет, цацки. Хотела больше. Больше, чем у любой другой. Чтоб каждый день новые.

— Как Ганса уговорила?

— Да его пальцем помани...

— Ясно, — Медный посмотрел на Олафа, — Ты слишком быстро разговорил её. Откуда ты?

— Серое братство. Может, слышал когда?

— Приходилось. Обещал ей что-нибудь? А то я хочу распотрошить её вместе с Гансом.

— Только лёгкую смерть.

— Ха-ха-ха, да ты шаришь! Мне нравится этот пацан.

Трома уже порядком утомил этот разговор, а раны болели всё больше:

— Атаман, нам бы бронёй разжиться. Кольчуги, шлемы, нагрудники. Ты тут главный, может кто по твоему слову такое достать?

Медный глянул на покачивающегося Трома:

— Тебе, я смотрю, они нужны больше всего.

— Ты чертовски прав. Так поможешь?

— Год назад мы повздорили с одним капитаном. Пришлось отобрать у него груз. Там была целая комната со всякой военной ерундой, но пацаны как напялили всё это, так и сняли — висит мешком, ходить невозможно. Наверное, на гигантов типа вас ковали. Спроси Угрюмыча, он с ребятами на складе моём вечно.

— Добро.

— А теперь казни их, Йон.

...

Белого Ганса и его шлюху повесили на ограде возле дома Медного. Пока их привязывали, вокруг столпился народ. «Смерть крысе», «Покажи нам крысиные потроха», «Режь давай уже» — то и дело раздавались выкрики толпы.

Трому и самому надоело ждать, от ран мутило, хотелось лечь, но он держался, чувствуя, что нельзя показывать слабость перед этими новыми людьми. Как нарочно, Йон не спешил.

Он всё ходил вокруг да около, проверяя узлы и колышки, на которых висели жертвы, но пустить в ход нож никак не решался. Тром вдруг понял: бандиту неприятно. Настолько неприятно, что он не может заставить себя это сделать даже при всей этой толпе.

— Йон! — громко обратился горец к молодому бандиту, — Как считаешь, справедливо, если мы прикончим этих предателей? Как видишь, мне досталось больше всех...

— Я не против, — Йон посмотрел на него, а Тром увидел мелькнувшее во взгляде облегчение.

— Распотрошить, да? — он, покачиваясь от головокружения, но ни секунды не медля, приблизился к Гансу и, словно потрошил рыбу, воткнул нож ему в печень и резко дёрнул снизу вверх, наискосок, потом сразу отпрянул, чтобы не замараться кровью и всяким дерьмом ещё сильнее. Крик Ганса быстро превратился в стон.

Горец шагнул к бабе.

Та вперила взгляд в Олафа:

— Ты обещал.

Но Тром не привык тянуть — он всадил нож ей в печень и повторил движение.

Тогда Олаф отстранил его и с размаху всадил ей длинный нож под рёбра:

— Я своё слово держу, — ответил моряк, глядя в затухающие глаза шлюхи.

Тром обтёр нож о плечо стонущего Ганса и зашагал прочь, безуспешно борясь с головокружением.

...

— Тащи нормальное пиво! — верещал бандит на Эльзу, — Не то вылью это пойло тебе на голову! И рома тоже давай!

— Крепкое только за деньги, — ответила она, испуганно прижимаясь к стене коридора, — У Хмеля спроси.

— Хмеля тут нет и, если ты не притащишь мне рома...

Марк дал ему оплеуху, и бандит не удержался на ногах, расплескав пиво и ударившись носом при падении. Громила поднял его за волосы и припечатал к стене:

— Эта баба готовит нам. Если она не приготовит мне вовремя, я сожру твою печень.

Бандит даже не шевельнулся, а Кривая Эльза Ещё сильнее выставила плечо вперёд. Тром видел всё это в красноватых оттенках, и спасительная лестница уже маячила перед глазами. Не обращая внимания на разыгравшееся перед ним представление, он шагнул к ступенькам, но потолок вдруг крутанулся, и стена ударила его в щёку.

— Проклятье, Тром! — Марк отбросил бандита и подхватил оседающего поединщика, — Эльза, дай сладкого чаю, мы будем у себя.

Тром очнулся на своей кровати и уже допивал вторую чашку, когда в дверь постучали.

— Кто? — крикнул Олаф.

— Эльза.

Марк открыл дверь, и в комнату вошла кухарка, ведя следом двух молодых девок.

— Йон сказал, привести вам троих, но я нашла только двоих чистых.

— Трому точно сейчас ни к чему, так что двух достаточно, — ответил громила, — Передай Йону спасибо.

— Мне тож пока без надобности, — глядя в потолок, отказался Олаф.

— Чего так?

— Да есть тут одна... В общем, не надо пока. Но Йону моё почтение.

— Ну а ты, вождь? — уставилась на Марка Эльза.

— Мне бы комнату свободную...

— Поди-ж ты, такой здоровый, а стесняется. Двигай за мной, каморку свою дам.

— Сама-то как?

— Разберусь. Ты мне, я тебе.

Марк ушёл вслед за шлюхами. Тром порадовался, что хотя бы вождь сможет снять напряжение последних дней и поглядел на Олафа: моряк что-то тихонько насвистывал себе под нос и вообще чувствовал себя здесь, как рыба в воде.

— Серое братство? Что это?

Моряк обернулся на вопрос Трома:

— Такая же банда, как и все местные, только покрупнее будет, — Олаф поднялся с койки и присел возле кровати Трома, — Самая большая банда в Ислийском герцогстве.

— Почему примкнул к ним?

— Вечер откровений, да? Не то чтобы у меня был выбор. Помимо прочего, у нас есть попрошайки, что отдают долю в общак. Некоторые из них таскают с собой маленьких детей, чтобы разжалобить прохожих. Так же таскали и меня. Я не помню, кто мои родители.

— Что ты делал, когда вырос?

— Воровал, грабил, убивал... Здешним этого лучше не знать, но тебе скажу: многие из наших прочили меня в атаманы, но не сложилось — старый атаман лихо всё провернул, и мне пришлось бежать.

— На наш корабль?

— Да.

— Так вот откуда ты всё знаешь?

— Угу. Впитал вместо материнского молока. А теперь, горец, мне надо пройтись.

— Далеко?

— Помнишь тот притон, где мы забрали дурь, чтобы обменять на деньги? Нужно бы его проверить. Сдаётся мне, это может стать нашей первой точкой в городе.

...

Йон метался по комнате из стороны в сторону:

— Сука, опять Медный лютует! — он вонзился взглядом в Олафа, — Разберись, говорит, со шлюхами!

— Чего с ними не так? — удивился моряк, — Вчера, вон, Эльза двоих привела. Шлюхи как шлюхи...

— Да не эти! Есть тут корчма наша, «Три кабана», видал? Вот. Оттуда девки посбегали, мать их! Вылови, говорит, обратно.

— Разбежались они, конечно, по чужим районам? — Олаф скрестил руки и уставился в пол.

— Ты, блядь, провидец! Оракул, сука!

— И времени, как обычно, два дня?

— Две недели выторговал...

— Это хорошо. Дай обмозговать денёк, мы с горцами что-нибудь придумаем.

— Что с курильней? — уже спокойнее спросил Йон.

— Сторчался хозяин, менять надо.

— И у тебя уже есть человек на примете, да?

— Баба его. Я к ней яйца подкатил — всё знает, всё умеет. Силу мы ей дадим. Про горцев слушок уже пошёл, как узнают, что притон под нами, там порядок будет. Сила-она

такая, сам знаешь.

— Знаю, но баба...

— Успокойся, Йон, я уж к ней теперь часто навещать буду.

— Ладно, держи меня в курсе и дань с неё как обычно. Половина вам, половина мне.

Завтра здесь же.

Они покинули Йона и отправились к Угрюмычу. Старый бандит с большой нижней губой, слегка закрывающей верхнюю, из-за чего и получил своё прозвище, встретил их с интересом, долго и внимательно разглядывая обоих горцев. Потом кивнул, будто отметив что-то про себя, и глянул на Олафа.

— Ты из наших.

— Из наших, из наших, — улыбнулся моряк.

— Идём.

Он повёл их через длинные деревянные сараи, заваленные всяким добром. Кругом ошивались бандиты Медного, почти все приветствовали их взмахами рук или кивками. Угрюмыч привёл их у большим просмоленным и промасленным ящикам. Марк открыл первый, и они увидели целую грудку доспехов.

Тром присел на соседний ящик: после долгого сна ему стало лучше, но от этой прогулки голова слегка закружилась.

— Почему свалено, как попало? — повернулся вождь к Угрюмычу.

— Пацаны примеряли, потом поняли, что хлам это, да так всё обратно и покидали.

— Где хлам? — Марк вытащил кольчугу из кучи железа, — Вот, добрая кольчуга. Может, мне и не налезет, зато Трому наверняка впору будет. Смотри, кольца все сведены, двойное плетение...

Он принялся разгребать завал и вытаскивать оттуда кольчуги, нагрудники, поножи, шлемы. Подобрал комплекты Олафу и Трому, нашёл примерно подходящее под себя. Потом они открыли второй ящик, в котором оказались аккуратно сложенные стёганки.

— Разберись, найди три подходящих подоспешника для нас, — приказал вождь Трому и подошёл к Угрюмычу, — Поведай мне, неужель на вас никогда не нападали воины, снаряженные, как следует, что вы просто разбрасываетесь добрым доспехом?

— Дважды насылали на нас корабли, чтоб город захватить — князь какой-то, и царь ещё. Оба раза латники били нас крепко и занимали город, да потом мы их изводили тихой сапой. Весь город у нас под пятой, мы всех за горло держим: там яд, тут нож, здесь провизию растащим или попортим. Так и выжили их. Оба раза ни с чем уплывали, ну, кто уплывал, конечно. Видно, много народу нагнать сюда никому не под силу, далеко слишком мы ото всех.

— Занятно... Можешь ты показать, как парни твои доспехи носили?

— Выжга, — крикнул Угрюмыч в сторону, — Сюда иди!

К ним подбежал среднего роста мужик и скороговоркой спросил:

— Чё звал, Угрюм, надо чё?

— Напяль кольчугу. Помнишь, какую ты раньше носить пытался?

— Чё это? — засомневался бандит.

— Ну, я прошу, — спокойно ответил Угрюмыч, — Да надень ты, не ссы.

Выжга порылся в ящике, вынул оттуда кольчугу и прямо так, без подстёги, надел её через голову. Она свесилась ниже колена и выглядела, как слишком большое платье на девчонке: длинные рукава, почти закрывающие кисти, бесформенный пояс, всё болтается,

волнами идёт.

— Ты в ней так и ходил? — улыбнулся Марк.

— Ага.

— И долго?

— Полдня. Плечи от неё болят, и спина надрывается, словно мешки таскаешь.

— Её ж подвязывать надо, да подпоясывать, и на это сверху надевать, — здоровяк достал подстёгу из соседнего ящика и потряс ею в воздухе, — К тому же, подгонять кольца надобно! Нашёл подстёги? — спросил он у Трома.

— Вот эти, самые большие, нам с тобой.

— Мала.

— Расшить. Эта, поменьше, Олафу.

— Э, не, — протянул моряк, — Это вы сами всё таскайте, мне оно без надобности, налегке привычней.

Тром вскочил, чтобы поставить зарвавшегося бандита на место — да, он сослужил им добрую службу в этой дыре, но перечить вождю, да ещё в таком тоне... Однако, Марк примирительно положил руку ему на плечо и повернулся к их компаньону.

— Олаф, отойдём на пару слов.

Они втроем встали подальше от остальных, и моряк поглядел на громилу:

— Ну?

— У нас пока неплохо получается, — начал Марк, — Мы слушаем тебя там, где тебе виднее, а тут ты послушай нас. Если точно знаешь, что будет драка, доспех лишним не окажется. Поначалу неудобно, но пообвыкнешься. Не нужно носить его весь день. Будешь упражняться в нём с утра вместе с нами, да на драки одевать.

— Не убедил.

— Поверь мне на слово пока. И остальным покажи, что мы — единое целое. Пусть правильная молва о нас идёт. Потерпи, я прошу.

— Ну... лады, — Олаф подошёл к подстёгам и стал надевать одну из них, — Как их носить-то?

Марк долго объяснял Олафу, что где завязывается, показывал, как всё это правильно подогнать, а разбойники Медного молча глазели на них, изредка перешептываясь. Потом горцы собрали всё, что более-менее подходило и направились к местному портному, оттуда — к кузнецу. И везде нужно было подгонять, вымерять, подкалывать, подвязывать. Трому досталась хорошая, но коротковатая кольчуга и нагрудник, который пришлось разогнуть, чтобы он стал шире, но края его всё равно не сходились по бокам. Тогда они сделали новые дырки на ремнях, и он, наконец, сел удобно, хоть и не защищал с боков. Из шлемов были только шишаки, никак не закрывающие лица, но Тром всё одно радовался. После всех примерок и подгонов подшлемники с подстёгами у них забрал портной и обещал, что перешьёт всё до послезавтра. Кузнец же посулил справиться за три дня. Новые доспехи были не чета тем, что он носил раньше, но с ними Тром будто снова обрёл твёрдую землю под ногами. И плевать ему было, что как-то нужно разбираться со всеми этими шлюхами, и он наполнился уверенности — накопят они на корабль и поплывут к себе, чтоб сражаться за свою землю. Сумеют, сдюжат, прорвутся. Так лежал он, глядя в потолок и улыбался, пока Олаф не открыл дверь и не впустил Кривую Эльзу, на что Марк поднялся с кровати и указал ей на грубую деревянную табуретку возле окна.

— И зачем нам кухарка? — спросил вождя Тром.

— Она не всегда была кухаркой, — ответил за него моряк.

— Сказывают, раньше ты была шлюхой, — пробасил Марк, — Может, знаешь, почему столько их ушло из Трёх Кабанов?

— Слухи ходят, хозяин их не бережёт.

— Что это значит?

— Небось, как обычно всё — колотит, да деньги отбирает. Вот и ушли они к тому, кто меньше колотит, да больше платит.

— А скажи-ка нам, Эльза, — вкрадчиво вклинился Олаф, — Что, всех шлюх у вас в городе бьют?

— А как же?

— И тебя лупили?

— Думаешь, откуда кривое плечо у меня? Хозяин дубьём избил, срослось криво, с тех пор в кухарках. Кто такую возьмёт?

— Твоя правда... — моряк задумался, а Эльза, казалось, ещё сильнее скрючилась после этих его слов.

Марк же не перебивал и глядел на Олафа — ждал, что тот скажет.

Но моряк не спешил с выводами:

— Эльза, нам в чужих районах появляться опасно, а ты можешь. Будь добра, прознай у тех, кто сбежал, что не так было. А после уж мы с кабатчиком побеседуем. Как бишь, зовут-то его?

— Гнильцом вроде. Только два-три дня мне надо, раньше не управлюсь.

— Постарайся за два, — шепнул Марк, — Уж мы не обидим.

— Это если Хмель отпустит.

— С Хмелем любой из нас договорится, да вон, хоть Тром, — пожал плечами Олаф.

— Да, Тром, поговори с нашим кабатчиком, — задумчиво потёр подбородок вождь, — Как броня готова будет, хочу в Три Кабана заявиться, да потолковать с этим Гнильцом.

Эльза, видя, что разговор окончен, убежала, Марк улёгся на кровать, а Тром пошёл выполнять поручение вождя. Два дня назад он недоумевал, с чего Марк заступает за эту калеку, но сейчас понял, что вождь опять оказался умнее его: калека могла принести пользу, да и жратва у них на столе была не в пример лучше той, что подавали остальным.

Кабатчик Хмель опивался в зале, разливая посетителям грог.

— Эй, бедолага, дело есть! — окликнул его Тром через весь зал. Головы повернулись на звук. Трактирщик понял, что обращаются к нему и ждал.

— Эльзу не трогай, она по нашим делам ходит.

— Может, я сам решу, что делать со своей кухаркой?

Тром подошёл, перегнулся через стойку и подтянул его к себе. Невысокий и круглый трактирщик беспорядочно болтал ногами в воздухе. Раны Трома заболели, но он терпел.

— Может, я раздавлю тебе голову?

— Йон прирежет вас, как узнает, — пропыхтел Хмель.

— Йон всё это и затеял. По приказу Медного. Впредь делай, как я скажу. У меня больше никогда не возникнет желания отчитываться перед тобой.

Трактирщик молчал.

Тром подтянул его выше.

— Усвоил, усвоил!

Горец обвёл взглядом зал:

— Остальные?

— Проблем нет, — пожал плечами один.

— Ага, ты хорошо всё объяснил, — хлебнул грога другой.

— Да, не подкопаешься, — покивал третий.

Лезть на рожон ради Хмеля никто не хотел. Поединщик кивнул и ушёл к себе.

...

Кольчуга сидела как надо. Подстёга, шлем — всё подогнали, да и раны подзатянулись, хоть и было ещё далеко до того, как они превратятся в обычные шрамы. Горец чувствовал в себе былую силу и, хоть и ловил на себе удивлённые взгляды бандитов, ему было плевать — пусть эти дураки хоть всю жизнь без успехов ходят. Сами её и укорачивают от глупости своей. Ещё ему нравился недавний разговор с Хмелем. Особенно то, как его испугались остальные. И он чувствовал, что беседа с Гнильцом будет не хуже. То-то, пусть знают горцев!

Вопреки названию, над входом в кабак висела лишь одна кабанья голова.

Как только они вошли, Олаф тут же подозвал одну из шлюх — оборванную, худую, с синяками на шее:

— Где Гнилец?

Она указала глазами наверх, откуда слышался шум. Йон начал подниматься по винтовой лестнице, держа нож и топор в руках, за ним пошли остальные.

— Я сбегу от тебя, как все прочие! Сбегу завтра же, слышишь!?! — раздался женский крик, а следом — звук удара.

Тром вошёл в комнату последним и увидел, что на полу лежит баба с разбитой губой, а над ней навис грузный широкоплечий мужик. Завидев Йона и остальных, он застыл с поднятой для удара рукой, а Йон, улыбаясь, смотрел на них:

— Вчера я думал, что мне будет трудно разговорить тебя, но ты, Гнилец, сам себя сдал...

— Сдал?

— Ну да. Всё так, как ним и поведали: ты их lupишь, они убегают. Получается, с тебя и спрашивать.

— Спрашивать? Ты ничё не перепутал? В своём кабаке буду lupить их, когда вздумается. Захочу — до смерти забью.

— Не твой это кабак. Медный заберёт его в любой миг, если захочет, и ты не хуже моего это знаешь. Тебе бы дань собрать, да помалкивать. Вместо этого ты разрыл могилу сам себе.

— Пусть Медный лично мне скажет, — не унимался кабатчик.

— Вряд ли. Медному начхать. Он оставил мне эту проблему, и я её решу.

— Молокосос, дрянной нищий, тебя на свете не было, когда я дела делал.

Гнильца перекосило от злобы, и он ринулся на молодого бандита, но не добежал — Олаф всадил ему нож в живот, прямо по рукоять. В какой момент моряк успел его достать, Тром не уловил. Но ему было ясно, что Олаф только этого и ждал.

Хозяин кабака согнулся и повалился на пол. Кровь так и хлестала — жизнь ушла из него так же быстро, как из Комада когда-то. Тром до сих пор помнил тот момент из другой своей жизни.

— Да... Он всё равно был не жилец, — качнул головой Йон-под-картинкой, — Задолжать Медному за три месяца... Не, не жилец. Но что дальше?

— Сейчас расскажу, — улыбнулся Олаф.

Казалось, у этого человека найдётся ответ на любой вопрос.

— Ты, — сказал он шлюхе с разбитой губой, — Собери товаров, что сейчас тут, и веди их в эту комнату.

— Излагай, — насупился Йон.

С минуту он слушал, что ему говорит моряк, изредка кивая. В комнату начали входить шлюхи. Когда они видели труп Гнильца, большинство презрительно морщилось, остальные же смотрели равнодушно.

— Больше некому колотить вас почём зря, — начал Йон, — Вместо кабатчика поставим сюда Кривую Эльзу. Знаете её? Пусть сама решает, сколько с вас брать, лишь бы дань платила. Она из ваших, договоритесь как-нибудь.

— Если её выпнет, кто посильнее, и конец малине? — спросила одна девка.

— Тогда к нам идите. Вот пусть с Марком потягуются, или хоть с Тромом...

«Это он серпа прикончил», — прошелестел шёпот из толпы.

«Они с Йоном на прошлой неделе двадцать красных положили», — шепнул другой голос.

— Ну, так что?

Никто не возражал.

— Завтра пришлю Эльзу. И скажите тем, кто разбежался, что у нас теперь новые правила. И уберите это дерьмо, — бандит пнул в бок мёртвого уже Гнильца, отчего тот колыхнулся, точно студень, и остался лежать в собственной крови.

— Как мы всё-таки будем ловить тех, кто ушёл? — спросил Тром уже на лестнице.

— Они сами вернуться, когда узнают, что тут можно больше зарабатывать, — ответил Олаф, — Поверь, им тоже хочется монет.

Возле собственного кабака их ждал сюрприз. Трое людей, по виду, бандиты, направились в их сторону, лишь завидев их перста. Тром не стал дожидаться и сразу вынул топор из-за пояса.

— Ты Йон, да? — спросил один из них.

— Что с того?

— Нужны бойцы? Хотим примкнуть к твоей банде.

— Что умеете?

— Драться.

— Почему ко мне?

— Ходит слух, вы порезали Красных у русалки и не потеряли ни души.

— Так и есть.

— Нам бы такого перста...

— Что с вашим?

— Издох с утра.

— Кто такие?

— Из Нижних мы, с Медными краями, так что тёрок разных можешь не бояться.

— Говорят, Красные с Косынками точат на меня зуб. Три бойца ещё как могут пригодиться мне. Проверьте, что они могут, меня ждёт Медный.

...

Кроме тех троих, к банде Йона захотели присоединиться ещё двое. Горцы с Олафом уже освоились в городе, и у них забрали Жилу, отдав вместо него двух новичков. Марк быстро

справил им по броне, и сейчас Тром показывал, как её правильно носить.

— Что это за три верёвки? — указал один из новеньких на пояс Трома.

— Жгуты. Если ранят в битве тебя, или товарища, ты можешь перетянуть ими руку или ногу, чтобы дожить до дома целителя.

— Как вы дерётесь во всём этом?

— Ты привыкнешь.

— Пока я не привык даже ходить...

— Для этого мы и встаём раньше остальных. Ослабь завязки на локтях, они тянут тебя.

Впятером они вышли из корчмы и зашагали к площадке на границе их района и леса, которую Марк приметил, когда решил, что хватит им уже сидеть без дела, и пора бы вернуться к упражнениям. Тром ещё не оправился от ран, и в учебных боях не участвовал, зато Марк проверил каждого. На удивление, новые бойцы были не так плохи в поединках, но быстро выдыхались и, когда у них заканчивались хитрости, впадали в ступор. Ещё им привычнее были длинные ножи, как и почти всем головорезам в городе. Поединщик понимал, что их придётся переучивать, и это было ещё одной проблемой при таком количестве смертельных стычек.

Но хуже всего дело обстояло, когда нужно было драться в строю. Олаф с двумя бандитами не понимали толком, чего от них хотят и как действовать слаженно. Тогда горцы объясняли, разбирали примеры, разыгрывая из себя нападавших, вспоминали, как их самих учили ещё детьми когда-то. И дело потихоньку пошло. С каждым днём у них получалось всё лучше. Конечно, до десятков Трома им было как до луны, но через две недели они уже напоминали бойцов, которые могут действовать заодно, а не бандитов с большой дороги.

Моряк после каждой тренировки уматывал в притон. Держать за вымя дойную корову, так он говорил. Но все знали, что он бежит туда скорее подержаться за упругие груди новой хозяйки — бывшей бабы старого хозяина-торчка, которого выгнали на улицу.

Тром с Марком всё чаще навещались в Три Кабана. Йон сам велел им, чтоб не спускали глаз с этого трактира, а горцы тем более рады были лишней раз отведать стряпню Кривой Эльзы.

Вот и сейчас они сидели за столом, поглощая яичницу и запивая её душистым хвойным настоем, который готовили специально для них.

— Может, девочек? — как всегда, предложила бывшая кухарка, которая, к удивлению Трома, очень быстро освоилась на новом месте.

Но им было не до девочек — в доках пришвартовались два больших корабля, и Йон сказал всей ватаге быть на пристани, чтобы у капитанов не возникло желания качать права.

Тогда Эльза села к ним за стол, пригнулась и зашептала:

— Тут недавно случилось кой-чего...

Оба горца посмотрели на неё.

— Не знаю, может, ерунда. Двое работяг из «Русалки» прибежали ко мне проситься. Я их взяла, но допытаться, чего сбежали, так и не смогла. Боятся они чего-то.

— Чего они могут бояться, кроме гнева бывшего хозяина?

— Не знаю, может, Красных?

— Разузнать бы.

— Я могу только давить на тех двоих, но пойми, мне действительно нужны рабочие руки. Лучше спросите Три Навоза.

— Знаешь про него? — удивился Тром, — Ты смышлённее, чем кажешься.

— Спасибо, мы шепнём Йону, — Марк допил настойку, грохнул кружкой о стол и направился к выходу.

В доках, как всегда, былолюдно. Здоровяк подошёл к Йону и заявил без обиняков:

— Мне нужно перекинуться парой слов с капитаном, а ещё появилась работа для Три Навоза.

— На кой ляд тебе капитан?

— Хочу узнать про свою родину.

— Валяй. А Три Навоза?

— Люди бегут из «Русалки». Мы думаем, Красные что-то готовят. Эта таверна у них под боком, нужно узнать, какие ходят слухи.

— Угу. Скажу ему, пусть копает.

Со сходен как раз сошёл капитан с двумя людьми и подошёл к ним. Богато одетый, уже начинающий полнеть мужчина с чёрными кудрявыми волосами и такими же бакенбардами, он держался ровно и не стал расшаркиваться с Йоном:

— Ты здесь за главного? Сколько за постой двух кораблей?

Молодому бандиту явно не понравился его тон:

— Десять золотых крон в день.

— Дороговато, поищу другую пристань, — купец обернулся к своему кораблю, — Отвязывай швартовы, поменяем док.

Йон свистнул, и капитана со спутниками тут же обступили кругом.

— Никуда ты не поплывёшь. Десять крон.

— Хорошо, хорошо, — раздражённо ответил богатеи, — Десять так десять.

Он направился было к кораблю, но его, конечно, не пустили.

— Деньги вперёд, — протянул Йон открытую ладонь.

Дрожащими от плохо скрываемой досады и страха руками капитан порылся в кошеле на поясе и выдал нужную сумму.

— Он покажет вам, с кем можно торговать, а с кем нельзя, — кивнул Йон на Жилу, — Пойдёте в другой район, сожгу ваши корабли.

— Здесь есть закон?

— Да, это я.

С этими словами перст развернулся и ушёл. За ним следом потянулись и остальные бандиты, лишь горцы остались стоять возле купца.

— Что ещё вам от меня надо? Угораздило же выбрать именно этот док.

— В других то же самое, — бесстрастно ответил Тром, — Ты что-нибудь знаешь про Горную страну?

— Озёрные Кантоны скоро её захватят, отвоевали уже половину, но пока туда никто не суётся из посторонних, слишком опасно.

«Так это были Озёрные Кантоны? Теперь я хотя бы знаю, кому мстить...»

— Ещё что знаешь? Как они прошли границу, чем взяли заставы?

— Я не военный, да и родина моя не близко от них. Слышал только, у горцев два города осталось и несколько пещер в горах. Говорят, их поражение — вопрос времени.

Трому до боли хотелось задать трёпку этому лощёному ублюдку, но Марк увидел это и вовремя остановил его:

— Мало ли, что говорят? Пойдём, у нас есть дела на сегодня.

Он был прав — нужно собрать дань с нескольких мелких лавчонок, но Трому вцепились в голову эти слова. Вопрос времени... Возник порыв бросить всё и бегом бежать на родину, чтобы сражаться, пока это ещё возможно. Крушить проклятых захватчиков, пока не убьёт всех, или не убьют его. Но куда бежать? Он опять почувствовал бессилие. Почувствовал, что время утекает, и ему стало ни до чего. Не хотелось ни девок, ни пива, ни ходить и собирать проклятую дань. Не дай бог кому-то задеть его сейчас. Он так и ждал, что какой-нибудь дурак подвернётся под горячую руку. Ох, и пожалеют они. Вдруг горец обнаружил, что стоит на пристани совсем один, а Марк давно сошёл на берег и машет ему рукой.

...

Опасения Эльзы не оказались напрасны. Три Навоза рассказал, что в районе Красных ходят слухи о вылазке, о мести за побоище в «Русалке». Бойцы Красных поносили Медного и его свору, особенно Йона-под-картинкой, бранными словами при каждом удобном случае или вовсе на ровном месте. Когда Медный узнал, сказал перстам поставить двадцать парней покрепче на границу с Красными. Естественно, у Йона не было никого крепче горцев.

И сейчас Тром сидел на крыше убогого сараюшки, с которого хорошо просматривались оба соседних переулка, что были на территории Красных, и вглядывался в скопище таких же убогих лачуг по ту сторону границы. В левой руке у него был лук, слева же висел и колчан, а справа топор. Рядом лежал круглый щит. Нагрудник сидел слегка кривовато после подгонки, но движений не стеснял нисколько, а ещё придавал изрядно уверенности, несмотря на аляповатость, как, впрочем, и кольчуга, и гамбезон под ней. Чуть поодаль, на такой же лачуге, взгромоздился Марк. Они двое единственные из всей банды Медного стреляли из лука.

Уже пять дней их люди стояли на границе с Красными, и три из них пришлись на очередь Трома и его товарищей. Их участок был испещрён многочисленными ходами между лачугами, но Марк предусмотрительно завалил всё мусором, оставив один, шириной в четыре шага.

Олаф и двое новеньких ныли первые две смены, дескать, тяжело носить доспех целые сутки. Но на третью пообвыклись, хоть унылое выражение на их лицах никуда не исчезло.

Красные двинулись на них, когда небо уже окрасилось багрянцем. По одному из переулков, которые охранял Тром, шло десять головорезов с ножами в руках. Шли так, что было понятно — идут убивать: шаг бойкий, резкие движения, выдающие нервозность, лица искажены злобой.

Тром выпустил первую стрелу, когда они подошли шагов на тридцать. Она угодила Красному в ногу. Горец пронзительно свистнул, давая сигнал Марку и остальным, наложил следующую стрелу. Но красные прижались к стене, отсюда не достать. Тогда он подхватил щит и аккуратно спрыгнул с крыши — благо, один скат спускался ниже роста человека.

После свиста действовали, как уговорено — два бойца во главе с Олафом перекрыли единственный свободный проход и расступились, пропуская бегущего Трома, а вслед за ним и Марка, после чего вновь сомкнули ряды. Горцы же взобрались на заранее подготовленные бочки, чтобы стрелять поверх голов своих людей.

Девять красных видели луки, направленные в их сторону, поэтому бегом ринулись к строю из трёх щитов, чтобы слиться с обороняющимися и не остаться лёгкой мишенью для лучников.

Стрела Марка насквозь проткнула живот одного: тверда рука вождя. Тром выпустил

свою — его цель пригнулась, и стрела пролетела мимо, лишь слегка оцарапав головореза. Уже восемь красных навалились на троих бойцов горцев. Олаф ткнул одного, но тот по инерции врезался в его щит и выбил из строя. Двое других выдержали натиск и стали бить красных в ответ, как недавно учил их Тром — стараясь сохранить строй. Моряк поднялся и доколот того, кто его сбил. Горцы отправили ещё две стрелы во врагов, одна из которых нашла цель.

Красные сделали ещё одну попытку прорваться: Тром увидел, как большой нож проник сквозь стену щитов и ударил Олафа в плечо, но моряка спасла кольчуга. Один из бойцов махнул топориком и попал нападавшему в лицо, но удар пришёлся вскользь, лишь раскроив кожу. Хватаясь за лицо, раненый спрятался за спины подельников, и тут Красные дрогнули: вшестером они принялись отступать, и Марк с Тромом послали ещё по стреле. Бить в спины всегда легче — отряд Красных сократился до четырёх человек.

— Вот так-то! — вскричал Марк, — Что, Олаф, пригодилась кольчуга?

— Когда мы в следующий раз будем готовиться к заварушке, напомни, чтобы я заткнулся и слушал тебя, — ответил моряк, перчаткой утирая со лба пот.

Тром слышал крики и отдалённые звуки борьбы со всех сторон: Красные полезли по всей границе. К отряду, что стоял против них, присоединились новые люди. Горец понял, что они готовятся ринуться опять, по нетерпеливому копошению за углом. Но бандиты учились быстро: на стену щитов бежали лишь шестеро, остальные крались по крышам.

Красный согнулся, когда приземлился на ноги, и получил смертельный удар в спину. Горец попытался достать следующего, но тот отпрянул от удара, а с другой стороны появился ещё один. Тром отступил к своим, пока его не успели окружить. Они с Марком прикрыли свою же стену щитов с тыла, но понимали, что долго не продержатся: рано или поздно кто-то догадается спрыгнуть с крыши прямо им на головы, тогда не помогут даже доспехи. Сколько их тут, сколько пришло подмоги и сколько ещё придёт, понять было невозможно.

— Вождь? — спросил Тром.

— Отступаем в ту хибару, — указал Марк топором на хижину покрепче.

Тром принял на щит низкий, опасный удар тесака и одним росчерком топора разрубил Красному бок. Несколько его товарищей, увидев, как пошло дело, охладили свой пыл и медлили, думая, как половчее взяться за горцев. Тром бросил быстрый взгляд за спину: из шестерых, что бросились на стену щитов, в живых осталось трое.

— Кругом щитов, следом за моим голосом, — вновь скомандовал громила.

И впятером они медленно двинулись к нужной двери. Новенькие с Олафом шли неуклюже и неловко, то и дело создавая ненужные бреши. Горцам приходилось ждать их, Марк несколько раз повторял: «Сомкнуть щиты».

С крыши соскакивали всё новые красные, но горцам удалось довести свой отряд до цели. Марк одним чудовищным пинком выбил дверь и стал запихивать в неё бойцов по одному. Тром предпоследним зашёл внутрь и увидел мужчину с двумя детьми, прижавшимися друг к другу в углу единственной комнаты.

Через пару мгновений все пятеро выстроились внутри хижины, готовые зарубить любого, кто сунется в дверь, но дураков среди Красных не оказалось. Тром увидел порез на щеке у одного из бойцов.

— Покажи, — он повернул голову раненого к тусклому свету, идущему от двери, — Сбрось щит и приложи к ней повязку. Такая будет долго запекаться.

Потом он подошёл к маленькому окошку и посмотрел на улицу:

— Они прорвались, вождь. Надеюсь, Йона успели предупредить.

Красных было много. Люди Медного в беспорядке убегали, не в силах противостоять такому количеству, а нападающие стекались к «Русалке». У некоторых были факелы в руках, другие сваливали к стенам кабака тюки сена. Кабак стоял посреди широкой улицы, шагов двадцать в поперечнике, и, когда на неё с двух сторон повалили люди Медного, высыпая из подворотен, как встревоженные муравьи, Красные оцетинились клинками. У Медных в руках тоже были тесаки, топорики, и — о чудо — длинные палки с рыбацким багром на конце, или просто заострённые вверху. Но сначала в Красных полетели камни. С полминуты их закидывали, расшибая головы в кровь, увеча и убивая. Несколько человек уже лежали бездыханными на земле. И тут Красные ринулись на одну из толп Медных. Люди сшиблись. Сразу же послышались крики боли. Вторая орава Медных зажала Красных с другой стороны. Трому казалось, что Медных всё же больше, и, хоть потери с обеих сторон были велики, Медные всё же начали одолевать. Марк стоял рядом и холодно взирал на бойню.

Когда Красные дрогнули, и самые трусливые принялись удирать — беспорядочно, как попало выбирая путь, здоровяк приказал:

— Закрываем тот же проход, но с обратной стороны.

Вождь знал, как бить врага: все те, кто в панике забегал в их подворотню, не ожидали, что и здесь их встретят, но отнюдь не тепло. Они натыкались на строй и падали под ударами топоров. Когда появлялась свободная секунда, горцы отшвыривали трупы за спины, подальше, чтоб не мешали рубить новых. В их мышеловку попало восемь человек, когда в проход заглянул головорез Йона и сразу узнал горцев.

— Живы, все пятеро! Заколдованная банда, клянусь своими орехами!

Следом заглянул сам Йон:

— Как повоевали?

— Да я вчера с бабой в постели и то больше умаялся, — смеясь, ответил Олаф, — У тебя как?

— Двоих ранило, остальные целы. Мы не лезли в первые ряды.

— Не предьявят тебе?

— Пусть попробуют. Все предьявы разобьются о кучу трупов, что вы тут оставили. У остальных плохо. Половина из тех, кто сторожил Красных вместе с вами, убиты. Думал было, вас тоже прирезали. Растолкуй, каким раком вы умудряетесь выскользнуть из любой задницы?

Моряк указал на вождя длинным окровавленным ножом:

— Вот этот человек и его полянка, что возле леса, творят чудеса. Приходи завтра утром и посмотри.

...

С утра, когда молодой перст вдоволь насмотрелся на занятия горцев и все отправились отдыхать, у входа в «Глиняные сиськи» их ждали ещё пятеро. Слухи расползались очень быстро, и люди желали присоединиться к такому удачливому персту. Банда и так уже насчитывала шестнадцать человек. Ещё пятеро делали её вдвое больше обычной.

Тром услышал голос одного из новичков, что бились вчера бок о бок с ним, доносящийся из общего зала:

— Я тебе говорю, только вот эта царапина на щеке, и всё! Больше ни у кого, ничего! Мы двадцать пять человек уколошили! Марк лютый махаловец! Уж если дело к драке, лучше не

сыскать!

Из-за раны бойца освободили от занятий, и сейчас он пил, закусывая колбасой, а вокруг сидели несколько человек и внимали его рассказу. Тром подошёл и понюхал его пиво: разбавленное, как и положено. Он кивнул раненому и поднялся в свою комнату. В углу, где раньше спал Жила, валялись две кучи трофеев, что удалось собрать с тех двадцати пяти трупов после вчерашней битвы. В комнату вошли Марк и Йон.

— Вот, — указал вождь на трофеи, — Мы уже разделили на своё и ваше.

— Это потом, — махнул рукой перст, — Угрюмыч разберётся. Будет ответка Красным, и Медный сунет меня в самое пекло. Как бы нам не оказаться среди мертвецов?

— Скажи, что ты готов сделать всю грязную работу, но попроси его нападать по твоему плану. Предложи всё золото своей банды, все трофеи, но уговори, — вождь задумался на секунду, — И пусть Три Навоза найдёт того, кто хорошо рисует...

...

Йон уговорил Медного, пообещав ему всю добычу банды. По замыслу, его парням предстояло убивать больше всех, и атаман соблазнился на такую богатую добычу. Закипела работа: пока остальные банды их района зализывали раны, людям Йона подбирали доспехи, щиты, луки, учили обращаться с ними, учили держать строй и работать сообща. Тром натерпелся лиха с этими идиотами — они были не чета горным воинам, но, каждый раз, когда горец срывался на любого из них, понося его последними словами, или награждая оплеухой, Марк вмешивался и снова и снова говорил ему, что люди эти не учились воевать с детства, что они узнали про построение и надели броню лишь пару дней назад, и нужно проявлять терпение. Тром слушал вождя, успокаивался, и всё начиналось заново. Через неделю, когда это стадо уже отдалённо напоминало отряд бойцов, к ним присоединились другие банды. Марк не думал учить их так же хорошо, хотел только подобрать всем шлемы и раздать мантилеты, которые по плану предстояло использовать в оцеплении.

За три дня до назначенного срока Йон разрешил всем отдохнуть, и сейчас горцы неспеша топали в корчму «Три кабана», зная, что Кривая Эльза не откажет им ни в еде, ни в иных удовольствиях, а её шлюхи, помня про то, что они сделали с Гнильцом, всегда дадут бесплатно.

У входа судачили трое крепких ребят:

— Картинка этот не жмот, говорю вам. Взять хотя бы кабак вот этот — это он тут всё так обставил. Если его шлюхи так хорошо гребут монеты, что уж о бойцах говорить?

— Слышал, он не терял бойцов, кроме той стычки со Жжёным...

— Это да, бойцов он бережёт, самая большая банда у него на районе.

— Думаешь, Медный правой рукой его сделает?

— Ясен-красен, чего бы нет? Крысиных движений за ним никаких, братва уважает.

Краем глаза один увидел горцев и шепнул остальным. Все трое повернулись к ним, приветствуя кто как. От этого внимания Тром вспомнились те почёт и уважение на родине, которые выказывал ему каждый встречный.

Кривая Эльза уже ждала их, кутаясь в новую шаль. Волосы её, не в пример обыкновению, были отмыты и расчёсаны, одежда сияла чистотой, и Тром подумал, что, коли не кривое плечо, она была бы не так уж и дурна.

— Какие ходят слухи? — спросил Марк, протягивая ей кошелек.

— Ты что-то хочешь у меня купить?

— Нет, это подарок за твои чуткие уши. Они уже послужили нам добром. Так что ещё

слышно?

— Все вокруг говорят про Йона. Ещё Косынки, кажется, думают свести с нами счёты. Но пока они ждут, чем закончится наша свора с Красными.

— Почему не нападают сейчас?

— Может, ждут момента, может, боятся соседей с другой стороны, не знаю. Сдаётся мне, всё одно, кинутся, когда мы ослабнем.

— Почему? Какой толк?

— Жадность. Все эти атаманы так и смотрят, как бы отщипнуть друг от друга кусок побольше. Медный, Слепой Джон, Чёрный Паук — все они борются одновременно со своим страхом и жадностью. Что перевесит сегодня, или завтра, известно одним богам.

— И каким ты молишься?

— Никаким. Молилась Троице в детстве, пока родителей не убили, а потом поняла, что от торговли собственной щелью гораздо больше толку, чем от молитв.

...

Облаву устроили рано утром. Воины Йона, которыми почти всё время командовал Марк, пошли первыми, и встретили лишь нескольких Красных в узких переулках. На улицах пошире вождь выставил вперёд людей с мантилётами. Они оцепляли дом за домом — сначала обставляли все подходы, потом воины со щитами наперевес становились напротив окон и дверей, и только после этого Йон-под-картинкой стучался и предлагал тем, кто внутри, выйти без оружия. Большинство так и поступали, после Олаф и Тром обыскивали дом, забирали ножи и прочее и проверяли, не спрятался ли кто в укромном уголке. Прорваться попытались лишь двое: одного зарубил Тром, а второго бойцы Йона оттеснили щитами к стене и забили насмерть.

Поединщик задержал взгляд на умирающем: беспомощные, растерянные Красные напоминали ему жуков в коробе, которых он ловил в детстве ради забавы. Они не понимали игры по этим новым правилам, не понимали, стоит ли бежать и можно ли убежать вообще. Не знали, что будет, если сдать. Горец на миг представил себя на их месте, и ему стало их жаль — такие же беспомощные, как он когда-то, на корабле. Но что можно было поделать? Они и так не убивали тех, кто сдаётся.

Бойцы обступили очередной дом. Йон собирался постучать, но что-то мелькнуло в окне и у бойца, того самого, кому порезали щёку в подворотне совсем недавно, из глаза внезапно выросла рукоять кинжала. Боец упал на спину, загремев щитом. Тром тут же прикрыл его, но спасти новенького было нельзя: он уже трясся в агонии, мелко отплясывая ногами по воздуху.

— Сжечь их нахер, — в сердцах выпалил Тром.

Хоть командовали Йон и Марк, слов поединщика послушались едва ли не охотнее. Когда дом запылал, и внутри раздались крики, на улицу неподалёку высыпали Красные. Они встали напротив стены из мантилётов и принялись забрасывать Медных камнями, видно, припоминая им прошлый раз. Тром заметил людей и на крышах. Сначала пришлось укрываться за щитами и мантилётами. Даже в шлемах и броне под обстрелом из камней приходилось несладко. Марк подозвал десятерых лучников — он всё-таки обучил самых способных к стрельбе. Под прикрытием щитов они не сразу, но застрелили врагов на крышах, а потом открыли окошки в мантилётах, и плохо стало тем Красным, кто стоял на земле. Сам Тром расстрелял половину запаса, когда вождь решил, что враг ослаблен достаточно, и бойцы Йона, в кольчугах и со щитами, разметали остатки сопротивления по

углам и щелям. Ещё две больших толпы Красных пытались ударить с других сторон, но их отрезали мантиелётами, и они бестолково толпились в узких проходах, не в силах ударить всей массой. Они начали разбегаться, когда было кончено с первой толпой, но Марк с Йоном всё-таки успели обойти и запереть часть из них. Люди металась между мантиелётами и щитами воинов, как угорь на сковородке, но один за одним падали, медленно и неотвратно. Лишь немногим удалось сбежать через крыши, но они и не помышляли о том, чтобы напасть снова. Йон велел шадить рыбаков, лавочников и прочий мирный народ. Всех их сгоняли на самую большую улицу территории Красных, ждать своей участи.

Дом Красного Зигфрида стоял на отшибе. Он не был обнесён стеной, как дом Медного, но само строение тоже складывали из камня, поэтому поджог сулил много мороки.

Люди с мантиелётами не спеша огибали его по кругу, когда в доме открылась дверь, и панический голос прокричал:

— Мы не хотим больше драться, оставьте нам жизни!

— Вы люди Красного.

— Нам плевать на него, пусть подыхает, только без нас!

— Бросайте ножи и выходите!

Красные выходили по очереди, их тесаки звенели друг о друга, падая на землю, а они шли вслед за потоком мирных людей на главную улицу. Когда Йон понял, что внутри никого не осталось, он сделал знак горцам, и втроём они вошли в пустой дом. Медленно и осторожно, осматривая каждую комнату, они продвигались вперёд, но не встретили ни души. Чуть позади шёл Олаф с тремя ребятами.

Атаман сидел у себя в комнате, с трёх сторон занавешенной толстыми шторами и, казалось, смирился с неизбежным. Он баюкал у себя на коленях два больших, с локоть длиной, ножа.

— Ну, сука, кто первый? — поднялся он им навстречу, и тут же из-за штор выскочили ещё пятеро.

Тром сбил наземь одного, что был хлипче остальных, щитом, отмахнулся топором от второго и походя подметил, что Марк и Йон тоже не растерялись, потом добил лежачего, чуть не пропустил росчерк в лицо и стал теснить врага напротив. Вбежал Олаф с подмогой. Отчаянные остатки Красных во главе с их атаманом забивались всё глубже по углам комнаты. Горец прижал своего оппонента к стене, то и дело дёргая топором, чтобы враг нервничал и гадал, когда же будет настоящий удар. Бандит хотел ударить по древку топора и так отвести его в сторону, но горец вовремя убрал его, Красный промахнулся, тут же получил короткий тычок обухом в лицо и следом — рубящий удар по ключице. Рядом истекал кровью главарь Красных. Остальные тоже были зарублены или заколоты. Тром пробежался взглядом по своим бойцам: что-то не то было в осанке здоровяка Марка. Он пригляделся: лицо белое, но ран нет, доспех цел, не пробит, не проколот. Что-то хлюпнуло.

— Марк, блядь! — вырвалось у Трома, когда он увидел, что кровь льёт через край из сапога вождя, — Садись!

Верзила неуклюже опустился на землю, громыхая щитом:

— Видать, какой-то гад лёжа резанул, — прохрипел он, бледнея ещё сильнее.

Тром уже снял жгут с пояса и торопливо затягивал его вокруг икры вождя. Завязывая узел, он увидел, как глаза друга медленно закатились.

Тащили Марка вчетвером — Олаф, Йон, Тром и тот парень, которого когда-то тащил сам Марк.

— Всего пятеро раненых, — приветствовал их Нурик, — Как вы такое провернули?

— Двое убиты, да ещё Марка подрезали, — ответил Йон.

Они уже прошли и уложили здоровяка на стол.

— Всё равно, это ничтожно мало, ты и сам знаешь.

— Что с ним?

— Сейчас гляну... Крови натекло... Ярёмная вена, так её разтак... Жгут. Хорошо.

Подержите его, я стяну сапог.

Портянка под сапогом промокла насквозь. Лекарь размотал её и облил ногу водой. Тром замелит не такой уж и большой тычок с внутренней стороны ноги, который, несмотря на жгут, потихоньку заполнялся кровью.

Тогда лекарь наложил ещё один жгут и достал инструменты. Он сшивал артерию долго — пришлось расширить рану, а это было сложно сделать, не повредив сухожилия. Нурик то и дело подрезал что-то, ругался и смывал кровь. Наконец, он взялся за иголку и принялся кропотливо штопать. Потом, уже не так внимательно, сшил мясо и кожу. Вождь то и дело ворочался, но Йон с Тромом держали крепко.

Нурик развязал оба жгута и какое-то время внимательно смотрел на рану:

— Хорошая работа. Похоже, будет жить. Я, конечно, лечу парней Медного бесплатно, но за такое с тебя бутылка, Йон.

— С меня, — ответил Тром, — Попрошу Кривую Эльзу накрыть тебе стол.

— Ты не такой гордец, как мне показалось сначала.

Поединщик просидел у кровати вождя до тех пор, пока он не очнулся. Трома внезапно обуял страх, лишь стоило представить, что он останется один, но сейчас страх сменился радостью. Потом пришёл Йон и позвал всех к Медному. Марк тоже порывался идти, но Нурик ни в какую не пускал его.

А в доме Медного было всё по-прежнему. Боец на входе кивнул им, когда Тром и остальные сдали оружие, а головорезы в зале не проявляли особенно никаких эмоций, только Медный довольно улыбался.

— У тебя всё получилось, Картинка, — начал он, — Поговаривают, ты опять потерял всего двоих, зато перерезал Красных, — он подошёл к Йону и хлопнул его по плечу, — Народ только о тебе и говорит, — атаман дружески придерживал его за затылок, — И, знаешь, что?

Внезапно он всадил стилет Йону в подбородок.

— Это мне не нравится!

Охрана его повынимала клинки и обступила Олафа с Тромом. Горец лихорадочно думал, как ему безоружным сразиться с восьмерыми, но чем больше метались мысли, тем лучше он понимал — шансов нет никаких.

«Страх и жадность», — вдруг вспомнилось ему.

— Я могу отобрать район Косынок для тебя. Станешь атаманом половины города. Только дай мне корабль после, и мы больше не вернёмся.

Медный поднял руку вверх, останавливая своих убийц:

— Как же Йон?

— Кто он мне? Мальчишка глупец, мы всё сделали за него.

Даже если атаман пытался скрыть внутреннюю борьбу, это у него не получилось — колебания, неуверенность, алчность — всё отражалось на его лице. Наконец, он произнёс:

— Добудь мне район Косынок, и я дам тебе корабль.

...

Тром вновь склонился над картой, нарисованной рукой дочери рыбака — совсем ещё ребёнка, но единственной, кто умел сносно рисовать в этом районе. Впрочем, то, что нужно, она отразила. Поединщика одолели сомнения: Марк, его вождь, был совсем плох. Он даже не мог смотреть на карту и соображать, так много крови потерял. А сам Тром — не лучший командир. Решения Марка всегда мудрее — чем больше невзгод обрушивалось им на голову, тем лучше горец это понимал. И сейчас он боялся, что решит всё неправильно, что их затея провалится, и тогда конец и ему, и вождю. Но кто ещё, кроме него, мог спланировать военную вылазку? Лучший из худших...

«Марк победил, но, кроме вас двоих, я больше нигде не видел таких воинов. Ты был только чуточку хуже, правда-правда!»

Слова из прошлой жизни, но как же кстати они вспомнились! Тром принял то, что некому больше тащить это, и поклялся себе сделать лучшее, на что только способен.

Он опять сравнил карту Красных и карту Косынок: «Нет, первое впечатление было верным — с косынками не получится так же — слишком широкие улицы, слишком мало места, чтобы запереть их». Он думал, что, случись им всё же драться в чужом районе, они смогут победить. Но какой ценой? Какие будут потери? Потерь Тром не хотел. Для того, что он задумал, потери были бы совсем некстати.

Марк валялся в бреду, но нужно было действовать, и действовать быстро, пока жадность ещё довлеет над страхом, иначе их ждёт участь Йона, уж об этом даже такой тугодум, как Тром, додумался сам.

После этого они с Олафом разговаривали целую ночь и, в конце концов, горец решил использовать ту же уловку, что когда-то применил против него Комад. Бывший великий поединщик попросил Эльзу пустить слух, что свора с Красными дорого обошлась Медным, что людей у них осталось меньше половины, и те с ранениями. Он знал, что, дерись люди Медного по старинке, именно так и случилось бы. Лишь поэтому рассчитывал, что слухам поверят.

Уже на следующий день Тром стоял на крыше Трёх кабанов и ждал. Либо Косынки ударят сегодня, не успев ничего проверить и положившись на слухи, либо затаятся, тогда придётся осторожно кусать их в надежде выманить на свою территорию.

Он увидел много факелов в чужом районе и сразу понял, что враг придёт сегодня. Значит, не зря он не давал покоя перстам Медного, не зря расставлял засады и объяснял, кому и что надо делать, не зря они с Олафом думали, что сказать перстам и, главное, когда. Во всяком случае, он надеялся, что всё это будет не зря.

Косынки пошли по трём переулкам, прямо к самой главной улице, но которой было больше всего кабаков, где обычно и жили бандиты Медного. Но не в этот раз. Сегодня все попрятались по никчёмным лачугам, до которых Косынкам, по глупости своей, дела не было.

Тром решил, что начнёт отрубать с хвоста и, когда большая часть врагов высыпала на главную улицу, он подал сигнал. Рядом, набрав воздуха в лёгкие, пронзительно свистнул Жила. Тогда два из трёх переулков, где ещё остались враги, перекрыли мантилётками, появившимися из тех самых лачуг, до которых никому не было дела. Из них же выскочили воины в броне, которую с недавних пор они стали очень ценить. Всё ещё неопытные, тем не менее, по сравнению с косынками, у которых были только ножи да топорики, они представляли грозную силу. Тром даже не хотел больше звать их бандитами.

В переулках началась резня. Некоторые из тех, кто был на главной улице, заметили это и забеспокоились, но большинству было плевать — они рыскали по кабакам в поисках раненых и обессиленных Медных.

— Когда перебьём всех в этих двух переулках, свистнешь второй раз, — Тром залез обратно на чердак, спустился из окна на крышу соседней лачуги и заглянул в переулок, где парни Йона наступали на сгрудившихся у мантилёта Косынок, прямо под ногами горца.

— Эй, дружинники, посторонись, я спрыгну, — он соскочил с невысокой крыши. Без лука и колчана делать это было не в пример удобнее, — Сомкнуть строй.

Они медленно и неотвратно двинули на врагов. Тром внимательно смотрел поверх щита. Малейшее движение в их сторону, и тут же — смертельный росчерк топора, или сразу двух. Враги кидались на них, лезли на крыши, молили о пощаде, но были нещадно перебиты, и пронзительный свист с крыши достиг ушей Трома. Тогда часть мантилётов сняли, чтобы перекрыть ими другие выходы с улицы.

Когда косынки увидели, как люди тащат толстые деревянные стены под прикрытием бойцов со щитами, они поняли, что происходит что-то не то и стали сбиваться в толпу. Тут прозвучал третий свист, как и было уговорено. Йоновы парни перекрыли улицу стеной щитов, разделив её надвое, а позади них стали собираться бездоспешные головорезы Медного с корзинами, набитыми камнями. Косынки с криками ринулись на стену щитов и почти смяли её с одной стороны.

Тром ринулся туда:

— Держать строй! — он неистово заработал топором, охаживая торчащие тут и там головы в платках, — Отвечайте, отвечайте им, вашу мать!

От натиска такой большой толпы ребята Йона растерялись, их хватало только на то, чтобы худо-бедно держать строй. Один получил удар в бок, но спасла кольчуга, второй свалился со страшной раной на лице, третий отшатнулся, но Тром пинком вернул его в строй и махнул поверх его щита, отправляя врага в небытие. И ещё, и ещё раз.

Толпа напротив чуть замешкалась.

Тром повернулся назад:

— Кидайте камни, чего стоите? Поверх наших голов!

Нужно было сказать им раньше. Камни ещё больше ошарашили толпу, появился момент.

— Вперёд, все как один!

Стена щитов сделала шаг, другой, изогнулась в двух местах. Он увидел, как враги пытаются пробиться в брешь, но Олаф поймал на щит одного из них и быстро уколол сбоку, в долю секунды вытащив из-за пояса длинный нож. Потом он засунул нож на место и схватился за топор, повисший на запястье на кожаном шнурке. Противник осел, двое соседних отступили. Они не знали, что им делать: прорываться за стену щитов, где Медных ещё больше? Умирать под градом камней? Прыгать через мантилёты и умирать там? Поэтому они стояли вблизи ряда щитов, куда не прилетали камни, и отступали медленно, шаг за шагом, оттягивая смерть до последнего, или пытались убежать по крышам. Одному это удалось, но второго сбили вниз камнями, где он и остался лежать, уже бездыханный.

— Ровный строй! — скомандовал горец, но не все вняли команде, — Ровный, блядь, строй! — взревел Тром.

И бойцы только тогда сделали его ещё ровнее.

Оставшиеся враги заметались в панике, стали бросаться туда-сюда, их рубили, забивали камнями, некоторые сбегали, просачиваясь в щели лачуг, невероятным образом взбираясь по

стенам, или проламывая окна для бегства.

И вот из всей толпы остались десятка полтора, но эти никуда не бежали. Эти смирились с неизбежностью и ждали, когда им в последний раз предстоит схватиться с врагом.

Бросать камни, не боясь причинить вред товарищам, Медные уже не могли, потому оставшимся Косынкам не нужно было бросаться на стену щитов, и они ждали — свирепые, решительные, обречённые. Это не было, как с Комадом, когда один решительный бросок Трома решил дело. Здесь всё всем было понятно. Поединщик, который занял место павшего бойца в шеренге, остановился. Видя это, вся шеренга перестала идти вперёд, не дожидаясь команды.

— Где ваш атаман? — спросил горец у кучки отчаянных людей.

— В грёбаном замке, — ответил один из них.

— То есть, он завёл вас в ловушку, в которой вас всех поубивали, а сам сидит в какой-то дыре?

Молчание.

— И вы хотите умирать за него?

— У нас есть выбор?

— Да. Бросьте свои ножи, уговорите остальных сдать Слепого Джона, и я оставлю вам жизнь. Ну же, мы убьём вас и с ножами, если захотим.

Парень в косынке, что отвечал Тром, бросил нож на землю.

...

Слепой Джон оказался жалок. Настолько жалок, что Тром не стал его убивать, а прогнал в соседний район. Он и не был слепым, а прозвище своё получил просто из-за того, что любил смотреть на людей, сощутив глаза.

Олаф веселился, развалиясь на огромном кресле Слепого и изображая из себя атамана, веселился, когда шуточно раздавал указания перстам Медного, но всё то, что они задумывали ночью, прошло гладко.

Тром и ещё несколько перстов шли во главе огромной толпы к дому Медного.

— Ну что, нарезали Косынок на шашлык? — приветствовал их всё тот же крепкий охранник.

Горец кивнул.

— Складывайте свои топоры, сами знаете.

— Не в этот раз, — ответил ему один из перстов.

Крепыш не стал возражать и предпочёл за благо отойти в сторону.

— Эй, горец, не заляпай мне тут всё! — вскричал Медный, когда увидел окровавленного Трома идущим прямо к нему мимо охраны, — Твой корабль стоит во втором доке, — уже менее уверенно сказал он, когда Тром прошёл пол зала.

Охрана не дёрнулась, когда увидела за ним вооружённых перстов и Олафа со щитом.

— Теперь я выберу любой, какой пожелаю, — Тром схватил Медного правой рукой за горло и припечатал к стене. Атаман потянулся к поясу, но поединщик поймал левой его руку и как следует долбанул об стену. Во второй руке атамана появился давешний стилет, но Олаф прижал к стене и её, тут же резанув ножом, отчего Медный заорал и выронил стилет, а потом моряк трижды ударил атамана ножом в левое подреберье. Согнувшись, бывший главарь осел на пол.

Тром толкнул его ногой, и тот повалился на бок, сипя и хрипя.

— Парень выполнил твой приказ. Выполнил в лучшем виде, а ты казнил его за это. Так

получай, что заслужил.

Глава 9: мы все должны выбрать сторону

Жерар стукнул своим бокалом по бокалам Франческо и Максимилиана:

— За победу, за нашего капитана.

Он не стал ничего придумывать и созвал друзей там же, где снимал комнаты — в «Бойком месте». Теперь-то уж точно он может назвать их друзьями.

Вокруг сидел праздный народ, а зал из прекрасного лакированного дуба и ясеня, украшенный драпировками, картинами охоты и круглыми фонарями в виде лилий, источал уют. Молодой граф до войны не замечал таких мелочей. Теперь же прелести мирной жизни открылись ему заново. Он будто впервые ел в трактирах, одевался не в доспехи, спал под крышей, ходил в фехтовальный зал. Это было интересно и странно, а ещё город уже не казался ему таким большим, как раньше.

Но, несмотря на весь уют, на душе у него было темным-темно, ведь за столом их всего трое. Весельчак Пероль и Леонардо, столь многообещающий молодой офицер, остались на том поганом сыром холме, и ничего для них уже не будет — ни этой посиделки, ни прогулок в вишнёвых садах близ реки, ни новых званий, ни новых подвигов.

Поход этот, совсем не долгий по военным меркам, оставил в душе графа огромный след, и обратно вернулся совсем другой человек. Третий Гвардейский Полк Лемэса стяжал заслуженную славу, и за славу эту дорого заплатил. После победы на холме армия Его Величества гнала еретиков прочь ещё два дня, добывая остатки их армии.

Капитан де Куберте был пожалован чином полковника, перескочив майора, что являлось почти небывалой редкостью. Однако, старый маршал не сделал его командиром полка. Им стал бывший заместитель командира, полковник Кантан де Перел, давно ждущий повышения. Дядю же сделали заместителем, вторым человеком полка.

Жерара временно поставили командовать вторым взводом, и он вникал во все тонкости армейских взаимоотношений, про которые во многом узнавал от своего слуги и сержанта Жака. Их он старался держать поближе, по совету матери пользуясь не только своими знаниями, но и знаниями своих людей.

Грязные, израненные и потерявшие больше трети людей, но овеянные славой, они двинулись в обратный путь. Маршал больше не гонял их в охранение каждую ночь, к тому же, на обратном пути выпало несколько погожих деньков, в которые де Куберте принялся учить Жерара владеть не только эспадой. Схватывал граф быстрее любого другого, и под конец пути успел одолеть многих молодых офицеров в учебных поединках. О нём пошла молва, как среди дворян, так и среди солдат, и в Лемэс де Сарвуазье вернулся не просто молодым человеком из богатой и знатной семьи, а офицером с определённой репутацией, чему в том числе способствовала и пара конфликтов в дороге, которые граф разрешал с неизменной мрачной решимостью, проснувшейся в нём там, на холме, и справедливостью, привитой ему родителями с детства.

Молодой граф, пробыв уже два дня в городе, никак не мог привыкнуть, что тело и одежда чистые, а слуги могут согреть ещё воды в любой момент.

Максимилиан оторвался от жареного каплуна и обратился к де Вису, тем самым оторвав и Жерара от его дум:

— Франческо, долго ли ждать пополнения?

— В полку говорили, первые рекруты будут уже на следующей неделе.

— Наверняка капитан выберет для нас каких получше.

— Полковник, Максимилиан, полковник. Привыкайте.

— Кажется, всем нам долго придётся привыкать к этому.

— Спорить не буду, — де Вис откусил брускетту и запил глотком вина, — Даже вечный капитан не вечен. Помните, господа, что творилось с людьми, когда его выбрали командовать там, на холме? Всем известно, как солдаты к нему относятся, но чтоб настолько. Мне ни разу не приходилось видеть подобного единства.

Жерар надкусил бутерброд с сыром, вяленным помидором и базиликом — что за божественный вкус, которого он раньше даже не замечал? Беседа их текла неспешно. Насладившись, он задал вопрос, давно крутившийся на языке.

— Простые солдаты сильно благоволят дяде. Почему так?

Максимилиан ответил, одновременно срезая сочное мясо с косточки:

— Храбрец, отменный командир и бережёт своих солдат. Я слышал, он убил нескольких офицеров за неподобающее отношение к подчинённым.

— Как это случилось?

— Спросите у него сами. Не хочу пересказывать всё, наверняка половина — сплетни.

Жерар сидел вполоборота к двери, но такого неуместного здесь сержанта Жака заметил сразу же. Жак тоже заметил их и, непонятно отчего сконфузившись, пробирался к ним через залу, аккуратно огибая столы. Когда он обходил соседний с графом стол, один из посетителей отодвинул стул, чтобы встать. Получилось это резко, неожиданно и прямо под ноги Жаку. Сержант не успел остановиться и налетел на этого господина, отчего тот расплескал вино себе на колет и сильно шатнул стол. Прямой как струна господин лет двадцати пяти в чёрно-белом костюме, частью ставшем красным от пролитого на него вина, сначала удивлённо воззрился на сержанта.

Жак всё это время стоял, приклонив голову и бормотал:

— Покорнейше прошу простить. Прошу простить, что не увидел я вовремя...

— Ты откуда здесь взялся, холоп?! — господин ударил солдата ладонью по щеке.

Голова его даже не дёрнулась от этого, лишь глаза на миг закрылись. Это было ясно видно — долговязый Жак возвышался на пол головы над чёрно-белым господином.

Ещё одна пощёчина, потом ещё. Ветеран просто закрыл глаза и терпел.

Жерар вспомнил, как этот же человек несколько недель назад тяжело дышал, опершись на алебарду, как стоял под натиском врага, весь перемазанный кровью, орущий на своих людей, цеплял крюком щиты еретиков, бил, колот и снова цеплял, не жалуясь, не прося отдыха, принимая судьбу свою, какой бы она ни оказалась, лишь бы не дать врагу взобраться на тот холм.

Молодой господин тем временем совсем вошёл в раж и принялся трясти сержанта за шею.

Граф вскочил, проклиная себя, что так долго смотрел на это, в три шага оказался рядом и, не церемонясь, рывком этого господина к себе:

— Вам не кажется, что уже хватит?

— Эта деревенщина испортила мой костюм! Что прикажете мне делать?! Летийский шёлк! Да на эти деньги троих таких как он на всю жизнь можно нанять!

— Он извинился, и не единожды. Этого достаточно, тем более, если вопрос касается одежды, пусть и дорогой. И, видят Трое, не один он причина этого конфуза.

— Здесь я буду решать, чего достаточно, а чего нет! — господин в забрызганном

костюме повысил голос уже на него.

Жерар снова вспомнил рубку на холме, нескончаемые ночные дозоры, вспомнил, как этот сержант, вместе с другими своими солдатами, кряхтя, тащил ящик по бесконечному полю под нескончаемым дождём, как ютился под накидкой, пытаясь укрыться от сырости...

«Будь что будет, к демонам этого хлыща», — де Сарвуазье с силой влепил пощёчину чёрно-белому господину.

Господин сделал шаг назад и достал эспаду.

Жерар тут же вытащил свою.

— Вы умрёте за эту пощёчину.

— Не нужно было вам бить моего солдата.

Испачканный сделал выпад. Отходить тут было особенно некуда, поэтому Жерар решил заранее, как примерно будет вести бой. Он отбил выпад, ответил скупым и коротким ударом сбоку в лицо, от которого господин отскочил, но, ещё во время отскока, Жерар атаковал его руку с эспадой, присев на правой ноге и весь вытянувшись в выпаде. И, не делая паузы, повторил удар в лицо. Всё это он проделал так быстро, как только мог. Удачно. Глубокий косой порез чуть ниже локтя разрезал и рукав, и кожу, одежда окрасилась уже не вином. Рана в полпяди на лбу господина дополняла дело. Он немного ошалел от такой атаки, но клинок не опустил.

Де Сарвуазье было этого мало — он подбил эспаду противника с одной стороны, с другой и, когда тот сделал неправильное движение, показал, будто сейчас уколет в живот. Господин в чёрно-белом костюме попытался парировать, отпрыгивая при этом назад, и налетел на тот самый злосчастный стул, а граф стремительно крутанул эспаду, выводя из ложного укола, и рубанул соперника сбоку, по той же самой руке. На этот раз удар пришёлся чуть выше локтя и ранил он глубже предыдущего.

На рукаве быстро и обильно выступила кровь, господин побледнел, а Жерар треснул его как следует плоской стороной клинка по запястью, заставляя немедленно бросить эспаду:

— Что, хватит с вас?

Недавно ещё рассерженный и свирепый, господин сел на стул, едва не свалившись назад. Двое других подскочили к нему, трактирщик прибежал и суетился рядом с полотенцами в руках. Одну из кухарок отправили за доктором.

Только Жак стоял посреди всего этого мельтешения и, похоже, совершенно не знал, куда ему деваться.

Граф решил, что надо бы узнать, зачем он вообще оказался тут:

— Сержант, идём-ка на улицу.

Даже в вечерних сумерках граф видел, что Жак всё ещё сгорбленный и зажатый, словно в тиски.

— Ты нас искал?

— Не всех, ваше благородие. Вас найти было велено. Что-ж теперь, из-за меня того господина... Такая размолвка. Что-ж будет-то?

— Что будет, то и будет. Может, он спесь свою поубавит малость. Искал-то зачем?

— К его благородию министру вас просят срочно. Говорят, вы знаете, куда идти.

— Знаю. Ступай-ка отсюда в казармы, да побыстрее. Сам доберусь.

Граф только сейчас обнаружил, что так и стоит с эспадой в руке, повертел её под фонарём, проверяя, чистая ли, и убрал в ножны.

«Потом нужно будет отдать её Роду, пусть промаслит как следует, мало ли что».

Жерар проходил по вечернему городу, укутавшись в тёплый плащ. Дожди перестали, но на столицу опустилась сухая зимняя стужа, когда лужи, а кое-где и река, по утрам стягиваются прозрачной коркой льда, а днём так холодно, что гулять по этим красивым улочкам, ухоженным паркам и презентабельным набережным совсем не тянет.

Мирная жизнь... Никто никуда не торопится так, как там. Да, днём люди бегают и снуют туда-сюда, но не выбиваются вконец из сил, промокшие, гружёные, словно мулы, едва не выплёвывающие лёгкие. Вот и стража у ворот министерства стоит с выражением лёгкой надменности на лице — спокойно, уверенно, прямо. То ли дело дежурные отряды на давешней насыпи — сгорбленные, напряжённые в ожидании очередного удара, или валяющиеся с ног, спящие прямо на земле после отступления врага.

Граф назвал фамилию и беспрепятственно прошёл в караулку.

— Здравствуйте, — молодой лейтенант поднялся из-за стола и сделал шаг навстречу, — Эспаду придётся сдать.

Жерар отстегнул ножны от перевязи и отдал ему клинок, затем расстался и с кинжалом, всегда висящим на поясе после битвы на холме.

— Поздравляю Третий Гвардейский с возвращением и победой.

— Спасибо.

Сад, вход во дворец, приёмная — всё под охраной, и вот Жерар отворил дверь кабинета Первого министра Винсена де Крюа. За огромным столом сидел сам министр, дядя Люк и ещё один человек, которого Жерар не знал.

— Граф, познакомьтесь, — представил его де Крюа, — Министр финансов, барон де Пинес.

«Министр финансов, а всего лишь барон, странно».

Граф с почтением пожал протянутую руку, рукав и ладонь которой кое-где испачкались чернилами. Зоркие глаза худощавого барона с вниманием глядели из-под кудрявой соломенной шевелюры, некую детскость которой оттенял большой орлиный нос. Рукопожатие его не было вялым, но и не отличалось крепостью, как дядино. Костюм его был похож на одеяние Первого министра — строгий, неяркий, выдержанный в чёрно-серых тонах. Дядя же, как всегда, был одет по-военному и смотрелся в этом кабинете несколько неуместно.

— Приступим к делам, — начал де Крюа, — Перво-наперво, поздравляю с повышением, полковник.

Дядя его на это лишь учтиво кивнул.

— Во-вторых, мне стало известно, что маршал опять загребал угли вашими руками, но сделал вас лишь замом, хотя все мы знаем, какая должность и чин давно вами заслужены. Однако, Его Величество решил не подвергать авторитет маршала удару, оспаривая его решение. Но он вас награждает Орденом Мужества.

Министр достал деревянную лакированную шкатулку и подвинул её к дяде. Де Куберте сгрёб её со стола и поставил себе на колени.

— Не посмотрите?

— К кирасе не прицепить, а подобных орденов я и на маршале видел предостаточно.

— Не очень-то вам пришлась эта награда. Откройте, пусть господа засвидетельствуют.

Дядя открыл шкатулку и выставил на стол. Десятиконечная звезда из белого золота с бриллиантом посреди, какие Жерар уже видел на маршале.

Внезапно дверь отворилась и секретарь министра громко объявил:

— Его Величество король Кантании Вильям Третий!

Сначала по кабинету рассыпалась королевская охрана в золотисто-зелёных ваффенроках, под которыми можно было угадать полный латный доспех, затем внутрь прошествовал сам король. Одного роста с графом, короткая стрижка чуть тронутых сединой волос, уверенная походка и почти идеальные пропорции широкого, но не пухлого лица. Все вскочили со своих мест — Жерар и молодой барон поспешно, дядя Люк и де Крюа — медленнее. Молодой граф раскланялся, а монарх приветствовал всех кивком головы:

— Решил всё же вручить награду герою лично.

— Встречи с посланцем Бен-Изирия не было? — спросил де Крюа.

— Быстро закончили, — король подошёл к столу, взял в руки орден и принялся разыскивать, куда бы его приторочить дяде, — Эти южане — столько посторонних разговоров, а о деле лишь пару слов... Некуда приколоть. Придётся вам принять из рук в руки, — король вложил орден в ладонь капитана, — Вы истинный пример героизма. Рад, что нашлось время сделать это лично. Что вас смущает?

Видно, последний вопрос короля относился к тому, что дядя Люк выглядел как будто чем-то озадаченным, а не преисполненным торжественности момента.

— Я очень благодарен за награду, Ваше Величество. Меня смущает лишь, что достойных её людей в полку множество, а досталась она именно мне.

— Ваши слова лишь подтверждают, что вы достойны её, как никто другой. Хотя в доблести гвардейского полка я не сомневаюсь, но раздавать награды направо и налево не могу. А о вас я знаю. И не только о битве при Мостовом Холме.

— Мостовом Холме?

— Так её назовут летописцы. И есть ещё кое-что, ради чего я здесь. Вы должны честно ответить на один вопрос, граф. Вы ведь граф, я правильно помню?

— Правильно, Ваше Величество.

— Так вот, де Крюа утверждает, что вы человек честный и прямой, особенно в разговоре со своими. Меня беспокоит маршал де Ветт. Вы только что вернулись из кампании под его руководством. Ответьте, не пора ли ему на покой? Не использует ли он своё положение для сведения личных счётов? Не являются ли его приказы преступной халатностью? Я знаю, через что прошёл ваш полк, но верное ли это решение? От вашего ответа зависит многое, помните об этом. Уж у вас должно хватить опыта оценить.

Дядя задумался. Остальные молчали. Пауза уже затянулась до неловкости, когда дядя, наконец, ответил:

— На его месте я поступил бы так же. Другой полк мог не успеть вовремя, придавать нам кавалерию больше, чем сделал он — великий риск. Можно было затянуть войну и дожидаться подкреплений, не рискуя полком, но я не знаю, располагает ли армия достаточными ресурсами для этого.

— Что насчёт ваших ночных дежурств?

«Он и об этом знает?»

— Он прервал их перед заданием.

— Но вы ведь не спали три ночи подряд. Это не из-за личного дела между ним и вами?

— Не могу знать. Спросите господина маршала.

— Ваше Величество! — не сдержался Жерар, — Это продолжалось до тех пор, пока я не потребовал отменить этот произвол.

— А вы...?

— Лейтенант де Сарвуазье, министерский куратор Армии Его Величества, назначен лично мной, — вставил слово де Крюа.

— Полагаю, сын моего лучшего архитектора?

— Точно так.

— Значит, ваша идея о дополнительном контроле армии сработала как нельзя лучше, господин министр? Напрасно я сомневался в этом решении?

— Возможно, лейтенанту следовало бы действовать более... обтекаемо. Но в целом, следует отметить некоторый успех.

— Присядем, господа, — король опустил на место рядом с Жераром и жестом повторил свой приказ. Только после этого все сели, — Здесь не зал церемоний, в конце концов. Винсен, давайте обсудим наши внутривполитические дела.

— Возможно, для этого лучше дождаться сбора совета министров, к тому же, не думаю, что этим господам нужно знать...

— Некогда. Что же касается этих господ, не вы ли говорили, что де Куберте предан короне, как никто другой? Я только что наградил этого человека, не заставляйте сомневаться в его лояльности. Отец же графа де Сарвуазье являл собой истинного патриота. Просто не верю, что его сын может быть предателем. Если же я ошибаюсь, то и поделом мне.

— В таком случае, мне возразить нечего, — устало ответил Первый министр.

Жерара взволновала эта беседа, как и то, что сам король преспокойно сидел по левую руку от него, будто это был обычный семейный совет, что ли. Ни фанфар, ни пышного приёма, ничего, о чём Жерар думал, когда представлял подобные встречи.

— Де Сидония совсем распоясался, — вещал тем временем министр, — Со своей кликой на пару с де Бижоном и прочими, они крадут, по нашим данным — сколько, де Пинес?

— От восьми до двенадцати тысяч фунтов в неделю, если считать по всему герцогству.

— Втихаря воруют сами у себя, Ваше Величество, — продолжал де Крюа, — Пока урожаи доставляются до хранилищ, половина исчезает, и вашей десятины убывает вдвое. Всё время сеют смуту среди благородных, сетуя, что мы даём слишком много прав торговцам и ремесленникам. Эдикт о запрещении дуэлей для них хороший повод попомнить вас недобрым словом.

Герцог Джакомо де Руйтер якшается с еретиками и пока непонятно, к чему это приведёт, да вы и сами знаете. Только де Кармю по-прежнему полностью лоялен.

Де Сидония делает всё, чтобы ослабить нас, но хватать его пока не за что, хотя все всё понимают. Ещё один молодой служащий, подававший надежды и три офицера второго полка убиты. Предположительно, на дуэли, — министр обжёг взглядом молодого графа, — Надеюсь, теперь вы видите всю опасность этого обычая? Вы уже давно в столице. Скажите, сколько дуэлей из тех, что вы видели, были не глупым фанфаронством, или не хорошо просчитанной провокацией с заранее известным результатом?

Жерар опустил взгляд на стол. Министр был прав. Пожалуй, его собственная недавняя стычка — единственное правое дело, из-за которого состоялся поединок.

— Наш граф посещает фехтовальный клуб Бижона, — язвительно проговорил дядя, — И сам далеко не прочь поучаствовать в дуэли. Заправский бретёр, доложу я вам.

Слова эти Жерара сильно задели. После войны, холма, этого тяжёлого похода. И друзья из офицеров, которых он обрёл и тут же потерял, почему-то необъяснимо заставляли

воспринимать тон дяди, как крайне несправедливый упрёк.

— Да будет вам известно, господин полковник, что я предотвратил три дуэли. И две из них — в недавней военной кампании.

— Значит, всё-таки понял... — покивал Первый министр.

— Вам нужно порвать с де Бижоном, — убеждённо сказал дядя.

— Зачем же? — серьёзно возразил ему король, — Наши враги коварны и пользуются самым разнообразным оружием. Чтобы преуспеть, мы должны стать ещё коварнее, изобретательнее, хитрее. Продолжайте ходить к нему, граф. Притворитесь своим, вотритесь в доверие и действуйте в нужный момент.

— Ваше Величество, вы хотите сделать из меня шпиона? За что?

— Не за что, де Сарвуазье, а почему. Иногда нельзя исполнить долг перед страной, не замарав рук. Вы должны были понять это на войне. А лучше всего исполняют долг люди, преданные стране. Это не наказание, а суровая необходимость, — король кивнул на полковника, — Думаете, мы отправили его пресекать дуэли, чтобы наказать? Он, по-вашему, не спит ночами из-за того, что наказан, или всё-таки понимает важность своей работы? Вот граф де Крюа — сводит отчёты и донесения, да строчит приказы день и ночь. А он, между тем, отличный наездник и предпочёл бы это занятие сидению в кабинете. Тоже наказан, по-вашему?

Молодому графу совсем нечего было ответить, он так и смотрел на массивные доски стола.

— Вы выбрали уже сторону, я надеюсь? Иначе, рано или поздно, её выберут за вас.

Я выбрал сторону, Ваше Величество, ровно тогда, когда присягнул вам, и менять её не собираюсь.

— Не ждал другого ответа от сына де Сарвуазье.

— Но почему вы не покараете де Сидонию? Вы ведь король! — выпалил Жерар то, что хотел сказать с начала разговора.

— Не так всё просто. Он обладает большой властью, и прямых улик против него нет. Нельзя сажать в темницу одного из потомков тех, кто выбирал королевский род, из-за домыслов. Так можно развязать гражданскую войну. Вы поймёте, когда придёт время, уверяю, — монарх обратил взор на своего главного министра, — Что же касается потерь казны, думаю, следует установить твёрдый поземельный налог, а не десятину добытого. Однако, с разной земли налог будет разный, смотря сколько она может приносить. Это я и поручаю вам с бароном высчитать. Ещё раз, был рад вручить награду лично герою, но дела не ждут.

Король встал, остальные повскакивали следом и раскланялись. Затем он так же быстро покинул кабинет.

Позже Жерар стоял за воротами министерской ограды, всё ещё взбудораженный от неожиданного появления короля и, вместе с тем, удивлённый:

— Где вся его свита? — в прострации пробормотал он себе под нос.

— Наш правитель считает, что таскать за собой кучу людей не всегда удобно, — ответил дядя, — Есть светские приёмы, на которых надобно соблюдать все приличия. Остальное же время он держит подальше от себя всё, что мешает работать, как и Старый Лис де Крюа. Два сапога-пара.

— Он так же занят, как и его министр?

— Да, почти всегда.

— В чём смысл быть королём и всё время работать?

— Быть королём — тяжёлая доля. Особенно если хочешь быть хорошим королём.

...

— Эй, Марио, неси сюда кружку, — крикнул Жак коренастому пестуицу.

Род уже сел за стол, на котором исходили паром свиные рёбрышки. Дороговато, но они решили помянуть арбалетчика Тиля как следует.

— Налэтай, — зазвенел над столом акцент Марио, и три кружки пива со стуком встали рядом с блюдом.

Жак с Родом расхватили свои и сделали по глотку.

— Помнишь, как он чуть не застрелил меня в первый год, когда я отошёл в кусты по нужде? — с грустной улыбкой произнёс старый долговязый сержант.

Глаза его смотрели в пустоту, а волосы, по большей части, давно отвоевала седина. Род подумал, какая он, должно быть, развалина, если Жак кажется таким старым? Старик помнил, как воспитывал этих двух желторотиков, помнил то, о чём говорил Жак и ещё много всяких случаев.

— Ещё помню, как вы нажрались однажды какой-то дряни, а потом мучились животами. Думал, холера, помрёте оба.

— Ага. Сырая пшеница у одного мельника в амбаре. Жрать так хотелось... — кивал Жак, всё ещё глядя в никуда.

— И через год к нам приставили Марио.

— Ветреный Марио: портил воздух каждую минуту.

— Был у меня такой грех, — казалось, пестуец совсем не обиделся, — От волнения первый год желудок сам нэ свой. Потом прошло.

— За Тиль! — они выпили и поставили кружки.

— Нет таких и не будет больше, — Жак взял ребро из блюда.

— Лучший арбалетчик, — подхватил Марио.

— Ага, — жуя, кивнул долговязый сержант, — Только ты, Лис, ему и ровня.

— Глаза уж не те...

— На мосту те были. И потом, на бруствере. Научил бы наших ротных стрелять.

— Если господин позволит.

— Наш вот господин полковником стал, — продолжал Жак, — Де Вис, конечно, офицер неплохой, но без капитана пусто как-то, не то всё.

— Он теперь полковник, привыкай.

— Так ведь и других наших господ офицеров побил. Кого вместо них-то пришлют? Вот бы твоего графа нам дали.

— Помнится, вы с Тилем бранили его, когда только увидели.

— То он незнания. Справный офицер будет, верно ты тогда нас приструнил. Понимаю теперь, отчего ты так стоишь за него.

Род не ответил. За дальним от них столом, среди людей невоенных, он увидел знакомую рожу. Конюх Харт сидел между жилистым человеком и волосатым верзилкой и, как ни в чём не бывало, хлебал эль из кружки.

Род протолкался сквозь толпу, подошёл к их столу и положил верзилке руку на плечо:

— Подвинься.

Волосатый не стал перечить.

— Ну, привет, Харт. Приятного, значит, тебе аппетита.

— Привет, Лис, смотрю, целый с войны-то воротился? Что-ж граф наш, тоже цел?

— Твоими молитвами. Отчего ты здесь? Отчего два дня тебя не видно у нас?

— Приходил я поспать, ты, верно, не заметил.

— Ладно. С лошадьми что? Не чищены они.

— Ты, Лис, скажи графу, не желаю я у него работать больше. Я ведь вольный холоп, могу уйти, когда вздумаю.

— Чем тебе граф наш не угодил, дурень? Такого хозяина искать не сыскать. Что делать-то будешь?

— На склады пойду, или ещё куда Там всяко посвободнее.

— Свободы захотел?

Род обвёл глазами дружков конюха. Те молчали. Недоброе что-то было в их молчании, отчего старому слуге захотелось побыстрее откреститься. И предчувствие орало, что от конюха, как от чумного, бежать надобно.

— Передам, коли так. Будь здоров.

— И тебе не хворать, старый Лис.

...

На удачу, двое лейтенантов, отобранных для борьбы с дуэлями, уцелели в военной кампании. Люк собирался взяться за старое, но оказалось, что новый командир полка отправил одного муштровать роту, а второго — начальником караула.

Кантан де Перел был у себя. На столе его лежало несколько списков добровольцев из других полков, кто хотел вступить в гвардейский.

— Господин полковник, есть важный вопрос, — не стал ходить вокруг да около де Куберте.

Де Перел поднял голову от стола. Выглядел он как заправский вояка, но все, до последнего солдата, знали — это штабной офицер. У Люка не было неприязни к штабным, но залихватский вид полковника и совсем не вяжущийся с этим характер деятельности — зачем?

— Говорите.

— Офицеры из десятой роты, де Норт и де Альдо, они мне нужны.

— Ваше дело, по приказу министра? Придётся потерпеть. Людей сейчас мало, пусть пока занимаются повседневными делами.

Люк потратил много сил ещё до войны, чтобы наладить работу по борьбе с дуэлями. Старый полковник препятствий не чинил, этот же решил то ли показать собственную значимость, то ли просто не желал вникать в проблемы де Куберте. На что он рассчитывал? Люк и маршала бы не постеснялся, так этот своим пренебрежением ещё и старого Лиса за усы дёргает. Надо бы внести ясность раз и навсегда.

— Сожалею, но в этот раз придётся потерпеть полку. Моё задание важнее караулов и муштры.

— Пока что я командир этого полка, и я при...

— Хотите и дальше им оставаться? Дайте мне людей и не морочьте голову.

— Вот как вы заговорили? Иначе побежите жаловаться министру? Каким образом вы планируете налаживать отношения с солдатами и младшими офицерами, если начинаете с мерзких кляуз?

— Никаким. Я давно наладил их на Мостовом Холме. Только откуда вам знать?

— Что за намёки? Смотрите, как бы это не обернулось для вас арестом или футом стали

в животе.

— На куски изрублю. А часовые ваши скажут, так и было.

Де Перел побледнел от злости, но кидаться на Люка передумал. Люк хотел было выйти, но командир полка окликнул его:

— Пойдите, полковник. Раз уж вам нужны люди, принесите приказ от министра. Закроюсь им от маршала в случае чего.

— Поищите в бумагах прошлого командира, — ответил де Куберте и захлопнул за собой дверь.

Двое часовых вытянулись в струну и не отводили глаз от него. Наверняка всё слышали.

— Вольно, — приказал он, проходя мимо.

Оба лейтенанта нашлись в казарме десятой роты. Один ожидал заступления в наряд, второй отдыхал перед занятиями.

— Соберите людей, нас ждут дела.

— Мне заступать в караул...

— Де Перел найдёт другого.

Перечить ему никто не стал, лишь де Норт учтиво поклонился:

— Разрешите поздравить вас с наградой, полковник.

— Откуда знаешь? Я никому не говорил.

— Приятель из министерской охраны рассказал. Я не думал, что это секрет.

— Не секрет, — махнул рукой Люк.

Раз один знает, значит, скоро весь полк будет обсуждать.

Дуэльные группы обоих лейтенантов сильно поредели, и полковник не придумал ничего лучше, чем добрать людей из их же взводов. Его собственная группа лишилась Тиля и ещё одного человека.

Он приказал лейтенантам заняться слаживанием, а сам ушёл в город, проведать старых соглядатаев. Знакомый уже кабатчик обрадовался, увидев его.

«Чему ты рад на самом деле? Мне, или министерским деньгам?»

В приватной беседе, проходящей, как и прежде, за бочкой, уставленной едой, он поведал, что люди дерутся теперь не только на улицах, но и в домах. Богатых домах. У каждого такого дома была собственная охрана, и стража туда не допускалась. Как ему прорваться на территорию таких вельмож, не нарушив при этом закона, Люк не знал. Радовало, что таких дуэлей приходилось гораздо меньше остальных.

И потекла рутина. Он опять использовал наводки и ловил нарушителей. Примерно половину дуэлей удавалось пресекать, если не считать тех, что происходили спонтанно и разрешались в ту же секунду на том же месте. И всё шло своим чередом, пока Первый министр не вызвал его к себе.

— Вам давно пора найти себе замену, де Куберте. Негоже полковнику рыскать по подворотням каждую ночь.

— Сам хотел об этом сказать, ваше превосходительство. У нас прибывают новые люди, и полковые дела требуют внимания.

— Подходящих офицеров уже ищут. Но я позвал вас не за этим. Помните, вы говорили, что часть поединков перенесли в дома?

Люк кивнул, а министр продолжал:

— Погибли два человека мне лояльных и мною продвигаемых. И оба — на такой вот закрытой дуэли. С этим нужно что-то делать. Думаю, как обойти запрет на вторжение в

дома, как быстро подводить под это доказательную базу. Ясно одно: нам нужны слуги. Те, кто слышит всё в этих домах и те, кто сможет подтвердить виновность господ и вовремя сообщить о дуэлях. Но как заставить их сделать это? А заставить нужно любой ценой, Люк. Любой, слышите? Куда уходят деньги, что скрывает от нас де Сидония? Это уже почти что война, и методы должны быть соответствующие. Есть у вас идеи?

— Пожалуй.

— Поделитесь?

— Мелкий вопрос. Ничего такого, чем следовало бы забивать голову вам.

— И всё-таки?

— Поймать парочку, подкупить, или сочинить против них обвинение, дальше дело за малым.

— Мерзко... Но, как сказал Его Величество, воистину коварны наши враги. Сложно драться одним кинжалом против меча и щита. Действуйте, но осторожно, заклинаю вас. Никто не должен прознать наверняка, что я решился на это.

...

Третий узник взвился, когда солдаты стали привязывать ему руки.

— Отставить, этого пока не трогаем, — прервал их де Куберте.

«Думаю, с тебя, парень, хватит и угроз. К тому же, незачем светить синяками в доме де Прии».

— Знаешь, что нам выболтали твои дружки? Кто-то стащил у трактирщика четыре шиллинга и поясной ремень. И нашли их у тебя. Это пять лет каторги. Что думаешь?

— Я не брал ни гроша, у меня приличное жалование, господин. К чему мне воровать?

— Брал или нет, а всё одно — киркой махать на каменоломне. Или в шахте. Видел, какие там крысы? — полковник развёл руки в стороны, — Поедешь, это уж как пить дать. Или делай, что я говорю.

Лакей, видно, понял, что взяли его в оборот крепко и, смирившись, отвечал:

— Что же нужно вам от меня?

— Господин твой дуэли устраивает в своём доме. Дам тебе человека надёжного, обо всех ему будешь докладывать. И, коли что другое важное в доме случится, тоже ему скажешь. Уяснил?

Лакей ничего ему не отвечал, а жалостливо уставился в стену напротив. Тогда Люк взял его пятернёй за подбородок и грубо повернул к себе:

— Отвечай, когда полковник спрашивает, вор проклятый. Или на каторгу захотел?

Конечно, слуге никак нельзя было на каторгу с такой большой семьёй. Знал де Куберте, кого за жабры брать.

Слуга ответил ему грустным безысходным голосом:

— Расскажу вам, господин, всё, что ни потребуете.

Люк кивнул, уверенный в успехе, и объяснил, как найти трактирщика. Не очень-то ему нравилась эта работа. Пытать, шантажировать, вынуждать подчиняться. И, ладно бы, преступников. Но эти-то слуги виноваты были только в том, что служат не тем хозяевам.

...

Жерар отдал лакею пустой бокал и глянул на карты: сегодня ему везло.

Астарлоа поднял правую бровь вверх и, чуть подумав, придвинул пару фишек к общей куче:

— Поднимаю.

— Поддерживаю, — последовал Жерар его примеру.

— Пас, — де Бижон сложил свои карты и убрал на край стола.

— И я продолжаю, — незнакомый господин, пышущий здоровьем и благополучием, добавил пару своих фишек.

Было ему на вид лет двадцать пять: умное лицо с курчавыми волосами, румяные щёки, хороший бежевый костюм.

— Как ваша военная кампания, Жерар? — не отрываясь от подсчёта фишек, спросил Истэр, — Наградили? Может, продвинули по службе?

— Ни то, ни другое. Хотят поставить командовать взводом, так что больше не нужно шастать с дядей по подворотням. Но повышение это, или понижение, сказать не берусь.

— Поднимаю.

— Поднимаю.

Жерар без слов поддержал, придвинув одну фишку.

— Выходит, всё было зря? Столько дней терпели подле себя грязных, вонючих солдат, и ничего — ни медальки, ни завалящего ордена?

«Зря? Мы прогнали еретиков, разве этого мало? А насчёт терпения — помнится, дней через пять я вонял точно так же, как любой другой солдат», — лишь отметил про себя Жерар.

— Вот господин Астарлоа, — продолжал председатель, — Тоже ушёл из армии. И поделом, героев они не ценят. Люди тратят свои жизни, управляя всяким отребьем, а их не награждают ни титулами, ни деньгами.

Жерар вспомнил, как это «отребье» держало насыпь, как било врага из последних сил, как раз за разом возвращалось в строй с пропитанными кровью повязками, умирало, мокло, стонало, издыхало на марше, но не просило пощады и не ныло от своей участи.

— А вам приходилось служить? — невольно вырвалось у молодого графа.

— Мне хватило месяца, — ответил председатель, — Пусть этим занимаются те, у кого нет другого выбора. Я найду, на что потратить свою жизнь.

«Приносить пользу Родине и королю. На что ещё её можно потратить, когда у тебя всё есть?» — мысль эта казалась Жерару очевидной, но чутьё предостерегало озвучивать её в этой компании.

— Вскрываемся? — предложил Астарлоа.

— Поставлю ещё одну, — ответил неизвестный господин.

Седой фехтовальщик кивнул, вопреки обычному, сгорбленный и совершенно не выглядящий атлетичным, что старило его лет на десять. Болезнь? Травма? Жерар решил спросить позже, а пока поддержал ставку, ведь карта была хороша.

— Достаточно, вскрываемся? — в очередной раз спросил де Ветт.

Новый господин кивнул, и все трое выложили карты на стол.

Де Сарвуазье посмотрел на комбинации. Похоже, он снова выиграл, но... У двух других игроков пары карт на руках совпадали один в один.

В следующий миг колода полетела в лицо господину в бежевом костюме:

— Не потерплю мухлеж в доме моего друга! — проскрежетал Астарлоа.

— Позвольте, я не мухлевал, — примирительно вскинул руки новый гость.

— То есть, мухлевал я? Вы ещё и бросаетесь беспочвенными оскорблениями. Что-ж, придётся ответить, раз эспада при вас, — де Ветт сгорбился над столом и сделал глоток из бокала дрожащей рукой. Если бы Жерар не знал, как великолепно этот человек дышит на

тренировках, но готов был бы поклясться, что мастера вот-вот хватит удар.

— Вы... Точно этого желаете? — неуверенно спросил молодой господин.

— Безотлагательно. На заднем дворе есть великолепная беседка, что отлично сгодится для дуэли.

Де Ветт пошёл к выходу, и Жерар понял, что он явно переигрывает. Это могло быть далеко неочевидно новичку, но граф уже не раз фехтовал с Астарлоа и не сомневался, что всё это — спектакль.

Полгода назад он, возможно, поднял бы шумиху и принялся останавливать этих людей, но сегодня де Сарвуазье уже знал, что далеко не всё происходит по законам чести даже у господ. И поэтому он молча следовал за толпой, далеко не такой многочисленной, какая была здесь после его победы на турнире. В той же беседке ярко горели масляные фонари, будто кто заранее знал, что нужно их поджечь.

Астарлоа занял своё место, новый господин встал напротив. Оба достали эспады, и де Бижон приготовился объявить начало.

В поединке вся сторбленность мастера фехтования улетучилась. Пробный укол и сбив, затем хороший блок, заставивший господина в бежевом костюме провалиться, и точный горизонтальный удар по горлу. Отскок. Секунду гость стоял со страшной зияющей раной на шее, затем повалился на пол, выпустил из рук эспаду и залил кровью доски вокруг себя, подёргиваясь, точь-в-точь как овцы в графстве, которых режут для званого обеда.

Жульничество. Чьё? И стоило ли оно жизни молодого господина? Да взять эти никчёмные деньги и отдать всем обратно, сколько у кого было. И в бездну эту игру.

Седой фехтовальщик сошёл со ступенек беседки. Ничего не выражало его лицо — ни злорадства, ни радости, ни грусти. Председатель и думать уже забыл о дуэли, а общался с кем-то из гостей, стоя у ровного ряда кипарисов чуть поодаль. Слуги заворачивали мёртвого в серое полотно. Интересно, что они делают с погибшими здесь?

Молодой граф неожиданно увидел Элизу. Она стояла с незнакомым кавалером и держала его под руку, как когда-то держала Жерара. Первым его порывом было подойти к ним и выяснить всё здесь и сейчас, да только это было глупо. Какие, в сущности, были у него права распоряжаться сердцем этой девушки? Не больше, чем у этого незнакомца господина. Вон она, стоит, улыбается чему-то. Такая открытая, милая, добрая. Действительно ли? Или здесь, как у шляпы фокусника, есть двойное дно? Подозрение боролось в нём с обидой. Кто ехал вместе с солдатами по слякоти сутки напролёт? Кто не спал ночей? Кто стоял на мокром от крови холме, отбивая атаки одну за другой? И вот — этот господин. Так где справедливость? Но вдруг это очередной спектакль, чтобы добиться их дуэли? Или что, если эти двое уже обручены? Или она его действительно полюбила. А если...

Да ещё сотня всяких «если» лезла ему в голову. И так во всём, не только сейчас. Жизнь после войны вывернулась для графа наизнанку и вещи, раньше казавшиеся очевидными, теперь заставляли задуматься. Он уже почти не верил людям, раз сам король хитрит. И теперь Жерар сам хотел знать наверняка все мотивы, подоплёки, выгоды, прежде чем сложить какое-то мнение. Одни говорят одно, другие другое. Некоторые заблуждаются, иные врут, остальные недоговаривают или просто не знают. И каждый тянет в свою сторону, а картина всегда неполная. Он почувствовал, что ему срочно нужно поговорить с дядей.

— Дамы скучают, если не уделять им внимание, — заметил Астарлоа де Ветт, проследив за его взглядом, — Жжёт? Запомните, лучшее лекарство от этого — фехтование.

Жерар глянул на седого мастера, но ничего не ответил.

— Завтра на занятиях вы сами в этом убедитесь, — Астарлоа побрёл к особняку, и походка его приобрела прежнюю мягкость, а осанка была точно такой же, как в первую их встречу.

— Дорогие гости, приглашаю всех в дом, — громко объявил Истер, — Эта проклятая стужа не поднимет нам настроения, в отличие от вина.

...

— И я не могу понять, как теперь верить людям, — Жерар завершил отповедь большим глотком вина и поставил стакан на простой деревянный стол.

Не любил его дядя излишеств. Вино из стаканов, убранство комнаты такое же простое, как и раньше, хоть сама комната в два раза больше.

— Это просто превосходно, — улыбаясь во весь рот, ответил полковник де Куберте.

— Что же смешного вам в моих словах?

— Ничего. Я искренне рад, что министр не ошибся в тебе. Ты умён не по годам и сделал правильные выводы. Значит, с тобой возможно работать заодно. Молодец, что не откровенничал с де Бижоном и остальными. Запомни: никогда не раскрывай этим змеям свои истинные мысли и чувства.

— Поступать по совести, радеть за королевство, быть честным — для всех пустой звук. Почти.

— Отнюдь. Таких людей не видно сразу, но они есть. Ты понял теперь, кто хочет блага всей стране, а кто — только себе?

— Да. И готов делать работу, на которую вы брали меня с собой ещё до войны.

Дядя помотал головой:

— Старый Лис решил, ты будешь полезнее на балах у де Бижона. Поражаюсь, до чего прозорлив, заранее всё знал! Стань своим среди них, мне нужно знать, как они проворачивают дела, что готовят, о чём думают. Возьмёшь под команду первый взвод восьмой роты для отвода глаз. Скажу Франческо, не будет дёргать тебя, но иногда в роту заглядывай. Во взводе твоём Жак с Марио сержантами, не пропадёшь... Ступай пока, да заходи почаще.

Дядя приказал заглядывать в роту, и Жерар решил не оттягивать этот момент. Время утренних построений уже закончилось, а часы дневной муштры ещё не наступили, и все солдаты находились в казарме. Было их чуть больше половины от прежнего количества, отчего не покидало ощущение пустоты.

Лейтенант де Вис смотрел, как солдаты отдыхают. Угрюмый и сосредоточенный, он явно о чём-то думал, отчего скулы его выделялись ещё резче, лоб казался ещё больше, а аккуратная борода ещё чернее. Но образ его чуть сгладился, лишь взгляд зацепился за графа:

— Жерар, здравствуйте! Давненько не виделись.

— Франческо, я получил назначение в вашу роту. Первый взвод.

— Отличные новости, особенно для меня. Мы с Максимилианом совершенно не справляемся.

Проходящие мимо пестуицы отдали Жерару воинское приветствие, он кивнул им и поспешил пояснить:

— Вряд ли я смогу нести службу как следует. Заходить буду, но не рассчитывайте на меня всерьёз. Не знаю, озвучит ли полковник причину, однако, смею заметить, это не моя прихоть.

— Дела министерские?

— Именно.

— Да, я уж было подумал, у меня появится толковый офицер. И часто будете заглядывать?

— Днём наверняка, но в караулах и нарядах меня не ждите.

— Вдруг опять война?

— Не поручусь на верное, но думаю, как и в прошлый раз, отправят с вами.

Они заметили спускающегося по ступеням Максимилиана.

Он тоже увидел де Сарвуазье и поспешил, протянув обе руки для рукопожатия:

— Жерар, я привёл в порядок лёгкий доспех, что вы мне одолжили. Ещё раз, огромное спасибо! Если бы там, на холме, я не нашёл замену старому, был бы убит раз, наверное, десять.

Граф попробовал вспомнить, сколько раз его самого спасли латы в той битве, но сосчитать не смог.

— Рад, что не зря его тащил.

— Куда его можно вернуть?

— Помните, где мы собирались неделю назад? Я занимаю там покои на втором этаже. Доспех в любое время можно отдать моему слуге. Кстати, надо бы зачислить его моим денщиком, раз уж я здесь офицер.

...

Граф приспособился к темпу де Бижона и понял, где его предел. Научился замечать усталость по мелким деталям и предсказывать, когда она проявит себя в полной мере. Да, обычно к этому моменту он и сам становился почти полностью измотан, но всё же держался. Уставшими, они закрепляли некий паритет на фехтовальной площадке, когда ни один не мог поразить другого, если доходило до этого момента. Ведь было ещё кое-что. Отвод атаки на свою внешнюю сторону, когда Жерар ловил укол сильной частью клинка и менял его траекторию, выворачивая свою руку запястьем кверху. Уже дважды на прошлых занятиях председатель клуба крутил свой клинок дальше по инерции и попадал Жерару как раз в это открытое запястье. В большинстве случаев молодой граф успевал отдернуть руку, но делал это с некоей поспешностью и лишней тратой сил. И такому мастеру, как де Бижон, становилось ясно: вот оно, слабое место.

Сегодня Жерару суждено было в третий раз пропустить ту же самую атаку. Де Бижон коснулся учебным клинком его запястья и отскочил назад. Довольная улыбка тронула его губы.

Де Сарвуазье бросил клинок на пол и снял маску, затем разочарованно покачал головой:

— Проклятый мостовой холм! Это там мне искалечили руку.

— Не многие могут использовать это против вас, граф. Я, да Астарлоа, и то не всегда, — принялся утешать его Истер, — Остальные вам в подмётки не годятся.

— Как я смогу стать лучше с таким изъяном?

— Вам следует поискать врача, а ещё лучше — древнего. Он наверняка сможет помочь.

— Спасибо за совет, Истер. Пожалуй, отправлюсь к себе.

— Отлично поработали, Жерар. Жду вас завтра, будем проверять новичка.

Граф раскланялся и уехал, напустив на себя строгости. Решил посетить роту, ведь не был там уже четыре дня кряду. Род не задавал никаких вопросов по пути, видя, что господин его хмур как туча.

В казарме же стоял необычный шум. Ещё с улицы он услышал агрессивные выкрики, а,

зайдя внутрь, увидел, что на центральном проходе стоят две группы солдат. Пестуицы и кое-кто из первого взвода с одной стороны, а новые солдаты третьего взвода — с другой. Посредине Жак что-то тихо говорил незнакомому сержанту.

Дневальный хотел было возвестить о появлении офицера, но в этот момент долговязый Жак как следует приложил сержанта своей жилистой рукой. Сержант ухнул на задницу, прогремев доспехами и — видно удар вышел тяжёлым — повалился на локоть, глядя ошалелыми глазами непонятно куда.

— Дежурный по роте, на выход! — проорал дневальный.

Один из сержантов, что наблюдали за дракой, вмиг примчался и отрапортовал.

Граф не обратил на него внимания и сразу прошел к дерущимся, которые вмиг выпрямились по стойке «смирно» и ждали, что скажет офицер.

Де Сарвуазье посмотрел на Жака:

— Из-за чего драка?

— Болтает много, господин лейтенант.

Он глянул на другого сержанта. Малый был пониже Жака, и некрасивый шрам под веком сильно уродовал его левый глаз.

— Ты что скажешь?

— Клопы у нас в одеялах, — нехотя начал он, — И блохи. Менять пора.

Жерар подошёл к одной из кроватей. Полгода назад он бы брезгливо держался на почтительном расстоянии от нее, но после похода, даже несмотря на справный и по последней моде выкроенный серебристо-белый костюм, взял одеяло тремя пальцами и слегка приподнял:

— Действительно блохи. Чего-ж не поменяете?

— Обозным подпись офицерская нужна, без неё никак.

— Оба за мной. Забыл уже, где обозных ваших искать.

Они вышли. Двое сержантов шли впереди, показывая дорогу.

— Где ж остальные наши офицеры?

— Господин де Вис срочно уехал к родственникам, а господин де Куизи ходил через день в наряды, да в роте был. Не успел до обозных, слёг третьего дня, — ответил Жак.

— И я с бала в зал, а с зала — на бал, а у вас тут бумаги некому подписать. Пришёл бы, сказал.

— Возможно ли? В ваши покои разве пустят меня после того, как я там в прошлый раз учудил?

— Это не ты учудил, думать забудь, понятно тебе? Если роте нужно что — хоть ночью приходи, не будет меня, так денщику моему скажешь передать, уж не обознаешься. Прикажу трактирщику, чтоб не смел тебе препятствия чинить.

Подрались-то чего, Жак? Неужели такие нашлись, кто на клопах мечтает спать?

— Язык у него, как помело, вот и подрались, — угрюмо ответил длинный сержант.

— Ты что скажешь?

— И правда, как помело, — сильно стушевался уродливый сержант.

Граф хотел расспросить, с чего такое единодушие, но они как раз дошли до складов.

Жерар досадовал, что пришёл в роту только сейчас. Хороший хозяин знает, в чём нуждается его имение, так всегда говорил отец. Получалось, что Жерар хозяин плохой. Он твёрдо решил провести остаток дня в роте, уладить, что возможно, помуштровывать солдат, запомнить новых и, если останутся силы, вечером пойти на званый ужин в дом де Лузов.

Хоть граф и выделялся, как белый медведь среди своих бурых собратьев, никто из старших офицеров не сказал ни слова по поводу его наряда. Только командир полка ограничился недобрый взглядом, но прерывать занятий не стал. Наверняка дядя успел разъяснить ему ситуацию.

Когда солдаты прилично подустали и лица их стали угрюмы, а голоса сержантов основательно подсели, он отправил людей в казарму. Сам же, подписав документы на выдачу нового шлема и нагрудника для солдат своего взвода, поспешил в номера. Род совсем не успевал за ним, и граф подумал, что пора бы ему купить карету для комфорта. Всегда можно кого-нибудь подвести до дома, к тому же, слуги под рукой.

— Марта, выберите с отцом карету завтра утром. Давно пора обзавестись ею, — приказал он служанке, вычищавшей его вечерний красно — чёрный наряд.

— Как здорово, господин, что у вас будет теперь карета. Вы хотели бы побольше?

— Именно.

— А в остальном?

— Доверяюсь вам. Ни капли в них не смыслю. Главное — пусть будет не хуже, чем у остальных, чтоб не стыдно в ней на бал приехать, или на званый ужин.

В комнату вошёл его старый слуга.

— Папа, ты слышал? Завтра идём выбирать карету господину.

— Тогда и кучера недурно бы сыскать.

— Где-ж Харт? — удивился граф.

— Убёг, не сыскать теперь.

Жерара изрядно это удивило. Куда в городе мог податься деревенский конюх? На другую конюшню? Неужто там лучше, чем у него? Примерно с пол дороги до имения де Лузов он думал, у каких хозяев холопам приходится лучше, но, к удивлению своему, не додумался ни до чего толком. Ведь знал он только то, как обращаются с холопами да слугами в его графстве. Сколько кому платят и как употребляют холопов остальные знатные господа, ему было неизвестно. Даже в доме де Бижона он и не замечал слуг. Нового конюха Род как-нибудь найдёт, но отчего сбежал его холоп Харт?

Он увидел знакомую карету, которая, по-видимому, следовала туда же, и отвлёкся мыслями, а потом обычная суэта бала, десяток представлений новым людям и несколько десятков встреч со взаимными поклонами уже знакомым, заставили совсем забыть об этом.

Конечно, особняк де Лузов был великолепен. Бал созвал его старший сын и постарался на славу: тут были и музыканты, и фокусники, а стол пестрел заморскими яствами. И всё это великолепие ещё сильнее подчёркивало, что он пришёл сюда без дамы. Элиза, как нарочно, постоянно попадалась на глаза со своим новым кавалером. Когда Жерар заметил надменную улыбку этого господина, адресованную именно ему, он заклокотал от ярости.

Видно, сидящий рядом де Бижон заметил это, потому как шёпотом пояснил:

— Издевается, да? Поверьте, Жерар, если решите его проучить, никто не будет против.

Граф кивнул, дав понять, что услышал, но дуэли затевать и не думал. В конце концов, он здесь совсем с другой целью.

Но то, что произошло дальше, смешало все его планы. Во время очередной партии в вист этот кавалер ни с того ни с сего развернул сидящего на стуле Жерара за плечо и прокричал ему в лицо:

— Зачем вы сюда притащились?! Отбивать у меня даму?! Вот вам! — он хлестнул графа по щеке, и не перчаткой, а ладонью.

Все вмиг замолчали.

— Это вызов, господин де Сарвуазье, — заметил очевидное сидящий рядом Андреас.

«Мало того, что издевательски улыбается, так ещё обвиняет в том, к чему я не давал ни малейшего повода».

Молодой граф разозлился не на шутку и вскочил с места, сильно шатнув стол при этом:

— Где можно уладить наше дело?

Лёгкое ощущение неправильности происходящего появилось где-то на краю сознания, но он уже шёл на задний двор, объятый яростью, и уже доставал эспаду, совершенно не чувствуя ночного холода, и уже рубил, колол, обманывал и не оставлял негодяю ни шанса.

Господин в бежевом костюме был пойман на слишком размашистом ударе сбоку. Граф присел, одновременно сделав выпад, и угодил точно в правый бок. Быстро, так быстро, что соперник не успел закончить удар. И сразу граф отскочил назад и влево, как учили.

Пострадавший зашатался, осел наземь, прислонил руку к ране и застонал. Никто не шевелился. Раненый обвёл ошалелым взглядом толпу, ища помощи. Не нашёл её и сам стал отползать к лавке неподалёку, опёрся о неё спиной.

— Да помогите же ему, кто-нибудь! — вырвалось у Жерара.

Он сам уже порывался, хоть в медицине и не смыслил, но слуги де Луза склонились над истекающим кровью. Что-то делали, расстёгивали колет, смотрели на рану. Потом хозяин послал одного за доктором.

Горе-дуэлянт всё это время тяжело дышал, бледнел и слабо постанывал, а потом и вовсе потерял сознание. Жерар понял, что молодой господин умер задолго до появления лекаря. Часть гостей уже зашла в дом, когда лекарь склонился над бледным трупом, пощупал ток крови на шее и сокрушённо помотал головой.

— Отчего он умер? Что сказать, если спросят?

— Если спросят, — де Луз положил в руку доктора пару фунтов, — Он напал на графа де Сарвуазье, а тот весьма удачно защищался.

Граф распрощался со всеми гостями и хозяином, чувствуя себя совершенно лишним. Да, министр и король поручили ему бывать на балах и, по сути, шпионить. Но сегодня голова его больше не соображала. Не хотел он убивать этого зарвавшегося господина. Это был миг сиюминутной злости. Но даже в этот миг он думал лишь проучить наглеца. Жаль, что на дуэли очень непросто порой ранить ровно настолько, насколько хочешь. Всё получилось само собой. Сейчас, когда страсти утихли, ему казалось более чем вероятным, что это — очередная провокация. Мало ли что наболтали этому господину Элиза и остальные? При мыслях об Элизе опять вернулось ощущение зыбкости и лживости всего вокруг. Но что он мог сделать? Принести в такой ситуации извинения ему совершенно невозможно — вся маскировка насмарку и, если это была действительно провокация, де Бижон сразу поймёт, что таким образом манипулировать Жераром не выйдет. Отпадает. Дать убить себя? Единственный выход — ранить. Не получилось. Он корил себя за это.

Но ещё больше ненавидел всех, кто подстроил эту кровавую бойню. Те, кто это сделал — де Бижон, де Луз — знали, что у этого господина шансов нет. И чем больше Жерар думал об этом, тем крепче становилось убеждение — это провокация. Мерзкая, подлая, низкая провокация.

Пусть думают, что все ниточки у них, проклятые подлецы. Момент настанет, нужно лишь дождаться его.

Новая карета была хороша, но это ничуть не поднимало графу настроение. После вчерашнего он был хмур, как осеннее свинцовое небо над головой. Опять притворяться, что общество Истера желанно для него.

По меньшей мере, теперь появился стимул фехтовать с ним ещё лучше. И действительно, Жерар в этот раз был очень неплох. Всё идёт к тому, что скоро ему удастся «передышать» де Бижона, если не брать в расчёт удар по запястью. Сегодня он попался на ту же удочку, фехтуя с Астарлоа де Веттом. Злость вновь исказила черты графа, но в этот раз эспады на пол он не бросил. После ему выпало фехтовать с теми, кто не так искусен, и эти люди пытались поймать его на тот же приём.

Так и тянулись дни — фехтование, плац и казармы, званые ужины. Он почти перестал видаться с дядей — тот с головой ушёл в дела полка и противоборство бретёрам.

Элиза вновь показала свою благосклонность, и Жерар принял её, но что-то в нём неовозвратно затухло, и граф добросовестно ухаживал за ней, как положено ухаживать в высшем обществе, но попыток сблизиться не предпринимал. Считала ли она это робостью, присущей его столь молодому возрасту? Возможно. Но робостью это не было. Де Сарвуазье просто остыл к тем светским дамам, кто посещал званые приёмы клики де Бижона. И даже плотские утехы с ними, несмотря на столь молодой возраст, не интересовали его. Он, в свои без малого девятнадцать лет, всё ещё оставался девственником, в отличие от большей части ровесников. Организм ещё как требовал своего, и приходилось использовать обычные в таких случаях ухищрения. Но в присутствии молодой женщины Жерар всякий раз робел, особенно наедине, или в танце. И думы о том, к чему всё идёт — должно идти в его возрасте — вгоняли его в ещё большую робость. И во многом от этого граф общества женщин не искал, а ограничивался прогулками с Элизой, такими безразличными и такими приемлемыми для всех.

Всё изменилось, когда его вызвали к Первому министру. Он застал де Крюа и де Куберте одних в малом кабинете. Что-то непривычное было в дядиной осанке. Необычная нервозность, какая-то еле уловимая стыдливость. Обычно твёрдый его взгляд сейчас обнаруживал толику неуверенности. Незнакомый человек и не увидел бы этого, но, как-никак, Жерар прошёл войну вместе с ним. Причина такого изменения стала ясна в дальнейшем разговоре, начавшемся, когда Жерар раскланялся со всеми.

— Это грандиозный провал, полковник, — жёстко сказал де Крюа, — Я двигал эту поправку три недели, а вы что? Ворвались в дом этого де Прии для пресечения, и ничего, пшик! Король ругался на меня перед всеми придворными и обещал кляузникам, которые прибежали к нему тут же, что такого не повторится. Вы же говорили, информация достоверная. Кто вам её дал?!

— Завербованный слуга.

— Вас обвели вокруг пальца. Как тогда, у де Прияра. Слуга заодно с господином, или же господин знал, что слуга завербован, вот и подкинул вам утку! А все шишки мне в голову летят.

— Сожалею, — дядя склонил голову в скорби.

— Пустое. Как вы думаете действовать дальше?

— Истер де Бижон ловкий противник. Он всегда на шаг впереди, а эти интриги — отнюдь не моя сильная сторона. Пока что мне нужно обдумать произошедшее.

— Я послал вояку бороться с интриганом, а восемнадцатилетнего юношу — шпионить в доме этого интригана. Можно бы назвать меня идиотом и на этом закончить, если бы не

нехватка людей. У вас что, де Сарвуазье? Удалось вам стать своим среди них?

— Не совсем, господин министр. Склоняюсь к мнению, что они держат меня за недалёкого идиота и поэтому не желают посвящать в свои дела. Но манипулируют активно.

— И вы поддаётесь на эти манипуляции?

— Мне не остаётся ничего другого, иначе они сразу смекнут, на чьей я стороне.

— Учитесь, полковник. Всем нам, даже самым великим мудрецам, всегда есть, чему поучиться. И что же, граф, они действительно устраивают у себя дуэли?

— Постоянно. Почти всякий раз, когда собирают приём.

— Но о готовящихся дуэлях вам не сообщают заранее?

— Совершенно верно.

Министр задумался ненадолго:

— Продолжайте. Не рассекретьте себя. Я решу, как вам действовать дальше. А вы, полковник, пока повремените врываться в дома, но шпионов из рук не выпускайте, вам ясно?

Дядя кивнул.

— Ступайте. И будьте аккуратнее оба. Мне не нужен ещё один разнос у короля, пусть даже он делает их для виду.

Уже у ворот, когда лейтенант выдал им оружие, Жерар спросил:

— Дядя, вы не сердитесь на меня?

— Только на себя, — зло и желчно ответил де Куберте. И, усаживаясь на новую лошадь, добавил, — Ты молодец, Жерар.

На том и завершился их разговор. Графу солоно было видеть дядю в таком настроении. Человек, без устали служащий королю и королевству, не робеющий перед десятикратно превосходящим войском, великолепный военный и истинный патриот, ничего не может сделать с заносчивым хлыщом де Бижоном — подлецом, интриганом и негодяем, хоть и лучшим фехтовальщиком страны. Жерару хотелось раздавить этого председателя клуба в лепёшку, превратить из лоснящегося и самодовольного лжеца в обыкновенное пятно на земле, но, ради всех богов, если бы это было так просто...

...

— ... И ни одного благородного на десять вёрст вокруг, — закончил Громадный Джо, обводя взглядом деревню.

— Свиноферма смердит, им запах не нравится, ага, — Роган откинул носком ботинка слежавшийся кусок навоза и в очередной раз глотнул из кружки. Потом сильно зашипел и стал часто-часто дышать.

— Пробрало? — усмехнулся Жмур, — Енто тебе не эль, тут привычка нужна...

— Идём в амбар уже, — зашагал вперёд всех Харт, — Баб местных обсмотреть надобно, да и с остальным народцем ознакомиться.

— А уж потом грабли девкам под подол запустить недурно бы, — осклабился Джо.

— Истинно говорите, маркиз короткий хер, — ответил ему конюх, отчего остальные засмеялись.

— У меня не короткий.

— Это как посмотреть. С твоим ростом любой по колено.

Все заржали, словно кони. Коротышка же нахмурился.

— Не куксись, Джо. Неделю назад ты отлично отодрал ту баронку, как её, мать её за ногу?

Они приоткрыли ворота и вошли в амбар. Запах пива, пота и огненной настойки ударил

в нос. Ближе к стенам уложили стога сена, за некоторыми люд уже тискал баб, а посреди тянулся большой грубый стол с нехитрой выпивкой и закуской. Многие сидели за ним, кто-то танцевал рядом, опять же с девками, кто-то говорил. И даже кабатчик нигде не нависал надо всем этим и не сверлил каждого внимательным взглядом.

— Свобода! — крикнул Харт и поспешил к первой одинокой девке за столом.

Он как будто заметил, что у неё красное родимое пятно на пол щеки, но по дороге уже нагрузился и ему было плевать, и через три минуты он уже вовсю стискивал её сиськи в углу ангара, а ещё через десять, довольный,пил с друзьями за столом.

— Слыш, — окликнул он незнакомого сухонького мужичка, — Хорошо тут у вас, привольно, без ёбанных графьев-мудочьев!

Мужичок улыбнулся, отчего сеть морщин заплясала вокруг его глаз:

— Свинки отвадили. Наш лыцарь и носу сюда не кажет, лакея только за деньгами присылает, а нам радость. И новым людям мы открыты.

— Шо, я могу ещё кого-нито привести в этот амбар?

— Отчего же нет? Главное — чтоб не барон, не виконт и не другой какой поебонт.

— Да сам их терпеть ненавижу! Выпьешь со мной?

— С хорошим человеком почему-ж нет?

Харт взял у Рогана кружку, передал её мужичку, наполнил свою и его из глиняного бутыля, и они опрокинули за здравие.

Роган осоловелым взглядом водил по ним, но Харт вернул ему кружку:

— Не серчай, дружище, я только одолжил на время.

В ответ Роган лишь икнул и уставился на содержимое, пока к нему не подоспела та же баба с пятном.

— Как тебя звать? — поглядел Харт на незнакомца.

— Ян Терлек, — ответил он, — А ты кто таков?

— Харт, конюх я. Граф, у которого служил, в столицу подался, и я с ним.

— Что за граф?

— Неважно, убёг я от него, в порте промышляю помаленьку. Ты, мил человек, чем занимаешься?

— Свинопас я. Иногда — свинорез, ну и ещё кое-кто, коли надобно.

Глаза его светились странным светом. Харт никак не мог взять в толк, почему никогда не видел раньше таких глаз, но, как только Ян Терлек рассказал ему, чем ещё промышляет на досуге, Харт понял, что свет этот — свет свободы, которого раньше конюх ни разу не видал.

...

Предчувствие давно говорило о том, что придётся это сделать. С того самого момента, как Жерар вернулся с войны и впервые после неё попал на бал к знаменитому председателю фехтовального клуба «Скорпион», первому клинку Лемэса и всей Кантании, графу Истеру де Бижону. Но лишь недавно Жерар решил твёрдо и неотступно, что де Бижона необходимо убить.

В его руки столь удачно попало письмо с прошлого бала, адресованное, конечно же, Пенелопе де Эскрэ. Только в письме ни слова о том, кому оно адресовано. Зато подпись де Бижона на месте. Молодой граф прекрасно знал, чем они занимаются в глубине сада. И, прогуливаясь там с Элизой, случайно обнаружил эту записку. На его удачу, Элиза в это время созерцала цветы.

Он не знал, почему этот клочок бумаги валялся в траве — или его случайно обронили,

или де Бижон вовсе не опасался, что его найдут и просто бросил, понадеявшись на уборщиков.

Как бы там ни было, для провокации, которую задумал граф де Сарвуазье, записка подходила идеально. Вызвать на дуэль самого Истера де Бижона, видано ли? Он уже представлял себе изумлённые лица гостей. Любой сказал бы, что шансы на успех этой затеи выглядят не так уж радужно. В одном граф был уверен — эти шансы точно выше, чем может думать о них де Бижон.

Поэтому Жерар набрал побольше воздуха в грудь, изобразил на лице маску оскорблённого ухажёра и быстрым шагом двинулся через сад туда, где гости смотрели театральное представление. Де Бижон, конечно же, сидел в первом ряду и шептал что-то на ухо Гастону де Арманьяку, улыбаясь при этом.

— Что это? — Жерар грубо бросил в него записку.

Листок зацепился за золотую пуговицу, и председатель взял его, чтобы поглядеть:

— Это вы мне скажите.

— А я скажу, — вскричал молодой граф, — Ещё как скажу, чёрт вас дери!

По толпе прошёл шепоток.

Лицо де Бижона на миг выдало удивление, но в следующую секунду он ответил:

— Поосторожнее на поворотах. Вы знаете, кто я такой.

— Бесстыжий растлитель, вот кто вы! Мало вам вашей Пенелопы? Почему я нахожу эту записку у Элизы? Вы положили глаз на неё, или пытаетесь издеваться надо мной таким образом?! Впрочем, не имеет значения! И то, и другое требует сатисфакции, и я намерен её получить.

Очередная волна шёпота. Мерзавец Истер сидел неподвижно всё это время.

Жерар чуть наклонился вперёд и указал пальцем на эфес его эспады:

— Не для красоты носите, надеюсь?

— Вы заблуждаетесь, граф...

— Это вы заблуждаетесь! — де Сарвуазье снова перешёл на крик, — Если думаете, что окружены одними лишь трусами, неспособными бросить вам вызов.

— Одумайтесь, я фехтую лучше, вы знаете это.

— Трое направят мою руку, во имя справедливости! — выкрикнул он.

— Исход поединка решает мастерство, вам ли не знать? Оставьте свою горячность, вы просто поддались импульсу, вот и всё. Предлагаю обсудить...

Молодой граф искренне желал, чтобы всё это выглядело как импульс, порыв молодого и горячего характера, поэтому для пущего эффекта он снял перчатку и дважды хлестнул ею де Бижона по щекам:

— Ничего я не желаю обсуждать! Готовьте эспаду, или признайте, что вы трус!

— Все свидетели, я пытался решить дело миром, — ответил несколько обескураженный председатель, — Но теперь уж поздно. Извольте на исходную, молодой человек.

И вот он уже стоит напротив председателя, обнажив эспаду. Нету доспеха, который защищал его на холме, и соперник — самый опасный из всех возможных. Но годы ученичества у лучших мастеров, реки крови, пролитые в такой короткой и такой жестокой войне, да ещё одна мелкая деталь, уравновешивают его шансы.

Началось!

Де Бижон по-прежнему стремителен и быстр, и атакует много. Но не так много, как на тренировках. Всему виной настоящие клинки у них в руках? Или выбран такой момент, что

он не совсем готов? Или это уловка?

Жерар отбивает очередной натиск, дважды парируя и отскакивая от третьего удара. Истер тут же атакует снова, но не как попало, не с бухты-барухты, а расчётливо, не проваливаясь, совершая идеальный выпад после атаки со смещением влево. Быстр, подлец. Два укола в ответ — простых, быстрых, без зависания в конце. Отбиты оба, но Жерар сделал шаг навстречу, будто собирается атаковать ещё. Удалось. Блок на упреждение, финт, и Жерар снова атакован. Кто попроще уже был бы заколот, но граф трудился не напрасно. Он уходит от атак и получается, что соперник его потратил ещё немного сил впустую. Они кружат. Атакуют, парируют, смещаются. Первоначальная зажатость мастера сменилась обычной его стремительностью, и он уже атакует так же много, как на занятиях. В зале Жерар проиграл ему два последних раза из трёх. Сколько они уже сражаются? Минуту? Две? Очевидно, председатель не хочет ждать, пока оба устанут — он знает, что сил у них поровну и уже дважды пытался заставить Жерара рефлекторно применить ту самую защиту с отведением чужого клинка наружу и собственным запястьем, открывающимся для удара с другой стороны. Вот и третья попытка...

Самым интересным мастером, кто преподавал Жерару, был Хвен из Холвинда. Остальные, вне всякого сомнения, являли собой воплощение мастерства, не меньшего, нежели Хвен. Но этот мастер иногда рассказывал вещи, про которые другие молчали. Например, как боялся выйти на свой первый бой. Или как лучше подготовить себя к выходу на незнакомую площадку. Что делать, чтобы ненужные мысли не лезли в голову? Особняком стояли истории про то, за счёт чего его знакомые мастера выигрывали поединки. И была среди них одна, в которой мастер рассказывал про своего друга, делавшего на занятиях одну и ту же ошибку — он передерживал вес на передней ноге, когда атаковал длинным уколом во второй или третий раз в комбинации. Еле заметно, но достаточно для того, чтобы этим смог воспользоваться настоящий мастер. И однажды друг столкнулся с таким мастером на дуэли. Все сносные фехтовальщики в городе об этой ошибке знали, да и сам друг Хвена выглядел обречённым перед боем. Каково же было удивление толпы, когда его попытались поймать на этом, но он ловко избежал удара мастера и заколол его, а всем известной ошибки не было и следа.

Потом уже друг признался Хвену, что пару лет разыгрывал спектакль на всех занятиях, а с тем мастером у него были давние счёты. На вопрос Жерара о том, удавалось ли самому Хвену что-нибудь подобное, учитель ответил, что не обладает достаточным актёрским дарованием, к тому же, это немалый труд — ведь требуется время и тайное место, чтобы где-то, вдали от любопытных глаз, отрабатывать приём правильно и не закрепить ошибку на общих тренировках.

... Лезвие уже летит Жерару в запястье. Очень быстро. Прямо туда, где видно напряжённые связки. Низкий длинный выпад — правая нога вперёд, рука с эспадой тянется как можно дальше, левой рукой граф прикрыл лицо и шею от клинка соперника. Соперника? Может, противника? Нет. Врага. Сначала граф режет руку о кромку чужой эспады — располосован колет на плече и левую ладонь обожгло огнём, но следом его собственный клинок погружается де Бижону точно в печень и идёт всё дальше. С мерзким хрустом натывается на позвоночник, отходя чуть в сторону и расширяя рану. Жерар рвёт лезвие на себя и выходит из атаки, чудом избежав ответной отмашки. Кровь идёт из ладони, он отшагивает назад, помня, что любой враг опасен, пока жив.

Но председатель только смотрит, переводя взгляд то на Жерара, то на собственный

хлещущий кровью бок. Секунду, не больше. И падает замертво. Толпа молчит. Никто не говорит, не шевелится, не дышит. Даже слуги не спешат на помощь ни проигравшему, которому уже ничего не поможет, ни победителю.

Тогда Жерар достаёт платок и обматывает его вокруг раненой руки, обводит взглядом толпу. В глазах Гастона читается растерянность. Интересно, сильно ли он полагался на де Бижона в своих планах?

Из уважения к сопернику молодой граф не вытирает клинок об одежду мёртвого уже председателя, как сделал бы на войне. Он поворачивается спиной к толпе и уходит к выходу, туда, где ждёт карета и Род, который обо всём позаботится.

«Нужно бы сказать спасибо Франческо с Максимилианом, которые столько тренировали со мной этот приём в убогой комнатке на втором этаже казармы, поверив на слово, что ни одна живая душа видеть этого не должна».

Глава 10: случайные маршруты

— Мы наёмники, а не бандиты. Нападать на городскую стражу в мирном королевстве — не наша работа. Душок от неё пойдёт на весь мир, особенно когда поймут, что именно Пурпурный отряд разбойничает в Лемэсе. Слухи пойдут, сам понимаешь. Что будет с нашей репутацией? Война или сопровождение — дело другое. Так что довести тебя я смогу только до границ. И точка. Извини.

Старый взводный отвернулся и посмотрел на горы вдалеке. Лошадь под ним тряхнула ухом, сбрасывая снежинку, а легат задумчиво покивал головой, всё так же лениво качаясь в седле:

— Предсказуемо. И правильно. Хорошо, что ты сказал сейчас, а не во время дела, иначе пришлось бы искать вам замену впопыхах. Я придумаю что-нибудь.

— То есть, ты не в обиде...

Легат пожал плечами:

— У вас есть правила, это нормально. Поэтому, в конце концов, я и стараюсь работать с вами, а не с обычными головорезами, которых при желании можно набрать где угодно.

— Добро. Впереди Эйсар, он охвачен войной с кантонами, хочу обойти вдоль границы.

— Сколько времени потеряем?

— Неделю, если нам дадут пройти через Лисье ущелье.

— Если? Оно в добрых двадцати лигах от Эйсара.

Наёмник сморщился, как от кислого вина:

— Всадника видел?

— Что ещё за всадник? — оживился древний.

— Ведёт нас последние два дня. Прячется за холмами, но ребята его разглядели. Если кто-то хочет устроить на нас засаду, Лисье ущелье — лучший вариант.

— И ты полагаешь, нас там поджидают?

— Да. Подойдём ближе, пошлю разведчиков.

— Если ты прав, придётся обходить горную гряду с севера. Потеряем месяц, не меньше.

— Лучше потерять месяц, чем собственные головы.

— Не возражишь, — улыбнулся легат, — Как думаешь, кто нас может ждать?

Взводный схватился ладонью за лоб, вспоминая все возможные варианты:

— Разбойники, дезертиры, мародёры...

— Твой список мрачнее с каждым словом. Если в нём нет голых дев с богатыми дарами, можешь не продолжать.

Байл угрюмо посмотрел на гриву своей лошади и выдержал паузу:

— Разбиваем лагерь у того холма, — он указал рукой вперёд, — Ночью отправлю пару бойцов, что умеют лазать по скалам, пусть глянут, дальше решим.

Древний бросил гадать, кто это может быть. Мало ли какое отребье крутится на границах во время войны? Вместо этого его мысли вновь вернулись в цитадель. Что, если Михаил и остальные правы? Как понять, совет всё устраивает, или они ищут выход? Вдруг он сам действительно не видит полной картины, всё время отдавая походам? И можно ли было добиться прогресса за всё это время? Да, веков прошло немало, но у них всего горстка людей. Как оценить сегодняшний результат? От этого всего голова кругом шла.

Вечером, когда солнце село, он наблюдал, как двое наёмников собираются в дорогу:

снимают доспехи и навьючивают на себя верёвки, вместо оружия берут кошки и крюки, чтобы взбираться по отвесным скалам, ищут одежду потеплее. Один из них обучался читать, но сегодня явно ему будет не до чтения.

Древний отсыпал немного порошка из аптечки и подошёл к ним:

— У меня для вас кое-что есть.

Разведчики отложили свои приготовления и выпрямились, слушая, что он скажет.

— Если совсем не останется сил, разделите эту щепотку пополам, — он подал одному из них маленький деревянный коробок, — Положите под язык и, когда она растворится, сможете бегать и прыгать восемь часов без остановки. Но учтите — ровно через восемь часов вы уснёте так, что рота солдат не добудится.

— Что здесь? — подошёл к ним взводный.

— Небольшая помощь нашим разведчикам.

— Волшебный заговор?

— Нет. Чудодейственный порошок от наших лучших колдунов.

— Ты говорил, у вас нет колдунов...

— Хорошо, от лучшего специалиста по химическому синтезу психотропных и наркотических веществ. Так понятнее?

— Колдунов, так колдунов. Объяснил им, как пользоваться?

— Да. Ребята, главное помните — принимать в самый трудный момент. Если заснёте посреди гор, замёрзнете насмерть. У меня всё.

— Теперь слушаем, — взводный указал на россыпь холмов слева, — Идём за те холмы, от них поворачиваем к скалам и, пока вас не видно, ночью, подходим туда. С утра взбираетесь наверх, идёте к ущелью и сверху в каждый закоулок там заглядываете, за каждой пещерой смотрите. Ущелье в семь лиг. Прошерстить всё и вернуться. Ждём вас двое суток, потом снимаемся и идём на север. Если что, нагоните по пути. Всем всё понятно?

Разведчики закивали, взводный развернулся и, хрустя свежавыпавшим снегом, пошёл в сторону палатки.

Древний пристроился рядом:

— Не мало двое суток?

— Семь лиг, скалы сверху ровные, крутых перепадов нет, только снизу на них забраться тяжело.

— Откуда знаешь? — не отставал легат.

— Лазил там в молодости.

— Воевал?

— Как водится.

К ним подошёл сержант:

— Посты расставлены, ужин готов.

— Приступайте, всё как обычно.

Сержант было развернулся, но Байл окликнул его:

— Стой. Гуляй-город готовым держите. Так, чтобы быстро расставить. Тюки снимайте с него, часть верёвок отвяжите. Свободен.

— С чего вдруг? — удивился Александр.

— Не знаю, — потёр подбородок старый наёмник, — Сегодня опять видел этого разъездного. Пристал, как банный лист...

— Ты ведь отправил разведчиков.

— Думаю, не сняться ли нам раньше, от греха подальше. Не нравится мне это ущелье.

— Твои люди смогут нас догнать?

— Должны. Нет. Подождём их, — кивнул Байл сам себе.

— Прекрати метаться. Ты не можешь знать наперёд всего. Никто не может.

— Ой-ли? Кто довёл князя до могилы?

— Мне казалось, он будет сговорчивее. Откуда было знать, что он такой дурень и из одной гордости готов погубить целое княжество?

— Тебе ведь на руку. Теперь вас боятся ещё сильнее.

Древний махнул рукой, соглашаясь:

— Бессмысленно отрицать, но я пытался решить дело миром.

— Знаю. Передо мной можешь не оправдываться.

— Мне скорее нужно оправдание для себя самого, не бери в голову.

— Как скажешь. Пойдём, погреем кости у костра.

...

Утром лагерь продолжил жить обычной жизнью, но вместо дорожных сборов Байл разделил отряд на две группы и до обеда отрабатывал манёвры. Солдаты хорошо справлялись, хоть лица их и были мрачны: в кои-то веки представился шанс хорошенько отдохнуть, а взводный и тут не успокоится. Но в полдень началась вьюга, и все попрятались по палаткам.

Древний остался в самой большой, вместе с солдатами, и сейчас смотрел, как Сибальт натягивает тёплый плащ и готовится заступить в дозор.

— Эт какой же дурында на нас в таку метель кинется? Ни зги не видать, тока на кочках ноги ломать, — ворчал молодой наёмник.

— Не так сильна эта метель. Могут и подобраться, если дюже им приспичит. Земля тут беспокойная, — ответил ему бывалый уже сержант, — Твоё дело приказы исполнять, молодой, а не обсуждать их.

Бывший ополченец укутался и вышел за полог.

Александр думал продолжить уроки чтения, но посмотрел на тусклый фонарь посреди палатки и решил обождать с этим. Опять вспомнил про Лемэс и предстоящее задание. Множество дворян не жаловали курс короля Кантании и его Первого министра. То есть, точка опоры уже была. Но кантанийская знать капризна. Это обстоятельство могло сильно осложнить его работу, когда дойдёт до всякой грязи. А до неё дойдёт, легат не сомневался. Грязные дела без грязи не делаются. Ему нужны были рабочие руки — надёжные, умелые и не слишком щепетильные. Головорезы, каких он мог нанять в подворотнях Лемэса, по большей части годились на работу разовую. Может и найдутся среди них годные, но придётся ох как поискать. Ещё хуже дела обстояли с командирами. Древний не хотел участвовать в лихих делах самолично. Нужен был кто-то, у кого хватит опыта отдать правильный приказ, и кто не будет терзаться муками совести от того, что не соблюдены законы чести. Осведомители в один голос твердили, что Первый министр де Крюа решил оставить в стране лишь один действующий закон. И, в отличие от противостоящей ему знати, вопросами чести не тяготился. Тот, кто собирается ему противостоять, должен поступать так же. С волками жить — по-волчьи выть...

Легату было ясно, одни лишь деньги — плохое топливо для той машины, что он собирался использовать в Лемэсе. Требовалось нечто большее. Иначе головорезы могли прикинуть риски и разбежаться после очередного дела, прихватив то, что уже уплачено. Он

не сомневался, что эти проныры будут требовать пару золотых авансом за каждое шевеление. Предстояла большая нудная работа, которую можно завершить за месяц, а можно и за год не сделать.

Он посмотрел на отдыхающих наёмников. Хорошие солдаты, но они действительно не годились. Слишком приметные, слишком вышколенные, со своей собственной манерой вести бой. Пару стычек, и люди министра поймут, с кем имеют дело. Следом догадаются, что Пурпурный отряд могли нанять древние. Ему это было совершенно ни к чему. Поэтому до самого ужина легат вспоминал все значные места столицы, где мог отыскать крепкую и не слишком богатую руку. Человека, подходящего ему и попавшего в беду. Беду, которую древний мог отвести, используя свои возможности, и купить человека с потрохами по бросовой цене.

Вьюга утихла к утру. Байл уже построил солдат и готовился отдать первую команду, когда Александр увидел двоих разведчиков, бегущих к ним от холмов. Они бежали быстро, несмотря на кочковатую землю под ногами, присыпанную снегом. Скатки их болтались за спинами, воротники стали влажными от горячего дыхания. Он сразу понял, что порошок им пришлось истратить.

Один из часовых, что вглядывался в даль, тут же подбежал к взводному:

— Командир, вернулись наши! — он указал на бегущих, и старый наёмник пошёл им навстречу.

Разведчики заговорили не сразу — лёгкие их ходили ходуном, они отплёвывались соплями и слюнями, хоть и не выглядели на последнем издыхании. Их немного потряхивало от действия порошка. Так бывало, когда оно закончится через час-другой.

— Что там? — без предисловий начал Байл.

Один разведчик в очередной раз сплюнул и выпрямился:

— Мы нашли их. Дружина из Вудвинда, человек пятьдесят, все на конях. Разъездной засёк нас на обратном пути, сразу к своим поскакал.

— Сколько у нас времени?

— Не знаю. Он увидел, когда мы были ещё наверху.

— Что-ж вы, дурни?

— Камни из-под ног осыпались, бежать пришлось, не то на дно с камнями покатались бы.

Старый наёмник угрюмо глянул на обоих:

— В доспех, живо!

— Где встанем? — спросил его легат.

— На одном из холмов. Мухой собрать все палатки, в походную колонну, тревога боевая! — прокричал он отряду.

Люди забегали. Каждый знал, что ему делать. Варочные спешно снимали котёл с углей и наскоро оттирали его снегом, чтобы хоть как-то охладить, часть солдат складывала палатки, другие натягивали тетивы на луки. Четверть часа, и караван двинулся в сторону холмов, ошетилившись протазанами и укрывшись большими прямоугольными щитами.

— Вон к тому идём! — старый наёмник указал на один из холмов, что был немного ровнее других и лучше всего подходил для обороны, лишь бы успеть там закрепиться.

Караван почти весь спустился с дороги в низину, когда взводный заметил что-то у подножия гор:

— Вонючие скотоложцы! — он обернулся к отряду и начал подгонять всех подряд, —

Быстрее, сукины дети! Бегом! Особо медлительным сам по мордасам надаю!

Легат глянул в ту сторону. Оттуда к ним мчался конный отряд. Оставалось около лиги — минут пять по такой дороге.

«Пятьдесят против тридцати. Если не успеем закрепиться, шансы выглядят паршиво».

Тем временем, караван полностью спустился с дороги в низину и медленно двигался к холму. Телеги неуклюже переваливались по кочкам, люди изредка оскальзывались или проваливались по щиколотку в ямки, припорошенные снегом. Легат не сильно страшился лошадей бегущего к ним отряда — земля вокруг холма слишком неровная, чтобы разогнаться как следует, да и наёмники умели строиться в баталию, отлично противостоящую коннице. Хоть перевес не на их стороне, на такой земле коннице придётся трудно, лишь бы успеть забраться на холм.

И тут крылась главная проблема. Древний понимал, что солдаты успевают взбежать туда, если бросить телеги. Но тогда вражеский отряд — в том, что он вражеский, Александр не сомневался — разгромит и сожжёт весь провиант, палатки, гуляй-город, запас стрел и прочее. И степь прикончит их без всякого железа, одним лишь холодом и голодом. С телегами же... С дороги он прямо сейчас видел, как одна из них перевалилась через неровность и тут же ухнула вниз правым колесом, крепко застряв в земле. Остальные продвигались не намного быстрее. Через минуту древний понял — на холм они не успеют.

— Байл!

Наёмник отвлёкся от своего взвода и посмотрел на легата. Легат же с суровым выражением лица медленно помотал головой из стороны в сторону.

И командир наёмников всё понял:

— Отставить холм! Взять круговую оборону! Враг помчится с дороги, а ну живо — телеги кругом, имущество легата с лошадьми в середину, крепим всё, ставим гуляй-город! Чё ты уставился на меня, Сибальт? Бегом, блять!

— Прямо тута становимся?

— Да!

Легат поспешил к каравану и принялся помогать, но они не успели. Через пару минут уже отчётливо слышался топот коней, но как следует укрепили только фронт, а ещё через минуту конная дружина стекла с дороги и разделилась на два ручья, огибающих наёмников с флангов. К этому моменту они закончили левый фланг, доделывали правый и наполовину успели закрыть тыл: две телеги так и не заняли своих мест — та, что завязла правым колесом и другая, шедшая самой передней — её успели подтащить к гуляй-городу, но не успели развернуть бортом.

— Бросить телеги! — гулко закричал Байл, — В щиты! Круг сомкнуть, готовы протазаны, луки и клевцы! По два лучника в расчёте, на брешь пять человек!

И вовремя — с флангов на них посыпались стрелы, а передовые отряды врага ринулись к брещи. Легат уже успел натянуть подстёгу, кольчугу и кое-как нацепить нагрудник со шлемом. На полные латы времени не хватало, поэтому он спрятался за одной из повозок и сейчас спешно подгонял завязки с ремешками. Его шлем ещё болтался незакреплённый, когда он увидел, как наёмнику рядом прилетело две стрелы со спины — одна стукнулась о шлем, другая впиалась в бедро сзади — слабая кольчужная юбка парню не помогла.

Древний понял, что стреляют не в тех, кто перед ними, а навесом, в спины тех, кто с другой стороны.

Это понял и взводный:

— Бойцам у телег, щиты на спины!

Тем временем, первые конные ударили в брешь, однако им не удалось разогнаться как следует: трое из четверых сразу потеряли лошадей, двоих упавших закололи, а один отступил, едва успев подняться вовремя. Единственный конный, кто не потерял лошадь, врубился в стену щитов и сбил двух бойцов, но получил удар протазаном аккурат подмышку, свалился, а после был заколот почти сразу. Лошадь его получила пару ран и обезумела, кружа и лягаясь задними копытами. Один из наёмников, видя это, заколол её точным ударом в шею. Кровь щедро разлилась на притоптанный снег, протазан наёмника и пару человек рядом. Лошадь, хрипя, быстро стихла.

Враги поняли, что брать наёмников наскоком бесполезно и начали спешиваться. Два лучника Пурпурного отряда поймали удачу за хвост: один угодил лошади в бок, та свалилась, придавив собой слезающего ратника. Было слышно, как он истошно заорал. Второй попал точно над кольчужным воротником зазевавшегося врага. Человек повалился на колени, непонятно зачем сжимая стрелу, потом упал набок. Остальные лучники пока не приносили никакого ущерба.

Тем временем, нападающие выстроились для пешей атаки с трёх сторон. Примерно треть из них вооружилась овальными щитами и короткими топорами, ещё треть взяла алебарды. Оставшиеся неспешно выпускали по наёмникам стрелу за стрелой, прикрываясь за спинами щитовиков.

Байл похлопал древнего по плечу и указал на всадника, стоящего чуть поодаль и изредка выкрикивающего команды, плохо слышные отсюда.

«Зоран Лютич. Очевидно, месть за господина. Да, упрямые идиоты всегда найдутся».

Дружина Вудвинда спокойно подходила под градом стрел. Удалось подстрелить одного с алебардой, пока они не подошли вплотную и не попытались растащить щиты гуляй-города, что прикрывали сцепки телег. Но, получив яростный отпор протазанами и потеряв троих, отступили.

Самый горячий бой грозил развернуться у бреша, но пока дружинники не спешили. Они оттаскивали павших людей и лошадей, расчищая себе путь. Наёмники отстреливали их из луков и поразили ещё двоих, но стрел на это ушло немало, как и на залпы по флангам.

Древний понимал: рано или поздно они закончатся, и драка пойдёт врукопашную. Враги вообще перестали сыпать стрелами издали: их обоз ещё не поспел, а много ли уместится в колчанах?

Дружина Вудвинда растащила трупы и ринулась на щиты наёмников. И те и те кололи и рубили поперек щитов, между щитами, то и дело раздавался треск дерева или металлический лязг, крики боли или ярости. Долгое, жуткое смертоубийство. Не миг, обрывающий жизнь как вспышка, а растянутое во времени ожидание — какой удар или укол для кого окажется смертельным?

«Да, война — занятие не для слабонервных».

Жару добавляло и то, что оба отряда были закалённые и стояли насмерть. Многие другие на их месте давно сломались бы.

Легат заметил, как наёмники ищут стрелы на земле. В строю, закрывающем брешь, поразили двоих: одного насмерть, второго сильно ранило в плечо. Он решил использовать малую пневматику и отцепил её с пояса, благо, хватило расторопности затянуть его поперек кольчуги. Три раза Александр качнул рычаг, взобрался в телегу и прицелился поперек голов наёмников.

«Теперь все будут знать, что болтается в кобуре».

Первым выстрелом он попал ратнику в щеку, убив на месте. Второй, похоже, оставил только вмятину на нагруднике. Третий срикошетил в лицо воину, он повернулся вбок, высматривая угрозу и схлопотал четвёртый выстрел точно в кольчужную оборку шлема. Пуля пробила кольца и человек умер.

«Не обманул механик, первые четыре действительно мощные».

Люди Зорана разозлились и ещё усилили натиск. Один наёмник пал, и его место занял Сибальт. Древний быстро выпустил четыре оставшиеся пули, и одна угодила-таки нападавшему в нос. Он не умер, но вышел из боя, держась за лицо окровавленной рукой. Александр сменил кассету и три раза качнул рычаг: пока потери наёмников меньше, но, рано или поздно, воины Вудвинда столкнут строй. И, пока этот строй будут восстанавливать, серьёзных потерь не избежать. К тому же, люди Лютича атаковали и укрепления, стремясь растянуть Пурпурный отряд по всему периметру, лишь бы отвлечь от бреши столько наёмников, сколько возможно. Да, атаковали осторожно и неспешно, стараясь не терять людей, но даже такие атаки не давали взводу Байла полностью сосредоточиться на защите слабой части укреплений.

Древний выпустил вторую кассету и убил ещё троих. Больше снаряженных кассет у него не было. Пал ещё один наёмник. По прикидкам легата, их взвод мог проиграть сражение. Они уже потеряли пятую часть. Древнего не очень-то устраивал такой расклад. Он взял двух человек со щитами — прикрыться с флангов — и полез в сундук, стоящий посреди их временной крепости из повозок. Прикрытие пригодилось: кто-то особо зоркий из людей Лютича узрел возможность достать легата стрелами и щит трижды спас их от обстрела с фланга. Большая пневматика лежала на своём месте, как и снаряженная к ней кассета: древний порадовался, что не жалеет пружины и всегда держит одну из четырёх кассет забитой под завязку, каждый день меняя, чтобы пружина совсем не ослабла. Сегодня это сослужило добрую службу — не нужно тратить время, запихивая пулю за пулей.

Он защёлкнул кассету, три раза качнул большой рычаг пневматики и перебежал к телеге. Аккуратно положил ствол на её борт и прицелился через оптику — одну из десяти оптик для стрельбы, существовавших в этом мире. До Лютича было сто с лишним метров. Если целить в тело — плёвый выстрел. Но легата одолевали сомнения: нагрудник хороший, из горской стали, вдруг с первого раза не пробьёт? Тогда мстительный воевода догадается и уже не будет спокойно восседать на лошади, а спрячется так, что не достанешь. Нужно бить с первого раза, в голову, а такой выстрел не в пример тяжелее. Александр несколько раз прикладывался к прицелу, дожидаясь, когда ветер стихнет. Наконец, уловил момент, взял упреждение, целясь в макушку шлема, и выстрелил. Всадник бесшумно рухнул с лошади, в падении раскинув руки. Древний смотрел на него через перекрестье — движения нет. Но он всё равно прицелился и дважды выстрелил по неподвижному телу, к которому уже спешили три дружинника. Лошадь Зорана почувствовала выстрелы и бросилась прочь. Тогда легат истратил пять оставшихся пуль и убил ещё одного, а троих ранил. Мощное оружие прошивало латы с такого близкого расстояния.

Дружина вновь навалилась на брешь и алебарда, юркнув меж двух щитов, угодила Сибальту прямо в лицо. Его тут же оттащили, и другой наёмник заполнил строй. Вудвиндских вояк откинули вновь. И тут древний буквально увидел, как по рядам противника прокатывается неуверенность. До них дошла весть, что командир убит. Те, что были у бреши, предприняли новую попытку, но какую-то беззубую, вялую. Их было уже

вдвое меньше, чем сначала. Попытка, казалось, скорее для очистки совести, чем ради результата: подошли, постучали по щитам, да отступили без потерь.

Многие нападавшие показывали в сторону лошадей, а те трое, что подбежали к Лютичу, уже водрузили мёртвое тело на коня, перекинув через седло. Враг отступал.

Один из наёмников победно вскинул руки и закричал, остальные тут же подхватили, кроме штатного медика — он был занят ранеными. Древний тоже присоединился к нему. Сначала осмотрел Сибальта — страшная рана, точно под левой скулой, сочится кровью. Совершенно невозможно понять, насколько глубокая, задет ли мозг, есть ли надежда на лечение. Парень хрипло дышал, и больше ничего. Легат не понимал, в сознании он или нет. Всё, что можно было сделать сейчас — наложить тампон и вернуться к операции, когда инструменты будут готовы.

Александр наскоро осмотрел остальных раненых — поставил один жгут и две повязки, поглядел на заснувших прямо посреди боя разведчиков. Один словил стрелу, и ему было уже не помочь, второй просто спал, и пульс его слабо, но прощупывался.

Легат достал инструменты и первым делом приступил к врачеванию солдата со жгутом — там зияла глубокая артериальная рана на ноге и предстояло сложное сшивание тканей, иначе боец просто потеряет ногу. Он оставил двух раненых попроще штатному медику и пока не трогал Сибальта: древний думал, новобранец в любом случае умрёт, и не было никакого смысла помогать ему первому, когда вот здесь, рядом, вполне ещё живой человек, которому нужна ясная и понятная, хоть и довольно сложная, операция.

За десять минут получилось хорошенько всё сшить. Парень за это время совсем измучился, получил лошадиную дозу обезболивающего и отключился. Древний аккуратно освободил ногу от жгута, посмотрел на повязку, не пропитывается ли кровью излишне сильно: нет, всё в порядке. Только после этого легат обратил внимание на Сибальта. Бывший крестьянин всё так же хрипло и упрямо дышал, никак не желая расставаться с жизнью, и тогда Александр решил попробовать.

Он подозвал штатного медика и выудил дренажный насос из инструментов:

— Иди сюда. Смотри, погружаешь шланг в рану и медленно давишь на грушу, вот так. Отпускаешь обратно тоже не слишком быстро. Качай. Следи, чтобы крови не было в ране.

Легат так и не понял, задет ли мозг, но сделал всё, что в его силах: дал обезболивающее, вложил в рану мазь, зашил или обжёг где надо, аккуратно забинтовал сверху. Если парень и выживет, левая половина его лица окажется неподвижной.

— Пшёл, чего встал?! — услышал он выкрик где-то рядом, и звук пенделя, последовавший за словами.

Это наёмники привели человека Лютича, который почему-то не успел сбежать.

— Ходим, проверяем их, а тут этот очухался, представляешь, командир? — пояснил один из сержантов, — Где я, говорит, где остальные?

— Разбили вас, парень, — подошёл к нему взводный, до этого угрюмо следящий за операцией.

Старый наёмник поднял безжизненно свисающую правую руку врага и отпустил её. Та упала вниз, как пустой рукав.

— Что мне с тобой делать?

Раненый пленник молчал. Ответов у него не было.

— Клевцом по башке и в кусты, — грубо высказался сержант, уже снимая оружие с пояса.

— Погоди, надо бы поговорить, — вмешался древний, — Твоё имя?

— Званимир, — равнодушно произнёс пленный.

— Ответь мне, Званимир, зачем вы всё это затеяли? Мало было вам голода, смертей, войны? Молодой князь согласился признать долги перед древними, так чего вы кулаками машете после драки? И про счёт наш к старому князю давно известно, и счёт тот справедлив.

Ратник ответил, не поднимая глаз:

— Неведомы мне счёты промеж древними да князьями.

— Чего тогда?

— Долг есть перед Лютичем.

— И у остальных ваших, думаю я, долги такие имеются?

— Не без этого.

— Нет больше ваших долгов. И Лютича нет.

— Как же это? — удивился воин, — Кто-ж его? Значит, всё теперь...

— Кто-кто? Древний и подстрелил, — проскрипел взводный, — Иль вы думали, с ними вот так запросто можно связаться и сухим выйти? Дурак ваш Лютич, и вы дураки с ним вместе.

— Хорош, — легат положил руку взводному на плечо.

— Чё с ним делать-то теперь? — Байл задумчиво смотрел на Званимира, потирая рукой подбородок.

Сержант, маячивший с клевцом позади пленника, вопросительно поднял голову.

Побеждённый почувствовал это и не выдержал:

— Чего ждёте, ну? Давайте уже! Ваша взяла, так чего тянуть?

— Кольчугу снимай, — велел ему легат.

Старый наёмник не удивился, а вот на лице пленника сначала отразилось недоумение. Потом он, видимо, по-своему разгадал этот ребус и выпалил:

— Выкуп за меня вы не получите, сразу говорю. Некому выкупать. Так что уж не мучьте.

— Я поставлял в Шумный Грот лес за свой счёт, чтобы полностью перебить ваши поставки. Припомни, сколько леса вы им продавали и подумай ещё раз, нужен мне выкуп за простого солдата?

— Я был личным дружинником князя.

— Да хоть генералом. Кольчугу снимай, говорю, тебе ещё можно помочь. Подсобите кто-нибудь ему.

Александр отвернулся к сундуку, чтобы протереть инструменты.

К нему подскочил сержант с клевцом:

— Как так, легат? Вон Сибальт умирает, а ты будешь помогать этой сволочи? Они ведь тебя тоже убить хотели! В расход!

— Если ты разможжишь ему молотом голову, Сибальту это никак не поможет. Хватит крови на сегодня, понятно?

Сержант злобно смотрел на него, но молчал.

— Не маши кулаками после драки, иначе тебя ждёт его участь. Всё уже закончилось, нет нужды множить трупы до бесконечности.

— И он пойдёт с нами?

— Да. Не забывай, кто вас нанял.

Байл встал рядом и сурово глянул на сержанта.

Злой наёмник прицепил клевец на пояс, но всё ещё клокотал от ярости:

— Как скажете, легат.

Древний решил пока не обращать на него внимания и обратился к взводному:

— Помнится, на севере была какая-то дыра лет сто назад. Если она превратилась в город, сможем зализать там раны.

— Дыра стала больше раз в десять, но городом её назвать язык не повернётся. Скорее притон.

Сержант пялился на них всё это время, переводя взгляд то на одного, то на другого, пока, в конце концов, не выдержал:

— Разве мы не собирались идти по ущелью? Зачем нам на север?

— Хочешь попытать счастья против людей Лютича ещё раз? Думаешь, куда они убежали? — устало пояснил взводный.

— Один раз мы их уже разбили...

— В ущелье они будут обороняться, а мы нападать. Может, мы и победим, особенно с луком древнего. Это ведь был такой лук, да? Я видел, как ты, легат, каждое утро перебираешь маленькие стрелы для него.

— Пусть будет лук.

— Так вот, с таким луком можем и победить, хоть нас меньше. Но потери будут. И появятся ещё раненые. Тогда следующая стычка, скорее всего, будет смертельной.

— Не подумал...

— Вот поэтому я пока командир.

Легат был полностью солидарен со взводным, но один вопрос его всё же волновал:

— Ты говоришь, такая же дыра, только больше. Не захотят местные прибрать к рукам наше добро, а нас скормить свиньям?

— Кишка у них тонка. Военных там нет, зубы об нас обломают.

— Полагаюсь на твой богатый опыт, но разведку отправим, прежде чем заходить всей толпой. И пусть приведут мне местного потолковать.

— Само собой.

— Сколько туда идти?

— Дней двадцать.

— Начинай сборы. И освободи одну телегу для раненых.

— Что-то придётся переложить в твой фургон.

— Хорошо. Эй, там, вы сняли доспехи с пленного?

Один из наёмников грубо толкнул озябшего в одной рубахе пленника к легату. Вудвиндский дружинник стучал зубами и смотрел на древнего. Левая рука его по-прежнему свисала плетью. Это был крепкий русский парень, но без доспехов и с искалеченной рукой он казался далеко не таким грозным воином. Александр взял его руку и задрал вверх, пленник поморщился от боли.

— Рубаху снимай.

— Совсем меня заморозить хотите?

— Надо посмотреть. И вообще, кто-нибудь, разведите костёр.

— Не слышали, чего легат сказал? — проревел командир, — Костёр, живо!

Тем временем, древний обнаружил сильный вывих плеча, который усугублялся ушибом и отёком, что осложняло возможную операцию.

— Телегу освободили? И лекаря отрядного дайте мне.

Вдвоём с лекарем они уложили пленника на телегу и Александр выудил из кармана обезболивающее.

— Как же кодекс? — тихо сказал стоящий рядом Байл.

— Будем считать это служебной необходимостью. Раненые тормозят отряд.

— Почему просто не избавиться от него?

— Нельзя. Выдаст нас своим, или местным мародёрам. Он изнутри знает теперь, что у нас в отряде, — сказал легат первое, что пришло в голову.

— Что за чушь? Он бы просто замёрз посреди этой степи.

«Ты чертовски прав, дружище», — подумал древний, но вслух ответил:

— Может, и не замёрзнет.

— Секира могла бы избавить нас от всех проблем.

— Не уподобляйся своему сержанту. Махать кулаками после драки — обречь себя на вечную битву.

— Разве это не есть жизнь?

— Попробуй что-нибудь построить. Может, понравится?

— Что например?

— Начни с жизни этого парнишки, дай ему второй шанс.

— Как скажешь, легат. А ты, — он посмотрел на оловелого от дурмана дружинника, — Не вздумай злом ответить на добро, ясно? Не то умирать придётся долго.

Примерно через четверть часа с операцией покончили. Легату нравилось, что, в случае чего, кодекс к этой операции не применить — слишком простая, её может сделать любой при должной сноровке или удаче. Всех раненых уложили поперёк на свободной телеге, и караван медленно тронулся на север. Легат договорился дежурить по очереди с медиком, сама дорога оказалась ровной, и удавалось менять повязки на ходу.

Пейзаж вокруг состоял из серых и белых красок. Белая земля, испещрённая серыми кочками, или полностью занесённый белой порошей склон холма с подветренной стороны, серый лес на границе видимости, светло — серое тяжёлое небо. Всё это напоминало край света. Хоть легат знал, что мир их круглый, ему казалось, вот-вот они дойдут до обрыва, за которым будет бесконечное чёрное ничто. Древний надеялся, что дорога не может вести в никуда, хоть на пути им ни разу никто не повстречался, кроме птиц, да сусликов с полёвками.

Следующим утром их накрыла метель, а после, когда всё утихло и караван двинулся дальше, очнулся Сибальт. Он глядел на всех ошарашенными, испуганными глазами и не говорил ни слова. Даже не мычал — видно, любой звук причинял ему боль. Александр велел ему лежать. Новобранец сначала пытался сесть, но вскоре оставил это гиблое дело.

Легкораненые часто спускались с телеги размять кости, и, когда спустился пленник, шедший за ним солдат толкнул его в спину — не сильно, а скорее просто показать пренебрежение:

— Вишь чё наделал, ёбанный лесник! Парень у нас едва обвыкся, а ты его штыком под глаз!

— Это был не я, — робко оправдался бывший дружинник.

— Какая, к херам, разница? — влез другой наёмник, — Все вы там были, значит, все виноваты!

— Тупые лесники!

— Сраные дружинники!

— В жопу вас с вашим полоумным князем! Всё из-за вас!

— Я предлагал вам прибить меня! — не выдержал Званимир, — Если у вас на это кишка тонка, нечего теперь лаять как шавки со всех сторон!

Один наёмник огрел его пятой протазана по бедру, второй отцепил чекан от пояса в порыве ярости.

— А ну притихли! — взревел Байл, — Раз не прикончили его, нечего теперь издеваться.

— Так, может, надо было?

— Не тебе это решать, боец.

— Они бы нас не пощадили.

— Откуда ты знаешь? Древнего — наверняка нет, но они уважали хороших ратников.

— Во заковыка, — с досадой ответил наёмник, — Они бы древнего точно уколошили, а он за их бойца как раз вступился. Не понять мне...

— И не надо. Шагай давай. Молча.

Под вечер, когда солдаты топили снег в огромном котле, легат опять подошёл проверить раненых.

— Что-ж со мной теперь? — тихо спросил Званимир, — Для чего это всё?

— Поживём-увидим. Важного ни черта ты не знаешь — отпущу в первом попавшемся городе, и дело с концом.

— Почему?

— Это называется сострадание, парень. Убиваем мы чаще по необходимости. В остальном — такие же люди, только живём дольше и знаем поболее.

— Тёмные заклинания?

— Нет никаких тёмных заклинаний.

— А волшебный лук?

— Когда-то люди кидались камнями, потом появился лук, следом — арбалет. Придёт время, и люди будут стрелять из таких, как у меня.

— Когда?

— Не знаю, но придёт, поверь.

Легат бегло осмотрел его руку — всё заживало, как надо — и обратился к другим раненым. Они занимали много времени.

Удручало, что четверо из восьми его учеников пали в бою, а оставшимся пока было не до этого. Древнему казалось, все труды пойдут прахом, но на следующий день Сибальт уже выводил что-то на бумаге, сидя в телеге.

— Господин легат! — крикнул один из наёмников, — Вас тут немой наш зовёт.

Бывший крестьянин сунул ему клочок бумаги, на котором трясущимися каракулями нацарапал: «Во рте плохо».

Александр ударил себя по лбу за такую недалёковидность и подозвал медика. Вместе они уложили Сибальта на доски, затем он приказал остановить караван и разжечь фонарь.

— Будет больно, — предупредил он раненого новобранца, когда качающийся на ветру фонарь осветил его искорёженное лицо.

Медик уже крепко держал Сибальта и, когда легат силой разомкнул его челюсти, тот не издал ни звука, лишь глаза его настолько расширились, что в них отразилась вся боль и ужас, с какими далось ему это несложное действие. Света от фонаря было мало, но древний всё же нашёл гнойник. И опять пришлось глушить боль таблетками, так сильно дёргался боец во время операции. Справившись с гноем, древний ещё долго прижигал ему рот, чтобы

остановить кровь, но справился. Остальные же раненые со страхом глядели на всё это, не в силах вымолвить ни слова.

— Вот так-то, — сказал им легат, — Чтобы лишить жизни, достаточно удара, а чтобы сохранить, иной раз приходится попотеть!

Никто и не подумал спорить.

На следующий день он увидел Ситбальта и Званимира сидящими рядом у борта телеги. Они молчали, но в молчании этом было какое-то единство.

«И правильно, нечего им делить» — подумал легат.

Он лучше всех знал — делят сильные мира сего, высокие люди. Солдаты же колют друг друга едва ли из ненависти. Их долг — идти за лидером. Потому как никто не давал им, в сущности, выбора, за кем идти. И между любыми солдатами можно найти много общего, когда они не стоят по разные стороны баррикад. Так к чему тратить силы на ненависть, пока приказы не отданы? И к чему тратить их, когда всё уже кончено? Если вдуматься, чтобы ненавидеть всех своих бывших и будущих врагов, не хватит никаких сил.

Тем временем, день ото дня лес справа приближался. И день ото дня наёмники обращали всё меньше внимания на пленника. Потом завязался разговор, в котором они узнали, что пленник их из крестьян и сбежал от семьи, чтобы не влечь дальше жалкую долю, а поступить в войско князя. И трудом своим, да преданностью, пробил дорогу в первую дружину. Никаких влиятельных родственников у него не было, а была твёрдая рука да быстрые ноги, смелое сердце да сметливый ум. И, видя перед собой такого же простого парня, наёмники потихоньку смягчали общение. «Эй, пленник» уже не звучало так обречённо, а скорее казалось смешной кличкой, хоть оружие никто ему не давал. И однажды, когда прошло больше двух недель, а лес подобрался совсем близко, Званимир осмелел настолько, что решился на второй разговор с древним.

— В толк не могу взять, чего плохого делал наш князь? Границы укреплять, за войском следить, разве ж плохо?

Легат чувствовал, что дружинник недоговаривает и внимательно посмотрел на него:

— Чужое взял, вот и поплатился. Не знаешь будто?

— Но ведь вы обманом прибрали к своим рукам столько всего, он лишь восстановил справедливость.

Байл вёл коня под узцы чуть поодаль и всё слышал. Он скорчил гримасу, как от горькой брюквы.

Однако, древнего такой поворот беседы ничуть не смутил:

— Да вы, молодой человек, не в меру откровенны сегодня. Знаешь немного, из-за чего сыр-бор, всё-таки? Князь вам про справедливость вещал?

— Ну... да.

— Никакого обмана. Мы вложили туда своё золото, когда в вашем княжестве были пустые поля да леса, а вместо столицы стояла жалкая деревня на тридцать душ. Зачем обманывать? Мы вложили, подождали и стали получать прибыль. Ждать мы можем долго, десятину платим, как и все, пример наш многих привлёк, люди в княжество потянулись. Ты ж понимаешь, что без людей и страна не страна. Только Болеслав ваш забыл об этом, или очень захотел сделать вид, что забыл.

— Вы не появлялись годами.

— И он решил, что нас больше нет? Мог получше разузнать. На свете много городов, в которых мы появляемся чаще. Он поленился.

— Неужто князь не хозяин на своей земле? Неужто не может делать всё, что ему вздумается?

— Может. Он и сделал, да о последствиях не подумал. Мы ему ответили тем, на что сами имеем полное право. На долго хватило вашего князя?

Дружинник молчал.

— То-то же. И резню могли мы устроить. С одной стороны тысячи три ребят, таких как эти, с другой Холвинд, с третьей ещё кто. И пусть ваш князь сколь угодно кичится, какие у него воины. Всё одно, в капусту бы порубили. Скажи спасибо, княжич его место занял. Головой думать надо правителю! Не можешь ты быть самым сильным. Никто не может в одиночку. Молчишь?

Молодой дружинник понуро смотрел в землю и шагал дальше. Легат не спускал с него глаз. Похоже, русский воин готов был вот-вот разреветься. Оно и неудивительно: когда ты всю жизнь считаешь, что борешься за правое дело, что стоишь на правильной стороне, и вдруг оказывается — тот, за кем ты шёл, просто дурак. Недальновидный, спесивый, самонадеянный дурак. Впору разреветься.

Наёмники вокруг притихли.

В следующее мгновение произошло то, что сильно удивило Александра: Сибальт перевесился через борт телеги, похлопал Званимира по плечу и, когда дружинник повернулся, махнул рукой — мол, оставь ты всё это, ошибся, с кем не бывает?

«Истину твердил Зебен — человек, познавший отчаяние и находящийся в шаге от того, чтобы потерять саму свою жизнь, часто бывает великодушнее остальных».

...

Караван медленно, но верно преодолевал свой путь. Телеги покачивались на кочках, люди выдыхали пар, с неба то и дело падал снег, припасы потихоньку заканчивались, и кое-кто из отряда подумывал наведаться в лес, но вскоре они дошли до границы города.

Байл, хоть и считал местных полным сбродом, велел выставить телеги кругом на холме и как следует укрепить. Никто этому городу не доверял, и, когда солнце поднялось к полудню, они с Байлом стали решать, кого отправить на разведку.

Но город пришёл к ним сам: на пороге лагеря появился лихого вида молодчик в стёганом жилете и при двух кривых ножах. Взводный и ещё несколько наёмников повернулись к нему. Трое на всякий случай положили руки на оружие, притороченное к поясным ремням.

Не особо церемонясь, бандит первым нарушил молчание:

— Кто такие? Надо чё?

Ему ответил командир наёмников:

— В Эйсаре идёт война, обходим его стороной, от греха. Вот, хотели у вас припасов набрать да раненых подлечить.

— Так вы с войнушки?

— Не, говорю же, обходим.

— Раненые откуда? Ноги натоптали? — борзо и нагло спросил местный.

— Мародёры потрепали, — на стал распространяться взводный.

Разбойник подозрительно смотрел на лагерь:

— Никто за вами не припрётся?

— Успокойся, не воевать сюда пришли. Нам бы постой хоть для раненых, да поесть чего в дорогу взять. Помню, было у вас семь банд. Ты из какой?

— Теперь их пять, — сурово ответил он, — Я из самой крутой буду, из большой самой.

— Это какая же?

— Известно, какая. Горцы и все, кто с ними.

— Горцы тут каким боком? Откуда взялись?

— Давно ты у нас не был, раз такие вопросы задаёшь. Они из леса пришли.

— Отряд? — удивился старый наёмник.

— Трое всего.

— Не пойму, — нахмурился Байл, — Три горца пришли и стали вами командовать? Как так?

— За это не скажу, но старшие говорят, всё чин чинарём. У остальных тоже к ним счётов нет.

— Чем же взяли вас эти горцы? — взводный потёр подбородок, как часто делал, когда задумывался.

— Ты бы сам с Тромом задрался, вмиг бы узнал. Или с Марком лучше.

«Тром? Как будто, знакомое имя...»

Легат просочился мимо глазающих наёмников и посмотрел на бандита:

— Бородатый свирепый горец с вот такими плечами? Медведи ему везде мерещатся? И друг его, Марк, гигант, ещё выше Трома на ладонь, а то и полторы?

— Эта... Точно всё. Знаешь их?

— Как не знать? — улыбнулся легат, — Проводи нас к нему.

— Влетит мне, ежели такую ораву при железе в город пушу.

— Не переживай, мы вдвоём с Байлом пойдём, людей тут оставим. Ты ведь друзей Трома в обиду не дашь?

— Эт не шибко умным надо быть, чтобы вредить друзьям их. Не врёшь, знает он тебя?

— Пойдём, сам увидишь.

Древний прицепил меч к поясу и отправился следом за бандитом к россыпи деревянных домов разной высоты, разбросанных вокруг без какого-либо порядка. Он не мог взять в толк, как вождь горцев тут оказался и смотрел по сторонам, внимательно подмечая всё, что видит и слышит:

— Дурачье! Если буча какая начнётся, надо Медных держаться, — вещал один оборванец другому, — Видал, как они две банды за неделю разгромили? То-то же.

— Говорю, свезло им. Теперь против них сразу четыре атамана выступят, тут уж им ни щиты, ни сбруя их не поможет.

— Поможет, поможет. Серый Олаф знает, где что, завсегда чует. Уж они подготовятся и...

Легат свернул за угол и уже не слышал разговора. Вокруг просыпались рыбаки и всякие работяги, а некоторые из бандитствующих субъектов, что в обилии встречались на пути, похоже, ещё не ложились.

Кроме беспорядочной застройки, в глаза бросалась общая небрежность этого городишки. Кое-как разрытые дренажные канавы перекрывали кучи мусора. Этот же мусор иногда подпирал стену какой-нибудь лачуги, возвышаясь чуть ли не до крыши, и никто его не убирал — всем было плевать. Люди, даже те, кто вышагивал гордо, заткнув за пояс пару локтей доброй стали, ходили в обносках. Если у них были хорошие сапоги, то обязательно дрянные штаны и засаленная косынка вместо приличной одежды.

Это проявлялось почти во всём, но кое-где среди этой помойки попадались очаги

порядка. Вон там, около стены двухэтажного дома, совсем недавно убрали кучу мусора, а здесь, спасая лавку торговца от сырости, расчистили канаву возле неё. Пару раз ему попадались и нормально вооружённые бойцы, облачённые в кольчуги и шлемы-шишаки, с круглыми щитами. Такие моменты особенно бросались в глаза на фоне общего запустения. Кто-то недавно взялся за порядок в этом городе и как раз делал первые шаги.

Легат услышал звонкий шлепок ладони по чьей-то щеке, обернулся на звук и увидел, что бандит постарше ударил совсем молодого:

— Ты чё творишь, пёс смердячий? Чё творишь, я спрашиваю? Совсем очумел гроши прятать? То с лавки гроши. Серый Олаф учует, кишки на нож наматает и тебе, и мне заодно! Или кто из горцев одним махом обе наши головы отсечёт! А Серый учует, обязательно учует. Сколько крыс он передушил уже? И ни разу ещё не промахнулся, слышишь? Дай сюда! Не прирезал тебя, только потому, что ты свяк мне.

Молодой бандит не сказал ни слова в ответ, лишь разглядывал носки своих ботинок, согнувшись и всем видом выдавая смущение и страх.

Провожатый потянул легата за плечо, и они пошли дальше.

— Что за Серый Олаф? — спросил Александр.

— Ой, брешешь ты, раз такое спрашиваешь. Ёбнут тебя горцы по темечку, как пить дать.

— Трома с Марком знаю. Про Олафа первый раз слышу. Кто таков?

— Дак тоже горец, с ними пришёл, только не такой здоровый, зато быстрый, что гадюка и ушлый — всё знает, мы уж думаем, у него где шар хрустальный запрятан, иль Кривая Эльза ему всё рассказывает. Поговаривают, ведьма она...

— Кривая Эльза?

— К ней как раз идём. Раньше шлюхой была, а потом, видать, прокляли — окривела.

Они дошли до большого деревянного дома в два этажа, и тут взору легата предстало совсем уж неожиданное зрелище: шагов на пятнадцать вокруг дома всё тщательно вычистили и прибрали, около входа толпился десяток дружинников при добром железе, с подогнанными и подвязанными как следует кольчугами, да в нагрудниках. Трое из них отрабатывали манёвры под надзором четвёртого, а остальные отдыхали — видно, тоже недавно пришлось им потрудиться — лица блестели от пота, пар от дыхания валил сильнее, чем у обычных прохожих, а ботинки заляпались грязью, какая бывает, если долго вытаптывать снег на одном месте. Эта картина уже напоминала казарму в каком-нибудь приличном королевстве.

Провожатый завёл их напрямик на первый этаж через широкую деревянную дверь. Внутри, за квадратными столами, восседали пёстрые, по-разному одетые бандиты, ещё больше было пригожих, не затасканных шлюх. Легат сначала удивился, что все они делают в кабаке в такую рань, но увидел горцев в дальнем конце зала и понял, что это свита следует за своими королями, у которых как раз была привычка вставать пораньше.

У стола горцев стоял охотник и паренёк лет четырнадцати с сальными чёрными волосами, а Тром, развалясь на стуле и попивая из кружки, вещал им:

— Ты, Жила, иди с Кшиштофом и передай этому проклятому лавочнику, что, коли не будет брать товар охотников по хорошим ценам, лавки у него тоже не будет, задери его медведь!

— Хорошие — это какие-ж? — спросил парнишка.

— Какие Кшиштоф скажет, такие и хорошие, — отрезал Тром, и, обернувшись к Марку, спросил, — Прав я, вождь?

Гигант согласно кивнул.

«Так они поменялись местами. Теперь вождь Марк».

— Ты, эта, охотничек, сильно тож там не налей, понял? — добавил третий из компании горцев. Сутулый, сметливый и узловатый.

Как раз этот сутулый и мог быть Серым Олафом.

— Лишнего не возьму, — с достоинством отвечивал охотник.

— Мире привет передавай, — Тром уселся поровнее и только тут заметил компанию легата, в отличие от Марка, который увидел всю троицу сразу, но виду не показал.

— Оба, легат, ты как здесь? Марк, помнишь его? Раздери меня медведь...

— Обещал быть к вам летом, да судьба свела раньше. Нас потрепали в дороге, нужен постой. Никак не думал встретить здесь горцев. Почему вы покинули родину?

— Год назад мы и сами не гадали здесь оказаться, — ответил ему Марк, — Но столица взята, наша страна в огне, а нам двоим пришлось спастись вплавь. Но это потом. Твоих воинов нужно разместить, а после мы с тобой и твоим десятником, — он кивнул на Байла, — Разопьем по кружке-другой лучшего здешнего пива.

— Благодарствую, Марк, что чутко отзывается на мою беду, — учтиво кивнул легат.

Огромный горец обернулся к молодой шлюхе, что увивалась рядом и сказал ей:

— Пока отложим, приходи под вечер.

Она ушла, а Марк снова повернулся к легату:

— Мы и сами сполна хлебнули бед после того лета. Сколько у тебя людей?

— Ровно четверть сотни.

— Добро. Пятизадый, в наш старый кабак их отведи. Скажи кабатчику, чтоб дал им комнаты и накормил. Кому надо, лекаря приведи.

— Оплата? — уточнил их давешний провожатый.

— С медьяками потом разберемся, ты сначала добрым воинам помоги, — ответил было Тром.

— Зачем же? — легат сделал жест ладонью, показывая, что вопрос платы — сущий пустяк, — Заплатим мы сразу, лишь бы никто не грабил и не убивал, пока гостим у вас.

— Пятизадый, везде с ними ходишь, — приказал гигант, — Следишь, чтоб наши никто на них не прыгали, да чтоб они ненароком не попали в чужой район. Возьми ещё кого из ребят, если надо.

— Монеты, что они кабатчику отдадут, сразу забрать, да?

— Какого рожна? — вскинулся сутулый, — На кой ляд тебе эти монеты?

— Дак я, это, Олаф, вам принести сразу хотел. Медный всегда так делал, коли народ к кабатчику от него пришёл, значит, и деньги его, вот я и подумал...

— Медный не шибко умный засранец был, иначе сейчас не гнил бы в земле. Мы не ломаем то, что сами строим. Кабатчик пусть заплатит в конце недели, как положено, а сейчас не смей ничего с него брать, уяснил?

— Как есть, Олаф.

— Иди.

— Кто-ж главный из них? — уже на улице спросил у бандита легат.

— Сам не пойму. Так-то Марк, вроде бы... Да остальные двое перебивают его завсегда, лезут с советами своими, сами за него говорят. Старый наш атаман вмиг бы выпотрошил, что рыбак барабулю, а этот молчит... Про деньги тож не разумею я их...

— Чего это?

— Так ни лавочников, ни кабатчиков не трясут как положено. Задали им раз в неделю дань платить и всё. Другие атаманы — те завсегда найдут, за что сверх обыкновенного монет срубить, а эти и не ищут даже. Кое-кто говорит, слабы характером, да вот не думаю я, что слабые могли и Медного, и Красных, и Косынок одолеть. Ой...

— Что «ой»?

— Кажись, лишнего сболтнул, — от страха провожатый даже остановился посреди улицы, — Не говорите им только, лады? Мне ж теперь головы не сносить.

— Голова мне твоя не нужна, успокойся. И торговцев они не душат потому, что так лавки богаче становятся. Значит, и дань больше будет со временем. Если же драть в десять рук, захиреют лавки и всё. Стало быть, умнее они, чем твой старый атаман.

— Там у них Серый Олаф делами этими всеми насчёт дани занимается, остальные двое редко вмешиваются. Они всё больше бойцов учат, — продолжал разговорчивый бандит, — Да на корабль свой команду ищут. Только никто пока не находится.

— Корабль?

— Угу, в порту стоит. Двухмачтовая посудина, то ли бриг, то ли барк, не помню уж.

— Плыть куда хотят, знаешь?

— Мне не говорили, но ищут упорно, да все отказываются. Видать, жарко там дюже.

— Чего притих, старина? — окликнул легат взводного, до этого не произнесшего ни слова, только глядящего по сторонам и недобро ухмыляющегося.

— Надо бы сказать ребятам, чтоб не шастали тут почём зря. Вор на воре, бандит на бандите.

— С провожатыми ходите, и не тронет вас никто, — ответил Пятизадый.

— Коли мои двадцать пять человек по шлюхиным домам разбредутся, никаких провожатых не хватит.

— Зачем за шлюхами ходить? Горцы скажут — те сами к вам пришкондыбают.

— В приличных городах шлюхи со своей улицы ни ногой, а у вас тут всё вверх тормашками.

— Эт хорошо, что не приличный город у нас...

— Кстати, почему «Пятизадый»?

— Полгода назад, когда вся буча началась, дрался я часто. Пять раз зацепили, и всё в зад. Ну и Тром придумал вот. Он вообще на клички мастак.

Легат отчего-то не сомневался, что кличку придумал именно Тром. Это было в его духе.

За разговорами они дошли до лагеря. Александр видел Сибальта издалека. С искорёженным, неподвижным, страшным лицом он наблюдал за их приближением, потягивая будьон через соломинку. Лицо его теперь вечно выражало укор. И больше всего древнего раздражало, что невозможно было понять, действительно ли он корит всех вокруг, ведь парень не мог говорить.

— Снимаемся! — проорал Байл, — Сегодня у вас будет крыша над головой и хорошая еда.

...

Взвод разместили быстро. Легат заплатил трактирщику, выкупался, надел свежее и вышел во двор, где его ждал тот же самый бандит. Следом вышел Байл, и они двинули через грязную улицу в тот первый дом, где их ждали горцы. Наёмники, что охраняли многочисленные телеги отряда, провожали их завистливыми взглядами — им ещё долго ждать, пока их смена помоеется как следует, поест и, наконец, придёт их менять. Назло им, в

небе собрались тучи, и стал накрапывать мелкий противный дождь, размывая снег вокруг и превращая его в грязь.

Зато в кабаке, где сидели горцы, было жарко, сухо и светло, пахло пивом, потом и жареным мясом, а шлюхи, не в пример своему обыкновению, суетились, разнося гостям еду и напитки.

— Почему куртизанки трудятся, словно они обычные кабацкие девки? — спросил Байл.

— Горцы пришли, вот они и стараются. Говорят, Кривая Эльза их заставляет. Кто этим троим уважения не выказывает, тех она на улицу гонит.

— Интересно, — легат махнул рукой спускающемуся со второго этажа Марку.

Гигант указал на тот же стол, и они уселись. К ним тут же подскочила молодая бабёнка, ожидая, что скажет горец.

— Пусть принесут пива и баранью ногу пожирнее, да разыщи мне Трома с Олафом. Скажи, гости пришли.

Через несколько минут все уже увлечённо отрезали куски от сочной ноги и запивали их пивом.

Когда голод и жажда отступили, легат чуть отодвинул тарелку в сторону и посмотрел на горцев:

— Так что с вами стряслось?

Горцы рассказывали долго — про вторжение, про плавание и кораблекрушение, долгий путь до Детмера — так называлась эта дыра — и в подробностях как им пришлось драться здесь, как гадко поступил здешний атаман, Медный, с тем, кто первым протянул им руку помощи, а Тром расправился потом с этим атаманом, оплатив ему той же монетой.

— Как же ты не испугался его перстов, что верховодят мелкими бандами? — перебил древний лишь раз.

— Это Олаф устроил, — не переставая жевать, ответил Тром, — Он разузнал к тому моменту, что персты не любят Медного и уговорил всех выступить за меня.

Александр поглядел на сутулого Олафа, на его клеймо, что так старательно выжигали раскалённым железом, на бандитский прищур, да и манера говорить наводила на определённые мысли:

— Серое Братство?

— Откуда знаешь? — вор так и вперился в него взглядом.

— Поживи с моё...

Александр тактично не касался вопроса первенства между горцами, но Тром сам затронул эту тему:

— Кстати, вождь теперь Марк. Поединок состоялся на корабле, всё согласно нашим правилам.

— Марку мои поздравления, а тебе, Тром, могу сказать одно — рад, что ты жив-здоров.

Если бывший вождь и почувствовал что-то, он никак этого не показал. Однако, древний ещё раньше заметил, что наглости в поединчике поубавилось, хоть и взор его оставался таким же воинственным, как раньше.

«Значит, этот Марк сражается ещё лучше, — подумал древний, вспоминая, как легко Тром одолел его самого тогда, в горах, — И организовать людей они могут, хоть на город этот посмотри... Возможно, они как раз подойдут».

Легат внимательно выслушал обоих до конца и, в задумчивости глотнув из глиняной кружки, произнёс:

— Но команду вы так и не нашли?

— Эти проклятые трусы и слушать ничего не желают, когда узнают, куда нужно плыть.

За нами готовы пойти только те, кто сражался тут плечом к плечу, но они не моряки. Наша посуда в порту стоит мёртвым грузом и всё больше обрастает тиной да ракушками, — бывший вождь иронично усмехнулся и в отчаянии махнул сальной от бараньего жира рукой.

Вождь нынешний молчал и внимательно следил, куда повернёт диалог легата и Трома.

— Не похоже, что вы особенно сильно унываете на этот счёт.

Тром вытер руки тряпкой, услужливо поданной одной из местных обитательниц, отставил тарелку в сторону и ответил:

— Марк сказал, что-нибудь обязательно подвернётся. Сказал, не вешать носа. У нас в горах принято слушать старших...

— Хоть какой-то план у вас есть?

Тром пожал плечами и махнул из кружки, а легат посмотрел на Марка.

— Думал доплыть до любой приграничной страны, а оттуда уже смотреть, как прорваться.

— А пешком? — уточнил древний.

— Пока мы тут торчим, пешком до нас добирались только охотники и твой караван, так что идея не очень.

— Я могу вас туда провести.

Оба горца сразу насторожились, даже Олаф потерял интерес к снующим туда-сюда куртизанкам и ждал, что скажет легат.

— Как? — не выдержал Тром.

— Мой человек знает пару секретных троп, которые не охраняются. Путь через них тяжёлый, большой отряд там не пройдёт, но вы справитесь.

— Куда ведут эти тропы?

— В Северную Рудню. Говорю сразу — моя помощь обойдётся очень дорого.

— Продадим корабль, — предложил Марк.

— Нет, вам придётся поработать на меня.

— Что нужно делать? — спокойно спросил гигант.

— Убивать. Где я скажу и кого я скажу. Я дам вам людей, оружие, броню, объясню все тонкости. Полгода-год и проведу вас обратно на родину.

Гигант оставался спокоен, в отличие от Трома, который не смог скрыть ликования и, похоже, был готов прямо сейчас согласиться.

— В чём подвох? — спросил Марк, выждав паузу.

— Вы будете нарушать законы чужого государства, ставить засады на их воинов, убивать их.

— Воевать что-ли? Убивать мы умеем, — Тром смотрел жёстко и решительно, лёгкая улыбка тронула его губы, он был готов.

Но Марк всё так же выжидающе глядел на легата. Его огромная голова не двигалась, на бородатом твёрдом лице с квадратной литой челюстью и глубоко посаженными чёрными глазами не дрогнул ни один мускул.

Древний понял, придётся ответить:

— Воевать без объявления войны, исподтишка. Убивать тайно, не показывая лица. Вероломно, бесчестно, беспощадно.

— Что здесь нового? — спросил гигант, — Вы, низинники, обычно так и делаете, судя

по этому городишке.

— Он отказался, — кивнул древний на Байла.

— Почему? — уставился Марк на взводного.

Наёмник развёл руками в стороны:

— Это слишком опасная работа даже для такого битого пса войны, как я. А мне есть, что терять, поверь.

— Хитрец... — задумчиво пробасил Марк, уставившись на деревянные доски стола, — Понял, что нам нечего терять и играет на этом...

— Вы ведь цените прямоту? — легат смочил пересохшее горло глотком пива, — Извольте. Сколько ещё вам тут торчать и ждать непонятно чего? Вы сами так запечатали границы, что кроме меня никто и не знает, как провести вас туда. К тому же, ещё и война. Вы можете годами ждать подходящего случая, а я предлагаю вариант. Тяжёлый, но тот, что работает. Если вас, конечно, не убьют.

— Складно чешешь, — сощурился Серый Олаф, растянув одну сторону рта в презрительной ухмылке.

— У тебя есть вариант лучше? — древний не отводил взгляда, ведь бандиту наверняка нечем крыть.

— Остаться здесь и сделать из этой помойки нормальный город, — ответил Олаф, — Сам я не из того теста, потому как с пелёнок занимаюсь тем, чем тут весь город промышляет. Эти же двое, — он указал на горцев, — Способны построить здесь что-то, кроме ещё одной банды головорезов. У них много горской ерунды засело в головах, но они учатся, и за ними идут люди.

Легат, горцы и старый наёмник — все посмотрели на бандита с большим удивлением. Александр уж точно не ожидал услышать такое от заклеимённого молодчика и последнего жулика.

— Если ты сам додумался до этого, сможешь сам навести тут порядок.

— Кто будет вести людей в бой, когда придёт время? А оно придёт. Кому учить их держать щиты и носить доспехи? Кто покажет, как идти строем? Я знаю только уроки подворотен, да тёмных углов. Всё, что мы тут сделали — сделали вместе, ведь каждый хорош в своём.

Тут легата осенило:

— Со строем, щитами и прочим я постараюсь тебе помочь. Отправь кого-нибудь к нашим, передай, пусть притащат сюда пленника.

За их столом наблюдала женщина с искривлённым плечом. Когда Олаф позвал к себе шлюху, что ошивалась поблизости, и стал шептать ей на ухо, легат успел заметить, с какой завистью искалеченная смотрит на неё. Он готов был на что угодно спорить — эта несчастная не всегда была такой.

— Кривая Эльза, я полагаю? — тихо спросил он у Трома.

— Она самая.

— Кликните её на минуту.

Горец удивился, но просьбу выполнил. Калека подошла к ним.

— Древний хочет с тобой поговорить.

Александр встал из-за стола, посмотрел спереди, сбоку. Кривая ключица виднелась сквозь одежду.

— Покажи плечо.

— На кой тебе моё плечо?

— Не бойся, я просто посмотрю.

Этот разговор был ей неприятен. Она посмотрела на сидящих за столом, Марк кивнул ей, и только тогда пальцы её распустили шнуровку на платье спереди, потом стащили ткань с плеча, обнажая ужасный перелом, давно уже сросшийся и сросшийся очень паршиво.

Она вперилась взглядом в древнего, готовая то ли расплакаться, то ли выцарапать ему глаза, ведь он заставил её обнажить перед всеми своё уродство. Он поглядел ещё немного. Кроме ключицы, похоже, и акромин был слегка надломан...

— Закрывай. Её можно вылечить, — ответил он на все эти вопрошающие взгляды, — Нужно сломать кости, поставить их ровно и дать правильно срастись. Что это было? Дубина?

— Ты сможешь проделать всё это? — вместо ответа спросила Эльза.

— Могу попытаться.

— Попытаться?

— Если получится плохо, кости могут сломаться на мелкие куски, тогда я не смогу собрать всё как надо. Ты останешься такой же, или ещё хуже. Может, вообще умрёшь. Но может и получиться.

— Делай, — калека перестала видеть всех вокруг, для неё существовал только древний.

— Плата какая?

— Чего ты хочешь?

— Этот кабак.

— Да, — сразу же согласилась Эльза, — Зачем он тебе?

— Не весь. Треть его доходов. И треть всего, чем ты владеешь или будешь владеть. Когда-нибудь я появлюсь здесь снова. Или не я, а другой древний. Ты должна будешь откладывать нашу долю и отдать по первому требованию.

— Как я узнаю, что передо мной древний?

— То есть, ты согласна?

— Я готова отдать его весь. Конечно, я согласна на треть.

— По рукам, — легат вытащил из-за пазухи маленький свиток, — У него будет бумага вот с такой печатью.

...

Горцы согласились, как и следовало ожидать. Все согласились на всё. Эльза — на операцию, Олаф — принять к себе дружинника из Вудвинда, а дружинник — остаться. Впрочем, выбор их был небогат, и легат не собирался делать его богаче. В конце концов, Званимир отделался очень легко. Видано ли, вместо могилы стать воеводой после плена.

Александр провёл бессонную ночь после операции — он накачал Эльзу снотворным и ждал, когда она проснётся, чтобы объяснить всё, что следовало. Потом древний спустился вниз заморить червячка и пойти уже спать.

Горцы сидели за тем же столом и активно допрашивали дружинника, а Олаф стоял рядом, внимательно слушая каждое слово.

— Дорога идёт в кручу, после неё поворот за гору, — Тром показал рукой по столу вокруг стоящей кружки, — Справа лес, слева поле. Враг поднимается к тебе. Где встанешь?

— Вот здесь, за горой. Пару человек поставлю, чтоб за лесом следили, вдруг обходить будут и через верх лезть.

— Почему за горой? Враг окажется на ровной земле и сможет отдышаться.

— Если встать накруче, нас могут побить осадными машинами, тогда нам ответить нечем.

— Верно... — согласился горец.

— Тром, это понятно любому десятнику. Давай посложнее, — прервал их гигант.

— Как скажешь, вождь...

Поединщик задумался.

Тогда Марк придвинулся ближе и очертил на столе овал:

— Вы в долине восемь на двенадцать лиг. Враг у её начала, их втрое больше. Как ты поступишь? Куда поставишь дружину?

— Нужно отступать. Уходить из долины и искать лучшее место. Три к одному в поле — это плохо.

— В долине твои холуи с кучей скота и припасов.

— Прогоню, сколько смогу и уйду сам. Остальных пусть жгут или полонят. Избы предам огню, чтоб не оставлять пристанища...

Дружинник задумался, Марк не торопил. Пауза затянулась. Светловолосый поднял вопросительный взгляд на гиганта.

— Говори, чего на уме? — подтолкнул его горец.

— Какая там земля? Болота, канавы, реки, пашни? Сколько изб? Какие горы вокруг? Где леса? Враг пришёл издалека, или это сосед? Что вокруг долины? У меня есть бойцы где-то ещё, или только эти? Откуда мы берём еду? Откуда они берут еду?

— Достаточно, — прервал Марк, — Хорошо. Идём смотреть наших ребят. Интересно, что ты скажешь насчёт них?

Легат не смог это пропустить и вышел во двор следом за горцами. Десятков пять латников стояло строем. В них оставалось ещё бандитского, но они уже напоминали войско. По их лицам древний понял: слух об отъезде горцев уже пошёл.

— Уходите от нас? — раздался голос из строя.

— Уходим, — Тром отыскал глазами говорившего, — Нам нужно вернуться на родину. Олаф остаётся.

— Возьмёте меня с собой?

— Зачем?

— Отплатить вам за то, что вытащили тогда.

— Ты изменился, — сказал поединщик, — Вы все изменились. Год назад вы стремились забирать у должников, а не отдавать, что должны сами. Лучше останься.

— Почему? Я плохой боец?

Чем больше легат слушал Трома, тем больше удивлялся, но горец всё не переставал обнаруживать новые, не видные доселе, черты.

— Ты, да и вы все — первые, кто пошёл за нами. Если разбежитесь, здесь всё станет как было, останется той же никчёмной дырой, где каждый убивает и обкрадывает каждого, как зверь, а в банды собираются лишь для того, чтобы больше убить или ограбить. Измени это.

— Вы уже изменили.

— Мы изменили только этот район и твои мысли, положили начало. Вам продолжать. И вот вам в помощь тот, кто знает толк в доспехах и топорах, кто подскажет, как правильно построиться и где встать, если станет жарко, — горец указал на светловолосого дружинника, — Если когда-нибудь окажусь здесь снова, хочу видеть доброе воинство и порядок, а не жизнь в ожидании ножа в спину.

И легат, и Марк молча слушали со всеми остальными. На лице огромного горца также застыла тень лёгкого удивления.

Тром запнулся, увидев это:

— Поправь меня, вождь, если наговорил чего не того...

— Нечего поправлять. И добавить тоже нечего. Начнём смотреть, Званимиру нужно знать свой лучший отряд.

Они пошли от бойца к бойцу. Дружинник из Вудвинда внимательно осматривал каждого, то и дело задавая вопросы:

— Тебе секира не тяжела?

— В самый раз, у меня рука крепка, — ответил бывший бандит.

— Покажешь потом, как ты с ней управляешься.

— Добро, — согласился с решением Марк.

Они подошли к следующему.

— Кольчуга не тянет тебе? Вот тут подвязана плохо, — начал было дружинник.

— Твоя правда, — ответил за бойца Тром, — Подобрали ему лучшую из тех, что остались, да всё одно — не садится, как надо... Кузнеца бы.

— Что-ж, нет у вас кузнеца?

— Есть, да все не те. Кольчугу править умельцев нету.

— Как же столько оружия вокруг, без кузнеца?

— Торгаши.

— Где-ж умелого взять?

— На кораблях ищем, переманиваем, да пока никак.

— Объявление повесьте, — предложил легат.

— Кого повесить? — не понял Тром.

— Разыщи мне, кто тут рисовать умеет, дальше покажу.

— Есть у нас такая, — улыбнулся Тром, — На полдник приходи, позову.

Александр оставил их и вернулся в кабак. Поймал на себе недобрый взгляд исподлобья: это Серый Олаф сверлил его глазами из угла общей залы. Рядом никто не маячил, и древний решил, что лучше момента для разговора не сыскать. Бандит явно затаил на него злобу, легат хотел попытаться уладит разногласия, а не оставлять очередного врага за спиной — он и так наплодил их достаточно, а сколько ещё предстоит наплодить в Лемэсе?

— Хочешь проткнуть меня взглядом?

— Надо было проткнуть тебя, как только ты здесь появился и списать всё на старые счёты.

— Чем я тебе насолил? Горцы и так хотели уйти, им надо на родину.

— Родина там, где жопа в тепле! Если б не ты, полгода-год, и они осели бы тут.

— Там их люди, застигнутые врасплох неприятелем.

— Здесь теперь тоже их люди.

Лёгкая, еле заметная поволока неуверенности показалась во взгляде матёрого бандита, но древний заметил её и поймал, как рыбу на крючок:

— Ты боишься остаться без них, так ведь?

— Следи за словами, упырь, — излишне агрессивно ответил преступник.

Слова попали в самую сердцевину.

— Ты впервые познал, как можно жить без ваших волчьих порядков благодаря этим двум воинам. В точности как те, кто сейчас выстроился на улице. И, так же как они,

боишься, что всё это развеется, пропадёт, стоит только горцам покинуть этот несчастный город.

— Проклятый же ты человек. Магическим шаром в меня глядел...

— Нет никаких шаров. За триста пятьдесят лет успеваешь узнать людей...

— Не впервые мне видеть, как живут хорошие, добрые люди. Наш капитан — за него стояла вся команда. У них с горцами разный подход, но хотят они одного, — вдруг разбойник стиснул кружку так, что побелели пальцы, — Сейчас всё разваливается. И разваливается из-за тебя. Ты, блядь, доволен?

— Ты на что?

— Я хорош в банде. Верховодить дюжиной, может, быть атаманом, как Медный, или ещё какой кровавый еблан. Здесь нужно другое.

— А знал ты, Олаф, что все страны, какие ни есть, сначала появлялись вот так же, из банд? И первыми королями становились атаманы, такие, как ты. Хочешь порядка — иди к нему.

— Откуда мне знать, что делать? Как правильно, а как нет?

— Разве твой капитан не разъяснил тебе?

— Кроме его слов, во мне живёт и прошлый уклад, да и не всё я помню.

Сомнения. Не так уж плохо для правителя, но не погрязни в них. Если хочешь, могу объяснить, что делать дальше, но горцев я заберу в любом случае, они мне нужны.

— Советчик... Что ты сделал с Кривой Эльзой?

— Всё прошло хорошо. Если она будет делать, что сказано, кривой её точно перестанут называть.

— Клички прилипают сильнее, чем ты думаешь.

— Может быть.

— Я бы убил тебя, но чуйку не обманешь: быстрее умереть самому, чем прирезать древнего.

— Правильное решение. Не буду докучать проповедями, раз мои советы ни к чему, — легат стал подниматься из-за стола.

— Стой. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Эй, там, принесите нам пива кто-нибудь! Да пожрать чего! — крикнул разбойник на весь дом, — Что, по-твоему, мне нужно делать?

Древний на несколько секунд задумался — ведь нужно подобрать такие слова, какие будут понятны этому бандиту.

— Перво-наперво установи правила, единые для всех на твоей территории. Как вы сделали с данью — чтоб каждый понимал, что его ждёт если их соблюдать, и что — если нарушать. Заставь бойцов следить, чтоб эти правила выполняли и сделай наказание неотвратимым для всех.

— Стой. Что, если мои правила будут плохими?

— Собери людей поумнее, кого уважают среди своих. Да не одних бандитов — торговцев, рыбаков, скобарей и прочих. От каждого возьми по человеку и решайте вместе, какие будут правила и какие наказания. Но помни — главное слово всегда за тобой, не то люди могут спорить вечно.

— Складно у тебя выходит. Как, по-твоему, с другими атаманами?

— Выдави их. Медленно, по одному.

— Они объединятся. Тогда неизвестно, кто кого.

— Не войю явно. У тебя почти половина доков в порту. Снизь цены, пусть они будут

всегда ниже остальных. Вскоре капитаны узнают об этом, и к тебе выстроится очередь, а к остальным докам будут причаливать жалкие остатки. Используй деньги, чтоб купить чужих людей, кого возможно. Как увидишь, что атаманы достаточно ослабли — бей. Кто придёт сам проситься к тебе — договаривайся. Но осторожно, люди хитры.

— Сам знаю.

— Слышал, ты тут первый хитрец, всё про всех ведаешь. Это хорошо. Всегда корми свои глаза и уши.

— Если придут из другого королевства, как это было дважды до меня?

— Для захвата? Не спеши воевать. Можешь преклонить колено, если условия будут выгодные, но управление городом не отдавай. Если же плохие — изводите их. И не бойтесь — большое войско в эту глушь не пошлют. Овчинка не стоит выделки. Пока не стоит. Но через пол века — кто знает? Поэтому можешь подумать сам, к какой державе присоединиться. Кантанию не советую, как и пустоши Мешмуллы. Болотные Кантоны — возможно.

— Нет. Это они напали на Марка и Трома.

— Любая война рано или поздно заканчивается, а тебе нужно жить. Подумай, когда они заключат мир.

— Уж лучше стать частью горцев, если на то пошло.

Древний нахмурился:

— Слишком темны, слишком мало знают об остальном мире.

— Тут не поспоришь...

— У них закрытые границы, но вы-то открыты всем ветрам. Вам нужен кто-то другой.

— Сколько забот ты на меня вешаешь...

— Выбор за тобой. Можешь пить, драться и брюхатить девок. Так делают многие князья. Если город и зачахнет, винить тебя можно будет только за бездействие.

— Ты говоришь слишком сложно.

— Хорошо. Последний совет — окружи себя людьми поумнее. Преданными людьми.

— Как я узнаю, что они таковы?

— Как ты узнал о мыслях всех этих лихих ребят после убийства Йона? Примерно таким же способом, — древний поднялся из-за стола, чтобы глянуть Эльзу, оставив Олафа в раздумьях.

Она сидела возле окна и смотрела на строй латников внизу. Левая рука её покоилась на перевязи, плечо выпрямилось, но осанка выдавала непривычку, неестественность и неловкость.

— Болит? — указал он на плечо.

— Ещё как — крутит, ноет, колет. Как раньше, перед штормом, только в десять раз сильнее.

— Ничего. Делай, что я сказал, дай костям ровно срастись и помни — с каждым днём будет легче и однажды боль уйдёт совсем, лишь будет напоминать о себе перед штормами.

— Почему ты помог мне?

— Деньги.

— Не ври.

— Давай будем считать, что всему причиной — деньги. И никогда не обкрадывай древних.

— Мой долг останется моим детям?

— Да.

— Если они у меня будут... Придётся им держать моё слово.

— Всему твоему роду.

— Прекрати нагонять тоску, мне повезло. Это во сто крат лучше, чем умереть посудомойкой на кухне. Сначала они, — женщина кивнула на горцев, — Потом ты. Неужто добрые боги заметили нашу помойку?

— Нет никаких богов.

— А вы, древние? Трое ведь были древними?

— Может, и так, я не застал то время.

— Тебе нужно что-то в дорогу?

— Я всё уже купил, но спасибо за заботу. Нечасто люди предлагают мне помощь. Хорошо, что ты есть, Олафу нужны верные люди вокруг.

— Что я могу?

— Помочь советом.

— Бывшей шлюхи и посудомойки?

— Здесь все шлюхи, посудомойки и бандиты. Ты не хуже других. Учитесь думать вместе. То, чего не видит он, должна увидеть ты. Что недоступно его уму ты должна понять.

— Говорят, наш врач знает грамоту и науку.

— Так учись у него. Вы можете строить, а не просто высасывать соки из города. Будь для остальных людей тем, кем горцы были для тебя. Ладно, всё это слишком походит на занудство старого брюзги. Прощай. Может, когда-нибудь свидимся.

...

Караван месил грязь узких улочек Детмера. Казалось, все люди повылазили из лачуг и домов поглазеть на то, как уезжают горцы.

Молодая девка — то ли просто торговка, то ли шлюха, хотя в этом городе она могла быть и тем и тем, подбежала к Трому и надела ему на голову венок из высушенных цветов:

— Прощай, герой штормов!

Мастер меча дёрнулся, как бывает, когда приснился кошмар, и уставился на неё. Девушка помахала ему рукой на прощание.

Тром, Олаф и Александр уселись на одной телеге, и легат смотрел, как колесо то и дело тонет в лужах, норовя обрызгать всех, кто шагает рядом.

— Как она узнала? — наконец, сказал Тром.

— Может, я проболтался, — ответил Серый Олаф.

Легат заметил, что горец сразу осунулся, только услышал это прозвище.

Люди провожали их, как умели — просто молча смотрели вслед уезжающему каравану, и в их глазах читалась смесь сожаления, страха за будущее и надежды, что с уходом горцев Детмер не обрушится в пучину насилия и разврата, а продолжит укреплять такой хрупкий пока, но такой желанный порядок.

Больше книг на сайте - Knigoed.net